

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА







**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume twenty one

**THE LONG WAY
HOME**

**THE CORRIDORS
OF TIME**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том двадцать первый

**ДОЛГИЙ ПУТЬ
ДОМОЙ**

**КОРИДОРЫ
ВРЕМЕНИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Пола Андерсона. Т. 21 / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 383 с.

Очередной том собрания сочинений составили два фантастико-приключенческих романа — «Долгий путь домой» и «Коридоры времени», — герои которых оказываются вовлечены в схватки, разыгрывающиеся на просторах пространства и времени, где ставкой служит судьба.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Long Way Home
Copyright © 1955 by Poul Anderson

The Corridors of Time
Copyright © 1965 by Poul Anderson

Коридоры времени
© А. Соловьев, *перевод*, 1992

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-344-0

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам

29 разных купонов (по одному из каждого тома)

получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет

в адрес издательства 29 призовых купонов,

мы гарантируем получение по почте бесплатно

последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика LV-1039 Рига, а/я 22



«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

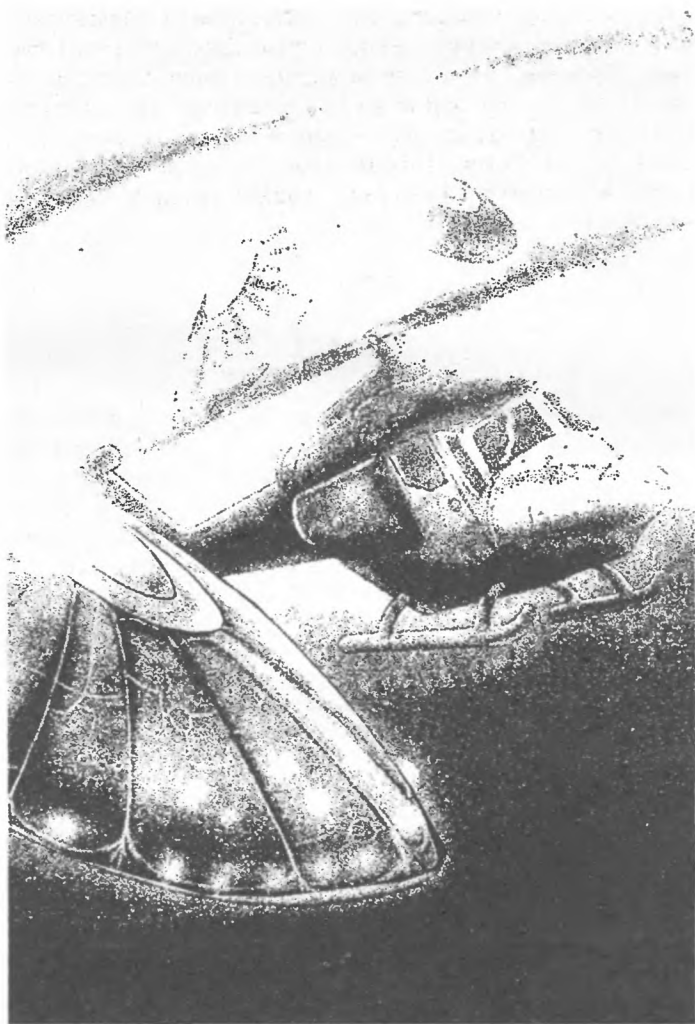
От издательства

В очередной том собрания сочинений Пола Андерсона вошли два романа, относящихся к раннему периоду его творчества, — «Долгий путь домой» (1955) и «Коридоры времени» (1965). Хотя в первом из них действие происходит в далеком будущем на просторах космоса, а во втором — в изменчивом времени, не только в будущем, но и в прошлом, оба романа имеют много общего. Герои обоих — изгнанники из своего времени и среды, хотя если Малькольм Локридж из «Коридоров времени» добровольно идет на сотрудничество с загаточной Сторм Дарроуэй, то команда звездолетчиков из «Долгого пути домой» попадает в будущее случайно. И в обеих книгах от действий героев зависит сам ход истории — будь то записанной в учебниках или только грядущей.

Сюжет «Долгого пути домой» закручен вокруг удивительных способностей инопланетянина Сариса Хронны, прибывшего на Землю вместе с экипажем «Эксплорера». Хронна способен манипулировать электрическими токами — открыть запертую дверь или лишить заряда бластер для него не проблема. Но подобная способность не может не привлечь внимания трех конфликтующих сторон, борющихся за влияние и власть в галактических окрестностях Солнца, — Технона, правящего на Земле, Лиги альфы Центавра и Торгового Сообщества таукитян. И начинается охота, еще более усложненная тем обстоятельством, что на самом деле шпионский треугольник имеет четыре стороны...

А в «Коридорах времени» ключом к развитию сюжета служат сами «коридоры» — туннели, по которым можно пройти из прошлого в будущее и обратно. Кое-где эти туннели открываются на поверхность Земли. За власть над прошлым, над всей историей человечества сражаются две противоборствующие группировки — Хранители и Патруль. Они не способны изменить основное направление событий, но любая мелочь способна дать решающее

преимущество в грядущей финальной схватке. Малькольм Локридж вместе с Хранительницей Сторм Дарроуэй отправляется в Данию бронзового века, где на мирное селение Авильдаро надвигается с востока век железный — индоевропейцы, захватчики Европы, чью культуру археологи двадцатого века не случайно назовут культурой Боевого Топора. Но все не так просто, как кажется Локриджу поначалу, и цели его спасительницы Сторм вовсе не так чисты...



ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Глава 1

Космический корабль вспышкой света вышел из подпространства и завис в сияющей звездами тьме. На мгновение наступила тишина, затем прозвучало:

— Где же Солнце?

Эдвард Лангли развернул пилотское кресло. В рубке было очень тихо, только что-то нашептывали вентиляторы, и он слышал неестественно громкий стук собственного сердца. Воздух был жарким, на теле выступили капельки пота.

— Я... не знаю, — наконец вымолвил он.

Слова тяжело упали в пустоту. Экраны на панели управления давали панорамный обзор всего неба, он увидел Андромеду, Южный Крест и огромное расплывшееся световое пятно Ориона, но в этой прозрачной тьме нигде не было того ослепительного блеска, который он ожидал увидеть.

Невесомость походила на бесконечное падение.

— Все в порядке, в общем мы в нужном районе, — через минуту продолжил он. — Созвездия как будто те же самые. Но... — Голос его затих.

Четыре пары глаз жадно обыскивали экраны.

— Вон там... в созвездии Льва... — проговорил Мацумото, — ...самая яркая из видимых звезд. Нашли?

Они уставились на яркую желтую искорку.

— Цвет, по-моему, тот, — сказал Блаустайн. — Но она жутко далеко.

После еще одной паузы он нетерпеливо хмыкнул и склонился в кресле над спектро스코пом. Тщательно сфокусировав его на звезду, он вставил пластинку с солнечным спектром и нажал кнопку компаратора. Не вспыхнуло ни одного красного огонька.

— Одинаково, вплоть до линии Фраунгофера, — объявил он. — Та же интенсивность каждой линии в пределах нескольких квантов. Это либо Солнце, либо его близнец.

— Но как далеко? — прошептал Мацумото.

Блаустайн настроил фотоэлектрический анализатор и глянул на шкалу, его пальцы скользнули по счетной линейке.

— Около трети светового года, — сказал он, — не слишком и далеко.

— Более чем слишком, — буркнул Мацумото. — Нос корабля должен был высунуться в одной а. е.* от Солнца. Только не говорите мне, что опять барахлит двигатель.

— Похоже на то, не так ли? — пробормотал Лангли. Его руки потянулись к пульту управления. — Попробовать прыгнуть поближе?

— Нет, — сказал Мацумото. — Если навигационная ошибка столь велика, то еще один прыжок — и мы окажемся внутри Солнца.

— Что будет почти равнозначно посадке в преисподней или Техасе, — улыбнулся Лангли, хотя внутри у него все тревожно сжалось. — О'кей, мальчики, в любом случае отправляйтесь и начинайте капитальный осмотр этого драндулета. Чем скорее найдете неисправность, тем раньше мы попадем домой.

Дружно кивнув, они отстегнули ремни и выбрались из рубки пилота.

Лангли вздохнул.

— Нам ничего не остается, как только ждать, Сарис, — сказал он.

Холатанин не ответил. Он никогда не говорил без особой нужды. Его крупное, покрытое лоснящейся шерстью тело оставалось неподвижным на импровизированном противоперегрузочном ложе, но взгляд был внимательным. От тела холатанина исходил легкий запах, который странно напоминал о теплой залитой солнцем траве, раскинувшейся от горизонта до горизонта. В этом тесном металлическом гробу ему, казалось, было не место — он принадлежал миру с открытым небом и стремительными водами.

Мысли Лангли блуждали далеко. Третий светового года — не так уж и много... *«Я вернусь к тебе, Пегги, непременно вернусь, даже если придется весь оставшийся путь проползти на животе».*

* Астрономическая единица — среднее расстояние от Земли до Солнца (149,6 млн км). (Здесь и далее примеч. пер.)

Переключив корабль в автоматический режим на тот маловероятный случай, если вдруг появится метеорит, Лангли высвободился из кресла.

— Пожалуй, долго они не провозятся, — сказал он. — Разобрав эту кучу хлама, они якобы внесут неоценимый вклад в науку. Ну а пока сыграем в шахматешки?

В команде «Эксплорера» Сарис Хронна и Роберт Мацумото были завзятыми шахматистами. Они часами высиживали, сгорбившись над доской, являя собой странную картину: человек, чьи предки, покинув Японию, приехали в Америку, и существо с расположенной за тысячи световых лет планеты, угодившее в силки, расставленные тысячелетия назад каким-то давно почившим в бозе персом. Глядя на них, Лангли начинал ощущать, сколь необъятно пространство и всеильно время, он ощущал это даже больше, чем когда пересекал зияющую пустоту между вращающимися во тьме и вакууме солнцами и планетами.

— Нет, с-спас-сибо. — В пасти, которая не предназначалась для артикуляции, мелькнули белые клыки. — Я лучше обдумаю это новое неожиданное рас-свечение с-событий.

Лангли пожал плечами. Даже после недель, проведенных вместе, он так и не привык к облику холатанина. С виду — хищник, крадущийся по лесному следу с раздувающимися ноздрями, или часами неподвижный зверь с мечтательным взором и непостижимой психикой. Правда, теперь он поражал его уже в меньшей степени.

— Ладно, сынок, — сказал Лангли. — Тогда займусь бортжурналом.

Оттолкнувшись ногой от стены, он вылетел через дверной проем в узкий холл. В конце его Лангли привычно притормозил, отработанным движением развернулся вокруг стойки и оказался в крошечной комнатухе, где ловко обхватил ногами легкий стул, привинченный прямо перед столом.

Бортжурнал лежал открытым, его удерживало магнитное поле тонкой металлической обложки. С нарочитым безразличием, стараясь подавить собственное нетерпение, он стал перелистывать страницы.

На титульном листе значилось:

Департамент астронавтики Соединенных Штатов

«Эксплорер»

Экспериментальный полет

Старт 25 июня 2047 года

Основное полетное задание: усовершенствование гипердвигателя.

Попутная задача: сбор информации о других звездах и их гипотетических планетах.

Экипаж:

Капитан и пилот: Эдвард Лангли. 32 года, домашний адрес: Ларами, штат Вайоминг; закончил академию Годдарда, имеет звание капитана Астрослужбы, летает в космосе с юношеских лет. В качестве пилота участвовал во многих исследовательских экспедициях, в том числе в меркурианской. За героизм, проявленный при спасении к/к «Арес», награжден медалью «За заслуги».

(«Черт возьми, кто-то же должен был это сделать? Знали бы они только, как я тогда перепугался...»)

Инженер по электронике: Роберт Мацумото. 26 лет, домашний адрес: Гонолулу, штат Гавайи; бывший космодесантник, в настоящее время лейтенант Астрослужбы. Работал на Луне, Марсе, Венере; изобретатель усовершенствованного топливного впрыскивателя и восстановителя кислорода.

Физик: Джеймс Блаустайн. 27 лет, домашний адрес: Рочестер, штат Нью-Йорк; гражданский. Работал на Луне для Комиссии по атомной энергии. Политически активен. Значительный вклад в области теоретической физики, создатель нескольких экспериментальных установок для проверки теоретических положений.

Биолог: Томас Форелли...

«Что ж, Том мертв, — подумал с грустью Лангли. — Он умер на той неизвестной планете, которую мы сочли безопасной; и никто не знает отчего — болезнь ли это была, острая аллергия или какая-то из тысячи других опасностей, которые могла приготовить за миллиард лет для земных существ чужая эволюция. Мы похоронили его там же, препоручив его душу Богу, который казался каким-то очень далеким и от этого зеленого неба, и от красной говорящей травы, и отправились дальше. Будет тяжело сообщать его близким».

Лангли невольно поднял взгляд на фотографию над столом. Рыжеволосая девушка улыбалась ему сквозь туман времени и пространства. «Пегги, дорогая, — подумал он, — я возвращаюсь к тебе».

Должно быть, истосковалась, бедная девочка, и хотя она ничего не станет говорить, наверняка были и пустота долгих ночей, и неразделенная тревога за их ребенка — ребенка, которого он никогда не видел. Космонавт не имеет права

жениться. Еще меньше было права у него отправляться за пределы Солнечной системы на этом чертовом помеле, с двигателем, которого по-настоящему никто толком не знал. Но когда Лангли получил предложение, она увидела неутолимый голод в его глазах и сказала, чтобы он летел. С ребенком под сердцем, неуверенная в себе, она все же одарила его звездами, а себя обрекла на одиночество.

*Да кто же это сотворил,
Сподобил короля
Послать нас всех в сезон штормов
Скитаться по морям?*

«Никто, кроме тебя самого», — подумал он.

Ладно, этот раз будет последним. Он становится слишком стар для такой работы, незаметно поубавились и прыть, и сила, да и сумма зарплат и премий набежала изрядная. Он вернется домой — невероятно, он снова будет дома! — они поселятся на ранчо и станут разводить чистокровных лошадей. А по ночам он будет смотреть вверх, как кружатся созвездия, курить трубку и дружелюбно перемигиваться с Арктуром.

Его сыну будут доступны не только стерильная Луна, безжизненный Марс и эта чертова источающая яд дыра, по иронии судьбы названная Венерой, но все тайны, все величие Галактики от конца до конца.

Лангли пролистал боржурнал. Собственно, журналом он был наполовину, остальная часть, страница за страницей, была заполнена данными: поведение двигателя, расположение звезд, планет, параметры их орбит, масса, температура, состав атмосферы — Вселенная, сжатая в горстку нескольких цифр. Каким-то образом их сухость приободрила его, свела окружающий холодный мрак к чему-то понятному и осязаемому.

Лангли набил трубку крупинками, еще остававшимися в кисете. Процесс прикуривания в невесомости, да и само курение требовали определенной сноровки. Слава Богу, при постройке корабль оборудовали всем, чем только можно и чего достигла наука; на большинстве космолетов курить было запрещено — слишком дорог кислород. Но инструкторы понимали, что «Эксплорер» отправляется к неизведанным берегам. И хотя он был невелик по размерам, у него были двигатели и топливные баки крейсера; он мог сам осуществить непосредственную посадку на любую планету с массой, не превышающей земную, маневрировать в атмосфере, годами

обеспечивать экипаж всем необходимым, проводить анализы любых мыслимых параметров окружающей среды. Одно создание чертежей корабля заняло шесть лет и стоило сотню миллионов долларов.

Его мысли переключились на историю космоплавания. Она была не очень долгой. Большинство инженеров вообще сомневались в том, что космические полеты приобретут важное значение. Орбитальные станции были полезными, базы на Луне имели военное значение; что касается остальной части Солнечной системы, то это была враждебная пустыня, представляющая интерес разве что с точки зрения науки и горючих ископаемых. А потом физические журналы принесли сообщение из Парижа.

Ле Февр всего лишь исследовал электронно-волновые дифракционные картины, чтобы проверить определенные аспекты новой теории единого поля. Но при этом он использовал весьма оригинальные лабораторные разработки, включая гироманнитные приборы, и полученные результаты — смазанные темные кольца и расплывчатые пятна на фотопластинке, ничего особенно захватывающего, — оказались полной неожиданностью. Единственное толкование, которое он смог им дать, — что электронный луч прошел из одной точки в другую мгновенно, не пересекая разделяющее их пространство.

В Калифорнии с помощью больших ускорителей мощный электронный луч перенес грамм материи и подтвердил данные. В Керенскограде теоретик Иванов, впечатленный результатом, дал объяснение, которое состыковывалось с наблюдаемыми фактами: континуум не четырехмерен, существует не менее восьми ортогональных направлений — модификация старой корпускулярно-волновой гипотезы о том, что вместе с нашей Вселенной сосуществует еще одна. Материя переместилась через это «гиперпространство»; что касается нашей Вселенной, в ней это произошло моментально.

Моментально! Это значило, что до звезд и их неисчислимых планет можно добраться в мгновение ока!

Десять лет исследований, и капсула, напичканная приборами, совершила прыжок с земной орбитальной станции почти на орбиту Плутона. Когда ее отыскиали по радиомаяку, приборы свидетельствовали, что время перехода равно нулю и что для живых организмов на борту он безвреден. Была лишь одна незадача — капсула объявилась за несколько миллионов миль от предполагаемой точки выхода. Повторные эксперименты подтвердили большую величину навигационных ошибок, ко-

которые бы безнадежно и опасно возросли при прыжках на световые годы.

Иванов и инженеры пришли к согласию, что все это происходит исключительно благодаря принципу неопределенности Гейзенберга, чьи последствия многожды приумножались из-за особенностей определенных электронных цепей. Это была чисто инженерная проблема: улучшать схемы до тех пор, пока корабль не станет появляться почти там, где нужно.

Но подобная работа требовала простора, дабы в результате ошибки корабль не занесло на поверхность планеты или, что было бы еще хуже, под нее. Кроме того, чтобы произвести соответствующие изменения в схемах, необходимо было накопить значительное количество статистических данных. Очевидным решением задачи было запустить корабль-лабораторию с командой специалистов, которые внесли бы усовершенствования, проверили их во время длинного прыжка и продолжали бы дальше в том же духе. Осуществить это, как известно, должен был межпланетный корабль Соединенных Штатов «Эксплорер».

Лангли прошелся по записям за последний год — беспорядочные скачки от звезды к звезде, ругань и пот среди неразберихи проводов и силовых цепей, голубое пламя сварки над поверхностью металла, измерительные приборы, бегунки электронных переключателей — неторопливая, упорная битва за победу. Чисто эмпирические замены одних систем другими — каждый раз немного лучшими, и, наконец, обратный прыжок с Холата в сторону Земли. Именно мыслители Холата с их отличным от человеческого разумом, взглянув на проблему под несколько другим углом, предложили окончательные, жизненно важные усовершенствования; и теперь «Эксплорер» возвращался домой, чтобы подарить человечеству Вселенную.

Мысленно Лангли вновь блуждал среди миров, которые повидал, удивительных и прекрасных, жестоких и смертоносных, чей вид неизменно заставлял сердце биться чаще. Он перевернул последнюю заполненную страницу, снял с ручки колпачок и записал:

19 июля 2048 года, 16.30 по бортовому времени. Вышли приблизительно в 0,3 светового года от Солнца; ошибка, предположительно, из-за непредвиденных осложнений с двигателем. В настоящее время пытаемся внести соответствующие поправки. Местонахождение.

Он выругался по поводу собственной забывчивости и вернулся в пилотскую рубку, чтобы снять показания приборов о расположении звезд.

Длинное худое тело Блаустайна скрючилось посреди рубки, куда он залетел по окончании работ; его изможденное, с острыми чертами лицо было перемазано маслом, волосы растрепались больше обычного.

— Ничего не нашли, — доложил он. — Проверяли, как только можно, — от мостиков Уитстона до компьютерных тестов, вскрыли гироманнитную ячейку. Похоже, все в порядке. Хочешь, мы разделаем всего зверя?

Лангли оценил ситуацию.

— Нет, — в конце концов сказал он. — Сначала попробуем еще раз.

В рубке появилась крупная коренастая фигура Мацумото. Он улыбнулся сквозь свою извечную жевательную резинку и изрек с видом знатока:

— Наверно, у него просто расстройство желудка. Чем сложнее становятся монтажные схемы, тем больше начинает казаться, будто у двигателя есть собственные мозги.

— Ага, — откликнулся Лангли. — Блестящий ум, который только тем и занят, что досаждаёт своим создателям.

Теперь он знал собственные координаты; эфемериды* дали местонахождение Земли, и он настроил приборы управления гипердвигателем таким образом, чтобы оказаться возле планеты на расстоянии не ближе величины сохранившейся ошибки.

Никаких ощущений, когда он перебросил главный тумблер, у них не возникло. Да и откуда им взяться, если все происходит мгновенно? Но неожиданно искорка Солнца превратилась в слепящий диск, который стал тускло-фиолетовым, когда включились поляризационные фильтры экрана.

— Ого-го! — заголосил Мацумото. — Гонолулу, вот я и здесь!

По спине Лангли пробежал холодок.

— Нет, — сказал он.

— А?

— Взгляни на солнечный диск. Он недостаточно велик. Мы должны бы находиться в одной а. е. от него; на самом же деле расстояние около одной целой и трех десятых.

— Да будь я... — начал Мацумото.

Губы Блаустайна нервно подрагивали.

* Таблицы положений небесных тел.

— Не так уж и плохо, — сказал он. — Отсюда уже можно добраться и на ракетах.

— Но не так уж и хорошо, — возразил Лангли. — Мы снизили... мы считали, что снизили ошибку в вычислении точки выхода до величины, не превышающей один процент. Проверяли это внутри солнечной системы Холата. Почему же у нас не выходит то же самое внутри нашей собственной?

— Интересно... — Дерзкое лицо Мацумото стало задумчивым. — Может, мы приближаемся к цели асимптотически?

От такого предположения кидало в дрожь — пробираться через бесконечность, каждый раз выходить все ближе и ближе к Земле, но так никогда и не достигнуть ее! Лангли отбросил эту мысль и занялся приборами, пытаясь определиться в пространстве.

Они находились в плоскости эклиптики, и, прочесав телескопом зодиакальные созвездия, он быстро нашел Юпитер. Таблицы говорили, что Марс должен быть там-то, а Венера — там-то... Ни той ни другой планеты на месте не оказалось.

Некоторое время Лангли мучил свои приборы, затем озабоченно огляделся.

— Расположение планет странное, — сказал он. — Я думаю, что засек Марс, но... он зеленый.

— Ты что, пьян? — спросил Блаустайн.

— Это счастье обошло меня стороной, — ответил Лангли. — Взгляни сам. Диск явно планетарный, а судя по расстоянию от Солнца и направлению, он находится на орбите Марса. Только вот не красный, а зеленый.

Все сидели очень тихо.

— Какие-нибудь соображения, Сарис? — тихо спросил Блаустайн.

— Я с-сказать с-скорее нет. — Утробный голос был совершенно бесстрастным, но блеск в глазах означал работу мысли.

— Ну и черт с ним! — Исполненным отчаяния движением Лангли уменьшил орбиту корабля еще на четверть. Солнечный диск метнулся через экраны.

— Земля! — прошептал Блаустайн. — Ее я узнаю где угодно...

Сверкающая голубизной планета висела в ночи вместе со своим спутником, похожим на каплю холодного золота. На глаза Лангли навернулись слезы.

Он снова склонился над приборами, определяя местонахождение корабля. До цели все еще было пол астрономической единицы. Как соблазнительно забыть о гипердвигателях и рвануть домой на ракетах, но так выйдет дольше, а ведь

Пегги ждет. Он установил приборы на выход в пяти тысячах милях от цели.

Скачок!

— Гораздо ближе, чем раньше, — произнес Мацумото, — но еще недостаточно.

На мгновение Лангли охватила жуткая злость на глупую машину. Но он подавил раздражение и занялся приборами. Около сорока пяти тысяч миль. Еще серия вычислений — на этот раз самых тщательных, — чтобы выйти на орбиту планеты. Когда стрелки часов достигли расчетного времени, он перебрал тумблер.

— Мы это сделали!

Вот он завис — опоясанный облаками гигантский щит с геральдическими эмблемами материков, блеском единственной звезды, отражающейся на поверхности изогнутых океанов. Когда Лангли считывал показания радаров, его пальцы дрожали. На этот раз ошибка была пренебрежимо мала.

Вспенилось ракетное пламя, их прижало к креслам, корабль направлялся вперед.

«Пегги, Пегги, Пегги», — пело у него внутри.

Интересно, мальчик или девочка? Он помнил, словно это было вчера, как они пытались подобрать имя будущему малышу, — уж они-то не собирались затягивать решение, чтобы не быть застигнутыми врасплох, когда придет время заполнять метрику.

Они вошли в атмосферу — слишком нетерпеливые, чтобы беспокоиться об экономии горючего и идти по тормозному эллипсу, — зависнув на хвосте из пламени. Корабль вокруг них грохотал и ревел.

Теперь они начали скольжение к месту посадки по вытянутой спирали, охватывающей половину земного шара. Снаружи доносился свист рассекаемого воздуха.

Лангли был слишком занят пилотированием, чтобы глядеть по сторонам, но Блаустайн, Мацумото и даже Сарис Хронна не отрывались от экранов. Именно холатанин первым нарушил молчание:

— Вот это, что много ес-сть, вы говор-рили гор-род Нью-Йорк?

— Нет, пожалуй... мы над Ближним Востоком. — Блаустайн смотрел вниз на укутанную ночью поверхность и скопление мерцающих огоньков. — Только вот какой же тогда?

— Что-то не припомню в этом районе города, который можно увидеть с такой высоты без телескопа, — сказал Ма-

цумото. — Анкара? Должно быть, сегодняшняя ночь необычайно ясная.

Минуты бежали одна за другой.

— Вот Альпы, — сказал Блаустайн. — Видишь, лунный свет на вершинах? Только, Боб, я чертовски хорошо знаю: здесь нет ни одного города таких размеров!

— Почти такой же большой, как Чикаго... — Мацумото запнулся. Когда он заговорил снова, его голос был странным и напряженным:

— Джим, ты хорошо разглядел Землю, когда мы вышли из подпространства?

— Более-менее. А что?

— Хм? Что-то... что-то...

— Ну вспомни-ка сам. Мы были слишком возбуждены, чтобы рассмотреть детали, но... Северную Америку я видел так же ясно, как сейчас вижу тебя, а... я же должен был видеть полярную шапку, из космоса я смотрел на нее миллион раз, только теперь там одни темные пятна... несколько островов, снега нет вообще...

Тишина. Заплетающимся языком Блаустайн произнес:

— Попробуй радио.

Они пересекли Европу и направились через Атлантику, все еще продолжая уменьшать скорость, из-за которой в рубке начинало припекать. То там, то здесь над безбрежными водами вспыхивали все новые похожие на алмазы огоньки — парящие города, в которых никто из них никогда не бывал.

Мацумото медленно вращал ручки настройки радиоприемника. Из него посыпались слова — тарабарщина, которая вообще не имела смысла.

— Какого черта? — пробурчал японец. — Что это за язык?

— Не европейский, это я гарантирую, — ответил Блаустайн. — Даже не русский — тот бы я отличил, — восточный?

— Не японский и не китайский. Попробую на другой волне.

Корабль косо скользил над Северной Америкой вместе с восходом. Они видели, как скрылась береговая линия. Лангли то и дело манипулировал гироскопами и ракетами, управляя кораблем. Во рту он чувствовал горький привкус.

На всех частотах трещала незнакомая речь. Внизу под ними зеленела земля, леса и поля набегали нескончаемой чередой. Но куда же подевались города, поселки и фермы, где дороги, куда подевался мир?

Лангли попытался отыскать космодром в Нью-Мексико — свой порт приписки — без наземных ориентиров. Они находились все еще высоко, и перед ним сквозь плывущие облака

проступала широкая общая панорама. Он увидел Миссисипи, затем вдалеке вроде бы узнал реку Платт и механически сориентировался.

Внизу скользнул город; чтобы разглядеть детали, было слишком далеко, но ему он был абсолютно незнаком. Пустыня Нью-Мексико стала зеленой, и, похоже, ее прорезали ирригационные каналы.

— Что случилось? — спросил Блаустайн так, как будто получил под дых. — Что случилось?

Что-то появилось в поле видимости. Длинное черное сигарообразное тело с невероятной легкостью уравнило скорость рядом с ними. Никаких признаков двигателей, ракет, пропеллеров — вообще чего-либо не было. В три раза длиннее «Эксплорера», оно спикировало ближе, и тут Лангли увидел плоские орудийные башни.

Быстро мелькнули дикие мысли о вторжении из космоса, чудовищах со звезд, захвативших и переделавших Землю за год их отсутствия. Но тут перед носом корабля ярко-голубым ослепительным пламенем вспыхнул взрыв, и Лангли вздрогнул от толчка.

— Они дали предупредительный выстрел, — вымолвил он безжизненным голосом. — Нам лучше приземлиться.

Под ними раскинулся комплекс зданий и площадок, построенных, похоже, из бетона. Над комплексом кружили черные флаеры, а вокруг него возвышались стены. Лангли изменил курс «Эксплорера» и направил его к поверхности.

Когда он отключил ракеты, наступила звенящая тишина. Лангли отстегнулся и поднялся из кресла. Он был высок ростом и, когда он распрямился, весь стал каким-то серо-стальным: серебристо-серая форма, серые глаза, черные волосы, изрядно припорошенные сединой, удлинненное лицо с крючковатым носом, обгоревшее до блестящей черноты под лучами чужих солнц. И когда он заговорил, его голос тоже был стальным:

— Пойдемте. Мы должны выйти и посмотреть, чего они хотят.

Глава 2

Лорд Браннох ду Кромбар, трехзвездный адмирал космофлота, высокородный дворянин Тора, посол Лиги альфа Центавра в Технате Солнечной системы был отнюдь не похож на сановника из цивилизованного мира. Это был гигант шести с половиной футов росту, неимоверная ширина плеч делала его

фигуру почти квадратной; соломенные волосы были забраны в конский хвост ториянского военачальника и ниспадали на мощную спину; в ушах сверкали серьги, украшенные драгоценными камнями, горло обхватывал обруч с алмазами. Из-под зарослей косматых бровей лучились веселым голубые глаза, крупные черты простоватого лица со следами старых шрамов покрывал загар. Долгополую пижамную куртку центаврийского фасона дополняли разноцветные штаны. Его необъятные тела, казалось, целиком заполняли апартаменты, которые изобиловали кричаще-яркими росписями и охотничьими трофеями, вряд ли здесь нашлось место хотя бы одному книжному микрофильму. Их хозяин был также известен как спортсмен, охотник, дуэлянт, неутомимый любовник, бражник и непревзойденный знаток притонов на дюжине планет.

Все это в достаточной мере соответствовало его натуре, но в то же время служило камуфляжем одному из проникательнейших умов в изведанной Вселенной.

Кто-то мог бы обратить внимание, что, выйдя передохнуть на балкон, лорд держит в руке бокал с напитком из лучших винных погребов Венеры, а не с низкосортным пойлом с родной планеты и что смакует он его как истинный знаток. Но, кроме четырех чудовищ в резервуаре, обращать внимание на него сейчас было некому, а тем было все равно.

На фоне безмятежного неба над его головой утренние лучи солнца позолотили изящные шпили и ажурные мосты Лоры. Согласно своему рангу, он жил на самых верхних уровнях города, чей шепот доносился отдаленной песней машин, которые были сердцем города, его мозгом, нервами и мускулами. Куда бы он ни кинул взгляд, везде глаз ласкала удивительная гармония металла и яркого пластика, и лишь в одном месте город словно утес обрывался на четыре тысячи футов вниз к окружающим его паркам. Немногочисленные фигуры людей на балюстрадах и в переходах казались муравьями и были почти невидимы. Прокатился бытовой робот, которому поручили какую-то работу, слишком сложную для человека-раба.

Браннох ощущал покой и умиротворение. Дела шли хорошо. Источники информации работали скрытно и эффективно — многое из того, что будет ценно в случае войны с Солнечной системой, он уже знал. На охоте в африканском заповеднике, принадлежащем министру Тенераку, он застрелил дракона; крупно выиграл во время недавнего визита в «Луна-казино»; несколько дней назад прикупил весьма пикантную девушку; письма с последнего почтового звездолета с Центавра сообщали,

что в принадлежащих ему угодьях на планете Фрейя собран обильный урожай, и хотя новости были четырехлетней давности — все равно приятно. Жизнь могла быть и хуже.

Его размышления прервал как бы извиняющийся звонок робофона. Слишком ленивый, чтобы встать со стула, Браннох подвинулся вместе с ним к аппарату. Звонил кто-то, кому был известен его особый неофициальный номер, но таких людей хватало. Он нажал кнопку, и на него взглянуло незнакомое лицо. Человек поклонился, прикрыв глаза в формальном приветствии, и почтительно произнес:

— Милорд, я прошу вас об аудиенции.

— Сейчас?

— В 6-6-ближайшее время, милорд, к-когда вам будет удобней. — Если бы секретная линия прослушивалась, а Браннох отлично знал, что так оно и есть, то это заикание вполне сошло бы за обычное волнение мелкой сошки в присутствии августейшей особы. На самом же деле набор повторяющихся согласных служил паролем. Это был Варис т'у Хейм — второстепенный министр и офицер военно-технической разведки Техната, одетый в гражданское платье и с имитирующей маской на лице. Он никогда бы не решился на личный контакт, если бы не дело первостепенной важности. Браннох подверг просителя обычной процедуре, справившись об имени и вопросе, по которому тот обращается, разрешил ему прийти и отключил линию. И только тогда позволил себе нахмуриться.

Поднявшись со стула, он тщательно проверил скрытые роботоружья и игломет под пижамной курткой. Если контрразведчики Чантавара достаточно осведомлены, это может быть и покушением. Может быть и...

Его мысли быстро перескочили на Вариса т'у Хейма и предысторию этого человека. Губы Бранноха скривились в полусочувственной ухмылке. Как же это просто, как ужасно просто сломать человека.

Ты встречаешься на паре приемов с этим гордым, тщеславным аристократом, чьи единственные недостатки — это молодость и неопытность, обольщаешь его — о, просто-просто — ослепительным блеском собственной родословной и занимаемым положением. Твои агенты на его же службе достают психодосье жертвы, и ты решаешь, что это многообещающий материал. Начинаешь его обрабатывать, но потихоньку, ведь даже небольшие знаки внимания со стороны представителя иностранной державы производят огромное впечатление, если это высокородный дворянин, адмирал и посол. Делаешь ему

один-два звонка. Вводишь в настоящий высший свет — пышно разнаряженная знать со всех известных планет, прелестнейшие женщины, выверенная речь, роскошные дома и редкие вина. Даешь ему понять, что он присутствует при рождении планов, способных потрясти звезды... Естественно, он делает тебе небольшие одолжения; нет, ничего такого, чтобы нарушить присягу, по мелочи — то там, то тут, то одно, то другое.

Водишь его по значным местам, которые действительно поражают воображение. Вовлекаешь в азартные игры, где поначалу он выигрывает невероятные суммы. А потом переходишь к добиванию. Через несколько дней фортуна от него отворачивается: он тонет в долговой яме глубиной в световой год, его начальство становится подозрительным из-за связи с тобой; а когда кредиторы (твои же люди, о чем он не подозревает) описывают имущество и жену — он твой. И вот уже почти три года он шпионит для тебя в собственной организации, ибо ты и твоя организация — его единственная опора, ибо даже малейшее нарушение закона с его стороны служит поводом для шантажа. Когда-нибудь, если он добудет действительно что-то ценное, ты можешь даже выкупить его жену (которую он имеет глупость любить) и ему же ее вернуть.

Очень просто. Браннох не испытывал ни удовольствия, ни угрызений совести, превращая в послушное орудие то, что когда-то называлось человеком. Это была часть его работы; единственное чувство, которое он до сих пор испытывал к жертвам, — это презрение к их уязвимости.

Входная дверь помещения просканировала отпечатки пальцев и радужку глаз т'у Хейма и отворилась. Он вошел и поклонился согласно этикету.

Браннох не предложил гостю сесть.

— Ну и? — промолвил он.

— Сиятельнейший лорд, у меня есть информация, которая, возможно, представляет для вас интерес. Я подумал, что лучше будет доставить ее лично.

Браннох ждал. Псевдолицо перед ним дергалось от рвения и выглядело жалким.

— Милорд, как вы знаете, я дежурю на космодроме Меско. Позавчера в околоземное пространство вошел странный космический корабль, его заставили сесть на моем космодроме. — Т'у Хейм порылся в карманах, достал микрофильм и вставил его в сканер. Руки его тряслись. — Здесь есть его картинка.

Сканер спроецировал над крышкой стола трехмерное изображение. Браннох присвистнул:

— Гром и молния! Что за тип корабля?

— Невероятно архаичный, милорд. Видите, они даже используют ракеты — урановый реактор в качестве источника энергии, продукты распада выбрасываются в виде ионов...

Браннох увеличил изображение и стал его изучать.

— Хм-м, да. Откуда он?

— Не знаю, милорд. Мы сделали запрос у самого «Техно-на», архивный отдел нам ответил, что конструкция относится к раннему периоду космических полетов, задолго до изобретения антигравитации. Возможно, он с какой-то старейшей потерянной колонии.

— Хм-м-м. Тогда команда является — являлась — преступниками. Не могу представить, чтобы исследователи стартовали, зная, что вернутся, возможно, через тысячи лет. Как насчет команды? — Браннох коснулся кнопки, тут же появилось изображение трех человек в диковинной серой форме, гладко выбритых, с короткими, как у министров, стрижками. — Это все?

— Нет, милорд. Если бы это было все, я не считал бы дело столь важным. С ними был нечеловек неизвестной расы, даже архивный отдел ничего не мог сказать. Мы сделали снимок, впопыхах...

Чужак был снят на бегу. Большой зверь — восемь футов в длину вместе с хвостом, на двух полусогнутых ногах, мускулистые руки заканчивались четырьмя пальцами. Похоже, это был самец, предположительно млекопитающее, по крайней мере он был покрыт гладкой шерстью цвета красного дерева. Желто-красная голова была круглой, с тупой мордой; высоко расположенные уши, жесткие волосы вокруг рта и над продолговатыми глазами.

— Милорд, — заговорил т'у Хейм почти шепотом, — как только они вышли, их подвергли аресту для дальнейшего расследования. Неожиданно чужак вырвался. Он сильнее человека, и тут же сбил троих и двигался быстрее, чем можно было предположить. Анестезирующие ружья открыли по нему огонь, точнее, должны были это сделать, но не сделали. Они не сработали! Я выстрелил в него из ручного бластера, но безуспешно — источник питания был мертв. Некоторые сделали то же самое — с тем же результатом. Посланный ему вдогонку роботоснаряд разбился. Пилотируемый разведсамолет спикировал достаточно низко, но его вооружение вышло из строя, затем отключилось управление, и он тоже разбился. Один из людей, что находился поблизости, поймал его в визир

нейтрализатора на опушке леса, но тот так и не заработал, пока существо не скрылось за пределами действия аппарата.

С тех пор прилагаются все усилия к его поимке, весь район патрулируется с воздуха, но пока никаких следов существа так и не обнаружено. Звучит невероятно, милорд!

Лицо Бранноха стало похожим на вырезанную из темного дерева маску.

— Так, — пробормотал он, не отрывая глаз от изображения с застывшей в движении фигурой. — Еще и голый. Без оружия, без каких-либо приспособлений. Есть какие-то прикидки насчет радиуса действия его... способностей?

— Грубо говоря, пятьсот метров, милорд. Это приблизительно то расстояние, на котором отказала наша аппаратура. Он двигался слишком быстро, и за эти несколько секунд мы просто не успели подтянуть дальнобойное оружие.

— А что с людьми из экипажа?

— Похоже, они были поражены не меньше нашего, милорд. Они были безоружны и не пытались даже оказать сопротивление. В настоящее время они проходят психообработку, которая включает, я так полагаю, и изучение нашего языка, но доступа к ним у меня нет. Архивный отдел сообщает, что, судя по бортовым документам, они говорят на... — т'у Хейм порывлся в памяти, — ...староамериканском. Документы переводятся, но пока о каких-либо находках мне не сообщали.

«Староамериканский! — подумал Браннох. — Сколько же лет этому кораблю?»

— Какие материалы у вас еще есть? — спросил он вслух.

— Голограммы документов, рисунков, всего, что было найдено на борту, милорд. Достать их было... непросто.

— И это все? — безразлично проворчал Браннох.

У т'у Хейма отвисла челюсть.

— Все, милорд? А что еще я мог сделать?

— Многое, — отрывисто-грубо ответил Браннох. — Помимо прочего, мне нужен полный доклад о том, что обнаружили следователи, желательно с непосредственной расшифровкой. Точный план их действия по этому поводу, а также ежедневные доклады о ходе розыска пришельца... да, многое...

— Милорд, моих полномочий не...

Браннох назвал ему имя и адрес.

— Отправляйтесь к этому парню и объясните, в чем заключается задача, — немедленно. Он вам скажет, с кем связаться и на кого нажать.

— Милорд, — т'у Хейм заломил руки, — я подумал, милорд, возможно... вам ведь известно, м-моя жена...

— За эту услугу вы получите обычную плату, за вычетом долга, — сказал Браннох. — Если она принесет какую-то пользу, я рассмотрю вопрос о премиальных. Можете идти.

Т'у Хейм молча раскланялся и вышел.

После его ухода Браннох некоторое время еще посидел без движения, а затем пролистал страницы голокопий. Очень отчетливые, страница за страницей текста на более чем незнакомом для него языке. Следует перевести, подумал он, и память услужливо выдала ему имя ученого, который не только сможет это сделать, но и будет держать язык за зубами.

Он помедлил еще немного, затем встал и подошел к северной стене комнаты. На ней была весьма непритязательная движущаяся картина, за которой скрывался резервуар, наполненный водородом, метаном и аммиаком под давлением в тысячу атмосфер и при температуре минус сто градусов, снабженный видео- и аудиоаппаратурой.

— Приветствую вас, Фримки, — радушно поздоровался он. — Вы видели?

— Да, я видел, — ответил механический голос. Браннох не знал, говорил ли это Фримка-1, 2, 3 или 4, да это и не имело значения. — Сейчас мы одно целое.

— Что вы об этом думаете?

— Очевидно, пришелец обладает телекинетическими способностями, — бесстрастно ответили чудовища. — Мы полагаем, они касаются только электронных потоков, ибо отмечалось, что все, чем он управлял или что вывел из строя, содержало электронные лампы. Понадобится лишь малое количество телекинетической энергии, чтобы направить токи в вакууме в нужную сторону и таким образом овладеть контролем над всем устройством.

С большой вероятностью это означает, что он до некоторой степени и телепат: чувствителен к электронным и нейронным импульсам и способен возбуждать их в чужих нервных системах. Однако вряд ли он прочитал мысли у охраны. Таким образом, его действия скорее всего направлены на то, чтобы просто остаться на свободе до тех пор, пока он не оценит ситуацию. Но вот что он будет делать дальше — непредсказуемо, пока мы не узнаем подробней о его психологии.

— Ага. Я тоже так думаю, — согласился Браннох. — А как насчет корабля, есть какие-нибудь мысли?

— С окончательными выводами следует подождать до перевода документов, но кажется вполне вероятным, что корабль не с потерянной колонии, а с самой Земли — из отдаленного прошлого. По ходу своих скитаний они могли наткнуться на планету этого чужака и прихватить его с собой. Расстояние до упомянутой планеты зависит от возраста корабля, но, поскольку ему, похоже, около пяти тысяч лет, оно не может превышать двухсот пятидесяти световых лет.

— Достаточно далеко, — заметил Браннох. — Известная Вселенная достигает всего пары сотен.

Сцепив руки за спиной, он сделал круг по комнате.

— Сомневаюсь, что люди имеют какое-то значение, — продолжал он. — Особенно если они с Земли; тогда они представляют лишь исторический интерес. А вот пришелец — это новое явление в области электроники. Только представьте: какое оружие! — Он сверкнул глазами. — Вывести из строя оружие врага, даже обернуть его против своих же хозяев... добраться до самого «Технона»... Господи!

— Несомненно, та же мысль пришла в головы тех, кто управляет Солнечной системой.

— Угу. Вот почему они так усиленно ведут охоту. Если они его не поймают, то приятели пришельца могут знать, как это сделать. Даже если они его схватят, весьма вероятно, что пришелец останется под влиянием своих друзей по команде. А это означает, что я недооценил этих ребят... — Браннох пошаркал ногой по полу, и так и эдак прикидывая, как лучше использовать сложившуюся ситуацию.

Неожиданно он почувствовал себя очень одиноким. Да, здесь у него имелись помощники, телохранители, агенты, шпионская сеть, но их было так мало по сравнению с миллиардами враждебно настроенных жителей Солнечной системы. Чтобы послать домой весточку, понадобится почти четыре с половиной года — столько же, сколько потребуется, чтобы сюда прибыл флот...

Перед ним всплыли яркие картины родного дома. Крутые, продуваемые всеми ветрами горы Тора, свистящие штормовые небеса, леса и вересковые пустоши, и красота и раздолье равнин, седые моря, перекатывающиеся под действием приливных сил трех лун, милое, родное притяжение массивной планеты; жилище его предков — камень и дерево, надежно удерживающие тяжесть прокоптившихся стропил, древние боевые знамена на стенах, его лошади и борзые, и рассыпавшиеся

по полю охотники — гордая, вспылчивая знать, основательные, с неторопливой речью йомены; великое безмолвие зимних снегопадов и первые зеленые вспышки весны — любовь и стремление к дому болью отдавались в его груди.

Но он был правителем, а дорога королей нелегка. Кроме того, — тут он улыбнулся, — какое он испытает наслаждение в тот день, когда Земля будет повергнута!

Его задачи неожиданно сузились. Он должен раздобыть пришельца для Центавра, чтобы там, дома, ученые смогли изучить его способности и применить их в военных целях. Если ему это не удастся, он не должен допустить, чтобы пришелец попал к ученым Солнечной системы, и в случае необходимости убить существо. Он отбросил мысль присоединиться к преследователям со своими агентами: слишком много потерь и почти никаких шансов на успех. Нет, лучше действовать через тех членов экипажа, что находятся в заключении.

Но чем он мог привлечь людей, чей мир вот уже пять тысячелетий покоился в могиле?

Вернувшись к сканеру, он еще раз прокрутил ролик. Некоторые кадры запечатлели изображения вещей, имеющих, должно быть, личный характер. На одной из принадлежавших кому-то фотографий была женщина потрясающей красоты.

В голову его пришла идея. Он снова вышел на балкон, поднял бокал с вином и с легким смешком выпил за наступившее утро. Да, день и впрямь был хорош.

Глава 3

Лангли со вздохом присел на постели и огляделся вокруг.

Он был один. Какое-то время он сидел почти не шелохнувшись, позволяя памяти и мыслям капля за каплей проникать в сознание. Было слишком трудно разом охватить ошеломляющую действительность.

Земля изменилась почти до неузнаваемости: нет больше полярных шапок; моря, на миля захватившие все побережья; неизвестные города, неизвестный язык, неизвестные люди — ответ напрашивался единственный, но он почти в панике отбросил его.

Была посадка, поразительно быстрый побег Сариса Хронны (зачем?), а потом всех разлучили. Были люди в голубом, что вели с ним долгие беседы в комнате, полной таинственных машин, которые жужжали, шелкали и мигали. Одну из них привели в действие — и сознание его померкло. Помимо это-

го, остались лишь смутные воспоминания о каких-то странных голосах. А сейчас он снова проснулся — обнаженный и в одиночестве.

Он медленно оглядел камеру. Она оказалась совсем небольшой и вмещала лишь кушетку да умывальник, который как бы вырастал прямо из зеленоватого ровного пола. В стене была маленькая вентиляционная решетка — и никаких видимых признаков дверей.

Он почувствовал, что дрожит, и постарался взять себя в руки. Хотелось плакать, но внутри он ощутил лишь сухую пустоту.

«Пегги, — думал он, — по крайней мере они могли не забирать твоё фото. Теперь это все, что у меня осталось».

В дальней стене появилась щель, она раздвинулась до размеров дверей, пропустив к нему троих. Резкий рывок, сорвавший Лангли с кушетки, показал, насколько у него напряжены нервы.

Он подался назад, пытаясь ухватить детали внешнего вида незнакомцев. Почему-то это трудно было сделать. Люди явно принадлежали к другой цивилизации, в их одежде, телах, да и в самом выражении лиц было что-то необычное, весь их облик был для него загадкой.

Двое из них были гигантами без малого семи футов росту, мускулистые тела затянuty в черную униформу, головы обриты наголо. Лишь через некоторое время он сообразил, что их лица одинаковы. Близнецы?

Третий был чуть ниже среднего роста, гибкий и изящный. На нем был белый мундир, темно-синий плащ, на ногах мягкие высокие шнурованные ботинки, что-то там еще, но эмблема на груди — солнце с лучами и глаз — была такой же, как и у громил за спиной. У него была такая же гладкая смуглая кожа, высокие скулы и слегка раскосые глаза, а на кругловатом черепе блестели черные прямые волосы. Лицо было красивым — высокий лоб, горящие темные глаза, приплюснутый нос, волевой подбородок, пухлогубый широкий рот — и в то же время нервным и подвижным.

Все трое с оружием в набедренных кобурах.

Стоя перед ними обнаженным, Лангли испытывал чувство беспомощности и унижения. Он попытался сделать невозможное лицо и принять непринужденную позу, но сомневался, что это у него получилось. В горле стоял ком невыплаканных слез.

Лидер слегка кивнул головой.

— Капитан Эдвард Лангли, — произнес он с сильным акцентом. Голос был низким и звучным, хорошо поставленным.

— Да.

— Я так понимаю, что это означает «сайа», — сказал незнакомец на чужом языке, но Лангли понимал его, как если бы язык был родным. Отрывистый, с высокими звуками, очень гибкий, но с простой и логичной грамматикой. На фоне всех прочих событий Лангли испытал лишь легкое удивление от собственных познаний и определенное облегчение, что не придется учиться.

— Позвольте представиться. Министр Чантавар Танг во Ларин, возглавляю оперативный отдел военизированной службы безопасности Солнечной системы и, надеюсь, ваш друг.

Голова у Лангли соображала туго, но он попытался разобратся в сказанном, призвав все свои новые лингвистические познания. Существовало три формы обращения: с вышестоящими, нижестоящими и с равными. Чантавар использовал последнюю — вежливую, но ни к чему не обязывающую. Его фамилия — во Ларин, приставка «во» указывала на дворянское происхождение, как «фон» или «де» во времена Лангли. Однако только второстепенных аристократов называли по фамилиям, в высших слоях обращались по именам, как к древним королям.

— Благодарю вас, сэр, — ответил он чопорно.

— Вы должны извинить нас за невежливость, которую мы, возможно, проявили по отношению к вам, — продолжил Чантавар с неожиданно обаятельной улыбкой. — Ваши товарищи в порядке, и скоро вы к ним присоединитесь. Однако как космонавт вы должны понимать, что мы не могли рисковать с абсолютно незнакомыми людьми.

Он сделал знак одному из охранников, и тот выложил на кушетку набор одежды. Она была такой же, как и у Чантавара, только без эмблемы и знаков отличия.

— Не угодно ли одеться, капитан? Это обычная одежда свободнорожденного; боюсь, в своей собственной вы будете слишком бросаться в глаза.

Лангли подчинился. Ткань была мягкой и приятной. Чантавар показал, как пользоваться застегками, которые напоминали усовершенствованные «молнии». Затем он устроился на краю постели и по-дружески жестом пригласил Лангли присесть рядом. Охранники не шелохнувшись оставались стоять у дверей.

— Вы знаете, что с вами произошло? — спросил он.

— Думаю... да, — с грустью ответил Лангли.

— Мне жаль вам об этом говорить. — Голос Чантавара звучал сочувственно. — Ваш бортжурнал был переведен, поэтому я знаю, что вам не было известно, как работает гипердвигатель на самом деле. Что само по себе странно, коль вам удалось его построить.

— Существовала соответствующая теория, — объяснил Лангли, — согласно которой корабль туннелировал сквозь гиперпространство.

— Нет такого зверя в природе (дословно выражение Чантавара звучало как «этот двигатель высосан из пальца»). Ваша теория была ошибочной, что, по-видимому, вскоре и было обнаружено. На самом деле корабль посылается как волновой пакет, который трансформируется снова в точке назначения. Весь вопрос в настройке гармоник электронно-волновых цугов таким образом, чтобы начальные связи восстановились в другой точке пространства-времени. Или что-то в этом духе мне говорили специалисты, я не силен в точных науках. Как бы там ни было, для тех, кто находится на борту, время перехода равно нулю, а вот для внешнего наблюдателя все по-прежнему происходит со скоростью света. Ничего лучшего до сих пор не придумано, и сомневаюсь, что будет придумано вообще. До ближайшей звезды, альфы Центавра, по-прежнему почти четыре световых года.

— Мы бы узнали это, — с горечью произнес Лангли, — если бы не сложности с определением координат в космосе. Из-за этого мы тратили на поиски пробных ракет столько времени, что определить момент их появления не было никакой возможности. Во время моего собственного полета задержка во времени терялась из-за неопределенности положения звезд. Не удивительно, что у нас возникли такие сложности с возвращением домой — Земля обращается вокруг Солнца, оно, в свою очередь, тоже движется, а мы не знали, в чем дело... Домой! — взорвался он, в глазах его защипало. — В общей сложности мы покрыли расстояние около пяти тысяч световых лет. Следовательно, столько же лет прошло до нашего возвращения.

Чантавар согласно кивнул.

— Я полагаю... — надежды у Лангли почти не было, но все же. — Я полагаю, что послать нас обратно, в прошлое, у вас возможности нет?

— Мне очень жаль, — ответил Чантавар, — но возможность путешествий во времени отсутствует даже теоретически. Мы осуществили многое из того, что в ваше время, уверен, было немыслимо. Так, мы контролируем гравитацию, владеем генной инженерией, заселили Марс, Венеру, луны Юпитера, сделали многое другое. Но искусством, о котором говорите вы, никто никогда не овладеет.

«И ты никогда не вернешься обратно домой», — подумал Лангли. Вслух он подавленно спросил:

— Что произошло за это время?

— Все то же самое. — Чантавар пожал плечами. — Перенаселение, истощение природных ресурсов, война, голод, болезни, уменьшение населения, крах всего, а затем повторение цикла. Не думаю, что вы обнаружите, будто люди сегодня сильно изменились.

— А вы не могли бы ввести в меня информацию о...

— Как язык? Не совсем. Это была рутинная процедура с гипнозом — чисто автоматическая и не затрагивающая высшие центры головного мозга. В том же состоянии вы были и допрошены, но что касается более сложного обучения, то лучше всего это делать постепенно.

В душе у Лангли все омертвело, его пронзило полнейшее безразличие, и он попытался отвлечься, переключив ход мыслей на другое, все равно на что — ему было все равно.

— Что сегодня представляет собой мир? И чем я могу здесь заняться?

Чантавар наклонился вперед, упершись локтями в колени, и искоса взглянул на собеседника. Лангли заставил себя быть внимательным.

— Дайте-ка вспомнить. Межзвездная эмиграция началась приблизительно в ваше время — поначалу не очень широко из-за ограниченных возможностей гиперкораблей и относительной редкости пригодных для жизни планет. В периоды наступившего за этим неблагополучия одна за другой прокатилось несколько волн эмиграции, но в большинстве своем они состояли из мятежников или тех, кто спасался от правосудия, тех, кто бежал подальше от Солнца, чтобы замести следы и не быть найденным. Мы предполагаем, что существует множество затерянных колоний, разбросанных по всей Галактике, которые породили самые разные цивилизации. Но Вселенная, о которой мы действительно что-то знаем и с которой даже поддерживаем те или иные контакты, простирает-

ся всего лишь на пару сотен световых лет. Нет никакого смысла выходить в исследования за ее пределы.

Мне кажется... дайте-ка вспомнить... да, двадцать восьмая Война миров ввергла Солнечную систему в состояние едва ли не варварства, а колонии на ближайших звездах стерла с лица планет. Восстановление заняло немало времени, но около двух тысяч лет тому назад Технат объединил Солнечную систему и существует по сей день. Колонизация возобновилась, но так, чтобы держать колонистов поближе к дому, а следовательно, под контролем, в то время как эмиграцию решили использовать в качестве предохранительного клапана, чтобы иметь возможность освободиться от тех, кто не сумел приспособиться к новым условиям.

Конечно, из этого ничего не вышло. Расстояния по-прежнему слишком велики. Различия в окружающей среде неизбежно порождают различные цивилизации, образ жизни и мышления. Около тысячи лет назад колонии распались, и после войны мы были вынуждены признать их независимость. Существует около дюжины подобных государств, с которыми в настоящее время мы поддерживаем самые тесные контакты. Среди них наиболее могущественна Лига альфы Центавра.

Если вы хотите узнать побольше о внешнем космосе, то можете побеседовать с членом Торгового Сообщества. Хотя в настоящий момент я бы вам не советовал этого делать до тех пор, пока вы не освоитесь получше на современной Земле.

— Да, а как обстоят дела на Земле? — спросил Лангли. — В частности, что это за система Техната, управляемая «Техноном»?

— «Технон» — это всего лишь гигантский социоматематический компьютер, который принимает основные политические решения на основе всей доступной информации, постоянно поступающей из всех возможных источников. Машине свойственно меньше ошибаться, в отличие от человека, она не эгоистична и неподкупна. — Чантавар улыбнулся. — А также позволяет человеку не заботиться о самом себе.

— У меня сложилось впечатление, что существует аристократия...

— Ну, если вы хотите это так назвать. Кто-то же должен нести ответственность за исполнение политики «Технона» и решать маленькие повседневные проблемы. Для этого существует класс администрации — министры. Они управляют жизнью простолюдинов. Это деление — наследственное, но

правила не настолько жестки, чтобы тот или иной простолюдин не мог дорасти до министра.

— Там, откуда я прибыл, — медленно сказал Лангли, — мы знали, что лучше не оставлять выбор лидера на волю судьбы: ведь наследование — дело случая.

— В наше время это не так уж и важно. Я уже говорил, у нас существует генная инженерия. — Чантавар накрыл ладонью руку Лангли и легко погладил ее — движение не было нежным, просто другие обычаи, понял Лангли. — Послушайте, капитан, я не вижу в ваших словах ничего предосудительного, но есть люди, которых подобные разговоры достаточно раздражают. Имейте это в виду.

— Чем мы... я и мои друзья... можем заняться? — Лангли раздражала напряженность в собственном голосе.

— Ваш статус несколько необычен, не так ли? Я назначаю себя вашим начальником, у вас будет что-то вроде министерского ранга с собственными временными фондами. Кстати, это не филантропия. У Техната есть резервные фонды для непредвиденных случаев, таким образом вы классифицируетесь как «непредвиденный случай». Возможно, что-нибудь мы и наработаем, но во всех случаях не бойтесь — в простолюдины вас не переведут. Если у нас с вами не получится, ваши знания о прошлом сделают вас игрушкой в руках историков на всю оставшуюся жизнь.

Лангли кивнул. Выйдет ли так или иначе — похоже, это не имело большого значения. Пегги была мертва.

Пегги была мертва. Вот уже пять тысяч лет она была прахом, глазницы ее пусты, а рот покрыт землей, вот уже пять тысяч лет от нее осталось не более чем воспоминание. Он загнал поглубже в себя осознание всего этого, отчаянно пытаясь сосредоточиться на ничего не значащих деталях собственного выживания, но мысль уже резала как нож.

Он больше никогда ее не увидит.

И ребенок был прахом, и друзья были прахом, весь его народ стал прахом: мир жизни и смеха, гордых зданий, песен, слез и мечтаний утонул на нескольких ветхих страницах в каком-нибудь забытом архиве. Вот что значит чувствовать себя привидением.

Он склонил голову, хотелось заплакать, но за ним наблюдали чужие глаза.

— Веселого тут мало, — с симпатией посочувствовал Чантавар и добавил: — Примите мой совет и сосредоточьтесь на

некоторое время на сиюминутных проблемах. Это должно помочь.

— Да, — согласился Лангли, не поднимая глаз.

— Вы тоже пустите здесь корни.

— Сомневаюсь.

— Что ж, если нет — вам лучше уехать. — В голосе проскользнули странные злые нотки. — Развлекайтесь. Я покажу вам несколько интересных заведений.

Лангли уставился в пол.

— Есть одно дело, где вы можете помочь мне прямо сейчас, — продолжил Чантавар. — Вот почему я пришел встретиться с вами сюда, а не вызвал в свой кабинет. Больше не принужденности.

Лангли коснулся своих губ, вспоминая, как пятьдесят веков назад их теребили и ласкали пальцы Пегги.

— Это по поводу пришельца, который был вместе с вами. Сарис Хронна. Кажется, так вы его называли?

— Вроде того. Что с ним?

— Как вы знаете, он бежал. До сих пор мы его не отыскивали. Он опасен?

— Не думаю, по крайней мере если его не дразнить. У его народа есть природный охотничий инстинкт, но в остальном они очень мирные, к нам относились весьма дружелюбно. Сарис прилетел, чтобы посмотреть на Землю, ну и выступить в качестве посла, что ли. Думаю, он скрывается, чтобы осмотреться и оценить ситуацию. Видно, он испугался возможности быть посаженным в клетку.

— Он может управлять электронными и магнитными потоками. Вы знаете об этом?

— Конечно. Сначала нас это тоже поразило. Представители его расы не являются телепатами в обычном смысле этого слова, но они чувствительны к нейронным токам — особенно эмоциональным — и могут их передавать. Я... я действительно не знаю, может он читать мысли человека или нет.

— Нам необходимо его отыскать, — сказал Чантавар. — У вас есть какие-нибудь соображения, куда он мог направиться и чем занят?

— Мне... надо подумать. Но я уверен, он не опасен. — Про себя Лангли в этом сомневался. Слишком мало он знал о холатанском разуме. Он отличался от человеческого. Как реагирует Сарис Хронна, когда узнает обо всем?

— Вы записали, что его планета находится почти в тысяче световых годах от Солнца. Нам она, конечно, неизвестна. Мы

не собираемся причинять этому существу никакого вреда, но найти его просто необходимо.

Лангли поднял взгляд. На подвижном улыбающемся лице Чантавара пылал лихорадочный румянец. В глазах появился охотничий блеск.

— А собственно, что за спешка? — поинтересовался космонавт.

— Причин тут несколько. А основная в том, что он может оказаться носителем какой-нибудь инфекции, к которой у человека отсутствует иммунитет. У нас уже были случаи подобных эпидемий.

— Мы находились на Холате около двух месяцев. Никогда в жизни не чувствовал себя здоровее.

— Тем не менее это нуждается в проверке. Далее, как он собирается жить, если не будет воровать? Этого также нельзя допустить. Есть ли у вас хоть какая-нибудь мысль, куда он мог отправиться?

Лангли покачал головой.

— Я должен серьезно подумать, — сказал он осторожно. — Может быть, я и найду ответ, но обещать ничего не могу.

— Ладно, — сухо сказал Чантавар, — на сегодня достаточно. Пойдемте слегка перекусим.

Он поднялся, Лангли последовал за ним, двое охранников загрохотали в ногу у них за спиной. Космонавт почти не обращал внимания на залы и антигравитационные шахты, по которым его вели. Он спрятался в скорлупе собственного безнадёжного отчаяния.

«О, моя дорогая, я так и не вернулся. Ты ждала, состарилась, умерла, а я к тебе так и не пришел. Я... я прошу прощения, моя бесценная, извини меня. Да простит меня Прах».

А где-то подспудно сверлила острая холодная мысль, полная беспокойства и подозрений: уж слишком приветливым показался Чантавар. А ведь он — большая шишка. Почему он лично возглавил охоту на Сариса? Его объяснения были не серьезными, истинная причина крылась в другом...

«А что я могу с этим поделать?»

Глава 4

В доме верховного комиссара металлургии министра Юлайна шел прием. Собирались сливки общества со всей Солнечной системы и ближайших звезд, и Чантавар прихватил с собой экипаж «Эксплорера».

Лангли следовал с министром вдоль высокой колоннады, в широких пролетах мягко мерцал воздух, освещая фрески на стенах. Позади вышагивали шесть телохранителей — абсолютно похожие друг на друга гиганты. Чантавар объяснил, что это его персональные рабы — результат клонирования в экзотическом танке. Что-то в них было не совсем человеческое.

Космонавт постепенно преодолевал чувство неловкости, хотя по-прежнему не представлял себе, как можно достойно выглядеть, когда у тебя из-под туники торчат тонкие голые ноги.

С тех пор как их освободили, он, Блаустайн и Мацумото редко выходили из дворцового помещения. Обычно они сидели напротив друг друга, почти не разговаривая, лишь изредка тихо поругиваясь полными боли голосами, — все было еще слишком внове, слишком опустошающе неожиданным.

Они приняли приглашение Чантавара без особого интереса. Какие могут быть дела у трех призраков на светском приеме?

Их жилище было достаточно роскошным — мебель, принимающая форму твоего тела и подбегаящая по первому зову, чудо-ящик, который тебя вымоет, вычистит, сделает массаж, а напоследок sprays твою отдраенную шкуру одеколоном, мягкие, ласкающие глаз пастельные тона вокруг. Лангли вспомнил: выдавший виды передник брошен на кухонный стол, перед ним банка пива, за окном ночь Вайоминга и Пегги, сидящая рядом.

— Чантавар, — неожиданно спросил он, — вы еще держите лошадей? — В этом ныне земном языке, которому его научили, было слово для названия животного, а поэтому, может быть...

— А почему вас это... я не знаю. — Министр был явно озадачен. — Не припомню, чтобы видел хоть одну, кроме как в исторических фильмах. Думаю, если их нет на Земле, то должны быть... да... должны быть немного... на Торе, для развлечения. Лорд Браннох часто утомляет гостей разговорами о лошадях и собаках.

Лангли вздохнул.

— Если даже их нет в Солнечной системе, можно было бы синтезировать, — предложил Чантавар. — У нас могут делать на заказ просто отличных животных. Хотите как-нибудь поохотиться на дракона?

— Спасибо, не беспокойтесь, — ответил Лангли.

— Сегодня здесь будет множество важных лиц, — сказал Чантавар. — Если вы в достаточной степени кого-либо

расположите — считайте, ваше будущее решено. Держитесь подальше от леди Халин: ее муж ревнив, и вы закончите жизнь рабом со стертой памятью, даже если бы я захотел вмешаться. Не принимайте близко к сердцу то, что увидите... В частности, кое-кто из интеллектуалов помоложе затеяли своего рода игру в высмеивание современного общества и будут счастливы, если вы их поддержите. Но в то же время избегайте высказываний, которые могут счесть опасными. Иными словами, ни во что не ввязывайтесь и постарайтесь просто приятно провести время.

Они уже не шли пешком, а сидели на удобных скамьях, установленных на движущейся дорожке, к которой поднялись на гравелифте — от движения без опоры захватывало дух. Их поездка — Лангли оценил ее милю в три — закончилась возле ворот с искусственными водопадами по сторонам. Они проследовали в ворота между рядами охранников в шитых золотом ливреях.

Первым впечатлением Лангли была необъятность. Помещение имело с полмили в диаметре и было заполнено ослепительным водоворотом тысяч гостей. Казалось, крыши у него нет и все происходит под тихим ночным небом, полным звезд, и Луной. Но он решил, что вверху все же есть невидимый купол, и представил себе, как с его головокружительной высоты выглядит это захватывающее зрелище внизу.

В воздухе витал едва уловимый аромат — всего лишь намек на свежесть, из скрытых источников доносилась музыка. Лангли попытался прислушаться, но все заглушали голоса. Да и сама музыка была какой-то бессмысленной — отличалась сама гамма. Он пробормотал Блаустайну *sotto voce**:

— Всегда думал, что после Бетховена было написано не так уж и много, и, похоже, это распространяется и на отдаленное будущее, мир не изменился.

— Аминь, — сказал физик. Его тонкое с длинным носом лицо было мрачным.

Чантавар представил их хозяину, который оказался неправдоподобно толстым и багрово-фиолетовым, но не без определенной силы в маленьких черных глазках. Лангли припомнил, как подобает сотруднику одного министра приветствовать другого министра, и преклонил колено.

* Вполголоса (*um.*).

— Человек из прошлого, а? — Юлайн прочистил горло. — Интересно. Очень интересно. Нужно как-нибудь поболтать с вами подольше. Кгхм... Н-ну и как вам тут?

— Впечатляюще, милорд, — ответил Мацумото с невозмутимым видом.

— Хм-м-м. Ха. Да. Прогресс, изменения.

— Чем больше изменений, милорд, — отважился Лангли, — тем меньше перемен.

— Хм-ф. Хо! Да. — Юлайн отвернулся, чтобы поприветствовать кого-то еще. — Отлично сказано, приятель. Действительно отлично. — В голосе слышался сдерживаемый смех.

Лангли поклонился молодому человеку с пятнами на щеках.

— Выпивка, сюда! — продолжал тот. К ним подкатил столик, он снял с него два хрустальных бокала и подал один Лангли. — Я хотел с вами встретиться с тех самых пор, как только услышал о вас. Я провожу исторические исследования в местном университете. Занимаюсь общностью взглядов мыслителей, которые пытались соотнести искусство с состоянием общества в целом.

Чантавар приподнял бровь. На фоне множества драгоценностей и роскошных одежд его исключительно простой костюм обращал на себя внимание.

— Ну и как, мой друг, пришли к каким-нибудь выводам? — поинтересовался он.

— Определенно, сэр. Я нашел двадцать семь книг, где авторы соглашались, что первобытная, мужественная стадия культуры порождает соответствующее искусство — простое и сильное. А вот украшательство и излишества вроде наших отражают упадок общества, где разум превалирует над душой.

— Ах вот как. Вы когда-нибудь видели произведения искусства, созданные на ранних стадиях освоения Тора, когда они все время сражались с природой и друг с другом и были известны как самое грубое племя во Вселенной, обладающее лишь кулаками? Их основным элементом являются наисложнейшие из когда-либо виденных переплетения виноградных гроздьев. С другой стороны, в последние дни Марсианской гегемонии они обратились к простоте кубизма. Вы читали комментарии Сардью? Шимарриона? Или девять кассет «Исследования Тзник»?

— Видите ли... видите ли, сэр, в моем списке они есть, но даже с помощью роботов... так много нужно прочитать и...

Чантавар, явно развлекаясь, тут же доказал обратное, а затем начал приводить взаимоисключающие примеры из

истории за последние три тысячелетия. Лангли воспользовался случаем и покинул сцену.

Довольно привлекательная женщина с глазами слегка навывкате схватила его за руку и рассказала ему, как это потрясающе увидеть человека из прошлого, и что она уверена, что это была такая интересная эпоха, когда они были такие мужественные. Лангли почувствовал облегчение, когда старик с резкими чертами лица позвал ее к себе, и она отошла, надув губы. Очевидно, в Технате женщины занимали подчиненное положение, хотя Чантавар мельком упоминал о немногочисленных великих женщинах-лидерах.

Лангли сгорбился и уныло побрел к буфету, где взял тарелку с чем-то очень вкусным и подлил в бокал вина. Так или иначе, сколько еще будет продолжаться этот фарс? Лучше было бы куда-нибудь отправиться самому по себе.

Снаружи стояло лето. Теперь на Земле всегда было лето, планета с помощью людей вошла в межледниковый период — повысилось содержание двуокиси углерода в воздухе. Да, будь здесь Пегги, это было бы достойным приключением, но Пегги мертва и забыта. Ему хотелось выйти наружу и пройтись по земле, в которую она вернулась давным-давно.

Явно перебравший дряблый тип обнял его за шею, поприветствовал и стал выспрашивать насчет постельной техники его времени. Как здорово было бы дать в эту ро... Лангли разжал кулаки.

— Хотите девочек? М-министр Юлайн — само гостеприимство, пройдите во-он туда, немного развлекитесь, пока центаврийцы не стерли нас в порошок.

— Все верно, — язвительно заметил человек помоложе. — Вот почему с нас сдерут кожу. Из-за таких, как ты. Капитан Лангли, как они дрались в ваше время?

— Достаточно сносно, когда им приходилось это делать, — ответил американец.

— Я так и думал. Люди, которые могут выжить. Вы завоевали звезды потому, что не боялись пнуть того, кто стоял у вас на дороге. А мы боимся. Мы все в Солнечной системе стали мягкими. Уже тысячу лет не вели больших войн, а теперь, когда она вырисовывается, мы не знаем, как это делается.

— Вы служите в армии? — спросил Лангли.

— Я? — Молодой человек выглядел удивленным. — Вооруженные силы Солнечной системы состоят из рабов. Они выращены и обучены специально для этого и являются обще-

ственной собственностью. Высшими офицерами назначаются министры, но...

— Хорошо, а вы бы выступили за призыв собственного класса на службу?

— Без толку. Они не смогут. Это не для общества со специалистами-рабами. А вот центаврийцы призывают свободно-рожденных, и они любят драться. Если бы мы так умели...

— Сынок, — пренебрежительно спросил Лангли, — ты когда-нибудь видел людей с разmozженными черепами, вываливающимися внутренностями, торчащими через кожу ребрами? Когда-нибудь смотрел в лицо человека, который хочет тебя убить?

— Нет... нет, конечно, нет. Но...

Лангли пожал плечами. Такой тип людей он встречал и раньше у себя дома. Он пробормотал извинения и отошел в сторону. К нему присоединился Блаустайн, и они перешли на английский.

— Где Боб? — спросил Лангли.

Блаустайн криво усмехнулся:

— Последний раз, когда я его видел, он покидал сцену с одной из девушек для развлечений. Миленькая и такая же кроха. Может быть, идея не так уж и плоха.

— Для него, — сказал Лангли.

— Я не могу. Во всяком случае, не сейчас. — Блаустайн выглядел больным. — Ты знаешь, я подумал, может быть, даже если все, что мы знали, ушло, то хотя бы сейчас к человеческой расе наконец-то придет здравый смысл. Я был пацифистом, ты знаешь — интеллигентным пацифистом, просто потому, что видел, какой кровавый, бессмысленный фарс война. Как никто, кроме нескольких парней из верхушки, ничего от нее не приобретал... — Блаустайн тоже был слегка навеселе. — А решение такое простое! Оно лежит прямо перед носом. Всеобщее правительство с зубами. Вот и все. Войны больше нет. Нет больше убитых мужчин, разграбленных ресурсов, сожженных заживо. Я думал, может быть, за пять тысяч лет даже наша слабоумная раса усвоит уроки самосохранения. Вспомни, на Холате никогда не было войн. Неужели мы настолько дурнее?

— Я думаю, вести межзвездную войну будет достаточно сложно, — сказал Лангли. — Потребуется годы только для того, чтобы прилететь сюда.

— Ха-ха. К тому же недостаточны экономические стимулы. Если планету можно вообще колонизировать, то она должна существовать на самообеспечении. По этим двум причинам с

тех пор, как колонии отделились, на протяжении тысячи лет не было настоящей войны.

Трижды качнувшись на ногах, Блаустайн наклонился ближе.

— Но одна война тут вырисовывается. И мы очень даже можем стать ее свидетелями. Богатые минеральные ресурсы на планетах Сириуса, правительство там слабое, а у Сола и Центавра наоборот. И оба претендуют на эти планеты. И ни то ни другое не может себе позволить поступиться ими — слишком невыгодно. Я только что беседовал с офицером, который сказал мне почти то же самое, не считая чего-то там о грязных дикарях центаврийцах.

— И все же мне по-прежнему хотелось бы знать, как ты будешь воевать на расстоянии четырех с половиной световых лет? — спросил Лангли.

— Ты посылаешь боевой космический флот солидных размеров, укомплектованный транспортными судами со всеми необходимыми припасами. Встречаешь вражеский флот и уничтожаешь его в космосе. Затем бомбардируешь планеты противника с воздуха. Ты знаешь, что сегодня они умеют дезинтегрировать любой вид материи? Девять на десять в двенадцатой эрг на каждый грамм вещества. А еще существуют такие штучки, как синтетические вирусы и радиоактивная пыль. Ты уничтожаешь цивилизации на этих планетах, приземляешься и делаешь все, что заблагорассудится. Просто. Единственное, в чем надо быть уверенным, так это в том, чтобы не был разбит твой собственный флот, ибо тогда беззащитным становится уже собственный дом. Сол и Центавр интригуют и обмениваются уколами на протяжении десятилетий. Как только кто-то из них получит явное преимущество — бах! Фейерверк!

Блаустайн допил вино и подлил себе еще.

— Конечно, — с глуповатым видом продолжил он, — всегда существует вероятность, что, даже если ты разобьешь врага, сбежит достаточно его кораблей, чтобы отправиться к тебе домой, взломать планетарную оборону и тоже отбомбиться. Тогда уже две системы вернутся в пещеры. Но разве подобные перспективы когда-нибудь останавливали политиков? Или психотехнических администраторов, как они их теперь называют? Все это — глас вопиющего в пустыне. Я хочу напиться.

Минутой позже Чантавар нашел Лангли и взял его под руку.

— Пойдемте, — сказал он. — Вас хочет видеть главный служитель «Технона». Его Суперточность — очень важный чело-

век... Непревзойденный Салон, разрешите вам представить капитана Эдварда Лангли?

Это был худой высокий старик в простом голубом плаще с капюшоном. У него было изборожденное морщинами умное лицо, но в изгибе рта проглядывало что-то фанатичное.

— Это любопытно, — сказал он сухо. — Насколько я понимаю, вы скитались по дальнему космосу, капитан?

— Да, милорд.

— Ваши документы уже введены в «Технон». Каждая частичка информации, как бы ни была она мала, имеет большую ценность, ибо только на основе точного знания всех фактов машина может принимать верные решения. Вы были бы поражены, если бы узнали количество агентов, которые только тем и заняты, что постоянно собирают информацию. Государство благодарит вас за услугу.

— Она ничтожна, милорд, — сказал Лангли с соответствующим почтением.

— Она может оказаться огромной, — возразил Салон. — «Технон» — краеугольный камень всей цивилизации в Солнечной системе; без него мы бы пропали. Само местоположение машины никому не известно, кроме высших служителей моего ордена. Для служения ей мы рождены и воспитаны, для служения ей мы обрываем семейные узы и отказываемся от мирских утех. Мы закодированы таким образом, что при попытке выведать у нас какие-либо тайны, если избежать выдачи не будет никакой возможности, мы автоматически умираем. Все это я вам рассказываю для того, чтобы вы имели хоть какое-то представление, сколь важен для нас «Технон».

Лангли не нашелся, что на это ответить. Весь вид Салона говорил о том, что в Солнечной системе еще не перевелись люди, полные жизненных сил и энергии, но в облике священнослужителя сквозило что-то бесчеловечное.

— Мне сказали, что вместе с вашим экипажем на борту находилось существо внеземного происхождения, принадлежащее к неизвестной расе, которое по прибытии бежало, — продолжал старик. — Должен обратить самое серьезное внимание на следующее: оно являет собой абсолютно непредсказуемый фактор, да и в вашем бортовом журнале информации о нем почти нет.

— Я уверен, он не представляет опасности, милорд, — поспешил заверить Лангли.

— Это мы еще посмотрим. Сам «Технон» приказал, чтобы его либо поймали, либо немедленно уничтожили. Вы — его

знакомый, у вас есть какие-нибудь соображения, куда он мог подеваться?

Вот оно, снова! Лангли похолодел. Проблема Сариса Хронны до смерти напугала важных — слишком важных — персон, а напуганный человек бывает очень жестоким.

— Стандартные поисковые мероприятия ничего не дали, — сказал Чантавар. — Я вам кое-что сообщу, хотя это и секрет: он убил троих моих людей и скрылся на их флаере. Куда он полетел?

— Я... должен подумать... — запнулся Лангли. — Весьма сожалею, милорд. Верьте, я уделю этому вопросу все свое внимание, но... ведь можно привести коня на водопой, но нельзя заставить его пить.

Чантавар засмеялся: мертвое, а теперь возрожденное клише позабавило его. Лангли подумал, какую репутацию он мог бы себе приобрести, всего лишь цитируя Шоу, Уайльда, Ликока...

— Будет лучше, если этот конь утолит жажду, и побыстрее, — холодно заключил Салон и кивком головы отпустил их.

Чантавар увидел знакомого и бросился в жаркий спор по поводу того, как правильно смешивать коктейль под названием «рециркулятор».

Пухлая волосатая рука оттащила Лангли в сторону. Она принадлежала крупному толстопузому мужчине в нездешних одеждах: серая мантия, туфли-лодочки и множество украшений из алмазов и рубинов. Голова его была массивной, с хоботообразным носом, ярко-рыжими волосами и бородой — первой, которую увидел Лангли в этом мире. Взгляд светлых глаз был на удивление пронизательным. Достаточно высокий голос с акцентом и неземными интонациями произнес:

— Приветствую вас, сэр. Я был само нетерпение, мечтая встретиться с вами. Меня зовут Голтам Валти.

— Ваш слуга, милорд, — сказал Лангли.

— Нет-нет! Никаких титулов! Бедный старый жирный обжора Голтам Валти отнюдь не благородного рождения. Я из Торгового Сообщества, а у нас нет дворян. Они нам не по карману. В наши дни трудно зарабатывать на жизнь честным путем. Скупые покупатели и скаредные продавцы съедают изрядную часть вашей прибыли. Да, жить честно очень не просто, особенно когда годами не видишь пенаты. Около десяти лет в моем случае. Я родом с планеты Амон звезды тау Кита. Должен отметить, прелестная планета, милые девушки подают вам золотистое пиво, ум-м!

Лангли почувствовал, как в нем пробуждается интерес. Он кое-что слышал о Сообществе, но не очень много. Валти подвел его к дивану, они присели и свистнули пробежавшему мимо столику с напитками.

— Я являюсь главным торговым представителем Сообщества в Солнечной системе, — продолжал Валти. — Вы как-нибудь должны посетить нас. Уверен, вас заинтересуют сувениры с сотен планет. Да, но пять тысяч лет странствий — это много даже для торговца. Должно быть, вы многое повидали, капитан, очень многое. Ах, будь я снова молод...

Отбросив всякие церемонии, Лангли задал несколько прямых вопросов. Чтобы получить у Валти информацию, требовалось терпение. На каждое заслуживающее внимания предложение приходилась как минимум куча причитаний, но кое-что начинало проясняться. Сообщество существовало вот уже более тысячи лет. Его члены набирались со всех планет и даже из числа негуманоидных рас. Оно осуществляло почти все межзвездные торговые операции, доставляя всевозможные товары, в том числе не известные в этом небольшом секторе Галактики. В основном это были предметы роскоши, экзотические вещи, но встречались и важные промышленные материалы, причем доля их росла по мере того, как развитые планеты истощали собственные ресурсы. Для персонала Сообщества огромные космические корабли служили домом, где мужчины, женщины и дети жили своей обособленной жизнью. Они имели свои законы, обычаи, язык и ни от кого не зависели.

— Цивилизация с правом на самоопределение, капитан Лангли, горизонтальная цивилизация, пронизывающая вертикальные цивилизации, пустившие корни на планетах, и еще не известно, кто кого переживет.

— У вас есть столица... правительство?..

— Детали, мой друг, это все детали, которые мы могли бы обсудить и попозже. Как-нибудь навестите меня, я — старый одинокий человек. Возможно, мне удастся вас немного развлечь. Вы когда-нибудь бывали в системе тау Кита? Нет? Какая жалость, вам там было бы интересно: система двойных колец Озириса, аборигены Хора и дивные долины Амона, да-да.

Изначальные имена планет изменились, это касалось и Солнечной системы, но не настолько, чтобы Лангли не понял, какие мифологические персонажи имели в виду первооткрыватели*. Валти продолжал воспоминания о мирах, которые он

* Озирис, Хор (Гор), Амон — боги Древнего Египта.

повидал в безвозвратно ушедшие дни своей юности, и Лангли обнаружил, что разговор ему интересен

— Хо, вы здесь! — раздалось рядом с ними.

Валти вскочил и с пыхтением поклонился:

— Вы оказываете мне незаслуженную честь, милорд! Я так давно вас не видел.

— Не прошло и двух недель, — улыбнулся светловолосый гигант в кричаще-яркой малиновой куртке и голубых брюках. В одной загорелой руке он сжимал кубок с вином, а другой придерживал коленки крошечной изящной танцовщицы, которая, заливаясь смехом, балансировала у него на плече. — И помнится, вы тогда ограбили меня на тысячу соларов — вы и ваши кости со смещенным центром.

— Самое прекрасное, милорд, в том, что фортуна то и дело должна вызывать улыбку на моем безобразном лице, этого требуют законы теории вероятностей. — Валти потер руки. — Возможно, милорд пожелает взять реванш — как-нибудь вечером, на следующей неделе?

— Может быть. Хо-оп! — Гигант спустил девушку на пол и отправил ее игривым шлепком. — Беги, Зура Колин, или как там тебя. Увидимся позже.

На Лангли уставились ярко-голубые глаза.

— Это и есть тот древний человек, о котором мне говорили?

— Да... милорд, разрешите представить вам капитана Эдварда Лангли. Лорд Браннох ду Кромбар, центаврийский посол.

Итак, вот он, человек с Тора, тот, кого боятся и ненавидят. Они с Валти были людьми с ярко выраженными чертами белой расы, которых Лангли здесь встретил впервые. Вероятно, их предки покинули Землю еще до полного смешения рас, а возможно, и условия окружающей среды как-то повлияли на то, что характерные черты лица закрепились.

Браннох весело улыбнулся, присел и громогласно рассказал неприличную историю. Лангли ответил анекдотом про ковбоя, у которого было три желания, и ржание Бранноха заставило дрожать бокалы на столике.

— Так в ваше время еще пользовались лошадьми? — отсмеявшись, спросил он.

— Да, милорд. Я вырос в стране лошадей — мы использовали их наряду с тракторами. Я сам... собирался их разводить.

Похоже, Браннох заметил боль в голосе американца и с удивительным тактом перевел разговор на описание собственных конюшен.

— Думаю, вам понравится на Торе, капитан, — закончил он. — У нас все еще найдется место про запас. Никогда не пойму, как они тут еще дышат в Солнечной системе — двадцать миллиардов туш жирного мяса. Почему бы вам как-нибудь не навестить нас?

— С удовольствием, милорд, — сказал Лангли и, может быть, в этот момент был неискренен не до конца.

Браннох откинулся назад, вытянув свои слоновьи ноги по полированному полу.

— Меня тоже порядком покидало в жизни, — сказал он. — Вынужден был покинуть родную систему на некоторое время, когда моя семья попала в затруднительное положение после феодальной распри. Около ста лет мотался там и тут, пока не получил возможность вернуться. Планетология — это что-то вроде моего хобби, и это единственная причина, Валти, толсто-пузый мошенник, почему я посещаю ваши приемы. Скажите, капитан, а вы не останавливались на Проционе?

В течение получаса разговор вертелся вокруг звезд и планет. Лангли ощутил тяжелое чувство. От нескончаемой вереницы чужих лиц в окружающем полумраке у него сжималось сердце.

— Между прочим, — сказал Браннох, — до меня дошли слухи о чужаке, который был вместе с вами и сбежал. Что там случилось на самом деле?

— Ах да, — пробормотал Валти в спутанную бороду. — Я тоже был заинтригован. Да-да, похоже, он интереснейший тип. Почему он предпринял столь отчаянные действия?

Лангли застыл. Что там говорил Чантавар, разве все это дело не должно оставаться конфиденциальным?

Конечно, у Бранноха должны быть свои шпионы; да, судя по всему, и у Валти они тоже есть. Американец почувствовал озноб при мысли об огромных соперничающих силах: словно его затянуло между бешено вращающимися шестернями какой-то машины.

— Я не прочь приобщить его к своей коллекции, — лениво сказал Браннох. — Нет, вовсе не причинять ему вред — просто встретиться с этим существом. Если он и в самом деле настоящий телепат, то тогда он почти уникален.

— Для Сообщества это тоже представляет интерес, — робко вставил Валти. — На его планете для торговли может найтись что-то такое, что оправдывает даже столь длинный путь.

Сделав паузу, он мечтательно добавил: — Думаю, что плата за подробную информацию была бы весьма значительной,

капитан. У Сообщества есть свои маленькие причуды, и желание встретиться с представителем новой расы — одна из них. Да... за деньгами тут дело не станет.

— Может статься, я сделаю собственный небольшой вклад в это дело, — сказал Браннох. — Пара миллионов соларов и моя защита. Сейчас непростые времена, капитан. И не стоит отмахиваться от покровителя, обладающего немалой властью.

— Сообщество, — заметил Валти, — обладает экстерриториальными правами. Оно может предоставить убежище или обеспечить выезд с Земли, которая начинает превращаться в не очень безопасное для здоровья место. Ну и, конечно, денежное вознаграждение — три миллиона соларов в качестве инвестиции в новые знания?

— Здесь не очень уместен торг, — сказал Браннох, — но, как я уже говорил, капитан, вам должно понравиться на Торе, или мы можем доставить вас туда, куда вы пожелаете. Три с половиной миллиона.

— Милорд! — простонал Валти. — Вы что, хотите пустить меня по миру? Мне же еще надо кормить семью!

— Ага. По одной на каждой планете, — ухмыльнулся Браннох.

Лангли сидел не шелохнувшись. Он думал, что знает, зачем им нужен Сарис Хронна, но что он мог тут поделать?

Из толпы вынырнула невысокая гибкая фигура Чантавара.

— Ах вот вы где! — воскликнул он и небрежно поклонился Бранноху и Валти. — Ваш слуга, милорд, ваш слуга, досточтимый сэр.

— Спасибо, Чанни, — ответил Браннох. — Присаживайтесь, чего стоять?

— Нет. Еще одно лицо хотело бы встретиться с капитаном. Извините нас.

Оказавшись в безопасности среди толпы, Чантавар оттащил Лангли в сторону.

— Эти двое хотели, чтобы вы доставили пришельца к ним? — спросил он. Его лицо стало некрасивым.

— Да, — сказал Лангли с утомленным видом.

— Я так и думал. Правительство Солнечной системы напичкано их агентами. Ладно. Не делайте этого.

Запоздалый сокрушительный гнев охватил Лангли.

— Глянь-ка сюда, сынок, — сказал он, распрямляясь до тех пор, пока глаза Чантавара не стали значительно ниже его собственных. — Я что-то не вижу, чтобы на сегодня я кому-то

что-то был должен. Перестань обращаться со мной как с ребенком!

— Я не собираюсь вас изолировать, хотя и мог бы, — мягко сказал Чантавар. — Лишние хлопоты, ибо, возможно, очень скоро зверюга будет у нас. Однако предупреждаю, если он угодит в чужие, а не мои руки, вам ох как не поздоровится.

— Почему бы не посадить меня под замок и не покончить с этим делом?

— Это не заставит вас думать, а я хочу, чтобы вы думали, — если мои собственные поиски не увенчаются успехом. А потом, это слишком грубо. — Чантавар сделал паузу, а затем продолжил со странной напряженностью: — Знаете ли вы, почему я играю в эти игры — война, политика? Может быть, вы думаете, мне нужна личная власть? Это для дураков, которые хотят командовать другими дураками. Интересно играть, хотя... в противном случае жизнь становится слишком скучной. Что еще такого могу я сделать, чего еще не делал сотни раз? А вот бросить вызов Бранноху или этой плаксивой рыжей бороде — более чем интересно. Выиграть, проиграть, сыграть вничью — это же занятно; но я намереваюсь выиграть.

— Никогда не задумывались о... компромиссе?

— Пусть Браннох не вводит вас в заблуждение. Это один из самых холодных и расчетливых умов в Галактике. Относительно порядочный... жаль, что в конце концов придется его убить... Не обращайтесь внимания! — Чантавар отвернулся. — Пойдемте займемся серьезным делом — как следует выпьем.

Глава 5

Вокруг того места, где затаился Сарис Хронна, сгустилась тьма, влажный ветер доносил с канала тысячи чужих запахов.

Ночь была полна страха.

Он лежал в зарослях на берегу канала, прижимаясь животом к илу, и вслушивался в голоса тех, кто за ним охотился.

Луна еще не взошла, но в ясной вышине светили звезды, отдаленный мигающий свет у горизонта указывал на город, а для того чтобы хорошо видеть, Сарису было достаточно и сумерек. Он взглянул вдоль прямой линии канала, от которого к горизонту разбегались ровными полосами поля колышимой ветром пшеницы, на округлый силуэт неосвещенной хижины в трех милях от себя. Его ноздри втягивали сырой и холодный воздух, наполненный запахами растений и теплом немного суетливой дикой жизни. Он слышал легкие неторопливые

порывы ветра, отдаленный крик птицы, еле-еле различимое гудение какого-то летательного аппарата в нескольких милях над головой. Его нервы впитывали колебания и всплески нейронных потоков других существ. Вот так же он лежал в темноте Холата, ожидая прихода животного, на которое охотился, и мысленно плыл по необъятной бормочущей ночи. Но на этот раз добычей являлся он сам, а раствориться в жизни Земли ему не удавалось. Она была для него слишком чужой: каждый запах, каждое видение, каждое вздрагивание нервов у мыши или жука исходили чужеродностью, ветер — и тот шумел по-другому.

За его ожиданием и страхом стоял провал как во времени, так и в пространстве, каким-то образом планета, которую он знал, ее обитатели — взрослые и дети, родные и близкие — оказались в тысяче годах от него. Он был так одинок, как ни один представитель его расы. Один и одинок.

Он мрачно вспомнил, что философы с Холата отнеслись к земному кораблю с подозрением. По их понятиям о мире, во Вселенной любой объект, любой процесс были логически и неизбежно конечны. Понятие бесконечности, будучи извлеченным из чистой математики и приложенным к физическому космосу, нарушало какое-то чувство правильности, а идея перемещения на световые годы не укладывалась в рамки здравого смысла.

Ослепительная вспышка новизны происходящего ошеломила древний разум. Эти создания с неба и их корабль стали более чем откровением. Было так интересно работать вместе с ними, учиться, находить решения проблем, которые их холодотанский разум не мог найти сразу. На некоторое время осторожность отступила.

В результате Сарис Хронна, увертываясь и пригибаясь, словно во сне пронесся через лес, преследуемый сгустками энергии, которые испепеляющими молниями ударили в его следы. Он кружил, петлял и прятался, используя все охотничьи уловки, какие только знал, чтобы спасти собственную жизнь, которая сама по себе для него ничего не значила.

Он слегка раздвинул губы, и во тьме мелькнули белоснежные клыки. Нет, даже теперь оставалось еще кое-что, ради чего стоило жить. Кое-что, ради чего стоило убивать.

Если бы он мог вернуться обратно... Мысль была словно тусклая одинокая свеча в штормовой ночи. Даже за две тысячи лет Холат изменился бы не намного, если только еще один человеческий корабль не наткнулся на планету. Его народ не

был статичным, прогресс шел постоянно, но это был рост, подобный эволюции, в гармонии с природой и созвучный ритму времени. Там он смог бы найти себя снова.

Но...

В небе что-то двигалось. Сарис Хронна распластался так, как если бы хотел закопаться в ил. От мысленного напряжения глаза его сузились в желтые щелки, и он сконцентрировал все свои чувства на парящем в вышине призраке.

Да — электропотoki, но не нейронные, а холодная круговерть электронов, бездушные колебания, которые словно гвозди скребли по его нервам. Небольшое воздушное судно, решил он, медленно кружит в воздухе, направив детекторы во все стороны. Оно охотится за ним.

А может быть, стоит смиренно подчиниться? Экипаж «Эксплорера» состоял из порядочных людей, а к Лангли он вообще начинал испытывать все большую и большую привязанность. Может быть, и его находящиеся вдали соплеменники тоже были по-своему правы... Нет! Слишком многое поставлено на карту. Целиком вся его раса.

У них на Холате не было технологий, позволяющих переправляться от звезды к звезде. Они все еще пользовались инструментами из кремня и кости, путешествовали пешком или в долбленках под парусами или на веслах, питались охотой и рыболовством, разводили несметные стада мясных животных, полудомашенных с помощью телепатического контроля. В тихой зелени редких лесов один холатанин смог бы выследить и убить дюжину землян. Но один земной космический корабль мог, зависнув в небе, посеять смерть на всей планете.

Флаер наверху стал удаляться в сторону. Сарис перестал сдерживать дыхание и набрал воздух в легкие.

Что делать, куда идти, как скрыться?

Ему до слез захотелось снова стать ребенком, маленьким и пушистым, лежать на шкурах в пещере или земляной хижине или копошиться на смутно различаемом необъятном теле матери. Всклипнув, он вспомнил летние солнечные дни с прыжками, возней и другими играми, уютные зимние ночи, когда они прятались под землю... песни, разговоры, слияние в одно большое теплое целое эмоционального единства... он вспомнил, как отец брал его с собой на охоту и обучал разным приемам, и даже то, как ему было скучно пасти животных, когда выпадала его очередь. Маленькая изолированная семейная группа являлась сердцем его общества, без нее он пропал бы... а сейчас весь его клан был давно мертв.

Флаер возвращался. Он двигался по спирали. Сколько их там в вышине и сколько миль укрытой ночью Земли они прочесывают? В душе его трясло, не столько от страха, сколько от боли одиночества. Жизнь на Холате подчинялась строгим порядкам и обычаям; сдержанная учтивость между молодыми и старшими, мужчиной и женщиной, спокойная пантеистическая религия*, семейные обряды по утрам и вечерам — все находилось на своем месте в равновесии, гармонии, уверенности, каждодневном знании, что жизнь — это одно огромное целое. А сейчас его бросили во тьме чужой ночи, за ним охотились, как за диким зверем.

Установленный образ жизни не был в тягость, ибо накопившееся напряжение всегда можно было сбросить то ли в погоне за дичью, то ли во время фривольной ярмарочной пирушки, где семьи встречались для торговли, чтобы обсудить вопросы политики и женитьбы молодых, выпить и повеселиться. Но здесь, этой ночью...

Штуковина над ним опустилась ниже. Мышцы Сариса окаменели, но в душе все пылало. Пусть только окажется в пределах досягаемости, тогда он перехватит управление и разобьет ее о землю!

К этому моменту он был вполне способен убить. В холатанских семьях отсутствовала власть одного из членов семьи. Не было суровых отцов или вредных братьев, все они были одним целым. Но если член семьи обнаруживал настоящий талант, то все остальные щедро поощряли его занятия музыкой, искусством или размышлениями. У Сариса способности проявились еще в детстве. Позже он поступил в один из университетов.

Там он пас скот, мастерил инструменты, драил полы, расплачиваясь за привилегию валяться в хижине какого-нибудь философа, художника или мастера по дереву, спорить с ними и набираться знаний. Особым чутьем он отличался в естественных науках.

У них на Холате были собственные знания, как бы оправдываясь, подумал он, в то время как металлическая смерть медленно спускалась в его сторону. Книги переписывались от руки на пергаменте, но они были полны здравого смысла. Знания по астрономии, физике и химии по сравнению с человеческими выглядели элементарными, однако они были верны. Биологические науки, разведение животных, понимание и использование экологии были по крайней мере на уровне, а

* Пантсизм — обожествление природы.

возможно, и опережали земные там, где, кроме линзы и скальпеля, другие инструменты не были нужны. А математики Холата обладали врожденными способностями, которые намного превосходили возможности любого человека.

Сарис вспомнил, как был поражен Лангли, когда увидел, с какой скоростью он овладел английским, как малыши изучают неевклидову геометрию и теорию функций. Землянин посетил различные философские школы, послушал проходящие там оживленные дискуссии и с некоторым сожалением признал, что строгость холатанской логики и ее высокоразвитая семантика делают их инструментом намного более ценным, чем что-либо подобное, созданное его собственной расой. И именно философ, который первым разъяснил связь дискретных функций с этикой, предложил ключевые усовершенствования в электронных цепях «Эксплорера».

Флаер парил словно хищная птица, изготовившаяся ринуться на жертву. Все еще вне пределов досягаемости... У них должны быть датчики, возможно инфракрасные, которые укажут на его присутствие. Он не отваживался даже пошевелиться.

Безопасней всего для них было бы сбросить бомбу. Лангли рассказывал ему о бомбах. И это стало бы его концом — вспышка и грохот, которые он даже не смог бы почувствовать, распыление и тьма навсегда.

Что ж, подумал он, ощущая, как слабый грустный ветерок теребит его усы, ему не о чем сожалеть. Это была хорошая жизнь. Он был одним из бродячих ученых, скитающихся по всему свету. Ему неизменно были рады и благодарны за новости, которые он приносил, сам он всегда подмечал что-то свежее в разнообразии в основном подобных культур, испещривших планету. Такие, как он, объединяли ее. Позже он осел, основал семью, преподавал в университете Танец-солнца-сквозь-дождь... и даже если быстрая смерть придет к нему в этом незнакомом мире, все равно — жизнь была к нему добра.

Нет-нет! Он резко собрался с мыслями. Ему нельзя умирать, пока нельзя. До тех пор, пока он не узнает больше, пока он не будет уверен, что эти бледные безволосые чудовища не страшны Холату, или не будет знать, как предупредить и защитить родную планету. Он собрался в комок, готовый сорваться с места и бежать.

Воздушный корабль опустился так быстро, что у Сариса захватило дух. Силовые поля его мозга протянулись к кружащимся

электромагнитным потокам. Он уже было хотел перехватить их, но, вздрогнув, передумал.

Нет. Погоди. Должен быть лучший способ.

Флаер приземлился в поле, в добрых ста ярдах от него. Сарис еще больше подтянул под себя руки и ноги. Сколько их там?

Трое. Двое выбирались из машины, третий остался внутри. Он не мог их увидеть за высокими колосьями, но чувствовал, что один из них несет какой-то прибор, нет, не оружие, а значит — детектор. Слепые в темноте, они все равно могли его обнаружить.

Конечно, они не были уверены, что это именно Сарис. Их прибор с таким же успехом мог засечь случайное животное или человека. Он почуял острый запах адреналина — они боялись.

Стремительным скольльзящим движением он взобрался на берег и нырнул в колосья.

Кто-то вскрикнул. Сгусток энергии полетел в его сторону. Там, куда угодил выстрел, вспыхнули растения, запах озона ударил ему в нос. Его мозг не мог контролировать оружие, так как уже держал выключенными двигатель и радиопередатчик судна.

Едва ощутив луч, что скользнул по его ребрам, оставив полосу опаленной шерсти, он набросился на ближайшего человека. Тот упал. Сарис разорвал ему горло и отпрыгнул в сторону, когда в него выстрелил второй.

Кто-то закричал — во тьме раздался истошный вопль. На носу флаера застучал пулемет, рассыпая вокруг свинцовый град. Сарис вспрыгнул на крышу аппарата. Остававшийся снаружи человек зажег фонарь, пытаясь поймать его лучом. Холлатанин хладнокровно оценил расстояние. Слишком далеко.

Снова соскользнув на землю, он мяукнул. Лучи фонарика и лазера вонзились в то место, где он только что находился. Сарис в три прыжка покрыл разделяющее расстояние. Поднимаясь на ноги, он с силой ударил рукой и почувствовал ладонью, как хрустнули шейные позвонки.

Теперь — флаер! Он посопел перед дверью. Та была заперта, а замок был сугубо механический, и слабой энергии его мозга не хватало, чтобы его открыть. Сарис чувствовал ужас, охвативший человека, находившегося внутри.

Ладно... Он подобрал один из валявшихся бластеров. Какое-то время он изучал его, используя основной принцип, что назначение определяет форму. Ладонь обхватила рукоять, па-

лец нажал на курок, и с другого конца выплеснулось пламя... так, вот этот рычажок на стволе должен регулировать мощность луча. Он попробовал и был вознагражден за правильный ход своих рассуждений. Возвратившись к флаеру, он расплавил дверной замок.

Человек внутри, хрипло дыша, привалился к дальней стене, с оружием в руках он ждал, когда ворвется дьявол во плоти. Сарис телепатически определил, где тот находится, — напротив входа, отлично! Приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы просунуть руку, он выстрелил из-за порога. Его огромная ручища сжимала бластер очень неуклюже, но одного выстрела было достаточно.

Вокруг расплзался смрадный запах горелого мяса. Теперь нужно было действовать очень быстро: где-то поблизости находился еще один флаер. Собрав все оружие, он взгромоздился на пилотское кресло — оно для него было слишком маленьким, чтобы сидеть нормально, — и стал изучать панель управления.

Принцип передвижения был незнакомый, во времена Лангли такого не было. Прочитать надписи на панели он тоже не сумел. Но, мысленно отследив электротоки и гироманнитные поля, он разобрался, как управлять машиной. Пока он возился с тумблерами, аппарат неуклюже поднялся, но Сарис быстро наловчился. Скоро он был высоко в небе, со свистом рассекая окружающую тьму. На одном из экранов была светящаяся карта с красной движущейся точкой, указывающей его местоположение. Весьма полезно.

Долго оставаться в машине было нельзя — вот-вот ее опознают и собьют. Он должен использовать ее, чтобы еще до рассвета раздобыть припасы и найти укромное место, затем пусть флаер летит на запад и падает в океан. Настроить автопилот соответствующим образом он сможет.

Куда идти? Что делать?

Ему было необходимо отыскать какое-то место, где он мог бы скрываться и думать, место, откуда он выходил бы на разведку и куда можно было бы вернуться и отсидеться в случае неудачи. Ему нужно было время, чтобы все разузнать и принять решение.

Эти земляне были странной расой. Он не понимал их. В Лангли тоже присутствовали полускрытые черты, от которых его корбило. Это почти религиозное стремление исследовать весь космос просто для того, чтобы исследовать, холатанину было чуждо. Несмотря на поиски чистых, абстрактных

знаний, холатанский разум был отнюдь не идеалистичным. Они находили что-то непристойное в полном отречении от всего ради абстракций.

Эти новые люди, которые теперь правят Землей, смогли бы извлечь выгоду, завоевав Холат. Конечно, расстояния огромные, но кто его знает.

Самым мудрым и безопасным было бы уничтожить всю человеческую цивилизацию, снова загнать их в пещеры. Проект был слишком честолюбивым, может быть, и не стоило пробовать. Конечно, он мог что-то предпринять, например хотя бы столкнуть лбами враждующие стороны. Он уже отлично знал, почему им так не терпелось поймать или убить его.

Прежде чем выбрать линию поведения, придется подождать, осмотреться и подумать. А для этого необходимо найти место, где можно укрыться, и тут он подумал, что знает, куда направиться. По крайней мере стоило попробовать. Он сравнил развернутую карту с той, которую видел у Лангли, и запечатлел ее в своей хорошо тренированной эйдетической памяти*; переведя по аналогии условные обозначения, он сделал поправки на изменения, которые произошли за пять тысяч лет. Затем он повернул флаер на северо-восток и затаился в ожидании.

Глава 6

Технический прогресс был действительно налицо: на следующее утро освежающее устройство устранило у Лангли все следы похмелья, робот-слуга выдвинул из щели на стол завтрак и убрал посуду после того, как он покончил с едой. Ну а теперь начинался пустой день, когда оставалось либо слоняться по комнатам, либо высиживать неизвестно что. Пытаясь стряхнуть депрессию, Лангли набрал номер заказа на книги — раб-управляющий показал ему, как обращаться с приспособлениями в доме. Машина что-то прошелкала сама себе, порыскала в городских библиотеках, отыскивая микрофайлы на заданную тему, и изготовила копии на дискетах, которые космонавт вставил в сканер.

Блаустайн попытался прочитать роман, затем какие-то стихи, отдельные статьи и бросил это занятие. С его поверхностным знанием всей подоплеки они были почти лишены смысла. Он доложил, что литература сегодня, похоже, сильно сти-

* Абсолютная образная память.

лизована, со сложными построениями и полна аллюзий с классической литературой двухтысячелетней давности, которые имеют большее значение, чем само относительно тривиальное содержание.

— Поуп и Драйден*, — недовольно проворчал он, — так им по крайней мере было что сказать. Боб, что ты там нашел?

Мацумото, который пытался сориентироваться в современной науке и технике, пожал плечами:

— Ничего. Все написано для специалистов, считается очевидным, что читатель имеет солидную подготовку. Чтобы что-то понять, мне нужно снова поступать в колледж... и что же это за чертовщина такая — матрица Загана? Популярной литературы нет вообще: похоже, только специалистов и волнует, как работают все эти штуки. Единственное, что я могу сказать: у меня сложилось впечатление, что за последние две тысячи лет ничего по-настоящему нового открыто не было.

— Застывшая цивилизация, — сказал Лангли. — Они достигли равновесия, каждый на своем месте, все идет достаточно гладко, не происходило ничего такого, что могло бы выбить из колеи. Может быть, для этого необходимо, чтобы победили центаврийцы, я не знаю.

Он снова занялся своими кассетами по истории, пытаясь охватить все, что произошло. Сделать это оказалось удивительно трудно. Почти все, что он нашел, представляло собой научные монографии, предполагающие колоссальную эрудицию в узкой области. Ничего для простого читателя, а тем более для тех, кто не знал, водятся еще на Земле звери или нет. И чем ближе он подходил к настоящему, тем реже ему встречались удобоваримые объяснения, особенно это касалось земной цивилизации, чье будущее, похоже, осталось в прошлом.

Наиболее важным открытием со времен гипердвигателя, насколько он понял, была параматематическая теория Человека — как отдельной личности, так и общества, которая позволила проводить преобразования на стабильной, предсказуемой, логической основе. У основателей Техната не было нужды гадать: они не предполагали, что вот такой-то и такой-то порядок производства и потребления должен бы работать, они это просто знали. Наука не была совершенной, да она и не могла быть таковой, случайности вроде колониальных восстаний

* Английские писатели конца XVII века.

возникали непредсказуемо. Но цивилизация оставалась стабильной, обладая сильной отрицательной обратной связью, она плавно приспособлялась к новым условиям.

Слишком плавно. Средства разумного общественного устройства использовались не для того, чтобы освободить человека, а, наоборот, чтобы затянуть хомут потуже, ибо небольшие группы ученых по необходимости разрабатывали планы и следили за их выполнением, а в результате и они, и их потомки (с хорошими, гуманными преобразованиями, в которые они, возможно, даже верили сами) просто-напросто оставались у власти. В конце концов, вполне логично, что управлять должен сильный и умный, — обыкновенный человек просто не способен принимать повседневные решения, от которых зависит существование жизни на целых планетах. Точно так же было бы логично организовать и само управление: селективное размножение, управляемая наследственность, психотренинг могли создать класс рабов, одновременно и квалифицированных, и довольных своим положением. Обыкновенный же человек не возражал против подобных порядков, наоборот, он их охотно принимал потому, что концентрация и централизация власти, которые все больше и больше возрастали со времен еще промышленной революции, проповедовали ему традиции слепого подчинения.

Лангли несколько мрачно задавался вопросом: а возможен ли был иной выход для достижения конечной цели?

Позвонил Чантавар и предложил прогуляться завтра по городу.

— Я знаю, что до сих пор вам было ужасно скучно, — извинился он, — но у меня была масса срочных дел. Однако завтра я с радостью покажу вам окрестности и отвечу на все вопросы, которые, возможно, у вас возникли. Для вас это будет лучшим способом пообщаться.

Когда Чантавар дал отбой, Мацумото сказал:

— Он, похоже, неплохой парень. Но если общество здесь, как я понимаю, аристократическое, то почему он утруждает себя лично?

— Мы для него что-то свеженькое, ему скучно, — сказал Блаустайн. — Что угодно, лишь бы что-то новое.

— Кроме того, — проворчал Лангли, — мы ему нужны. Я более чем уверен, он не может вытянуть из нас что-то толковое под гипнозом или как там это теперь называется, в противном случае мы бы давным-давно сидели в каталажке.

— Ты имеешь в виду это дело с Сарисом? — неуверенно спросил Блаустайн. — Слушай, Эд, у тебя есть хоть какие-то прикидки, куда мог деться этот кот-переросток и что он затеял?

— Нет... не совсем, — ответил Лангли. Они говорили по-английски, но он был уверен, что в комнате где-то установлен микрофон, а за переводом дело не станет. — Сам ломаю голову.

Внутренне он подивился собственной сдержанности. Он не был создан для этого мира коварных замыслов, шпионства и скорых расправ. Никогда не был. Космонавт в силу специфики своей профессии был добрым, замкнутым человеком, не способным к злословию и интригам официальных политиков. В свое время он мог и нагрубить, если что-то было не так, а потом не спал ночами, размышляя о том, справедлив он или не справедлив и что на самом деле о нем думают люди. Теперь он никто.

Было бы так просто смириться, сотрудничать с Чантаваром и плыть по течению. Откуда ему знать, что, поступив именно так, он будет не прав? Похоже, что Технат олицетворяет собой порядок, цивилизованность, своего рода справедливость; не его это дело противопоставлять себя двадцати миллиардам людей и пяти тысячелетиям истории. Была бы рядом Пегги, он бы сдался, он не стал бы рисковать ее головой ради принципов, в которых сам не был уверен.

Но Пегги умерла, и кроме принципов оставалось так мало того, ради чего стоило жить. Игра в Бога не доставляла удовольствия даже на таком жалком уровне, но он вышел из общества, которое на каждого человека возлагало ответственность решать все самому.

Чантавар позвонил на следующее утро.

— Вставать в такую рань! — все еще позевывая, пожаловался он. — Жить стоит только после захода солнца. Итак, мы идем?

Когда они вышли из дома, вокруг них сомкнулись шестеро охранников.

— Зачем они нужны? — спросил Лангли. — Защита от простолюдинов?

— Хотел бы я посмотреть на простолюдина, который бы осмелился хотя бы в мыслях затеять что-либо противоправное, — сказал Чантавар. — Если у него вообще есть мысли, в чем я иногда сомневаюсь. Нет, эти ребята мне нужны, чтобы защитить меня от личных соперников. Например, тот же Браннох с радостью бы меня убрал, лишь бы только заполучить

на мое место неопытного наследника. Я раскрыл немало его агентов. А потом — у меня куча конкурентов внутри Техната. Обнаружив, что с помощью взяток и заговоров подсадить меня невозможно, они вполне могут избрать менее изысканный, зато более прямой путь.

— А что они получают в результате вашего... убийства? — поинтересовался Блаустайн.

— Власть, положение, может быть, часть моих владений. А может быть, мне просто захотят отомстить — по пути наверх мне пришлось выбить немало зубов, в наше время существует не так уж и много влиятельных организаций. Мой отец был второстепенным министром на Венере, мать — младшая жена из простолюдинок. Я получил назначение только после того, как прошел определенные тесты и... распахнул локтями парочку сводных братьев. — Чантавар усмехнулся. — Довольно-таки забавно. Ну а соперничество заставляет мой класс быть все время как бы настороже, вот почему «Технон» это поощряет.

Они вышли на мостовой переход, который на головокружительной высоте пересекал город, и позволили движущейся дорожке везти себя дальше. С этой высоты Лангли мог видеть, что Лора построена как единое целое: ни одно здание не стояло отдельно, все они соединялись внизу, а прочная крыша перекрывала нижние уровни. Чантавар указал на туманный горизонт, где вздымался остов колоссальной башни, которая стояла отдельно.

— Станция погодного контроля, — пояснил он. — Большая часть из того, что вы видите, принадлежит городу, в том числе министерский общественный парк, но вон в той стороне пролегла граница владений Тарахойо. Будучи приверженцем движения «назад, к природе», он, исполняя собственную прихоть, выращивает там зерно.

— Разве у вас нет небольших ферм? — спросил Лангли.

— О Космос, конечно нет! — Чантавар выглядел удивленным. — На центаврийских планетах они есть, но я нахожу, что трудно придумать систему более неэффективную, чем эта. Многое из наших продуктов синтезируется, остальное выращивается на министерских землях. Шахты, заводы, земля — практически все — принадлежат какому-нибудь министру. Таким образом мы обеспечиваем и себя, и простолюдинов, а живущие вне Солнечной системы должны платить налоги. Здесь человек обладает тем, что заслужил. Общественные организации, такие, как вооруженные силы, финансируются промышленностью, принадлежащей «Технону».

— А чем же заняты простолюдины?

— У них есть работа, в основном в городах, лишь у немногих на земле. Некоторые из них работают на себя, например люди искусства, врачи или кто-то в этом роде. Сюда, здесь вам должно быть интересно.

Это был музей. Общий характер расположения экспонатов почти не изменился, хотя имелось множество незнакомых приспособлений для лучшего показа экспозиции. Чантавар повел их в историко-археологический отдел, который относился приблизительно к их собственному времени. Было грустно оттого, что так мало вещей сохранилось: несколько монет, потемневших от времени несмотря на электролитическую реставрацию; битый стакан для вина; осколок камня с полустертым названием какого-то банка; ржавые остатки кремневого мушкета, найденного при освоении Сахары; потрескавшийся кусок мрамора, который когда-то был скульптурой. Чантавар сказал, что египетские пирамиды, часть Сфинкса, следы похороненных городов, пара разрушенных плотин в Америке и России, несколько кратеров от взрывов водородных бомб по-прежнему сохранились, но других предметов или сооружений старше тридцать пятого века не осталось. Время шло неумолимо, и творения, составлявшие гордость человеческого труда, одно за другим постепенно терялись.

Лангли обнаружил, что насвистывает себе под нос, как бы подбадривая самого себя. Чантавар наострил уши.

— Что это? — полюбопытствовал он.

— Финал Девятой симфонии — *Freude, schöne Gotterfunken* — никогда не слышали?

— Нет. — На широком, скуластом лице появилось странное, мечтательное выражение. — Как жаль. Мне это понравилось.

Они заглянули на ленч в ресторан, расположенный на террасе, где роботы обслуживали аристократическую публику с чопорными манерами и в праздничных одеждах. Передернув плечами, Чантавар расплатился по счету.

— Ненавижу класть деньги в кошелек министра Агаца — он охоч по мою душу, — но вы должны признать, шеф-повар у него отличный.

Охрана не ела: люди были приучены к редким трапезам и неумолимой бдительности.

— Здесь, на верхних уровнях, есть на что посмотреть, — Чантавар кивнул на прерывисто мигающую световую вывеску над домом для развлечений. — Но они в основном похожи друг на друга. Давайте для разнообразия спустимся вниз.

Гравишахта сбросила их на две тысячи футов вниз, и они ступили в другой мир.

Здесь не было солнца, не было неба. Металлические стены и потолок, пружинистые полы, однообразие и монотонность прямых линий. Воздух был достаточно свежим, но он пульсировал и звенел от нескончаемого шума, который создавали вздохи насосов, стук и вибрация, — размеренного глубинного биения огромной машины, являвшейся сердцем города. Коридоры-улицы, заполненные неустоимыми толпами, жили движением и гомоном.

Итак, это были простолюдины. Лангли на мгновение задержался у выхода из шахты, наблюдая за ними. Он не знал, чего ожидал — возможно, одетых в серое зомби, — но был нескладанно удивлен. Беспорядочная масса напомнила ему города, которые он видел в Азии.

Одежда представляла собой дешевую разновидность министерской: туники у мужчин, длинные платья у женщин. Эта униформа, похоже, разнилась только цветом — она была зеленой, синей и красной, и выглядела очень поношенной. Головы мужчин были обриты наголо, лица отражали ту смесь различных рас, от которых произошел на Земле человек; невероятное количество голых детишек играло прямо под ногами толпы; сегрегация полов, которой жестко придерживались на верхних уровнях, здесь отсутствовала.

Лавка, выступающая прямо из стены, была полна дешевой посуды, и женщина с ребенком на руках торговалась с хозяином. Здоровенный, почти обнаженный носильщик взмок под грузом деталей к какой-то машине; двое молодых людей, расположившись посреди улицы, играли в кости. Прямо на пороге таверны с мечтательным видом сидел старикан с зажатым в руках стаканом. Несколько зевак наблюдали за неуклюжей дракой двух мужчин, один из которых был в красном, другой — в зеленом. Женщина — явно проститутка — договаривалась с клиентом, у которого был вид слабоумного. Стройный торговец с живым лицом — Чантавар сказал, что он с Ганимеда, — вел тихую беседу с толстым местным покупателем. Сопровождаемый двумя слугами, расчищавшими дорогу, по улице проехал зажиточного вида мужчина на крохотном велосипеде. В маленькой лавочке постукивал молоточком по браслету ювелир. Трехлетний карапуз споткнулся, шлепнулся и разразился громким ревом, на который никто не обратил внимания — за всем этим шумом он был почти не слышен. Подмастерье с ящиком для инструментов поспешал за хозяином. Пьяный со

счастливым видом распластался вдоль стены. Лоточник толкал перед собой тележку с дымящимися лакомствами и нараспев нахваливал товар словами, которые были такими же старыми, как мир. Все это на мгновение предстало перед Лангли, а потом исчезло в общей сутолоке.

Чантавар предложил сигареты, закурил сам и пошел вперед вслед за двумя охранниками. Люди, почтительно раскланиваясь, уступали дорогу, а потом снова принимались за свои дела.

— Придется идти пешком, — сказал министр. — Внизу нет движущихся дорожек.

— Что означает униформа? — спросил Блаустайн.

— Принадлежность к различным профессиям — слесарь, поставщик продуктов и так далее. У них система гильдий, высокоорганизованная, несколько лет они ходят в подмастерьях, пока не станут полноправными гильдейцами, но ко всему прочему между гильдиями идет острое соперничество. До тех пор пока простолюдины выполняют свою работу и ведут себя спокойно, мы предоставляем их самим себе. Полицейские-рабы — городская собственность — наводят порядок, если возникают серьезные осложнения. — Чантавар указал на крепко сложенного мужчину в стальном шлеме. — То, что здесь происходит, не играет большой роли. У них нет оружия и знаний, чтобы реально чему-то угрожать. Их обучение лишь подчеркивает, каким образом они должны вписаться в базовую систему.

— А это кто такой? — Мацумото указал на человека в облегающей тело одежде багрового цвета и с ножом, заткнутым за пояс. Он плавно скользил между людьми, которые вовсе не были склонны преграждать ему путь.

— Из гильдии наемных убийц, хотя в основном они занимаются избиениями и грабежами. Им не разрешается носить огнестрельное оружие, поэтому они относительно безопасны и отвлекают остальных.

— Вы имеете в виду — разделяют, — уточнил Лангли.

Чантавар развел руками:

— А что же делать? Равенство невозможно. Установить его пробовали снова и снова, на протяжении всей истории, давали каждому голос, но каждый раз затея проваливалась — без исключения, в течение нескольких поколений, и чем хуже были политики, тем быстрее это происходило. Ибо, по определению, у половины людей интеллект ниже среднего уровня, а средний не так уж и высок. Да и нельзя распускать эти толпы по планете — Земля и так перенаселена.

— Это вопрос культуры, — сказал Лангли. — Я знаю много стран, существовавших в мое время, которые начинали с прелестных конституций и очень скоро приходили к диктатуре, но все это происходило из-за отсутствия предыстории и традиций. А в некоторых, вроде Великобритании, демократия работала веками, потому что у них было общество, которое... ну, в общем, у них присутствовал здравый смысл.

— Мой друг, невозможно полностью переделать цивилизацию, — улыбнулся Чантавар, — а занимаясь реформаторством, приходится пользоваться тем материалом, который есть в наличии. Основатели Техната это знали. Слишком поздно, всегда было слишком поздно что-то делать. Оглянитесь вокруг — думаете, эти обезьяны способны решать вопросы общества? — Он вздохнул. — Почитайте собственную историю и посмотрите фактам в глаза: война, нищета и тирания — вот естественное состояние Человека, так называемые золотые века — всего лишь причуды все той же истории, они очень быстро терпели крах, ибо не устраивали существо, вышедшее из пещер каких-то триста поколений назад. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на попытки изменить законы природы. Безжалостное применение силы — вот ее закон.

Лангли решил прекратить спор и превратился в туриста. Ему было интересно посмотреть на заводы, где люди, словно муравьи, сустились вокруг металлических гигантов, которые сами же построили; школы, где за несколько лет, включая обучение под гипнозом, получали основополагающие знания; темные, прокуренные до хрипа в легких таверны; дома с перенаселенными маленькими квартирами и умеренным комфортом (стереовизоры с относительно глупыми, но бодрыми шоу); а вот подразумевающая терпимость жизнь семьи, немыслимая без храма, где раскачивающаяся толпа воспевала хвалу Отцу, вообще напомнила ему митинги под открытым небом, происходившие в его время; небольшие магазинчики вдоль улиц — последнее пристанище изделий ремесленников и удивительно прекрасных произведений народного искусства; рынок, заполнивший открытый гигантский круг с непрекращающимся женским гомоном... Да, здесь было на что посмотреть.

После ужина в заведении, которое содержали более состоятельные простолюдины-торговцы, Чантавар, рассмеявшись, сказал:

— У меня просто ноги отваливаются после сегодняшнего дня. Ну а теперь, как насчет развлечений? Город знаменит своими пороками.

— Что ж... о'кей, — ответил Лангли. Он был слегка пьян, в голове шумело крепкое терпкое пиво — любимейший напиток на нижних уровнях. Ему не нужны были женщины, по крайней мере до тех пор, пока не улеглась острая боль памяти, но ведь должны же быть еще и игры... Его кошелек был полон банкнотов и монет.

— Ну и куда?

— Я думаю, в Дом грез, — сказал Чантавар, выводя космонавтов наружу. — Любимый способ развлечения на всех уровнях.

За туманной голубизной у входа открывалось множество небольших комнат. Каждый из них надел «живую» маску: синтетическую кожу, которая моментально прирастала к лицу, как только соединялась с нервными окончаниями, и становилась неотъемлемой частью тела.

— Здесь все равны и все — анонимны, — сказал Чантавар. — Это взбадривает.

— Что пожелают господа? — Голос звучал ниоткуда и каким-то образом не походил на человеческий.

— По общей программе, как обычно, — ответил Чантавар. — Вот в эту щель каждый опустите по сотне соларов. Заведение дорогое, но здесь интересно.

Они расслабились, присев на то, что казалось сухим пушистым облаком, которое унесло их ввысь. Охрана сгрудилась в безликую группу на некотором расстоянии. Перед ними открылись двери, и они воспарили в благоухающие небеса с сюрреалистичными звездами и лунами, взирая на открывшуюся внизу, под ними, пустынную планету, никоим разом не напоминавшую Землю.

— Отчасти иллюзия, отчасти реальность, — заметил Чантавар. — За соответствующую плату здесь можно получить все, чего только пожелаешь. Гляньте...

Облако проплывало под огненным дождем голубого, алого, золотистого цвета, который всполохами обтекал их тела. Вокруг раздавались мощные, триумфальные аккорды. Сквозь кружащееся пламя Лангли разглядел танцующих в воздухе девушек невероятной красоты.

А потом они оказались под водой, или так им мерещилось: тропические рыбы проплывали через прозрачную зелень мимо кораллов над колышущимися водорослями внизу. Затем они попали в пещеру, освещенную красным светом, музыка своими ритмами горячила кровь, а они стреляли в тире, где при попадании в мишени контейнеры опускались, предлагая

выпивку. Потом они оказались в большой веселой компании людей, они пели с ними песни, смеялись, танцевали и распивали вино. Эфемерного вида молодая женщина, хихикая, вцепилась в руку Лангли. Резким движением он сбросил чужую руку и помахал своей перед носом — в воздухе витал какой-то наркотик.

— Убирайся! — грубо сказал он.

Они болтались над ревущим водопадом, резвясь в воздухе, который каким-то образом был настолько плотным, что в нем можно было плавать. Они плыли мимо пещер и гротов, над горными долинами, полными странных огней, и оказались в сером клубящемся тумане, где на расстоянии ярда уже ничего не было видно. Здесь, в этом истекающем влагой безмолвии, за которым, казалось, скрывается бесконечность, они остановились.

Неясная фигура Чантавара сделала какой-то жест, в приглушенном голосе прозвучали странные напряженные нотки:

— Не хотите ли сыграть в «Создателя»? Давайте я вам покажу... — В его руках яростно полыхал огненный шар. Он сформировал из него звездочки и разбросал их в необъятном мраке. — Солнца, планеты, луны, народы, цивилизации и их история — здесь вы их можете создать по собственному желанию.

Две звезды столкнулись друг с другом.

— Здесь вы можете увидеть, как согласно вашей воле в мельчайших, не играет роли насколько, деталях развивается мир. Вы можете сжать миллион лет в одну минуту и растянуть минуту на миллион лет; вы можете поразить громом народы, которые будут трепетать от страха и боготворить вас.

Солнце в руках Чантавара тускло просвечивало сквозь дымку. Вокруг него порхали крошечные искорки-планеты.

— Да рассеется мгла, и да будет свет! И да будут жизнь и история!

Что-то двигалось сквозь влажный туман. Лангли увидел тень, пробирающуюся между вновь рожденными созвездиями, эдак в тысячу световых лет ростом. Его схватили за руку, и он смутно разглядел рядом с собой чье-то псевдолицо.

Он вывернулся и вскрикнул, когда другая рука стала нащупывать его шею. Проволочная петля змеей опутала его лодыжки. Теперь рядом с ним стояли уже двое. Лангли испуганно отшатнулся назад. Кулаком он заехал по скуле, из которой брызнула искусственная кровь.

— Чантавар!

Грохнул выстрел из бластера, неожиданно громкий и яркий. Лангли запустил гигантское красное солнце в одно из маячивших перед ним лиц. Сбросив руку, обвиняющую его за талию, он ударил смутную фигуру коленом и услышал, как кто-то крикнул от боли.

— Свет! — заорал Чантавар. — Да уберите же этот туман!

Косматые клочья тумана медленно рассеялись. Вокруг стояла глубокая, чистая тьма, в черной бездне вакуума словно светлячки плавали звезды. И тут включили освещение.

Рядом с Чантаваром распластался мертвый человек, живот которого вспорол лазерный луч. Бестолково суетилась охрана. Больше здесь никого не было. Пустую комнату заливал холодный свет, краешком сознания Лангли подумал, что это по-своему жестоко — увидеть вместо мечты голые стены.

Министр и космонавт уставились друг на друга долгим взглядом. Блаустайн и Мацумото исчезли.

— Это... входит... в программу развлечений? — сквозь зубы спросил Лангли.

— Нет. — В глазах Чантавара вспыхнул охотничий блеск. Он рассмеялся. — Прекрасная работа! Я бы не возражал, если бы эти парни работали на меня. Ваши друзья были парализованы и похищены прямо у меня на глазах. Пойдемте!

Глава 7

Настало время шумной сумятицы, когда Чантавар, организуя погоню, начал отдавать приказы по визифону. Потом он резко обернулся к Лангли.

— Я, конечно, обещаю этот муравейник, — сказал он, — но не думаю, чтобы похитители были все еще здесь. Роботы не настроены так, чтобы замечать, кто и в каком состоянии мимо них проходит, так что здесь помощи ждать нечего. Я также не думаю, что смогу установить владельца заведения, который помог организовать похищение. Но я поднял на ноги всю свою организацию, и в пределах получаса по всей округе начнется основательное расследование. Наблюдение за домом Бранноха уже установлено.

— Бранноха? — тупо повторил Лангли. Его мысли, словно чужие, витали где-то вдаль, он не мог стряхнуть действие наркотиков так же быстро, как министр.

— Наверняка! Кто же еще? Никогда не думал, что на Земле у него такая умелая банда, но... Конечно, они не потащат ваших друзей прямо к нему, где-то на нижних уровнях должно

быть укрытие, шансов отыскать его среди пятнадцати миллионов простолюдинов мало, но попробуем. Мы попробуем!

К ним подбежал полицейский с маленьким предметом в металлическом корпусе, который Чантавар тут же взял в руки.

— Да снимите вы эту маску, не сбивайте прибор с толку, — обратился он к Лангли. — Это электронный следопыт, мы попытаемся выследить обладателей псевдолиц по характерному запаху. Не думаю, чтобы похитители снимали маски в Доме грез, кто-нибудь смог бы тогда заметить, кого они тащат. Держитесь за нами, вы можете понадобиться. Пошли!

Молчаливый отряд вооруженных мужчин в черной форме сомкнулся вокруг них. Чантавар начал поиски у главного выхода. В нем было что-то от вставшей в стойку гончей. Эстета, гедониста, где-то даже философа — всех их заслонил охотник на людей. На приборе вспыхнул огонек.

— След, все правильно, — пробормотал он. — Если только он не остынет слишком быстро... Черт возьми, почему они так хорошо вентилируют нижние уровни?

Он рысцой устремился вперед, охрана быстрым шагом последовала за ним. Кружащиеся толпы остались позади.

Лангли был слишком сбит с толку, чтобы соображать. Все происходило быстрее, чем он мог уследить, наркотики Дома грез все еще присутствовали в его крови, делая мир нереальным. Боб, Джим, теперь их тоже поглотила необъятная тьма, увидит ли он их когда-нибудь снова? И зачем?

Их спуск в гравишахте напоминал плавный полет осенних листьев, и Чантавар проверял подряд каждый выход. Непрекращающийся рокот машин становился все более громким и неистовым. Лангли потряс головой, пытаясь прочистить мозги и овладеть собой. Это было словно во сне — совершенно безвольного, его куда-то несло в окружении призраков в черном, и...

Он должен вырваться. Он должен уйти сам по себе и спокойно подумать. Теперь эта мысль превратилась в навязчивую идею, вытеснившую все остальное из его головы, ему снится кошмар, и он хочет проснуться. Его прошиб холодный пот.

Огонек на приборе слабо мигнул.

— Сюда! — Чантавар выскочил через портал. — След слабеет, но может быть...

Охрана ринулась за ним. Лангли отшатнулся назад, опустился еще ниже и вышел из шахты на следующем уровне.

Это был сомнительный сектор, тускло освещенный и грязный, улицы почти пустынные. Вдоль стен протянулись закры-

тые двери, под ноги попадался разбросанный мусор, уханье и скрежет машин заполнили все вокруг. Он шел быстрым шагом и, пытаясь скрыться, несколько раз свернул за угол.

Голова его медленно прояснялась. Возле двери, скрестив ноги, сидел старик в грязных лохмотьях и наблюдал за ним мутными глазами. В белом свете флюоресцентной лампы, висящей на уличном потолке, небольшая группка чумазных детей была занята какой-то игрой. К нему подкралась неряшливая женщина, она обнажила в зауценный улыбки испорченные зубы и уступила дорогу. Высокий молодой человек, оборванный и небритый, прислонившись к стене, проводил его равнодушным взглядом. Это были трущобы, старейший сектор, бедный и никому не нужный, последнее прибежище для неудачников. Это было место для тех, кого бурная жизнь высших кругов обошла стороной и кто влачил жалкое существование, не представляя ценности для «Технона». За шумом машин и агрегатов ничего не было слышно.

Тяжело дыша, Лангли остановился. Из узкого прохода протянулась хилая ручонка и ощупала его кошелек на поясе. Он шлепнул по ней, и босые детские ноги быстро протопали в темноту.

«Я сделал глупость, — подумал он. — Здесь меня могут убить из-за кошелька. Давай-ка, сынок, найдем себе полицейского и выберемся отсюда».

Он пошел вдоль улицы. Перед ним заскулил безногий попрошайка, однако показать деньги Лангли не отважился. Ноги теперь можно отрастить заново, но это было дорогим удовольствием. Сзади, на приличном расстоянии, за ним следовала пара оборванцев, Где полицейский? Неужели никого не волнует, что здесь происходит?

Из-за угла появилась массивная фигура. У нее было четыре ноги, две руки и нечеловеческая голова. Лангли обратился к чужаку:

— Как отсюда выбраться? Где ближайшая шахта? Я заблудился.

Пришелец безучастно посмотрел в его сторону.

— Не хаварить по-анхлийски, — сказал он не останавливаясь.

Итай-город, сектор, отведенный для представителей других рас. Он был где-то поблизости. Там должно быть безопасно, хотя большинство из помещений будет для него недоступно из-за неприемлемых для человека условий. Лангли направился

туда, откуда пришел иноземец. Его преследователи сократили разделяющее их расстояние.

Из открытых дверей гремела и завывала музыка. Там находился бар, но это было не то место, где он мог попросить о помощи. Когда последние остатки наркотика окончательно выветрились, Лангли понял, насколько плотно его обложили.

Двое мужчин вышли из прохода. Это были здоровенные парни, слишком хорошо одетые для простолюдинов. Один из них поклонился:

— Могу я чем-нибудь помочь вам, сэр?

Лангли остановился, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Да, — с трудом выдавил он. — Да, спасибо. Как мне выбраться из этого сектора?

— Сэр иностранец? — Они пристроились у него по бокам. — Мы вас проводим. Вот сюда и прямо.

Слишком обязывают! Слишком предупредительны!

— А что вы здесь делаете? — резко поинтересовался Лангли.

— Всего лишь осматриваем окрестности, сэр.

Речь была слишком правильной, слишком вежливой. Да из них такие же простолюдины, как из меня!

— Не беспокойтесь. Мне... мне не хотелось бы вас утруждать. Просто укажите мне верную дорогу.

— О нет, сэр. Это было бы слишком опасно. Здесь не то место, где можно находиться одному.

Огромная лапища взяла его под руку.

— Нет! — Лангли стоял ни жив ни мертв.

— Боюсь, нам придется настоять. — Профессиональный захват, а он наполовину одурманен. — Все будет в порядке, сэр, расслабьтесь, никакого вреда вам никто не причинит.

В поле зрения показалась высокая фигура раба-полицейского. У Лангли перехватило дыхание.

— Отпустите меня, — потребовал он. — Отпустите, иначе...

На его шее сомкнулись пальцы, совсем ненавязчиво, но он задохнулся от боли. А когда он пришел в себя, полицейского снова нигде не было видно.

Лангли оцепенело последовал за ними. Впереди неясно вырисовывался портал гравишахты. «Они меня выследили, — подумал он мрачно. Конечно, выследили. Не знаю, до какой степени может одуреть человек, но я сегодня уж точно постарался. И цена за эту глупость может стать невосполнимой». Почти из ниоткуда появились трое. На них были серые плащи Сообщества.

— Ах, вы нашли его, — сказал один из них. — Спасибо.

— В чем дело? — попытались протестовать сопровождающие Лангли. — Кто вы? Что вам надо?

— Мы хотели бы проводить уважаемого капитана домой, — ответил один из вновь прибывших. Лицо с аккуратно подстриженной бородкой улыбалось, в руке появился пистолет.

— Это незаконно... это оружие...

— Возможно. Но вы будете совсем мертвыми, если не... Вот так-то оно лучше. Что ж, капитан, будьте любезны, пройдемте с нами.

Лангли вошел в шахту, окруженный своими новыми похитителями. Похоже, особого выбора у него не было.

Глава 8

Незнакомцы шли молча и лишь поторапливали его идти за собой. Похоже, им были знакомы все запасные проходы, их путь вверх был трудным, но быстрым, и за все время подъема они едва ли увидели хоть одно лицо. Лангли попытался расслабиться, чувствуя, как его уносит темная непреодолимая волна прибою.

И снова верхний город, светящиеся шпили и ожерелья огней под звездами. Воздух в груди был свежим и теплым, Лангли вдруг стало интересно, как долго ему еще суждено им дышать. Недалеко от выхода из шахты над объединенным комплексом зданий взметнулась массивная восьмиугольная башня. Ее архитектура была чуждой стройным, воздушным, жизнерадостным постройкам Техната. Вокруг ее верхушки завис светящийся нимб, по которому бежали огненные буквы: **ТОРГОВОЕ СООБЩЕСТВО**. Они поднялись на виадук и подошли к выступу в середине башни.

Не успели они ступить на него, как рядом опустился маленький черный флаер. Из флаера послышался усиленный динамиками голос, гулко отдававшийся в тишине:

— Ни шагу вперед! Полиция!

Полиция! Лангли вдруг почувствовал, что у него подгибаются колени. Он должен был сообразить, Чантавар никогда не оставил бы это место без наблюдения. Должно быть, он объявил тревогу, как только обнаружилось исчезновение космонавта. Организация четко знала свое дело, и теперь он спасен!

Три торговца застыли с окаменевшими лицами. Раздвинулись двери, и из башни навстречу вылезшим из флаера пяти

рабам в черной форме и министру-офицеру вышел еще один человек. Это был Голтам Валти. В ожидании полицейских он нервно потирал руки.

Офицер слегка поклонился:

— **Добрый** вечер, сэр. Рад видеть, что вы отыскиали капитана. Достоин похвалы.

— Спасибо, милорд, — поклонился Валти. Его голос стал визгливым, почти пискливым, косматая голова склонилась с **показным** подобострастием. — Очень любезно с вашей стороны прийти сюда, но ваша помощь не требуется.

— **Мы заберем его** от вас домой, — сказал офицер.

— О, сэр, вы **конечно** же позволите мне оказать скромное гостеприимство несчастному чужеземцу. Это твердое правило Сообщества: гость никогда не покидает нас без того, чтобы мы не оказали ему должный прием.

— Сожалею, сэр, но на этот раз ему придется это сделать. — В слабом мигающем свете было видно, что офицер злится, а в его голосе появились резкие, звенящие нотки. — Возможно, вы примете его позже. А сейчас он пройдет с нами. У меня есть приказ.

— Я вам сочувствую, сэр, — с поклоном проскрипел Валти, — слезы туманят мои глаза при мысли о конфликте с вашим высокоблагородием, я всего лишь бедный, старый, беспомощный червь, — причитания перешли в льстивое мурлыканье, — но тем не менее я вынужден вам напомнить, милорд, вопреки собственному желанию, только ради добрых взаимоотношений, что вы превышаете собственные полномочия. Согласно Лунному договору, Сообщество обладает правом экстерриториальности. Благородный сэр, умоляю, не заставляйте меня потребовать ваш паспорт.

Офицер застыл от напряжения.

— Я сказал вам, у меня приказ, — сообщил он высоким голосом.

Неожиданно неуклюжая фигура торговца грозно выросла на фоне неба. Борода его встала дыбом, но голос оставался спокойным:

— Сэр, мое сердце обливается кровью. Но будьте столь добры, вспомните, что здание защищено и вооружено. Вы находитесь под прицелом дюжины тяжелых орудий, весьма сожалею, но я должен блюсти законы. Капитан восстановит силы у меня в гостях. После этого его отошлют домой, сейчас же весьма негостеприимно держать его на сыром воздухе. Всего доброго, сэр!

Он взял Лангли под руку и повел ко входу. Трое торговцев последовали за ними, и двери закрылись у них за спиной.

— Я полагаю, — медленно сказал космонавт, — что с моими желаниями тут не очень считаются.

— Капитан, я не надеялся, что так скоро буду иметь честь побеседовать с вами конфиденциально, — ответил Валти. — Не думаю, что вы будете сожалеть о легкой беседе за бокалом хорошего амонийского вина. Оно слетка портится при перевозке, и человек с таким тонким вкусом, как у вас, конечно же, это заметит, но я скромно утверждаю, что лучшие свои качества оно сохраняет.

Они миновали холл, и перед ними открылась дверь.

— Мой кабинет, капитан, — поклонился Валти. — Заходите, пожалуйста.

Это была большая слабо освещенная комната с низким потолком и полками вдоль стен, на которых стояли не только кассеты, но и несколько настоящих книг. Кресла были старыми, потертыми, но удобными, большой стол завален бумагами, в чуть спертom воздухе стоял запах крепкого табака. Внимание Лангли привлек стереоэкран, по которому двигалась объемная фигура. Смысл слов сразу до него не дошел.

*Существовать или стать ничем — вопрос весь в том:
Достойно ли разумом свободным
Перетерпеть удары бластеров и пули ружей,
Что посылает нам враждебный случай,
Или расстрелять несчастья всей Вселенной;
Противодействуя, покончить с ними разом.*

И тут он понял. У актера была косица, он носил меховой берет, лакированную кирасу и ниспадающий черный плащ, рука его тянулась к ятагану, а на заднем плане виднелось что-то вроде греческого храма — но, Бог мой, несмотря ни на что, это все же был Гамлет!

— Старинная народная пьеса, капитан, — сказал Валти, шаркая ногами у него за спиной. — Последнее время они поставили несколько старинных спектаклей — очень интересный материал. Я думаю, что пьеса марсианская, периода Междоуцарствия.

— Да нет, — сказал Лангли, — она немного постарше.

— О? Еще ваших времен? Как интересно! — Валти выключил изображение. — Ладно, капитан, умоляю, присаживайтесь и устраивайтесь поудобней. Сейчас принесут выпивку.

Существо размером с обезьяну, с крючковатым носом и странными светящимися глазами под маленькими антеннами внесло поднос на тоненьких ручонках. Лангли нашел себе кресло и с благодарностью принял чашку с горячим, сдобренным специями вином и тарелку с пирожными.

Валти с шумом сделал изрядный глоток.

— Эх! Вот что полезно косточкам старого ревматика! Боюсь, медицина никогда не справится с телом человека, который находит все более изощренные методы загубить себя. А вот хорошее вино, прелестная девушка и такие милые холмы, где стоит ваш родной дом, — вот лучшее из всех когда-либо придуманных лекарств. Будь любезен, Сакт, пожалуйста, сигары.

Похожее на обезьяну создание с ужимками перескочило на стол и протянуло коробку. Мужчины взяли по сигаре, и Лангли нашел, что табак очень даже не плох. Инопланетянин уселся к Валти и стал почесывать свой зеленый мех и подхихивать, не спуская при этом глаз с космонавта.

— Ну что ж... — За последнюю пару часов Лангли буквально обессилел. Чувство сопротивления покинуло его, и он позволил усталости разлиться по мышцам и нервным окончаниям. А вот голова его была, похоже, необычно ясной. — Что ж, мистер Валти, так ради чего нужно было устраивать всю эту бучу?

Торговец выпустил дым и откинулся назад, скрестив толстые короткие ноги.

— События начинают развиваться с непостижимой быстротой, — проговорил он спокойно. — Я рад случаю увидаться с вами.

— Похоже, эти блюстители порядка хотели как раз обратного?

— Конечно. — Маленькие, глубоко посаженные глазки мигнули. — Но им понадобится какое-то время, чтобы сработал набор рефлексов, который они называют мозгами, и они решились бы на меня напасть. Но к тому времени вы уже будете дома, ибо я не собираюсь задерживать вас надолго. Досточтимый Чантавар на их месте не стал бы канителиться, но сейчас он, к счастью, занят где-то еще.

— Да... пытается отыскать моих друзей. — Лангли почувствовал подавленность и уныние. — Вы знаете, что их похитили?

— Знаю. — В голосе звучало сочувствие. — В структурах Техната у меня есть свои агенты, поэтому я более или менее в курсе того, что произошло сегодня вечером.

— Тогда где они? Что с ними?

Торговец мрачно скривил полускрытый бородой рот.

— Я весьма обеспокоен их судьбой. Вероятно, они во власти лорда Бранноха. Возможно, их освободят, не знаю... — Валти вздохнул. — У меня нет шпионов в его организации, а у него в моей... я надеюсь. Оба ваших друга слишком неопытны, слишком неподкупны, они слишком славные... в отличие от нынешних обитателей Солнечной системы. Все наши предположения по поводу того, что же с ними случилось, очень похожи на блуждание в потемках.

— А вы уверены, что это именно он...

— Кто же еще? Причин, по которым похищение мог бы инсценировать Чантавар, я не вижу, он может отдать приказ о вашем аресте в любую минуту. Ни одно из других иностранных государств здесь не замешано, они слишком слабы. Известно, что Браннох возглавляет центаврийскую военную разведку в Технате, хотя до сих пор был достаточно умен, чтобы не оставлять улики, которые могли бы послужить основанием для его высылки. Нет, силы, с которыми стоит считаться в этой части Галактики, — это Сол, Центавр и Сообщество.

— А зачем, — медленно спросил Лангли, — они понадобились Бранноху?

— Разве не очевидно? Инопланетянин, Сарис Хронна, кажется, так его зовут? Они могут знать, где его найти. Неужели вы не понимаете, какую лихорадку у всех нас он вызвал? Агенты всех трех держав не спускают с вас глаз ни на минуту. Я и сам проигрывал варианты по вашему захвату, но Сообщество слишком миролюбиво для дел подобного рода, вот Браннох нас и обскакал. В тот самый момент когда я узнал о случившемся, я отрядил сто человек, чтобы попытаться вас отыскать. К счастью, одной из групп повезло.

— Еще чуть-чуть, и им бы не повезло, — сказал Лангли. — Они вырвали меня из рук двух центаврийцев, я так полагаю.

— Конечно, Лангли... Не думаю, что Браннох попытается взять штурмом эту твердыню, особенно с тех пор, как у него появились надежды получить информацию от ваших друзей. Как вы считаете, он ее получит?

— Это зависит от многих обстоятельств. — Лангли зажмурил глаза и глубоко затянулся. — Однако сомневаюсь. Они никогда не были близки с Сарисом, В отличие от меня — мы обычно беседовали с ним часами, — однако и я не могу с уверенностью сказать, что заставляет его поступать так или иначе.

— Ах вот как. — Валти шумно отхлебнул вина. Его крупное лицо оставалось бесстрастным. — Вы знаете, почему он так важен?

— Думаю, да. Военная ценность его способностей — подавлять или контролировать электронные потоки, ну и тому подобное. Но я удивляюсь, почему вы до сих пор не создали аппарат, который делал бы то же самое?

— Наука давным-давно мертва, — ответил Валти. — Я, который видел миры, где прогресс все еще не остановился, хотя они пока и отстают от нас, знаю разницу между науками живой и мертвой. Среди известных мне человеческих цивилизаций исчез сам дух любознательности и первооткрывательства. Это вызвано косностью социальных форм, наряду с тем фактом, что исследователи больше не открывали чего-либо, еще не предсказанного теорией. В конце концов стало разумным признать, что количество различных законов природы ограничено и что предел уже достигнут. Отныне само желание узнать больше постепенно исчезает. Сол находится в состоянии стагнации*, остальные цивилизации за фасадом машинерии и развитых технологий по сути являются варварскими, а Сообщество слишком разбросано, чтобы поддерживать научные объединения. Тупиковая ситуация, да-да, отсюда все и происходит.

Лангли попытался мысленно сосредоточиться, дабы избежать нового приступа страха, терзавшего его душу.

— А теперь, значит, объявилось нечто такое, что не укладывается в рамки стандартной теории. И все хотят изучить, понять и воспроизвести это нечто в соответствующих масштабах, чтобы использовать в военных целях. Ага. Я ухватил смысл идеи.

Валти посмотрел на него из-под полуприкрытых век.

— Конечно, есть много способов заставить человека говорить, — сказал он. — Нет, не пытки — ничего такого грубого, — а наркотики, которые развяжут язык кому угодно. Чантавар не решался применить их к вам, потому что, если вы все-таки на самом деле не знаете, где находится Сарис, то в результате этой достаточно неприятной процедуры в вашем мозгу мог бы запросто образоваться подсознательный барьер, который не позволил бы вам думать над решением этой проблемы дальше. Однако сейчас он может отчаяться на подобный шаг. Он обязательно сделает это, как только заподозрит, что вы что-то надумали. А вы надумали?

— Почему я должен отвечать именно вам?

* Застоя.

— Потому что решающее оружие можно доверить лишь Сообществу, — терпеливо ответил Валти.

— Только одной партии можно верить, — сухо сказал Лангли, — а вот какой, каждый раз зависит от того, чей представитель вещает в данный момент. Эту песенку я уже слышал.

— Рассудите сами. — Голос Валти по-прежнему не выражал никаких эмоций. — Технат — это застывшая цивилизация, заинтересованная лишь в поддержании status quo. Центаврийцы очень кичатся духом энергичных первопроходцев, но их черепа годны разве что для ношения головных уборов. Их победа привела бы к разрушительной оргии, за которой последует все то же самое, ничего нового, кроме смены хозяев. Если только одна из сторон нападет на другую сторону, развязав таким образом самую разрушительную войну за всю историю человека, а эта история уже видела разрушения таких масштабов, которые вы себе не можете даже представить. Остальные — маленькие государства, они ничем не лучше, даже если бы оказались в состоянии использовать это оружие эффективно.

— Не знаю, — сказал Лангли. — Все, что, похоже, нужно человечеству сегодня, так это хороший пинок чуть пониже спины. Может быть, центаврийцам удастся это сделать.

— Без какого-либо положительного исхода. Что такое Центавр? Тройная звездная система. У альфы-А есть две обитаемые планеты — Тор и Фрейя. У альфы-В есть две полуядовитые планеты, которые потихоньку превращают в обитаемые. Проксима* — это тусклый красный карлик с одной обитаемой планетой, газовым гигантом Фримом. Кроме этих планет, там находятся только шахтерские колонии, существование которых поддерживается с большим трудом. Ториане давным-давно завоевали все планеты, а их население ассимилировали. Они установили контакт с фриманами, обучили их современным технологиям, и вскоре аборигены — и без того высокочивилизованные — сравнялись со своими учителями. Затем Фрим отказал им в праве заселять систему Проксимы. Из-за этого разразилась война, которая официально закончилась компромиссом и объединением. На самом деле позиции Фрима оказались сильнее, и его представители в Лиге занимают все ключевые посты. Здесь, на Земле, у Бранноха есть

* Проксима Центавра — красная карликовая звезда, спутник альфы Центавра. Находится на 0,1 светового года ближе к Земле.

фриманские советники, и хотел бы я знать, кто из них под кем в действительности ходит.

У меня нет расовых предубеждений, зачастую присущих людям, но при мысли о Фриме я холодею. Слишком уж они нам чужды. Я думаю, им мало проку от человека, если только они не хотят использовать его как орудие для достижения каких-то своих целей. Изучите ситуацию, изучите историю, и, я думаю, вы со мной согласитесь. Вторжение центаврийцев никоим образом не приведет к вливанию горячей варварской крови, оно повлечет за собой не только убийство нескольких миллиардов ни в чем не повинных людей, но и станет чьим-то ходом в очень давней и очень крупной шахматной игре.

— Хорошо, — согласился Лангли. — Может быть, вы и правы. Но какое право на информацию имеет ваше драгоценное Сообщество? Кто сказал, что вы являетесь расой...

Он запнулся, сообразив, что в здешнем языке нет слов «святой» или «ангел», и неуверенно закончил:

— Что вы вообще хоть что-нибудь заслужили?

— Нам чужды имперские замашки, — ответил Валти. — Мы ведем торговлю между звездами...

— Вероятно, наживаясь и на тех и на других.

— Что ж, честный делец должен на что-то жить. Но у нас нет ни одной планеты, и мы не заинтересованы в том, чтобы их иметь, космос сам по себе является нашим домом. Мы не убиваем, разве что в целях самозащиты; обычно мы избегаем стычек, просто отступая; во Вселенной всегда найдется много свободных мест, а с помощью длинных прыжков очень легко одолеть врага, просто пережив его во времени. Мы живем сами по себе, у нас своя история, свои традиции, свои законы, мы — единственная гуманная и нейтральная сила в известной Галактике.

— Расскажите еще, — попросил Лангли. — Все, что я знаю, это то, что я слышу от вас. У Сообщества должно быть какое-то центральное правительство, кто-то, кто принимает решения и руководит вами. Кто они? Где они?

— Капитан, я буду абсолютно честен, — сказал Валти мягко. — Я этого не знаю.

— Как?

— И никто не знает. Каждый корабль уполномочен управляться со своими обыденными делами сам. Мы оставляем доклады в планетарных конторах, платим причитающиеся налоги. Куда направляются доклады и деньги, я не знаю, не знают этого и служащие в офисах. Существует связь по цепоч-

ке через ячейки секретной бюрократической службы, которую невозможно отследить на расстоянии в десятки световых лет. Я занимаю высокий пост — в настоящее время управляю всеми конторами в Солнечной системе, многие решения могу принимать самостоятельно, но то и дело получаю особые распоряжения по закрытой связи. На Земле должен быть по крайней мере один из наших руководителей, но где и кто — или что — это мне не известно.

— Как это ваше... правительство... заставляет вас слушаться?

— Мы подчиняемся, — сказал Валти. — Строгая корабельная дисциплина въедается даже в тех, кто, как и я, был набран в экипаж с планеты, не говоря уже о рожденных в космосе. Ритуалы, клятвы — своего рода обработка, если хотите, — я не знаю ни одного случая, когда приказ был бы намеренно нарушен. Но мы — свободные люди, среди нас нет ни рабов, ни аристократов.

— Не считая ваших боссов, — пробурчал Лангли. — Откуда вам знать, что они трудятся ради вашего блага?

— Капитан, вам нет нужды искать что-то зловещее или мелодраматичное, какой-то скрытый смысл в обычных мерах безопасности. Будь известны местонахождение и личности наших руководителей, последние стали бы слишком уязвимы для нападения и уничтожения. Согласно заведенному порядку, продвижение на высшие посты подразумевает полное исчезновение, вплоть до хирургического изменения внешности. Я бы с радостью принял подобное предложение, если бы мне когда-нибудь его сделали.

Под руководством наших боссов, как вы их называете, Сообщество процветает вот уже тысячу лет, со времен своего основания. Мы являемся силой, с которой приходится считаться. Вы видели, как я прищемил нос этому полицейскому офицеру.

Валти глубоко вздохнул и перешел к делу:

— До сих пор я не получил никаких распоряжений касательно Сариса. Если бы мне приказали содержать вас под стражей, будьте уверены, вы бы отсюда не вышли. Но поскольку дела обстоят иначе, у меня есть значительное пространство для маневра.

Вот мое предложение. По всей Земле, тут и там, спрятаны флиттеры. Вы можете улететь в любое время. На некотором расстоянии от Земли, надежно скрытый изрядным объемом пространства, до тех пор пока вы не знаете его орбиты, находится вооруженный крейсер, способный передвигаться со скоростью света. Если вы мне поможетете найти Сариса, я возьму

вас обоих и сделаю все возможное, чтобы вызволить ваших друзей. Сариса изучат — никоим образом не причинив ему вреда, — и, если он изъявит желание, доставят на родную планету. Вы можете стать членом Сообщества или поселиться на какой-нибудь планете, колонизированной людьми, но не известной Солу или Центавру. Существует множество очень милых миров с самым разным уровнем культуры, где вы сможете снова почувствовать себя дома. Денежное вознаграждение обеспечит вам хороший старт в жизни.

Не думаю, капитан, что вас прельстит дальнейшее пребывание на Земле. Точно так же, как и не думаю, что вам по нраву нести ответственность за развязывание войны, которая опустошит целые планеты. Мне кажется, пойдя вы с нами, это был бы наилучший курс.

Лангли уставился в пол. Его охватила почти неодолимая усталость. Внутри все кричало: добраться домой, проползти через парсеки и века и снова увидеть Пегги.

Но...

— Я не знаю, — промямлил он. — Откуда мне знать, что вы не лжете?

В нем сработал инстинкт самосохранения, и он добавил:

— Где находится Сарис, я тоже не знаю. Сомневаюсь, что и сам-то смогу его найти.

Валти скептически приподнял бровь, но промолчал.

— Мне нужно время подумать, — попросил Лангли. — Дайте мне как следует подумать.

— Как вам будет угодно. — Валти встал и порылся в ящике. — Но помните, Чантавар или Браннох могут очень скоро лишить вас выбора. Решение, если вы хотите, чтобы оно было вашим, должно быть принято незамедлительно.

Он достал маленькую гладкую коробочку из пластика и подал ее Лангли.

— Это приемопередатчик, работающий на частоте, которую постоянно меняет генератор случайных чисел. Засечь его может только аналогичный прибор, который находится у меня. Если я вам понадоблюсь, нажмите эту кнопку и позовите — ко рту его подносить не обязательно. Я смог бы вас освободить даже из-под вооруженной охраны, хотя в этом деле лучше бы обойтись без шума. Держите прибор на теле, под одеждой, он сам закрепляется на коже и прозрачен для обычных детекторов шпионских устройств.

Лангли встал.

— Спасибо, — пробормотал он. — Очень благородно с вашей стороны, что отпускаете меня.

«Или это всего лишь уловка, чтобы расположить к себе?» — подумал он.

— Не стоит благодарности, капитан. — Валти вразвалочку направился к наружному выступу. Прямо у края завис бронированный полицейский флаер. — Мне кажется, что с транспортом до дома у вас проблем не будет. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, — ответил Лангли.

Глава 9

В этот день Центр управления погодой определил для данного района дождь, низкое небо укрыло Лору, и самые высокие шпили пронзали облака. Глядя из окна, которое занимало всю стену жилой комнаты, Браннох видел лишь отблески мокрого металла, исчезающие за обрушившейся вниз пеленой дождя. То и дело сверкали молнии, и, когда он приказал окну открыться, в лицо ударил влажный холодный ветер.

Он чувствовал себя так, словно его посадили в клетку. По мере того как он метался от стены к стене или расхаживал кругами, Браннох все больше приходил в ярость. Он схватил со стола доклад и разодрал его на мелкие кусочки с таким видом, будто хотел уничтожить каждое словечко.

— Пусто, — сказал он. — Чертовски безрезультатно. Они не знают. Они понятия не имеют, куда могло подеваться это существо. Их память была прозондирована на клеточном уровне, но ничего полезного там не оказалось.

— У Чантавара есть какая-нибудь нить к разгадке? — спросил ровный механический голос.

— Нет. По последним донесениям моих агентов, в интендантской службе той же ночью, когда был угнан флаер, существо взломало склад и прихватило несколько коробок с рациями для космонавтов. Все, что ему нужно было сделать после этого, так это спрятать еду, или что он там себе нашел в логове, поставить флаер на автопилот, а самому затаиться и ждать. Чем он, очевидно, с тех пор и занят.

— Будет странно, если он сможет питаться человеческой пищей до бесконечности, — сказал Фримка. — Вероятность того, что его метаболизм хотя бы незначительно отличается от вашего, весьма велика, а это означает либо небольшой, но накапливающийся дефицит каких-то веществ, либо отравление. В конечном счете он заболеет и умрет.

— На это могут уйти недели, — огрызнулся Браннох, — а тем временем он так или иначе раздобудет то, что ему надо, — всего лишь крошку титана, или какого-то там еще нужного элемента — да чего угодно. А еще он может договориться с кем-нибудь из тех, кто его разыскивает. Говорю вам, нам нельзя терять время.

— Мы это хорошо понимаем, — ответил Фримка. — Вы наказали своих агентов за потерю Лангли?

— Нет. Они старались, но удача от них отвернулась. Он уже был у них в руках, там, внизу, в Старом городе, но появились вооруженные агенты Сообщества и отобрали его. Смог ли Валти его подкупить? Мысль убрать этого толстого слизняка была очень даже недурна.

— Нет. Политика Совета запрещает убийство члена Сообщества.

Браннох со злостью пожал плечами:

— Из-за боязни, что они перестанут торговать с Центавром? Мы будем строить собственный торговый флот. Мы ни от кого не будем зависеть. Настанет день, и Совет увидит...

— После того как вы станете основателем династии правителей Центаврийской Межзвездной Гегемонии? Возможно! — Синтезированная речь прозвучала с едва уловимой издевкой. — Однако продолжайте доклад, вы же знаете, мы предпочитаем словесное общение. Неужели Блаустайн и Мацумото вообще не обладают какой-либо полезной информацией?

— Ну... да. Они сказали, что если кто-то и может предсказать, где находится Сарис и что он собирается делать, так это Лангли. Нам просто не повезло, что капитан оказался именно тем, кого не удалось захватить. Теперь Чантавар окружил его такой охраной, что сделать это будет невозможно. — Браннох провел пятерней сквозь желтую гриву. — Конечно, я поставил там столько же наблюдателей. По крайней мере увезти его Чантавару будет сложно. На какое-то время мы остановимся в мертвой точке.

— Куда поместили двух пленников?

— А почему... Они по-прежнему спрятаны в Старом городе. Усыпленные. Я думаю стереть им память о происшедшем и отпустить. От них никакой пользы.

— Не скажите, — возразило чудовище (или чудовища). — Будучи возвращены Чантавару, они могут стать заложниками, с помощью которых тот способен склонить Лангли к сотрудничеству. А вот мы этого сделать не можем, ибо это слишком

явно обнаружит нашу причастность к делу и, возможно, приведет к депортации. Но держать их тоже опасно и сложно. Убейте их, а тела дезинтегрируйте.

Браннох застыл как вкопанный. После долгого молчания, во время которого стук дождя по оконному стеклу казался особенно громким, он покачал головой:

— Нет.

— А почему нет?

— Убийство для пользы дела — это одно. Но беспомощных пленников мы на Торе не убиваем.

— Вашим доводам не хватает логики. Отдайте соответствующий приказ.

Браннох стоял неподвижно. Часть стены, скрывающая танк с существами, медленно кружилась у него перед глазами; напротив нее дождь жидким серебром стекал по большой стеклянной панели.

Неожиданно ему пришло в голову, что он никогда не видел живого фриманина. Существовали стереофотографии, но при чудовищном давлении их атмосферы и притяжении планеты диаметром пятьдесят тысяч миль, равнявшемся трем земным, не выжил бы ни один человек. Это был мир, где горы образовались из твердого как камень льда, где реки и моря из жидкого аммиака бушевали от ураганов, способных поглотить целиком всю Землю, где жизнь была основана не на кислороде и воде, а на водороде и аммиаке, где взрывы газа красными пятнами отсвечивали во тьме, где население доминирующего вида существ достигало пятидесяти миллиардов особей, оно имело миллионолетнюю записанную историю и было объединено в негуманоидную цивилизацию. Этот мир не был создан для человека, и Бранноху иногда даже хотелось, чтобы человек никогда не посылал роботов вниз, на его поверхность, для контактов с фриманами, никогда не продавал им достижения современной науки — единственное, что позволяло вакуумным сосудам выдерживать атмосферное давление и способствовать прогрессу Фрима.

Он представил себе, что происходит внутри танка. Четыре толстых синевато-серых диска шести футов в диаметре на шести коротких ногах с широкими когтистыми ступнями; между каждой парой ног располагалось по одной руке, заканчивающейся тремя пальцами и обладающей фантастической силой. Нарост посередине диска был жестко посаженной головой; из макушки торчало хоботообразное щупальце с барабанной перепонкой, заменявшей уши, вокруг которого выстроились четыре

глаза; ниже расположился рот и еще один хобот, служивший одновременно носом и вспомогательным органом. Ни по внешнему виду, ни по манере поведения невозможно было отличить одну особь от другой. Говорил ли Фримка-1 или Фримка-2, разницы не было.

— Вы обдумаете, подчиняться ли приказу, — раздался микрофонный голос. — Вы нас не очень-то жалуете.

Это было самым распроклятым свойством фриман. На близком расстоянии они могли читать ваши мысли, не было такой задумки или плана, которые не стали бы им известны. Это было одной из причин, почему они стали столь ценными советниками. Другая причина была тесно связана с первой: соединяя щупальца, они могли обходиться без разговорной речи, мысленно общаясь напрямую. Они объединяли свои нервные системы, утрачивая индивидуальность, но зато обретая высокоорганизованный единый мозг, мощь которого было трудно переоценить. Советы подобных мультимозгов сделали многое для того, чтобы Лига альфы Центавра достигла той силы, которой она обладала в настоящее время.

Фримане принадлежали к негуманоидной расе. Даже отдаленно они не походили на человека. Они вели торговлю в пределах Лиги, обмениваясь с людьми товарами, представляющими взаимный интерес. Они сидели в Совете, занимая высокие исполнительные должности. Но способность к непосредственному контакту между собой делала их квазибессмертными и абсолютно чуждыми человеку. Ничего не было известно ни об их культуре, ни об искусстве, ни об устремлениях; каковы бы ни были их эмоции, они настолько отличались от человеческих, что единственно возможным способом общения с ними оставалась чистая логика.

А ведь человек, черт подери, больше чем просто логическая машина.

— Ваши мысли туманны, — сказал Фримка. — Вы можете все разъяснить, сформулировав свои возражения вслух.

— Я не хочу, чтобы этих людей убивали, — сказал Браннох ровным голосом. — Это вопрос этики. Я никогда не смогу забыть этого, если позволю себе на это пойти.

— Ваше общество дало вам беспорядочное воспитание, — сказал Фримка. — Как и в большинстве понятий о взаимоотношениях, в нем отсутствует здравый смысл, оно противоречит чувству самосохранения. Внутри единой цивилизации, которой у человека нет, подобная этика была бы оправдана,

но не перед лицом сложившейся обстановки. Вам приказано убить этих людей.

— Предположим, я этого не сделаю? — с вызовом спросил Браннох.

— Когда Совет узнает о вашем самоволии, вас уберут с поста и вы лишитесь всех ваших шансов удовлетворить собственные амбиции.

— Совету вовсе не обязательно об этом знать. Я могу разбить этот ваш танк. Вас разорвет, как глубоководных рыб. Весьма печальный несчастный случай.

— Вы этого не сделаете. Вы не можете без нас обойтись. Кроме того, все фримане в Совете узнают о вашей провинности, как только вы перед ними появитесь.

У Бранноха опустили плечи. Он был у них на крючке, и они об этом знали. Согласно предназначенным ему лично приказам с Центавра, за ними всегда оставалось последнее слово — всегда, без исключений.

Он налил себе выпивки покрепче и залпом осушил стакан до дна. Затем нажал кнопку на специальном устройстве связи:

— Говорит Янтри. Избавьтесь от тех двух двигателей. Разобрать на запчасти. Немедленно. Конец.

Дождь стекал нескончаемым тяжелым потоком. Браннох уставился на него пустым взглядом. Что ж... вот и случилось.

От алкоголя потеплело внутри. Бранноху претило убивать людей, но ему и раньше доводилось прибегать к этому, причем не так уж и редко, к тому же порой собственными руками. Чем же смерть этих двоих так отличалась от других? На карту поставлено гораздо больше. Будущее его нации: станет ли этот гордый народ данником прямоходящих, именующих себя цивилизацией Солнечной системы? Две жизни против целой культуры?

А еще была земля. Во все времена речь шла о земле, пространстве и потомстве, о том месте, где можно пустить корни, о месте, где можно строить дома и растить сыновей. В городах было что-то ненастоящее. Деньги — этот лихорадочный бред, блуждающий огонь, загнавший до смерти множество жизней. Только в плодородной почве заключена сила.

А на Земле ее хватало с избытком.

Браннох встряхнулся, разгоняя остатки оцепенения. Слишком многое еще нужно сделать.

— Полагаю, — сказал он, — вы знаете, что сегодня нас посетит Лангли.

— Уж это-то мы в ваших мыслях прочитали. Не очень ясно, почему Чантавар позволил ему это.

— Конечно же, чтобы меня спровоцировать, чтобы ухватить суть моих намерений. Кроме того, запретом он противопоставил бы себя руководству, многие члены которого находятся у меня на содержании. Вот Чантавару и приказали, чтобы Лангли на какое-то время была предоставлена максимальная свобода. Вокруг этого человека из прошлого слишком много сентиментальности и... ну да ладно. Если бы Чантавар считал, что это ему на руку, он бросил бы им вызов. Ну а сейчас он хочет использовать Лангли в качестве приманки. Он протягивает мне лопату, чтобы я сам себе выкопал яму. Он подал напряжение, которого хватит, чтобы я сам себя казнил на электрическом стуле.

Браннох ухмыльнулся, неожиданно ему стало почти весело.

— А я ему подыграю. У меня нет возражений против того, чтобы он в настоящее время был в курсе моих дел, ибо тут он может противопоставить слишком многое. Я пригласил Лангли, чтобы вовлечь его в разговор. Если он знает, где находится Сарис, вы прочитаете это в его мыслях: я направлю беседу в нужное русло. Если он не знает этого, то у меня есть способ точно определить, когда он решит проблему и каков правильный ответ.

— Слишком шаткое равновесие, — произнес Фримка. — Как только Чантавар заподозрит, что мы ухватили за кончик нити, он тут же примет меры.

— Я знаю. Но собираюсь активизировать деятельность всей организации — шпионаж, саботаж, мятежи по всей Солнечной системе. Чантавар будет слишком занят, что заставит его отложить арест и допрос Лангли до тех пор, пока он не будет уверен, что парень что-то знает. А тем временем мы сможем... — Звякнул колокольчик. — Это, должно быть, он; уже внизу, в гравелифте. Вот мы и приехали!

Замаявшись в дверях, Лангли неторопливо вошел в комнату. Он выглядел очень усталым. Даже общепринятые одежды не могли скрыть, кем он является на самом деле. Не говоря о лице, указывавшем на чистоту расы его владельца, походка, жестикация, тысяча мелких деталей — все говорило о том, что он чужак. Браннох в душе посочувствовал Лангли — как, должно быть, одиноко этому человеку. Но про себя с тайной усмешкой подумал: сие мы уладим.

Он сделал шаг вперед, и огненно-красный плащ взметнулся за его спиной, центавриец улыбался.

— Добрый день, капитан. Очень любезно с вашей стороны навестить меня. Давно хотел побеседовать с вами.

— Я ненадолго, — сказал Лангли.

Браннох стрелнул взглядом в окно. Прямо за стеклом завис боевой корабль, дождевые струйки стекали с его бортов. Должно быть, повсюду расставлены люди, а оружие и шпионская аппаратура в полной боевой готовности. На этот раз пытаться организовать похищение бесполезно.

— Ладно-ладно, присаживайтесь, пожалуйста, выпейте что-нибудь. — Массивное тело посла шлепнулось в кресло. — Вам, должно быть, надоели глупые вопросы о вашем времени и о том, как вам нравится здесь, в этом плане я вас беспокоить не стану. Но что я действительно хотел бы, так это спросить кое-что о планетах, на которых вы побывали.

Исхудалое лицо Лангли застыло.

— Послушайте, — медленно начал он, — единственная причина, по которой я к вам пришел, так это попытаться вызволить от вас своих друзей.

Браннох пожал плечами.

— Я очень сожалею по поводу похищения ваших друзей, — учтиво сказал он, — но, видите ли, я здесь ни при чем. Признаюсь, я хотел это сделать, но меня опередил кто-то другой.

— Если это не ложь, то, пока не доказано обратное, допустим, — холодно сказал космонавт.

Браннох прихлебнул из бокала.

— Посудите сами, я вам это доказать не могу. Я не виню вас за подозрительность. Но почему всех собак обязательно вешать именно на меня? Ведь есть и другие, кому не терпелось сделать то же самое. Например, Торговое Сообщество.

— Они... — Лангли заколебался.

— Я знаю. Они выбрали вас пару дней назад. Земля слухами полнится. Должно быть, вас там заболтали. Откуда вы знаете, что они говорили правду? Голтам Валти любит хитрые подходы. Ему нравится думать о себе как об искусном вязальщике сетей; надо отдать должное, плетет он их не так уж и плохо.

Лангли не сводил с него измученного взгляда.

— Вы захватили или не захватили этих людей? — спросил он резко.

— Клянусь честью, нет. — Бранноха не мучили угрызения совести, когда дело касалось дипломатии. — Никакого отношения к случившемуся в тот вечер я не имею.

— Там были задействованы две группы. Одна из них представляла Сообщество. Кого представляла другая?

— Возможно, это тоже агенты Валти. Ему выгодно, чтобы вы считали его своим спасителем. Или... существует вероятность, что Чантавар сам инсценировал похищение. Он хотел попробовать допросить ваших друзей, а вас оставил про запас. Когда вы сбежали, банда Валти просто воспользовалась случаем. Или, может быть, сам Валти находится на содержании у Чантавара, или даже — хоть это и звучит фантастично — Чантавар у Валти. При повальном взяточничестве от перестановки мест слагаемых... — Браннох рассмеялся. — Представляю, какой нагоняй вам устроил дружище Чанни, когда вы к нему вернулись.

— Да уж. Но я ему тоже высказал все, что думаю по этому поводу. Хватит, слишком долго мной играли, как хотели. — Лангли сделал изрядный глоток.

— Я разбираюсь с этим делом, — сказал Браннох. — Мне самому необходимо знать, что и как. До сих пор я не смог обнаружить ничего стоящего. Не то чтобы ключи к разгадке отсутствуют — просто их слишком много.

Пальцы Лангли сжались.

— Как вы думаете, я когда-нибудь увижу ребят снова? — спросил он.

— Трудно сказать. Но не теряйте надежды и не принимайте никаких предложений обменять их жизни на вашу информацию.

— Я думаю... что не стану... или не стал бы. Слишком велики ставки.

— Нет, — пробормотал Браннох, — я не думаю, что вы на это пойдете.

Он еще больше успокоился и, растягивая слова, задал ключевой вопрос:

— Вы знаете, где находится Сарис Хронна?

— Нет, не знаю.

— Какие-то наметки? Нет ли такого места, куда он мог направиться с наибольшей вероятностью?

— Я не знаю.

— Вы можете, конечно, увилить, — сказал Браннох. — Больше с этим я приставать к вам не стану. Просто помните: в обмен на эту информацию я готов предложить приличную сумму, защиту и переправить на любую планету по вашему выбору. Планета вполне может оказаться самой Землей... через несколько лет.

— Так вы собираетесь на нее напасть?

Чертов парень! Хватка, как у бульдога. Бранных непринужденно рассмеялся.

— Вы слышали о нас от наших врагов, — ответил он. — Должен признаться, характер у нашего народа не сахар. Мы — это фермеры, рыбаки, шахтеры, механики, аристократ отличается от мелкого собственника лишь тем, что у него больше земли. Почему бы вам не взять в библиотеке книги о нас, отбросить пропаганду и не разобраться во всем самому?

С тех пор как мы обрели независимость, Сол все время пытается заполучить нас обратно. Идея «Технона» заключается в том, что лишь объединенная цивилизация — под его руководством — имеет право на существование, все остальное слишком рискованно. Наше мнение таково, что все вставшие на ноги культуры имеют право жить по собственному усмотрению и гори он огнем — всякий риск. Невозможно объединить людей, не уничтожив в них все различия и оттенки, которые и приносят смысл в их существование; по крайней мере их невозможно объединить под управлением чего-то, что не было бы столь же омертвляющим, как машина, которая все за них решает.

Солнечная система — это угроза нашему самоуважению. Добро пожаловать, пусть она толчется на месте и позволяет собственным мозгам зарастать мохом, но нам-то этого всего не надо. Когда она пытается навязать свои порядки силком, мы вынуждены сопротивляться. В конце концов, видимо, придется уничтожить «Технон» и оккупировать систему. Честно говоря, не думаю, что человечество от этого много потеряет. Мы могли бы превратить этих баранов с нижних уровней снова в людей. Мы не хотим драться — Отец свидетель, у нас хватает дел и в собственной системе, — но похоже на то, что придется.

— Все эти споры я слышал и раньше, — сказал Лангли. — Они были не менее насущными еще в мое время. Очень жаль: несмотря на то что прошло столько веков, вы так и не удосужились их решить.

— И никогда не решим. Человек просто органически не может не восставать и не стремиться к разнообразию. Всегда будут существовать неконформисты и те, кто стремится к согласию. Вы должны признать, капитан, что некоторые из наших доводов перевешивают доводы противной стороны.

— Полагаю, что... так. — Лангли поднял взгляд. — Во всех случаях помочь вам ничем не могу. Где находится укрытие Сариса, мне так же неизвестно, как и вам.

— Я же обещал, что не стану вам докучать. Расслабьтесь, капитан. Вы выглядите как скисшее яблочное пюре. Наливайте себе еще.

Беспорядочный разговор длился еще около часа, беседа вертелась вокруг звезд и планет. Браннох старался очаровать собеседника и думал, что это ему удалось.

— Я должен идти, — наконец объявил Лангли. — Мои няньки, наверно, уже взбеленились.

— Как скажете. Заходите еще, в любое время. — Браннох проводил его к дверям. — Ах да, между прочим, дома вас ожидает подарок. Думаю, он вам понравится.

— А?

— Никаких взяток. Никаких обязательств. Если вы его не примете, я не обижусь. Просто мне пришло в голову, что все эти люди, которые пытаются использовать вас в качестве своего орудия, никогда не остановятся и не подумают о том, что вы еще и мужчина. — Браннох хлопнул его по плечу. — До скорого. Удачи вам, капитан.

Когда Лангли ушел, торианин резко повернулся к своим слушателям. В нем все горело от нетерпения.

— Вы прочитали? — кинулся он к танку. — Вы хоть что-нибудь уловили в его мыслях?

Наступила пауза. От возбуждения у Бранноха кружилась голова: Чантавар не знает, если бы он знал, то никогда бы не позволил Лангли прийти сюда. Долгое время ториане и сами не догадывались, что фримане — телепаты, а когда сообразили, то стали тщательно следить за сохранением этой тайны. Может быть... может быть...

— Нет, — ответил ему голос. — Мы вообще не смогли что-либо прочитать.

— Что?!

— Белиберда. Ничего осмысленного. Теперь мы должны положиться на вашу схему.

Браннох рухнул в кресло. Какое-то время он был в смятении. Почему? Неужели накопившиеся мутации изменили человеческий мозг до такой степени? Он не понимал. Фримане никогда никому не рассказывали, как осуществляется телепатический контакт.

Но... ладно. Лангли по-прежнему оставался человеком. У них по-прежнему оставался шанс. «Очень хороший шанс,

если я еще что-то смыслю в мужчинах», — подумал Браннох. Он порывисто вздохнул и постарался избавиться от охватившей его напряженности.

Глава 10

Весь путь до дома он проделал под неусыпным вниманием полицейского эскорта. А сколько агентов сновали в толпах на виадуках, скрывались в мареве дождя, струйками стекавшего по прозрачным поверхностям...

Ни покоя, ни уединения больше не будет. Если только не бросить все к черту и не рассказать о том, что он на самом деле думает.

Придется поступить именно так, в противном случае они вскроют мне черепушку и выудят оттуда все, что я знаю. «До сих пор, — размышлял Лангли, — мне очень даже успешно удавалось лицемерить и вводить в заблуждение». Это было совсем несложно. Он являлся продуктом совсем иной цивилизации, и ни один самый лучший современный психолог не мог толком интерпретировать нюансы его поведения. Кроме того; он всегда был хорошим игроком в покер.

Но кому открыться? Чантавару, Бранноху, Валти? Да и сам Сарис должен ли иметь право голоса? Очень может быть, что ему лгали все без исключения, вполне возможно, что во всех их увещаниях не было ни слова правды. А может, стоит просто скрыть новые знания от всех власть имущих — сжечь Сариса лазерным лучом дотла и забыть обо всем? Но как осуществить даже такой вариант?

Лангли тряхнул головой. Нужно решать, и решать очень быстро. Если бы он только прочитал эти странно сложные книги, узнал бы хоть что-то — ровно столько, чтобы по крайней мере прикинуть, кто из них заслуживает наибольшего доверия. С таким же успехом можно было бы погадать на картах. Во всяком случае, это было бы не более бессмысленно, чем слепое блуждание в потемках, которое, похоже, уготовила ему судьба.

Нет... теперь он должен полагаться только на самого себя, причем на всю оставшуюся жизнь.

Он вышел из флаера на уступ дворцовой башни, в которой расположились его апартаменты. (Только его. Теперь, без Джима и Боба, они были слишком просторны и пустынные.) Холл вывел его к гравishaхте, и он взлетел на свой уровень. За ним следовали четыре охранника, которые казались какими-то

неестественными в своих жестких боевых доспехах черного цвета. Хорошо хоть они останутся снаружи.

Лангли остановился перед входной дверью, чтобы та его просканировала.

— Сезам, откройся, — сказал он усталым голосом и вошел внутрь. Двери за его спиной сразу закрылись.

И тут будто что-то взорвалось у него в голове, на какое-то время потемнело в глазах. Мрак отступил; не сходя с места, он пошатнулся, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Пегги, — прошептал он.

Она приблизилась к Лангли, передвигая длинные ноги все с той же грациозной неуклюжестью, которую он так хорошо помнил. Простенькое белое платье было перехвачено пояском на стройной талии, а рыжие волосы ниспадали на плечи. Зеленые большие глаза, мягкость в изгибах широкого рта, чуть-чуть вздернутый нос с россыпью веснушек. Подойдя совсем близко, она остановилась и преклонила перед ним колени. Он увидел, как по огненным волосам скользнул отблеск света.

Рука Лангли потянулась было к ней, но, не дотронувшись, замерла в воздухе. Неожиданно его зубы начали выбивать дробь, а по коже пробежал холодок. Ничего не видя, он отвернулся от девушки.

Он бил кулаком по стене, едва касаясь поверхности, стараясь овладеть бушевавшими в нем силами и мышцами, готовыми разнести вдребезги весь мир. Казалось, прошла вечность, прежде чем он снова смог на нее смотреть. Она по-прежнему ждала.

— Ты не Пегги, — сказал он сквозь слезы. — Это не ты.

Она не понимала по-английски, но, видимо, уловила смысл его слов. Голос у нее был такой же низкий, как и у Пегги, но все же немного отличался.

— Сэр, меня зовут Марин. Лорд Браннох ду Кромбар послал меня к вам в качестве подарка. Я буду рада служить вам.

По крайней мере, подумал Лангли, у Бранноха хватило ума дать ей другое имя.

Галопирующее в грудной клетке сердце начало давать перебои, и он стал хвататься руками за воздух. Медленно и неуклюже он обернулся к роботу-слуге.

— Дай мне успокоительное, — произнес он чужим голосом. — Я хочу оставаться в сознании, но при этом быть спокойным.

Проглотив микстуру, Лангли почувствовал, как с глаз исчезает пелена. Руки покалывало от возвращающегося тепла. Сердце замедлило свой бег, легкие набрали воздух, по взмок-

шему телу пробежала дрожь, и он расслабился. Внутри царило равновесие, как если бы несчастье произошло давным-давно.

Он изучал девушку, и та застенчиво улыбнулась. Нет, это не Пегги. Лицо и фигура — да, но ни одна американка никогда бы не улыбнулась в такой манере, с таким особенным изгибом губ; он заметил, что она немного выше ростом, и ее походка не такая, как у свободнорожденной, а голос...

— Откуда ты родом? — спросил он, слегка удивляясь ровности собственного голоса. — Расскажи мне о себе.

— Я рабыня восьмого класса, сэр, — с кротостью ответила она, впрочем, сама этого не осознавая. — Нас выращивают для приятного, интеллектуального общения. Мне двадцать лет. Лорд Браннох выкупил меня несколько дней назад, осуществил хирургические изменения моего тела и соответствующее психокодирование и послал сюда в качестве подарка. Приказывайте, сэр.

— Все что угодно, а?

— Да, сэр. — В ее глазах мелькнул легкий испуг. Должно быть, в центрах выращивания и обучения ходило немало историй о хозяевах — садистах и извращенцах. Но ему понравилось, с каким вызовом она откинула свою голову.

— Не обращай внимания, — сказал Лангли. — Тебе не о чем беспокоиться. Ты вернешься к лорду Бранноху и передашь ему, что он просто-напросто лишился всех шансов на мое сотрудничество.

Она вспыхнула, на глаза навернулись слезы. По крайней мере у нее есть какое-то чувство гордости... Что ж, Браннох, конечно, понимал, что бесчувственная кукла не заинтересует Лангли...

Видимо, ей стоило немалых усилий контролировать свой голос.

— Значит, вы меня не хотите, сэр?

— Единственное, чего я хочу, — чтобы ты передала послание. Убирайся!

Она поклонилась и повернулась к выходу. Лангли со сжатыми кулаками прислонился к стене. О Пегги, Пегги!

— Минуточку! — У него создалось впечатление, что слово произнес не он, а кто-то другой. Она остановилась.

— Да, сэр?

— Скажи мне... что теперь с тобой будет?

— Не знаю, сэр. Лорд Браннох может наказать за... Нет, сэр. — Она честно покачала головой с необычайным упрямством, которое не вязалось с образом рабыни. Хотя... Пегги была

женщиной такого же склада. — Он поймет, что меня не за что винить. Возможно, какое-то время я буду у него, а может быть, он просто меня даст кому-то еще. Я не знаю.

Лангли почувствовал, как в горле у него запершило.

— Нет. — Он болезненно улыбнулся. — Извини. Ты меня... напугала. Не уходи. Присаживайся.

Он нашел себе кресло, и девушка, подобрав под себя стройные ноги, уселась перед ним на полу. Лангли очень ласково коснулся ее головы.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил он.

— Да, сэр. Лорд Браннох сказал мне, что вы космонавт из очень далекого прошлого, который потерялся и... я теперь похожа на вашу жену. Наверно, чтобы сделать копию, он использовал фотографии. Он сказал, — так ему кажется, — что вам должно понравиться, если рядом с вами будет кто-то, похожий на нее.

— А дальше что? Чего он предполагал добиться с твоей помощью? Уговорить меня, чтобы я оказал ему помощь? Он хочет, чтобы я ему помог в очень важном деле.

— Нет, сэр. — Она твердо посмотрела ему в глаза. — Я должна лишь выполнять ваши желания. Может... — Меж слегка нахмуренными бровями пролегла крохотная складка, и она стала так похожа на Пегги, что Лангли почувствовал, как у него екнуло сердце. — Может, он рассчитывал на вашу благодарность?

— Как же, разбежался! — Лангли старался сообразить. Было непохоже, что циничный реалист, каковым являлся Браннох, предполагал, будто расчувствовавшийся космонавт прибежит к нему. Или предполагал? С изменением всего общества изменились и некоторые черты человеческого характера. Возможно, современный землянин именно так бы и поступил.

— А ты сама не считаешь, что я должен чувствовать себя обязанным? — не торопясь спросил он.

— Нет, сэр. С какой стати? Не такой уж я дорогой подарок.

Лангли захотелось, чтобы здесь была его старая трубка. Пришлось бы специально для нее рубить нынешний табак. Сегодня никто не курил трубки. Он погладил бронзовые волосы рукой, переставшей дрожать после приема лекарства.

— Марин, расскажи мне что-нибудь о себе, — попросил он. — Что за жизнь была у тебя до сих пор?

Она рассказывала обстоятельно, без каких-либо обид и не без юмора. Центр подготовки никоим образом не соответствовал предвзятому мнению Лангли. Отнюдь не являясь рас-

садником порока, он скорее походил на пансионат для обеспеченных девиц. Его границы охватывали леса и поля для прогулок, в нем не делалось никаких попыток, кроме кодирования на осознание себя собственностью, помешать индивидуальности развиваться своим путем. Но, конечно же, эти девушки предназначались в наложницы высшему классу.

Несколько отрешенно — из-за успокоительных лекарств — он подумал, что Марин может оказаться очень даже полезной. Он задал ей несколько вопросов по истории и текущим событиям, на что получил весьма разумные ответы. Возможно, ее знания помогут ему решить, как же быть дальше.

— Марин, — мечтательно спросил он, — а ты когда-нибудь скакала на лошади?

— Нет, сэр. Я умею управлять автомашиной и флаером, но никогда не ездила на животных. Было бы интересно попробовать! — рассмеялась она, теперь уже совсем освоившись.

— Слушай, — сказал он, — прекрати называть меня «сэр» и откажись от местоимений вежливой формы. Меня зовут Эдвард, уменьшительное — Эд.

— Да, сэр... Эдви. — Она нахмурилась с детской серьезностью. — Я постараюсь помнить. Извини... те, если я буду ошибаться. Но на людях лучше придерживаться общепринятых правил.

— О'кей. А теперь... — Лангли не мог взглянуть в эти чистые глаза, вместо этого он уставился в дождь. — Ты хотела бы стать свободной?

— Сэр?

— Эд! Думаю, что я мог бы дать тебе вольную. Ты не хотела бы стать свободной?

— Вы... ты очень добр ко мне, — медленно протянула она. — Но...

— Ну?

— Но что дальше? Мне придется спуститься на нижние уровни и стать женой простолюдина, служанкой или проституткой. Другого выбора нет.

— Хороша система! Здесь, наверху, ты по крайней мере находишься под защитой и среди равных по интеллектуальному уровню. О'кей, считай, что ты часть обстановки.

— Сам ты... хорош, — хихикнула она. — Мне очень повезло.

— Тебе чертовски повезло. Взгляни, я собираюсь тебя здесь держать только потому, что у меня рука не поднимается отправить тебя куда подальше. Но очень может статься, что здесь будет более чем опасно. Я оказался втянутым в самую гущу

решающего торга в межзвездном покере... Я постараюсь вытащить тебя отсюда, если дела пойдут совсем худо, но может случиться, что у меня просто не будет такой возможности. Скажи честно, как тебе перспектива быть убитой или... что-нибудь в этом роде?

— Да, Эдви. Это один из краеугольных камней моего воспитания. Мы не можем знать, что ожидает нас в будущем, а посему должны преисполниться мужества, дабы достойно встретить то, что нам будет ниспослано.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты так говорила, — утрюмо заметил он. — Но ты, полагаю, иначе не можешь. Подспудно люди остались прежними, но внешне они мыслят по-другому. Ладно...

— Эдви, что за опасность тебе угрожает? Я могу помочь? — Она положила руку на его колено, ладошка была узкой, но немного грубоватой и с сильными пальцами. — Я хочу помочь, я действительно этого хочу.

— О-хо-хо. — Лангли покачал головой. — Я не собираюсь говорить тебе больше, чем необходимо, потому что, как только люди поймут, что тебе что-то известно, ты тоже превратишься в покерную фишку.

Ему пришлось использовать английские слова — из тех игр, что он знал, сохранились только шахматы, — но она уловила смысл.

Марин встала и, наклонившись к Лангли, произвольным движением погладила его рукой по щеке.

— Прости меня... — прошептала она. — Должно быть, я для тебя что-то ужасное.

— Ничего, я переживу. Продолжим сводку новостей. Я не желаю тебе зла, но сейчас я нахожусь под действием успокоительного. Для меня было шоком тебя увидеть, и наверняка это еще продлится какое-то время. Держись в тени, Марин; прячься, если я начну швырять вещи. Не пытайся выражать сочувствие, просто оставь меня в покое. Дошло?

Она молча кивнула.

Несмотря на лекарства, голос его стал грубым. Рана не переставала кровоточить.

— Можешь спать вон в той комнате.

— Хорошо, — спокойно ответила она. — Я поняла. Если ты передумаешь, я тоже пойму. — После секундной заминки она добавила: — Ты же знаешь, что всегда можешь снова изменить мою внешность.

Он не ответил, а про себя подумал, что самым логичным было бы сказать «нет». Все равно он всегда будет помнить. Ему не верилось, что таким образом удастся спрятаться от фактов.

Входная дверь исполнила перезвон и объявила:

— Сэр, вас желает видеть министр Чантавар Танг во Ларин. — На экране сканера вспыхнуло изображение — лицо офицера было холодным и натянутым от едва сдерживаемого гнева.

— Хорошо. Впусти его. — Марин вышла в соседнюю комнату. При появлении Чантавара Лангли остался сидеть, ожидая, когда тот заговорит.

— Вы сегодня виделись с Браннохом.

Лангли приподнял брови. Он был по-прежнему спокоен, но лишь настолько, чтобы едва сдержать упрямое негодование.

— А это что, незаконно? — спросил он.

— Что ему от вас нужно?

— А как вы думаете? Да то же, что и вам, и Валти, и вообще всем вокруг. Я сказал ему «нет», потому что мне было нечего ему сказать.

Голова Чантавара с прилизанными темными волосами подалась вперед.

— Так уж и нечего? — набросился он на Лангли. — Сомневаюсь! Ох, как я сомневаюсь! До сих пор мое начальство не разрешало вскрыть ваш мозг. Они утверждают, что если вы не знаете, если вы действительно не додумались, то после этой процедуры вы вообще никогда не сможете думать на эту тему. Да и сама по себе процедура — удовольствие не из приятных. После нее вы перестанете в какой-то степени быть самим собой.

— Так давайте же — вперед и с песнями! — бросил вызов Лангли. — Ведь воспрепятствовать я вам не в силах.

— Если бы у меня было время переспорить своих начальников, я поступил бы именно так, — прямо заявил министр. — Но на меня сейчас навалилось слишком много забот, причем одновременно. Сегодня был взорван завод по производству военного снаряжения на Венере. Я напал на след мятежников, которые пытаются толкнуть простолудинов на восстание и хотят их вооружить. Конечно, все это — работа Бранноха. Он ввел в игру всю свою команду для того, чтобы просто отвлечь меня от поисков Сариса. А отсюда возникает предположение, что у него хватает оснований предполагать: Сариса можно найти.

— Послушайте, я над этим думал до посинения, но... я... не... знаю. — Серые глаза Лангли твердо встретили разгневанный взгляд черных глаз министра. — Вам не приходило в голову, что у меня достало бы сообразительности избежать для себя лишних трудностей? Если бы я действительно что-то знал, то давно бы все рассказал хоть кому угодно, а не ходил бы вокруг да около.

— Может быть, и так, — зловеще произнес Чантавар. — Тем не менее предупреждаю, если в течение пары дней я не услышу каких-либо разумных предложений, вы будете допрошены лично мной. Охота продолжается, но мы просто не в состоянии облазить все углы и закоулки на планете, особенно когда кое-кто из влиятельных министров начинает ворчать по поводу обыска их личных владений. Но Сарис будет найден даже в том случае, если мне придется вспороть всю планету, ну и вас в придачу.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — пообещал Лангли. — Вы же знаете, я тоже землянин.

— Хорошо. Пока я этим удовлетворюсь, но только пока. Теперь еще одно. Мои наблюдатели доложили, что Браннох прислал вам рабыню. Я хочу на нее посмотреть.

— Послушайте...

— Заткнитесь! Тащите ее сюда!

Марин вышла сама. Она поклонилась Чантавару и тихо стояла под его раздевающим взглядом.

— Та-ак, — прошептал министр. — Поня-атненько. Лангли, ну и как вы это восприняли? Хотите, чтобы она осталась?

— Да, хочу. И если вы не согласны, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вы никогда не нашли Сариса. Но я не собираюсь менять эту девушку на судьбу всей цивилизации, если это то, о чем вы подумали.

— Нет... я так не подумал. Этого я не боюсь. — Чантавар устался в пол, широко раздвинув ноги и сцепив руки за спиной. «Интересно, — соображал он, — что Лангли задумал на самом деле? Своеобразное чувство юмора? Не знаю. Придется охранять и ее».

На какое-то время наступила тишина. Лангли стало интересно — что же сейчас происходит под этим крутым черепом? И тут Чантавар поднял взгляд, полный проказливого веселья.

— Не обращайтесь внимания, — произнес он. — Так, пришла тут в голову одна шутка. А вы, капитан, садитесь и хорошенько

подумайте. Сейчас я вынужден вас покинуть. Всего доброго, наслаждайтесь друг другом.

Он решительно поклонился и вышел.

Глава 11

Дождь прекратился почти перед самым закатом, но облака еще не рассеялись, и город накрыла тьма. Марин и Лангли поужинали в своих апартаментах. Теперь, когда действие лекарств прекратилось, ему было необходимо сосредоточиться и беспристрастно оценить, что делать дальше. Он все еще не отваживался думать о девушке как о самом обычном человеке. Он забросал ее вопросами, на которые та охотно отвечала. То, что он узнал, похоже, подтверждало рассказы Валти о Сообществе: это была действительно кочевая культура, патриархальная и с полигамией: они владели боевыми кораблями, но вели себя мирно: их правители были действительно анонимы, а ранняя история смутна. О центаврийской цивилизации и намерениях Бранноха она отзывалась менее лестно, чего, конечно же, и следовало ожидать.

— Две межзвездные империи, движущиеся по пути к столкновению, — сказал Лангли. — Тор и впрямь импонирует мне больше, чем Земля, но... Может быть, я сужу предвзято.

— Тут ты ничего не можешь поделать, — серьезно ответила Марин. — Торианское общество архаично в своей основе и ближе Земли к тому, что ты знал в свое время.

Однако представить себе, что они сделают большой скачок на пути прогресса, если победят, тоже трудно. Они тоже застыли в своем развитии, вот уже добрых пятьсот лет у них не происходит ничего поистине нового.

— Чего стоит прогресс сам по себе? — пожал плечами Лангли. — Я стал пессимистом в отношении перемен ради перемен. Возможно, застывшая цивилизация — это и есть конечное решение всех человеческих проблем при условии, что она будет достаточно гуманной. На сегодня я не вижу особой разницы между двумя великими державами.

Безусловно, разговор записывался, но теперь Лангли это было неважно.

— Хорошо бы отыскать маленькую мышиную норку, заползти в нее и позабыть все эти свары.

— Полагаю, это как раз то, чего всегда хотели девяносто девять процентов представителей человеческой расы, — сказал Лангли. — Но истина заключается в том, что они все время

сами себя наказывают за собственные лень и малодушие, а правители подгоняют их на этом пути. До тех пор пока по крайней мере большинство людей не будет готово самостоятельно мыслить и соответственно действовать, не будет ни мира, ни свободы. И я начинаю бояться, что этот день так и не наступит.

— Говорят, существуют тысячи утраченных колоний, — мягко и мечтательно ответила Марин. — Тысячи маленьких сообществ, которые отправились за своей ни на что не похожей утопией. Наверняка где-то там кто-то живет по-другому.

— Возможно. Но мы находимся здесь, а не там. — Лангли встал. — Давай-ка закругляться. Спокойной ночи, Марин.

— Спокойной ночи, — ответила она и застенчиво улыбнулась, как если бы все еще не была уверена в его отношении к ней.

Оказавшись в спальне один, Лангли напялил пижаму, заполз в постель и прикурил сигарету. Настало время решать. Чантавар дал ему пару дней. Блефовать дальше не имело смысла, так как он был почти уверен, что знает ответ на вопрос о Сарисе, а разрушительная для личности процедура ментоскопирования ровным счетом ничего не давала.

Становилось все более очевидно, что единственно логичным выходом будет рассказать все Чантавару. С точки зрения собственной безопасности; он, в конце концов, находился на Земле. И какие бы сети ни плели Браннох и Валти, Чантавар оставался здесь главной силой. Обратиться к кому-то еще означало рисковать при контактах и побеге.

С общечеловеческой точки зрения — Солнечная система защищена своим status quo. Она не являлась открыто агрессивной, как Центавр, но была бы рада возможности наложить на что-то лапу. Стоило не забывать, что если, несмотря ни на что, дело все-таки дойдет до войны, в Солнечной системе живет больше людей, чем в системе Центавра. К тому же у Бранноха уйдет девять лет на то, чтобы до его дома дошло послание и оттуда прилетел флот. За девять лет «эффект Сариса», возможно, удалось бы использовать в стандартном оружии. (Причем, стоит отметить, оружию сравнительно гуманном, не причиняющем вреда собственно живым существам.)

С исторической точки зрения и Сол, и Центавр — оба зашли в тупик, здесь выбирать было нечего. О Сообществе известно слишком мало, оно слишком непредсказуемо. Более того, Центавр находится под влиянием Фрима, чья природа и

конечные цели вообще являются тайной. Сол был по крайней мере прямолинеен и ясен.

Что же касается Сариса Хронны, который был другом Лангли, — что ж, он всего лишь отдельная личность. И если возникнет необходимость, лучше поступиться им, а не миллиардом людей, которые погибнут в единственной вспышке ядерного распада — с обугленной кожей и выжженными глазами.

Перед Лангли открывался очевидный, безопасный и целесообразный путь. Рассказать все, что он знает, Чантавару, найти себе нишу на Земле и осесть здесь до конца своих дней. Конечно, через несколько лет ему все наскучит, но зато это будет безопасно, он будет лишен необходимости думать.

Ладно... Он закурил еще одну сигарету. С этим и уснем, если возможно уснуть.

Где-то сейчас Боб с Джимом? Что за мрак переполняет страхом их души? А может быть, их уже укрыла вечная тьма? Он не надеялся снова их увидеть. Если бы он знал, кто их убил, то скорее покончил бы с собой, чем помог бы той стороне, которая это сделала. Но, видно, он так и останется в неведении на всю оставшуюся жизнь.

Прикрыв глаза, он попытался мысленно вызвать образ Пеппи. Ее не стало, она умерла так давно, что даже кровь ее потомков успела раствориться в крови всей расы. Вполне вероятно, что все, кого он тут встретил, — Чантавар, Браннок, Валти, Марин, Юлайн и безликие простолюдины, сгрудившиеся на нижних уровнях, появились на свет в результате той самой незабвенной ночи. Мысль показалась странной. Интересно, вышла ли она замуж еще раз? Он надеялся, что да, что это был хороший человек и что жизнь ее была счастливой, хотя вряд ли.

Он попытался представить ее себе, но это оказалось делом трудным. Ее образ заслоняла Марин, это было как две картинки, наложенные одна на другую, не совсем совпадающие, с разными очертаниями. Улыбка Пеппи никогда не была похожей на ту, что он видел сейчас... или была?

Он глухо выругался, вынул из пачки сигарету и выключил свет, исходящий от потолка и стен. Сон так и не пришел, и Лангли беспокойно ворочался в постели, и ржавая дельта воспоминаний чередой тянулась в его голове.

Наверно, так прошло несколько часов, как вдруг он услышал взрыв.

Он шел на кровати, слезо уставившись перед собой. Это был выстрел из бластера! Какого черта?..

Прозвучал еще один выстрел, и по полу протопали сапоги. Лангли вскочил на ноги. Солдаты... на этот раз серьезная попытка похищения, несмотря на всю охрану! Где-то за дверью грохнуло еще, и он услышал приглушенные проклятия.

Сжав кулаки, он затаился у дальней стены. Не зажигать свет. Если это за ним, то пусть сначала поищут и попробуют вытащить его отсюда.

Суматоха переместилась куда-то в район гостиной. И тут он услышал крик Марин.

Он кинулся к дверям.

— Открывайте же, черт побери!

Двери почувствовали его присутствие и разошлись. Затянутая в металл рука сбила его с ног и прижала к полу.

— Оставайтесь там, где находитесь, сэр, — выдохнул хриплый голос из-под боевого шлема, похожего на маску. — Они прорвались внутрь...

— Отпустите меня! — Лангли попытался оттолкнуть гигантскую фигуру полицейского. Но ему было не справиться — раб стоял как скала.

— Извините, сэр, у меня приказ...

Бледно-голубой луч пересек поле зрения Лангли. Он успел заметить фигуру в космическом скафандре, которая вываливалась из разбитого окна с извивающейся Марин на руках, остальные полицейские вели им вдогонку беспорядочную стрельбу.

Постепенно все утихло.

Охранник поклонился Лангли:

— Они скрылись, сэр. Теперь можно выйти, если желаете.

Лангли шагнул в гостиную и оказался на месте побоища. В воздухе пахло озоном и горелым пластиком, вокруг стелился дым. Обломки опрокинутой мебели валялись под ногами неуклюжих фигур в боевом облачении, заполнивших помещение.

— Что тут произошло?! — громко потребовал Лангли.

— Успокойтесь, сэр. — Командир подразделения забросил шлем за спину; бритая голова, торчавшая из металлизированного обмундирования, казалась совсем крошечной. — С вами все в порядке? Не хотите успокоительного?

— Я спрашиваю тебя, что случилось? — Лангли хотелось ударить по бесстрастному лицу. — Давай говори, я тебе приказываю!

— Очень хорошо, сэр. Два небольших боевых космолета атаковали нас прямо сверху. — Командир указал на разбитое

вдребезги окно. — Один отвлек наши флаеры, а второй высадил нескольких человек в космических скафандрах и с антигравитационными устройствами, эти люди ворвались в помещение. Часть из них задержало наше подкрепление, подоспевшее через двери, а один схватил вашу рабыню; мы их потеснили, подоспели еще наши люди, и они отступили. Похоже, никаких потерь с обеих сторон — очень короткая стычка. К счастью, вас им захватить не удалось, сэр.

— Кто это был?

— Не знаю, сэр. Их снаряжение не похоже ни на одно из обычных для полицейских или военных. Думаю, одна из наших посудин захватила их следящим лучом, но она не может преследовать космолеты за пределами атмосферы, а они, похоже, направляются именно туда. Но успокойтесь, сэр. Вы в безопасности.

Ага! Он в безопасности! Лангли поперхнулся и отвернулся в сторону. Он почувствовал, что совершенно обессилел.

Чантавар появился приблизительно через час. Пока он осматривал учиненный разгром, его лицо оставалось подчеркнуто неподвижным.

— Им удалось уйти, ну да ладно, — сказал он. — Это не так уж важно, поскольку их миссия не увенчалась успехом.

— Вы знаете, кто они? — упрямо спросил Лангли.

— Нет, я не могу их назвать. Вероятно, центаврийцы, возможно, Сообщество. Конечно, расследование будет произведено. — Чантавар зажег сигарету. — По-своему это обнадеживающий признак. Обычно шпион прибегает к крутым мерам только от отчаяния.

— Послушайте! — Лангли схватил его за руку. — Вы должны их найти. Вы должны вернуть эту девушку обратно. Вы поняли?

Чантавар глубоко затынулся, отчего щеки его втянулись, а скулы выступили еще больше. Он изучающе смотрел на американца.

— Она уже стала так много для вас значить? — спросил он.

— Нет... Ну... Это же элементарная порядочность! Нельзя, чтобы ее схватили в надежде узнать что-то такое, чего она на самом деле не знает.

— Она всего лишь рабыня, — пожал плечами Чантавар. — Очевидно, ее прихватили чисто случайно, когда их выдворили

из вашего дома. Ничего страшного. Я подарю вам ее дубликат, если это так для вас важно.

— Нет!

— Хорошо, поступайте как знаете. Но если вы попытаетесь продать за нее информацию...

— Не попытаюсь, — перебил его Лангли. Дальше он соврал уже чисто механически: — Мне нечем торговать, во всяком случае пока.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал Чантавар. На удивление дружески он коротко хлопнул Лангли по плечу. — Ну а теперь в постель. Я прописываю вам двенадцать часов уединения со снотворным.

Лангли, не возражая, согласился. Что угодно, лишь бы отделаться от чувства полнейшей беспомощности. Он провалился в пропасть, где не было ни сновидений, ни воспоминаний.

Проснувшись, Лангли обнаружил, что за то время, пока он спал, в помещении сделали ремонт, как будто вчерашней схватки никогда и не было. Полуденное солнце отражалось в обшивке кораблей, патрулировавших за окном. Двойная охрана. Ворота конюшни на запоре... да нет, в конце концов, лошадь еще не украли... или уже украли?

Его мозг терзал проблему, как голодная собака старую кость, обгрызенную до блеска. Марин... она сгнула во тьме из-за того, что невольно приблизилась к нему, была к нему добра, и вот теперь ее подвергли мукам и заточили в неволе. Он чувствовал себя, словно приносящий несчастье Иона.

В том ли только было дело, что она похожа на Пегги? Или дело было в ней самой? Что бы ни вызывало его душевные страдания, оно было с ним.

Он подумал, не позвонить ли Бранноху, не позвонить ли Ваяти, бросить им в лицо обвинения и... И что? Они будут все отрицать. Наверняка ему больше не позволят встретиться с ними. Несколько раз он звонил в кабинет Чантавара лишь затем, чтобы услышать, как умопомрачительно вежливый секретарь неизменно сообщал ему, что тот отсутствует по делам. Он беспрестанно курил, слоняясь из угла в угол, бросаясь в кресло и снова вставал. То и дело он выдавал полный набор непристойных ругательств, но ничто не помогало.

Наступила ночь, и он снова наглотался снотворного, чтобы провалиться в долгий сон. Наверно, лишним снотворным дело и кончится, или самоубийством — быстрее и проще. Он подумал, не выйти ли ему на балкон и не шагнуть ли с него вниз.

Положить конец всей этой грязи. Ловкий робот подотрет мокрое пятно, которое от него останется, и эта Вселенная навсегда перестанет для него существовать.

После полудня раздался звонок. Он рванулся к видеофону, споткнувшись, растянулся на полу и с руганью поднялся. Рука, нажавшая кнопку, непроизвольно дрожала.

Улыбка на лице Чантавара была необычно теплой.

— Капитан, у меня для вас приятные новости, — заявил он, — мы нашли девушку.

Какое-то время его мозг отказывался что-либо понимать. Он настолько глубоко свыкся с мыслью о тщетности каких-либо надежд, что никак не мог от нее отказаться. Открыв рот, Лангли уставился на экран, он слышал слова, но ему казалось, будто доносятся они откуда-то издалека.

— ...когда ее подобрали, она сидела на виадуке и была слегка одуревшей. Остаточная реакция на анестетики, сейчас уже все прошло. Уверен, глубокого ментоскопирования с ней не проводили, возможно, вводили легкие наркотики. Никаких видимых повреждений. Она все время была без сознания и абсолютно ничего не помнит. Высылаю ее к вам. — Чантавар ухмыльнулся.

Смысл услышанного медленно преодолевал барьеры в его заторможенном сознании. Лангли опустился на колени с желанием не то помолиться, не то выплакаться, но у него не вышло ни то ни другое. И тогда он расхохотался.

К тому времени когда появилась Марин, истерика прошла. Лангли самым естественным образом обнял ее. Она тесно прижалась к нему, дрожа всем телом — это наступила реакция.

Наконец, держась за руки, они уселись на диван. Марин рассказала ему все, что могла вспомнить.

— Меня схватили и затащили внутрь корабля; кто-то навел на меня парализатор, и все вокруг перестало существовать. Когда я пришла в себя, то уже сидела на скамейке и куда-то ехала по виадуку. Наверно, меня туда привели в состоянии гипноза, усадили на скамейку и оставили. Затем подошел полицейский и доставил меня к министру Чантавару. Тот задавал мне вопросы, а потом меня обследовали врачи. Сказали, что вроде бы все в порядке, и отправили обратно к тебе.

— Не понял, — сказал Лангли. — Я вообще ничего не понял.

— Министр Чантавар сказал, что, когда нападавшим не удалось добраться до тебя, они на всякий случай прихватили

меня — вдруг я окажусь чем-нибудь полезной. Они держали меня без сознания, чтобы я не смогла потом кого-либо опознать. С помощью гипнонаркотиков от меня, видно, получили ответы на несколько простых вопросов, а когда стало ясно, что я ничего не знаю, отпустили. — Она вздохнула и улыбнулась подрагивающими губами. — Я рада, что они освободили меня.

Лангли понял: она имеет в виду не только собственные переживания. Он налил себе спиртного и проглотил целый стакан. В голове у него слегка прояснилось, но несколько последних кошмарных часов давали о себе знать.

Так вот что все это значило. Вот что исповедовал и Сол, и Центавр — бессердечные силовые игрища, где ни один поступок не считался слишком гнусным. Цивилизация бездушных роботов, которая давно должна бы сойти в могилу, но все еще шевелит изъеденными ржой конечностями. Драчливое, кроважидное варварство, застывшее и бесплодное, которое при всем при том лишь кичится своей половой зрелостью. Горстка честолюбивых мужланов и миллиарды ни в чем не повинных людей, которых превратят в радиоактивный газ. И при этом предполагается, что он играет в их команде!

Он по-прежнему слишком мало знал о Сообществе. Конечно же, это отнюдь не сборище бескорыстных альтруистов. Но, похоже, что они действительно нейтральны, что они действительно не страдают имперским психозом. Наверняка они знают о Галактике больше, чем кто-либо другой, и у них есть все шансы найти для него какой-нибудь молодой мир, где он снова сможет быть человеком.

Выбор стал ясен. Придется испить чашу до дна, но есть вещи похуже, чем просто смерть.

Он взглянул на чистый профиль девушки, сидящей рядом. Ему очень хотелось спросить, о чем она думает, о чем мечтает. Он почти ничего не знал о ней. Но разве можно было говорить об этом в присутствии электронных ушей? Придется все решать за нее самому.

Его взгляд встретился со спокойными зелеными глазами.

— Эдди, мне хотелось бы, чтобы ты рассказал, что происходит, — попросила она. — Похоже, что в любом случае я защищена не более тебя, а мне хотелось бы знать.

Он сдался и рассказал о Сарисе Хронне и об охоте, которую за ним устроили. Она сразу же ухватила его мысль, без всякого удивления покивала головой, но не стала задавать вопросов по поводу того, знает ли он что-нибудь и не намерен ли что-то предпринять.

— Это крайне серьезно, — сказала она.

— Угу, — отозвался Лангли. — И станет еще серьезней в ближайшее же время.

Глава 12

У стен хватало как ушей, так и глаз. Вскоре после заката Лангли улегся в постель. Хотя Валти и говорил, что лучи детекторов проходят сквозь коммуникатор без помех, тем не менее он все равно надел пижаму — халатами здесь больше не пользовались. Прошел час, в течение которого он крутился и ворочался в постели, делая вид, что не может заснуть. Потом он скомандовал, чтобы играла громкая музыка. Кошачий концерт должен был заглушить невнятную речь.

Он надеялся, что напряжение, от которого у него буквально спазмами перехватило желудок, не отражается на его лице.

Сделав вид, что у него просто что-то чешется, он нажал кнопку на аппарате. Затем прикурил сигарету и в ожидании прилег.

Где-то внутри его тела раздался тоненький голосок, и он тут же подумал об ультразвуковых лучах, настроенных и сфокусированных на его черепных костях. Голос был искажен, но манеру выражаться он отличил бы где угодно: это был Валти.

— А-а-а, капитан Лангли. Вы оказали мне доселе невиданную честь. Это просто наслаждение, когда тебя вытаскивают из уютной постели, чтобы услышать ваш голос. Разрешите совет: говорите, не разжимая губ. Все равно слышимость будет вполне приемлемой.

— Все в порядке. — Оставалось задать один-единственный безнадежный вопрос. — Я готов заключить с вами сделку, но ответьте, Блаустайн и Мацумото у вас?

— У меня их нет, капитан. Вы поверите мне на слово?

— Я... полагаюсь на вас. О'кей. Я расскажу вам, где, по моему мнению, находится Сарис, — подчеркиваю, это всего лишь предположение, правда основанное на кое-какой информации. Я помогу вам его отыскать, если это вообще возможно. В ответ мне хотелось бы, чтобы вы приложили максимум усилий и вызволили моих друзей, предоставили деньги, защиту и транспорт, о котором вы говорили, как для меня, так и для девушки-рабыни, которая находится рядом со мной.

Было трудно определить, то ли это просто возбуждение, то ли что-то иное, но после услышанного голос Валти еще больше преисполнился энтузиазма.

— Очень хорошо, капитан. Уверяю, вы не пожалеете. А теперь, что касается конкретных дел: вывезти вас нужно, не оставляя следов.

— Валти, боюсь, что как раз такая мелочь может и не удался. Думаю, так или иначе, я нахожусь под домашним арестом.

— Тем не менее мы заберем вас сегодня же ночью. Дайте-ка подумать... через два часа вы и девушка выйдете на балкон. Ради Бога, сделайте так, чтобы все выглядело естественно! И несмотря ни на что оставайтесь там, лишь бы вас было видно сверху.

— О'кей. Два часа — на моих сейчас 23.47 — правильно? До встречи!

Теперь оставалось только ждать. Лангли взял еще одну сигарету и улегся в кровать, якобы слушая музыку. Два часа! *«Да я окончательно поседею за это время!»*

Слишком многое может пойти наперекосы. Тот же радиопередатчик — действительно ли его нельзя обнаружить? Реально ли вызволить их отсюда, и насколько? В любой момент может явиться Чантавар и утащить его в инквизиторскую камеру. Да того же Валти могут предать собственные агенты. Животные — и те счастливей, им по крайней мере не приходится волноваться.

Время ползло еле-еле, минуты тянулись целую вечность. Лангли выругался, прошел в гостиную и заказал себе книгу. Основы современной физики. Если время будет тянуться с такой скоростью, то двух часов ему хватит, чтобы получить ученую степень. Неожиданно он осознал, что вот уже пятнадцать минут сидит, уставившись на одну и ту же страницу. Лангли поспешно набрал номер следующей. Даже если за ним и не наблюдают, он должен вести себя так, как если бы за ним следили.

В тексте упоминалось имя Эншена, человека, который первым придал риманову пространству* — теперь они называли его «сарпеново» — физический смысл. Через минуту он сообразил: так это же Эйнштейн! Таким образом, кое-что, пусть и в искаженном виде, но сохранилось до нынешних времен. Он улыбнулся, хотя ощутил в сердце щемящую грусть. Интересно, как бы звучал современный исторический роман о двадцать первом веке. Возможно, он был бы посвящен борьбе между Линкольном и Сталиным за контроль над лунными ракетными базами, а главный герой сновал бы туда-сюда на старом верном велосипеде... Нет, такого романа не существо-

* Замкнутое пространство, обладающее сферической геометрией.

вало. Его эпоха была давным-давно забыта, а подробности стерлись от времени. Представьте себе египтянина эпохи Первой династии, попавшего в Нью-Вашингтон 2047 года от Рождества Христова. Он стал бы объектом для любопытства дней на девять, да и то для очень немногих.

Лангли взглянул на часы и почувствовал, как напряглись мышцы живота. Оставалось двадцать минут.

Нужно еще вывезти Марин, он не мог ее бросить в этой чертовой дыре, а сделать все надо было так, чтобы соглядатаи ничего не заподозрили. Некоторое время он сидел и размышлял. Единственный способ сделать все как надо ему совсем не нравился. Далекий предок из Новой Англии сердито сжал его губы и попытался остановить. Но...

Он подошел к двери в ее комнату. Дверь открылась перед ним, и Лангли встал возле кровати, глядя вниз на Марин. Девушка спала. Медные волосы разметались вокруг лица, на котором застыло умиротворенное выражение. Он постарался не вспоминать про Пегги и коснулся девичьей руки.

Она присела в кровати.

— Ох... Эдви. — Она проморгала глаза. — В чем дело?

— Извини, что разбудил, — застенчиво сказал он. — Не могу заснуть. Ты не поговоришь со мной?

Она посмотрела на Лангли взглядом, в котором было что-то похожее на сострадание.

— Да, — произнесла она в конце концов. — Конечно же, да. — Набросив на тонкую ночную рубашку накидку, она вышла за ним на балкон.

Над головой сияли звезды. На фоне отдаленных отсветов городских огней вырисовывался акулообразный силуэт патрульного корабля. Легкий ветерок взъерошил его волосы. Почему-то пришла странная мысль: где же все-таки расположена Лора, не там ли, где в свое время находился Виннипег?

Марин прижалась к нему боком, и он положил свою руку на ее талию.

В смутном освещении была видна неясная линия ее сжатых губ.

— Как хорошо снаружи, — произнес он банальную фразу.

— Да... — Она чего-то ждала. Он знал чего, впрочем, как и ищейки Чантавара, сидящие у своих экранов.

Лангли переступил с ноги на ногу и заставил себя поцеловать девушку. Марин нежно и неумело ответила. Затем он долго на нее смотрел, не в силах что-либо произнести.

— Извини, — наконец выдавил он.

Сколько там еще осталось — пять минут? Десять?

— За что? — спросила она.

— Я не имею права...

— У тебя есть полное право. Я твоя, ты же знаешь. Я для этого создана.

— Заткнись! — прохрипел он. — Я имею в виду моральное право. Рабство неверно по своей сути, как бы там его ни устанавливали. Мои предки гибли под Геттисбергом, в Германии, на Украине потому, что там существовало рабство.

— Понимаю, ты не хочешь меня принуждать, — сказала она. — Это делает тебе честь, но ты не беспокойся. Меня закодировали, и ты мне нравишься — это мое естественное состояние.

— Ну конечно! Все равно это — рабство, и куда худшее, чем если бы тебя просто заковали в цепи. Нет!

Она положила руки ему на плечи, взгляд, встретившийся с его глазами, был спокойным и серьезным.

— Забудь об этом, — сказала она. — Каждый по-своему закодирован — ты, я, все, сама жизнь делает это тем или иным путем. Каким — не играет роли. Но ты нуждаешься во мне, а я... ты мне очень нравишься, Эдви. Каждой женщине необходим мужчина. Разве этого не достаточно?

У Лангли стучало в висках.

— Пойдем, — сказала она и взяла его за руку, — пойдем обратно внутрь.

— Нет... пока нет, — запинаясь, пробормотал он.

Девушка ждала. И из-за того, что больше делать было просто нечего, он обнаружил, что снова целует ее.

Пять минут? Три? Две? Одна?

— Пойдем, — выдохнула она, — пойдем со мной сейчас.

Лангли отшатнулся назад:

— Подожди... подожди...

— Ты ведь не боишься меня? В чем дело? Как-то это все странно...

— Замолчи! — перебил он.

В воздухе расцвела вспышка света, а мгновением позже Лангли ощутил толчок ударной волны. Он покачнулся и увидел, как в сторону патрульного флаера с ревом и пламенем пронесся космолет.

— Эдви, прячься!.. — Марин бросилась под укрытие гостиной. Он схватил ее за волосы, дернул назад и встал на открытое место.

Что-то подхватило Лангли и закружило вверх.

Силовое поле, мелькнула сумасшедшая мысль, управляемый гравилуч. Перед ним появилось что-то черное, и его втащило в зияющее отверстие люка, который тут же со звоном захлопнулся за его спиной.

Поднявшись с пола, он ощутил пульсацию мощных двигателей. Марин распласталась у его ног. Он подхватил ее на руки, девушка дрожала.

— Все в порядке, — неуверенно успокаивал он ее. — Все в порядке. Мы сбежали. Возможно.

В небольшом переходном отсеке появился человек в серых одеждах.

— Отличная работа, сэр! — воскликнул он. — Думаю, мы не наследили. Пожалуйста, пройдите за мной.

— В чем дело? — дико озираясь, спросила Марин. — Куда мы направляемся?

— Я заключил сделку с Сообществом, — ответил Лангли. — Они вывезут нас из Солнечной системы, мы будем оба свободны — ты и я.

Однако внутри его грызли сомнения.

Они миновали узкий коридор. Вокруг все бренчало. Должно быть, корабль шел с бешеным ускорением, но ощущение перегрузки отсутствовало: то ли внутри генерировалось компенсирующее антигравитационное поле, то ли тяга равномерно действовала на все тела на борту. В конце прохода оказалась маленькая комната, уставленная перемигивающимися аппаратами. На одном из экранов было панорамное изображение космического пространства с неподвижными звездами.

Голтам Валти выкарабкался из кресла и похлопал Лангли по спине. Он стал мять его руку, рассыпаясь в громогласных поздравлениях.

— Изумительно, капитан! Просто великолепно! Простите за нескромность — дивная работа!

Лангли почувствовал слабость. Он опустился в кресло и без всякой задней мысли усадил Марин к себе на колени.

— Уточните, что все-таки произошло? — попросил он.

— Я и несколько моих людей незаметно ускользнули из нашей Башни, — сообщил Валти. — На скоростном флаере мы добрались до владений, э-э, симпатизирующего нам, э-э, министра: у нас там небольшая крепостишка. Потребовалось два космолета: один — чтобы ненадолго отвлечь внимание, другой — чтобы подцепить вас и в суматохе исчезнуть.

— А как насчет второго космолета? Не выйдет ли так, что его захватят?

— Именно для этого он и предназначен. Один из их выстрелов окажется «удачным» и собьет космолет вниз — знаете, ну такая бомбочка, заложенная на борту. Управляют космолетом роботы, а все следы, указывающие на его принадлежность, тщательно уничтожены. Ну а если какой-то след и остался, то он заставит Чантавара думать о центаврийском происхождении корабля. — Валти сморщился, как от боли. — Жаль терять такое судно. Оно обошлось в добрых полмиллиона соларов! Поверьте, сэр, в наши дни деньги достаются так трудно.

— Как только Чантавар затеет проверку и обнаружит, что вы пропали...

— Мой уважаемый капитан! — Валти изобразил обиду. — Не такой уж я и новичок в делах подобного рода. Видите ли, мой двойник давным-давно мирно и законопослушно почивает в моих апартаментах. Конечно, — задумчиво добавил он, — если удастся отыскать Сариса, то, очень может быть, мне тоже придется покинуть Солнечную систему. Если это случится, надеюсь, мой последователь справится с ситуацией на Венере. Там сложная обстановка и торговля может стать убыточной.

— Хорошо, по рукам, — сказал Лангли. — Вы меня убедили. Каковы ваши дальнейшие планы?

— Это зависит от того, где находится Сарис и каким образом можно установить с ним контакт. Но наш космолет быстророходен, бесшумен и экранирован от излучений; он вооружен сам, а на его борту находится еще тридцать человек с бластерами. Как вы считаете, этого хватит?

— Я... надеюсь, что да. Принесите мне какие-нибудь карты района Меско.

Валти кивнул сидевшему в углу маленькому существу с зеленым мехом, которого звали Сактом, а потом обратился к спутнице Лангли:

— Очаровательная юная леди, — поклонился он, — могу я знать ваше имя?

— Марин, — отозвалась девушка тонким голоском. Она уже встала с колен Лангли и теперь стояла, прислонившись спиной к стене.

— Все в порядке, — успокоил ее космонавт. — Не бойся.

— Я не боюсь, — сказала девушка, пытаясь улыбнуться. — Я сбита с толку.

Вернулся Сакт с папкой для документов. Лангли склонился над ними, пытаясь отыскать необходимое место в изменившейся географии.

— Однажды на Холате, — объяснил он, — мы с Сарисом устроили себе выходной и отправились на рыбалку, где он показал мне кое-какие пещеры. Я рассказал ему о Карлсбадских пещерах в Нью-Мексико, и он очень заинтересовался. Позже, незадолго до отлета на Землю, он упомянул о них снова, и я пообещал ему, что мы туда съездим. А когда мы по просьбе нескольких холатанских философов ползали по картам Земли, я показал ему их местоположение. Поэтому, если он смог достать современные карты, — Карлсбад не так уж далеко, и Сарис знает, что это неисследованный заповедник. Конечно, вполне возможно, пещеры могли к настоящему времени заселить, они могли исчезнуть или с ними сделали что-то еще, я не в курсе, но...

Валти проследил по карте за пальцем Лангли.

— Да... думаю, я слышал об этом месте, — сказал он слегка возбужденно. — Коррадовы пещеры... да, вот здесь. Это то место?

Чтобы сориентироваться, Лангли сверился по крупномасштабной карте.

— Думаю, да.

— А, ну тогда я действительно знаю. Это поместье министра Реналла, который устроил там что-то вроде парка, и большая часть владений содержится в диком состоянии. Время от времени Коррадовы пещеры показывают гостям, но я уверен, что глубоко в них никто никогда не забирается, и все остальное время они совершенно пусты. Блестящее предположение, капитан! Мои комплименты!

— Если дело не выгорит, — предупредил Лангли, — тогда я точно так же, как и вы, буду блуждать в потемках.

— Попробуем. Вознаграждение вы получите независимо ни от чего. — Валти отдал необходимые распоряжения по интеркому. — Отправляемся туда немедленно. Времени терять нельзя. Хотите стимулирующую таблетку? Берите. Она обеспечивает вам бодрость и собранность на несколько часов, а это может понадобиться. Извините, но я должен уладить кое-какие детали.

Торговец вышел, и Лангли с Марин остались в одиночестве. Какое-то время она молча за ним наблюдала.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в порядке, я сделал выбор. Я считаю, что Сообщество сумеет распорядиться этой силой лучше, чем кто-либо еще. Но, конечно же, ты — жительница Земли. Если не одобряешь — извини.

— Я не знаю. Одному брать все на себя — невероятно тяжело. — Она покачала головой. — Я понимаю, что тебя к этому привело... прав ты или не прав — не мне судить. Но я с тобою, Эдви.

— Спасибо, — сказал он потрясенно и полубопытался про себя: уж не влюбился ли он часом вопреки собственной воле? Неожиданно перед его глазами встала картина: он и она, вдвоем, заново начинают жизнь где-то там, за пределами этих небес.

Если, конечно, им удастся ускользнуть из Солнечной системы!

Глава 13

Было так приятно сменить пеструю пижаму на комбинезон космонавта, сапоги, шлем, оружие — до сих пор Лангли даже и не подозревал, что одежда может так много значить для мужчины. Но, шагая сквозь тьму необъятных пустот, чувствуя холод подземелий, вслушиваясь в насмешливые отзвуки эха, он снова познал, что такое беспомощность и неуверенность в себе, которые терзали его и прежде.

Гирлянды осветительных трубок тянулись на мили вдоль стен, но тайная экспедиция не рисковала ими воспользоваться. Они лишь могли служить указателями тех районов, где Сариса наверняка не было. Позади Лангли шагало с полдюжины мужчин, их лица призрачно высвечивались на темном фоне отраженными от стен лучами карманных фонариков. Все они были членами экипажа, и Лангли их не знал. Валти заявил, что он слишком стар и малодушен для того, чтобы лезть в пещеры, Марин хотела пойти, но ей этого не позволили.

Беспорядочная фантазия известковых отложений, огромные грубые сталагмиты и сталактиты выныривали из полумрака в свете бегающих лучей. Лангли подумал, что место не должно претерпеть значительных изменений. За пять тысяч лет медленно капающая и испаряющаяся холодная вода лишь немного добавила бы то тут, то там, а Земля была старой и терпеливой. Он почувствовал, что само время лежит похороненным где-то здесь, под этими на мили расходящимися в разные стороны подземными сводами.

Человек, который нес нейтроискатель, поднял взгляд от прибора.

— Пока ни малейших признаков, — сказал он. Невольно он говорил приглушенным голосом, как если бы безмолвие

давило на него тяжким грузом. — Как глубоко мы спустились? Длинные проходы и так много ответвлений... Даже если он здесь, мы можем никогда его не найти.

Лангли продолжал идти. Другого не оставалось. Он не думал, что Сарис заберется под землю глубже, чем это было необходимо. Нельзя сказать, что холатане страдали клаустрофобией, но это были создания, жизнь которых протекала на просторах, под открытым небом. Остаться долго взаперти противоречило их инстинктам. Инопланетянин должен прятаться в месте, которое легко оборонять и где имеется по меньшей мере пара запасных выходов. Скажем, в небольшой пещере с двумя-тремя выходами, ведущими на поверхность. Но таких пещер здесь насчитывалось сотни, а никакой карты туннелей у преследователей не было.

Где-то им помогала логика. Сарис тоже не имел карты пещер. Как и они, он должен был проникнуть сюда через главный вход потому, что других путей просто не знал. Дальше ему следовало высмотреть себе помещение для жилья с источником воды и несколькими выходами. Лангли обернулся к человеку с поисковыми приборами.

— Нет ли тут где-нибудь поблизости озера или подземной реки? — спросил он.

— Да... вода вон в том направлении. Попробуем поискать там?

— Угу. — Лангли на ощупь двинулся к ближайшему туннелю и вскоре стукнулся коленом о каменный порог. Дальше проход быстро сужался, пока не пришлось уже ползти.

— Возможно, мы на правильном пути, — сказал он. С разных сторон отозвалось эхо. — Сарис может запросто здесь проскользнуть, ему ничего не стоит при желании передвигаться на четырех конечностях, а вот человеку здесь пробраться сложно.

— Подождите... вот, возьмите искатель, капитан, — сказал кто-то сзади. — Кажется, я что-то поймал, но все эти люди, что впереди меня, создают слишком большие помехи.

Лангли извернулся и подхватил футляр с прибором. Он направил его вперед, скосив глаза на светящуюся зеленым шкалу. Устройство было чувствительным к распространяющимся на небольшое расстояние сигналам, которые излучала нервная система, и... да, стрелка дрожала сильнее, чем должна бы!

Возбужденный, он пополз дальше, влажная неровная стена царапала спину. Одиноким луч фонарика белым лезвием

рассекал крошечную тьму. Дыхание с громким хрипом вырывалось из рта.

Неожиданно он достиг конца лаза и чуть было не свалился через край. Туннель, должно быть, обрывался на высоте нескольких футов — или ярдов — выше пола пещеры.

— Сарис! — позвал он. Издалека отозвалось эхо, пещера, видно, была большой. — Сарис Хронна! Ты здесь?

В сторону Лангли ударил выстрел из бластера. Он увидел ослепительную вспышку, лицо опалило жаром, а в глазах еще минуту плясали зайчики. Он выключил фонарик и прыгнул вниз, от души надеясь, что до земли не так далеко. Он зацепился обо что-то ногой, зубы лязгнули от сокрушительного удара, и он оказался на невидимом полу.

Еще один бластерный луч полыхнул в сторону входа в туннель. Лангли почувствовал, как по ноге стекает липкая теплая кровь. Холатанин отлично знал, где находится отверстие, и мог просто поджарить людей выстрелами, которые рикошетировали от стенок прохода.

— Сарис! Это я, Эдвард Лангли, я твой друг!

— Друг... друг... друг... друг, — передразнило его эхо, отплясывая в бездонной тьме. Неподалеку о чем-то возмущенно бормотал холодный голос подземного ручья. Сошел ли беглец с ума от страха и одиночества или, поразмыслив, решил безжалостно убивать любого, кто здесь окажется, в обоих случаях Лангли понимал, с ним будет покончено. Жар энерголуча или неожиданное прикосновение сжимающихся на горле клыков станут его последними ощущениями в этой жизни. Нужно попробовать. Лангли распластался на каменном полу.

— Сарис! Я пришел, чтобы вызволить тебя отсюда! Я пришел, чтобы забрать тебя домой!

Из темноты пророкотал голос. Раскатистое эхо не позволило определить, откуда он исходит.

— Правда? Чего ты хочешь?

— Я договорился!.. Ты сможешь вернуться обратно на Холат!.. — Лангли выкрикивал слова по-английски. Это был единственный язык, которым владели оба; холатанская речь слишком отличалась от человеческой, и космонавт выучил лишь несколько фраз. — Мы — твои друзья, единственные друзья, которые у тебя есть.

— Вот как...

Лангли не смог различить никаких эмоций в интонациях Сариса. Ему казалось, что он буквально физически ощущает,

как массивное тело существа крадется во тьме на полусогнутых лапах.

— Пожалуйста, опиши с-сложившуюся с-ситуацию с-счес-стнос-стью.

Лангли в двух словах рассказал о том, что произошло. Камень под его животом был холодным и гладким. Он начал чихать, шмыгать носом и вспомнил старое определение: настоящее приключение — ситуация, когда кто-то другой попадает в передрыгу за тысячу миль от того места, где находишься ты сам.

— Это единственный шанс для всех нас, — закончил он. — Если ты не согласишься, то останешься здесь до тех пор, пока тебя отсюда не выковыряют или пока ты не умрешь сам.

— Тебе я вер-рю, я знаю тебя, — прозвучало после некоторого молчания. — А не могут ли те, кто с-с тобой, с-случайно тебя обманывать?

— Я... что? Ах, ты подразумеваешь, что Сообщество, возможно, и из меня делает дурака? Да, такое возможно. Но я так не думаю.

— Я не желаю, чтобы меня р-разрезали на кус-сочки, — заявил беглец.

— Тебя не разрежут. Они хотят тебя исследовать, чтобы узнать, как ты делаешь то, что ты делаешь. Ты говорил, что ваши мыслители там, у вас дома, отлично знают, как все это происходит.

— Да. Ис-с общей анатомии моего мозга узнать ничего нельзя. Думаю, что машину, которую твои... др-рузья... хотят, можно пос-стр-роить пр-рос-сто. — Сарис замаялся. — Очень хор-рошо, я должен попр-робовать независ-симо ни от чего. Пус-сть будет так. Можете вс-се войти.

Когда лучи света выхватили его фигуру, Сарис стоял, гордо распрямившись, с присущим его расе чувством собственного достоинства в окружении коробок с припасами, которые были его единственным источником питания. Он взял в свои ладони руки Лангли и ткнулся носом в щеку человека.

— Хор-рошо видеть я тебя с-снова, — сказал он.

— Прости... прости меня за то, что случилось, — ответил Лангли. — Я не знал...

— Не надо. Вс-селенная полна неожиданнос-стей. С-смогу ли я с-снова попас-сть домой, не играет р-роли.

Космонавты восприняли Сариса Хронну почти обыденно, они привыкли к встречам с внеземными существами. После

того как Лангли забинтовали рану от ушиба, все вернулись обратно. Как только они оказались на борту, Валти поднял корабль, а затем стал совещаться с капитаном и его пассажиром.

— Испытываете ли вы в чем-нибудь потребность? — спросил он Сариса через американца.

— Да. Два витамина, котор-рых, судя по всему, не хватает на Земле. — Холатанин начертил схемы на листочке бумаги. — Это с-структурные фор-мулы в с-символике Лангли.

Космонавт перерисовал их на современный лад, и Валти кивнул головой.

— Их будет нетрудно синтезировать. У меня в убежище есть молекулярный синтезатор. — Он потеревил свою бородку. — Сначала мы должны направиться туда, чтобы подготовиться к отбытию. У меня на тайной орбите есть крейсер, способный развить скорость света. Вас доставят на борт и отошлют на базу в системе 61 Лебедя. Это далеко за пределами сфер влияния Сола и Центавра. Там можно не спеша изучить ваши способности, а вы, капитан Лангли, получите свое вознаграждение.

И тут заговорил Сарис Хронна. Он поставил собственные условия, сказав, что согласен сотрудничать, если после этого его вернут на Холат в сопровождении команды инженеров и с соответствующей техникой. Его мир лежал слишком далеко, чтобы звезды этого региона могли ему угрожать напрямую, но вот случайная группа странствующих конкистадоров объявиться там могла, и от бомбардировок из космоса Холат не защищен. Этот пробел должен быть восполнен. Вооруженные спутники-роботы не остановят полностью экипированный флот вторжения — да и ничто не сможет его остановить, кроме, возможно, другого флота, — но они способны рассеять небольшие группы мародеров, а это единственное, чего действительно стоит опасаться Холату.

— Капитан, — поморщился Валти, — он понимает, во что обойдется столь дальнее путешествие? Он знает, сколько будет стоить монтаж таких станций? У него есть хоть капля сострадания к старому бедному человеку, который должен будет встать перед фактом, что баланс в его бухгалтерских книгах не сходится?

— Боюсь, что нет, — ответил ему Лангли с ухмылкой. — А... какие ему нужны гарантии, что мы выполним свою часть подобного соглашения?

— Он будет осуществлять контроль над разработкой нуллификатора — ну, этого прибора.

— Вы не сможете его создать без практического опыта и теоретических знаний Сариса, так что эту часть он предусмотрел. Когда он увидит, что проект близок к завершению, вы передадите ему готовые к старту корабли. Он хочет, чтобы на корабле, где полетит он сам, под его контролем заложили бомбу. До тех пор пока не будет сделано все, что требуется для Холата, на его борту будут оставаться женщины и дети. При малейших признаках вероломства он взорвет все к чертовой матери.

— Батюшки светы! — Валти страдальчески покачал головой. — Это же какой у него, сказал бы я, подозрительный и скверный характер. Думаю, достаточно разок посмотреть на мое честное лицо, чтобы... Ладно-ладно, пусть будет так. Но меня охватывает дрожь при мысли о том, какие расходы потерпит наша казна.

— Да за пару тысячелетий вы сможете окупить любые расходы. Забудьте о них. А сейчас, — куда мы направляемся в первую очередь?

— Мы содержим небольшое убежище в Гималаях: никаких излишеств — у нас непритязательные вкусы, — зато спрятано оно надежно. Я должен передать донесение своему начальству на Земле, получить их добро по поводу своего плана и приготовить документы для администрации на Лебеде. Это займет совсем немного времени.

Лангли отправился в корабельный лазарет. На его ноге зияла скверная глубокая рана, но лечение теперь превратилось в обычную рутину: зажим, удерживающий края тканей вместе, и укол искусственных энзимов, чтобы стимулировать регенерацию. Самые серьезные хирургические повреждения устранились почти полностью и безболезненно в течение нескольких часов.

Он упомянул об этом, когда они с Валти сидели за ужином. Чтобы избежать возможного обнаружения перед тем, как вернуться на Землю, корабль двигался через космос по вытянутому эллипсу.

— У меня слегка расплывчатые представления о достигнутом цивилизацией прогрессе, — признался он. — Со стороны создается впечатление, что человеческий организм не претерпел никаких эволюционных усовершенствований; а потом я вижу, насколько вы продвинулись в медицине, и начинаю прикидывать, как огромны, должно быть, изменения к лучшему в результате нововведений в области техники, сельского хозяйства. Возможно, я просто нетерпелив; возможно, если человеку дать еще несколько тысячелетий, он сделает что-нибудь

и с собой, поменяет собственный разум с животного на по-настоящему человеческий.

Валти шумно приклебнул пиво.

— Не могу разделить ваш оптимизм, мой друг, — ответил торговец. — Я родился более шестисот лет назад, помотавшись во времени и пространстве, я насмотрелся на ход истории самых разных народов, и мне кажется, что любая цивилизация — межзвездная или планетарная — подчиняется закону отмирания. Какими бы умными мы ни стали, мы никогда не создадим и не вырастим что-то из ничего, никогда не сделаем так, чтобы тепло само по себе передавалось от более холодного тела к более тепловому. Существуют ограничения, установленные законами природы. Чем больше становятся здания и корабли, тем больше места занимают в них коридоры, и, наконец, наступает предел. Нельзя сделать человека бессмертным: даже если бы биохимия и позволила это осуществить, все равно в черепной коробке столько места и столько нервных клеток, что количество информации, которую туда можно поместить, достаточно ограничено. Тогда почему же должна существовать бессмертная цивилизация или цивилизация, охватывающая всю Вселенную?

— И поэтому всегда будет место взлетам, распаду и падениям — всегда будут войны и страдания?

— Либо это, либо что-то вроде того, к чему стремится «Технон», — смерть под личиной механической пародии на жизнь. Мне кажется, вы смотрите на все под неверным углом. Не являются ли сами эти изменения, это мучительное падение навстречу роковому концу собственно жизнью? В космосе существуют взаимосвязи, которые важнее любой планеты, любой отдельно взятой расы. Я думаю, жизнь возникла из-за того, что Вселенная в ней нуждается, точно так же, как она просто нуждается в тех свойствах, которые заставляют испытывать боль живое существо. Нет... я не верю в Отца-основателя. Органическая жизнь является единственным носителем сознания. И тем не менее неживая Вселенная породила жизнь во всем ее многообразии, ибо это был необходимый шанс в эволюции от огромного газового облака до звенящей пустоты вакуума. — Валти вытер нос и хихикнул. — Прошу прощения. На старости лет я стал слишком многословен. Но если бы вы всю свою жизнь провели в путешествии на световые годы, то убедились бы в существовании там кое-чего такого, что невозможно втиснуть в рамки простой физической теории. Думаю, что Сообщество будет жить и дальше благодаря своей разрабо-

санности во времени и пространстве. Но только оно одно, да и то не бесконечно.

Он встал из-за стола:

— Извините. Мы скоро приземлимся.

Лангли нашел Марин в салоне в центральной части корабля. Он присел рядом и взял ее за руку.

— Теперь уже скоро, — сказал он. — Я думаю, мы поступили правильно, забрав Сариса оттуда, где его способности привели бы только к разрушениям. Для Сола так тоже будет лучше. Ну а теперь мы идем собственной дорогой.

— Да. — Она смотрела на него. Лицо ее побелело и выражало напряжение.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Лангли. — Ты себя неважно чувствуешь?

— Я... я не знаю, Эдви. Все кажется таким странным, будто происходит во сне. — Она уставилась перед собой туманным взглядом. — Это не сон? Может быть, я просто где-то сплю, а...

— Нет. Какие сложности? Ты не могла бы мне рассказать?

Она покачала головой:

— Такое ощущение, словно в моей голове есть кто-то еще, сидит и ждет. Это появилось так неожиданно. Наверно, я перенапряглась. Со мной все будет в порядке.

Лангли нахмурился. Его снедала тревога. Если она заболит...

Но почему для него это так важно? Влюбился? Это было совсем не сложно. Марин была смелой, умной, обладала чувством юмора, даже если не принимать во внимание взгляды, которыми она его одаривала. Он вполне мог себе представить, как они проведут жизнь в мире и согласии.

Пегги, Джим, Боб... Нет, не хватало, чтобы еще и она! Только не это!

Последовал легкий неприятный толчок, и гул двигателей стих. В дверь пророснула усаемая морда Сариса Хронны.

— Нас-с прис-смили, — сообщил он. — Выходите.

Корабль лежал, будто в люльке, в ярко освещенной пещере. За ним виднелись бетонные ворота, должно быть, выходящие на склон горы. Это были высокогорные дикие места, здесь, на «Крыше мира», возможно, еще сохранились снежные поля и ледники. Холодные, ветреные, пустынные — места, где человек мог скрываться годами.

— У нас здесь есть чем обороняться? — спросил Лангли у Валти, пока они огибали корпус космолета.

— Нет. С какой стати? Лишний металл, который только поможет обнаружить объект сверху. По сути дела, здесь все, что только можно, сделано из пластика и камня. Я — мирный человек, капитан. Я больше полагаюсь на извилины собственного мозга, чем на оружие. Вот уже пять десятков лет никто не подозревает о существовании этой берлоги.

Они вошли в зал, где имелось несколько дверей. Лангли заметил что-то вроде радиорубки, используемой, видимо, только в экстренных случаях. Люди Валти разбрелись по своим помещениям. Говорили они мало. Лангли показалось, что они помрачнели после того, как лениво перебросились между собой парой слов, но в целом они выглядели вполне спокойными. Да и почему бы нет? Теперь они были в безопасности. Вылазка завершилась.

Марин дернулась, и ее глаза расширились.

— В чем дело? — хрипло спросил Лангли надтреснутым голосом.

— Я... я не знаю. — Она едва сдерживала слезы. — Такое странное чувство...

Лангли увидел, как глаза девушки закатились, а сама она двигалась словно сомнамбула.

— Валти! Что с ней?

— Боюсь, что не знаю, капитан. Возможно, всего лишь реакция на события. Время испытаний для личности, не привыкшей к конфликтам и неопределенности. Давайте уложим ее в постель, а я пришлю корабельного врача, чтобы он на нее глянул.

Врач-офицер пришел в замешательство.

— Психиатрия — вне моей компетенции, — объяснил он. — У персонала Сообщества редко возникают проблемы с головой, поэтому среди нас нет хороших психиатров. Я дал ей успокоительное. Если завтра ей не станет лучше, можно вызвать специалиста. — Доктор грустно улыбнулся. — Слишком много знаний. Чертовски много знаний. Просто невозможно удержать все в одной голове. Я могу исправить сломанную кость или вылечить заразную болезнь, но когда что-то не в порядке с мозгом, все, что я могу сделать, так это пробормотать несколько полубытых профессиональных терминов.

Победа ускользала от Лангли буквально между пальцами.

— Пойдемте, капитан, — позвал Валти, — давайте займемся витаминами для Сариса Хронны, а после этого вы, возможно, и сами примете снотворное. Через двадцать четыре часа вы будете за пределами Солнечной системы. Подумайте об этом.

Они работали в лаборатории, когда Сарис вдруг замер.

— Она вс-стает, — сказал он. — Она ходит р-рядом, и ее р-разум чувс-ствует очень с-странно.

Лангли выбежал в коридор. Марин стояла, глядя на него, ее глаза постепенно прояснялись.

— Где я? — тихо спросила она.

— Пойдем, — ответил он. — Я уложу тебя снова в постель.

— Я чувствую себя лучше, — обратилась она к Лангли. — У меня в голове что-то сжалось, все потемнело, а теперь я стою здесь, но я снова чувствую себя самой собой.

Стакан с лекарством стоял нетронутым рядом с кроватью.

— Выпей вот это, — сказал Лангли. Улыбнувшись в ответ, она подчинилась ему и заснула. Он переборол огромное желание поцеловать ее.

Вернувшись, он застал Сариса в тот момент, когда холатанин прятал пузырек с таблетками в мешочек, который висел у него на шее. Валти отправился заниматься своими бумагами, и они остались вдвоем, наедине с аппаратурой.

— Я чувс-ствовал, как ее р-разум очищалс-ся, пр-рямо ко-гда я... с-слушал, — сказал Сарис. — У вашей р-расы час-сто такой недос-статок?

— Сколько угодно, — ответил Лангли. — Шарик заходят за ролики. Боюсь, что нас спроектировали не так тщательно, как ваш народ.

— Вы можете с-стать такими. Мы убиваем с-слабых молодыми.

— Моя раса время от времени занималась подобными вещами, но обычай надолго не приживался. Похоже, что-то в нашей натуре не позволяет нам этого делать.

— И в то же вр-ремя вы с-способны уничтожить целый мир-р р-ради с-собс-ственных амбиций. Мне никогда не с-смочь вас-с понять.

— Сомневаюсь, что мы сами когда-нибудь себя поймем. — Лангли в раздумье потер шею. — Может, так происходит из-за того, что мы не телепаты, что каждый из нас изолирован от остальных, каждый индивидуум развивается своим собственным путем? Ваш народ сопереживает на уровне эмоций; фри-мане, я читал, обмениваются мыслями напрямую. В подобных случаях индивидуум по-своему подконтролен всей расе. А вот у людей каждый всегда одинок, нам приходится искать собственные, разделенные между собой пути, и мы вырастаем да-лекоими друг от друга.

— Так может ес-сть. Я пор-ражен от того, что узнал, как вы р-разбр-рос-саны. Иногда я думаю, что ваш нар-род ес-сть гор-ре и надежда Вс-селенной.

Лангли зевнул. Теперь, когда действие стимулирующих лекарств кончилось, он буквально валился от усталости.

— Ну и черт с ним. Для меня самое важное, хоть ненадолго, придавить подушку.

Через несколько часов его разбудил грохот взрыва. А когда он присел, то услышал стрельбу бластеров.

Глава 14

Еще один взрыв сотряс стены и отдался у Лангли в теле. Кто-то орал, еще кто-то изрыгал проклятия, был слышен топот бегущих по коридору ног. Пока он натягивал одежду и доставал собственный бластер, к горлу подкатила тошнота. Где-то они промахнулись, каким-то образом восставших пешек разбили, а игра продолжалась дальше.

Он прижался к архаичной, с обычными ручками двери своей комнаты и приоткрыл ее. Пахнуло горелым мясом. Два одетых в серое тела растянулись в проходе, но сражение проносилось уже дальше. Лангли скользнул в коридор.

Впереди и выше раздался шум со стороны зала для собраний. Он побежал в том направлении с отчасти бессмысленным намерением напасть на атакующих с тыла. Холодный ветер разгонял дым, и Лангли сделал несколько вдохов подряд. Краешком сознания он сообразил, что взорваны входные ворота и внутрь помещения врывается разреженный горный воздух.

Теперь — двери! Стиснув триггер бластера, он выстрелил в дверной проем. Отдачи не было, но луч прошипел вдалеке от спины, в которую он метил. Он не знал, как целиться из современного оружия, как перехитрить современного человека, как вообще что-либо делается в этом мире. Понимание правил, по которым здесь играют, пришло в тот момент, когда рядом кто-то, крутанувшись на пятке, второй ногой профессионально ударил Лангли по руке. Выбитый из нее бластер клацнул об пол, и космонавт устался в дула дюжины нацеленных на него в упор стволов.

Команда Валти собралась вокруг Сариса Хронны. Они стояли нахмурившись, с поднятыми над головой руками. Не сумев выдержать натиск штурмующих, теперь они сдавались.

Холатанин припал на все лапы, желтые глаза его злобно сверкали.

Браннох ду Кромбар издал гомерический хохот.

— А вот и вы! — выкрикнул он. — Поздравляю, капитан Лангли!

Торианин возвышался над тесно сгрудившейся полусотней своих людей. Иссеченное шрамами лицо источало буйную радость.

— Заходите, капитан, повеселимся вместе.

— Сарис!... — простонал американец.

— Пожалуй, — Браннох локтями проложил себе путь к Лангли, — вы не можете отказать мне кое в каком интеллекте. Несколько дней назад я изготовил для половины своих людей чисто механическое оружие — ударный капсюль из гремучей ртути вызывает химическую реакцию взрыва, — из него чертовски трудно попасть туда, куда надо, но в закрытом помещении мы можем вас буквально нашпиговать свинцом, а ваш друг будет бессилён остановить нас.

— Понятно. — Лангли почувствовал, что внутренне готов сдаться, он начинал терять всякую надежду. — Но как вы нас отыскивали?

В зал вошла Марин. Встав у дверного прохода, она смотрела на них с застывшим словно маска выражением лица, выражением рабыни.

Браннох ткнул пальцем в ее сторону.

— Конечно, через девчонку, — объяснил он. — Она нам все рассказала.

Ее человеческое самообладание мгновенно улетучилось.

— Нет! — в отчаянии вскрикнула она. — Я никогда...

— Не сознательно, дорогуша, — прервал ее Браннох. — Но во время последней хирургической операции кодирующая машина вложила в тебя постгипнотическую команду. Очень мощную — приказ, который не в твоих силах нарушить. Как только Сариса нашли, ты должна была уведомить меня об обстоятельствах при первой же возможности. Что, я вижу, ты и сделала.

Марин смотрела на него с немим ужасом. Голова Лангли раскалывалась от грохота.

Как бы издалека он различал рокот центаврийца:

— Капитан, это вы тоже должны знать. Это я захватил ваших друзей. Они не смогли мне ничего поведать и вопреки моему желанию... скончались. Мне очень жаль.

Лангли отвернулся от него. Марин расплакалась.

Валти прочистил горло.

— Отличный маневр, милорд. Отлично исполненный. Но тут такое дело — среди моих людей есть потери. Боюсь, Сообщество не может допустить подобного. Вы должны возместить причиненный ущерб.

— Включая, вне всякого сомнения, Сариса Хронну? — Браннох угрожающе усмехнулся.

— Конечно. И репарации за смертоубийства согласно тарифам, установленным в Договоре. В противном случае Сообщество будет вынуждено применить к вашей системе санкции.

— Прекратите торговлю? — фыркнул Браннох. — Мы обойдемся и без ваших грузов. И только попробуйте применить вооруженные силы!

— О нет, милорд, — мягко возразил Валти. — Мы гуманные люди. Но наша доля в экономической жизни каждой планеты, где есть наша контора, действительно велика. Инвестиции, местные компании, которыми мы владеем... в случае необходимости мы можем привести вашу экономику в весьма плачевное состояние. Она не столь крепка, как экономика Солнечной системы, вы же понимаете. Сомневаюсь, что ваши люди будут рады... ну, скажем... обвальной инфляции, когда мы выбросим на рынок несколько тонн празеодима — вашей валюты, за чем последует депрессия и безработица — несколько ключевых корпораций отойдут от дел.

— Я понял, — сказал Браннох непоколебимо. — Я не хотел применять к вам насилие в большей степени, чем это было необходимо, но вы меня к этому вынуждаете. Что, если весь ваш здешний персонал исчезнет без следа? Надо бы это обмозговать. Мне будет не хватать вас как партнера по играм.

— Я уже отправил донесения своему начальству, милорд, и лишь ожидал последних указаний. Им известно, где я нахожусь.

— Но известно ли им, кто на вас напал? Можно устроить так, что обвинение падет на Чантавара. Да. Отличная идея.

Браннох снова повернулся к Лангли. Он был вынужден сильно сжать плечо космонавта, чтобы привлечь его внимание.

— Взгляните сюда, — попросил центавриец, — этот ваш зверюга знает какой-нибудь современный язык?

— Нет, — ответил Лангли, — и если вы думаете, что я собираюсь стать вашим переводчиком, поищите кого-нибудь другого.

Массивные черты лица болезненно скривились.

— Капитан, мне хотелось бы, чтобы вы перестали считать меня извергом. Я выполняю свой долг. Я не держу на вас никакой обиды за то, что вы пытались от меня улизнуть, — если вы согласитесь сотрудничать, мои предложения останутся в силе. Если нет, я буду вынужден вас казнить, и вы ничего не выиграете. В любом случае мы обучим Сариса языку и заставим его работать. Все, что вы можете, так это лишь слегка нас задержать. — Он сделал паузу. — Однако предупреждаю. Если вы попытаетесь саботировать проект, когда работы уже начнутся, наказание будет жестоким.

— Тогда вперед, — сказал Лангли. Ему было все равно, теперь уже все равно. — Что вы хотите ему сказать?

— Мы хотим забрать его на Тор, где он поможет нам построить нейтрализатор. Если в его работе что-либо будет не так, сам он умрет, а его планету разбомбят корабли-автоматы. Пусть им придется лететь тысячу лет, но они будут посланы. С другой стороны, если он нам поможет, то его отправят домой. — Браннох пожал плечами. — Какая ему разница, кто из нас победит? Ведь мы все принадлежим к другой расе.

Лангли почти слово в слово перевел на английский слова Бранноха.

С минуту Сарис постоял молча, а затем спросил:

— В тебе ес-сть печаль, мой др-руг?

— Да, — ответил Лангли. — Похоже на то. Что ты собираешься делать?

Холатанин выглядел задумчивым.

— Тр-рудно с-сказать. У меня мало выбор-ров с-сейчас. Хотя из того, что я знаю о с-сегодняшней Вс-селенной, это не ес-сть с-самое лучшее — помогать С-солу или Ц-центавру.

— Браннох по-своему прав, — сказал Лангли. — Мы совсем иная раса. И если не учитывать чуть более выгодное предложение Сообщества, наши дела вашего народа не касаются.

— Но они кас-саются. Непр-равильность в жизни, в каком бы мес-сте кос-смоса она ни была, — это непр-равильность! Ес-сть, напр-имер, шанс-с, что кто-то однажды найдет с-спос-соб пер-редвигаться быс-стрее с-света. Тогда одна р-раса на непр-равильном пути ес-сть общая угр-роза. В том чис-сле и для с-себя, ибо др-ругие с-сердитые планеты могут объединиться, чтобы уничтожить ее.

— Ладно... можем ли мы сейчас кроме попытки покончить жизнь самоубийством в порыве благородного, но бесполезного героизма предпринять что-либо еще?

— Нет. Я не вижу никакого выхода. Это не значит, что он не с-сущес-твует. С-сейчас-с лучше вс-сего идти туда, куда подс-сказывает чутье, а по дор-роге вынюхивать новую тр-ропу.

Лангли безразлично кивнул. Он слишком устал от всех этих гнусностей, и ему стало все равно. Ну и пусть победят центаврийцы. Остальные не лучше.

— О'кей, Браннох, — сказал он. — Мы сыграем за вашу команду.

— Великолепно! — Гигант чуть ли не тряся от переполнявших его чувств.

— Вы, конечно, сознаете, — вмешался Валти, — что это означает войну?

— А что же еще? — искренне удивился Браннох.

— Войну, которая, будь то с нейтрализатором или без, может привести к краху обе цивилизации. Как вам понравится картина, если, скажем, обитатели Проциона прилетают осваивать радиоактивные руины Тора?

— Вся наша жизнь — игра, — ответил Браннох. — Но если вы не зальете свинец в кости и не подтасуете свои карты, — а я преотлично знаю, что вы тут тоже грешны, — тогда только и остается, что смотреть на картинки. До сих пор существовало редкостное равновесие сил. Теперь у нас будет нейтрализатор. Если его использовать с умом, чаша весов может отклониться очень сильно. Оружие отнюдь не абсолютное, но зато какие перспективы!

Он закинул назад голову в беззвучном хохоте.

— Ну хорошо, — сказал он отсмеявшись. — У меня тут, в Африке, есть небольшая берлога. Для начала мы отправимся туда и уладим кое-какие дела. Помимо всего прочего, соорудим прелестную синтетическую куклу — тело Сариса, которая кое в чем убедит Чантавара, когда он ее найдет. Я не могу прямо сразу покинуть Землю, иначе он заподозрит слишком многое. Я должен высунуться ровно настолько, чтобы меня объявили персоной нон грата и с позором выдворили с Земли... чтобы вернуться с флотом за спиной!

Лангли обнаружил, что его куда-то оттеснили по склону горы, под ногами поскрипывал снег, а темный небосвод был усеян звездами. Из рта вырывался парок, воздух был холодным и разреженным, и его зазнобило. Сбоку, как бы в поисках тепла, прижалась Марин, но Лангли сделал шаг в сторону.

Инструмент!

Нет... нет, не надо, он к ней несправедлив... или? В момент предательства у нее ситуация была гораздо хуже, чем у человека, которому между лопаток приставили пистолет. Но пока смотреть на нее честным взглядом он еще не мог.

Космолет завис прямо над землей. Лангли поднялся вдоль пандуса, в салоне отыскал себе кресло и постарался ни о чем не думать. Марин бросила в его сторону полный боли взгляд и села в стороне. Пара вооруженных охранников — невозмутимые блондины, должно быть, коренные ториане — расположились у дверей. Сариса увели куда-то еще. Холатанин не был совсем беспомощным, но в данной ситуации единственное, что он мог предпринять, так это покончить жизнь самоубийством, устроив крушение корабля. И было похоже, что Браннох не прочь испытать судьбу.

Горы остались позади, за кормой, ненадолго возник свистящий звук рассекаемого воздуха, и вот они уже за пределами атмосферы — огибают планету в сторону Центральной Африки.

Лангли размышлял по поводу того, что же выпадет на его долю в оставшейся жизни. Возможно, Браннох и определит его на какую-то планету земного типа — как обещал, — но она все равно будет в пределах досягаемости и Солнечной, и Центаврийской систем. Вероятность завоевания всегда будет довлеть над этим миром, а это не совсем то, о чем ему мечталось. Ладно...

Сам он войны не увидит, но в течение всей оставшейся жизни ему будут сниться кошмары, в которых разверзшиеся небеса сжигают, сдирают кожу и спекают с землей миллиарды человеческих существ. Ну а с другой стороны, что он мог еще сделать? Он старался, не получилось... неужели не достаточно?

«Нет», — отозвался внутри голос предка из Новой Англии.

«Но я не просил о подобном бремени».

«Ни один человек не просит о том, чтобы его родили, но бремя жизни приходится нести каждому».

«Я же тебе говорю, я пытался!»

«До конца ли? Ты всегда будешь мучиться этим вопросом».

«Что я могу?»

«Если можешь — не сдавайся».

Время шло своим чередом. И с каждой минутой ближе к смерти, утомленно думал Лангли. Африка сейчас была на дневной стороне, но, несмотря ни на что, корабль Бранноха пошел вниз. Лангли еще подумал, что сверху должно быть прикрытие: ложные радиоопознавательные знаки для патрульных

флаеров или что-то в этом роде. На обзорном экране показалась широкая река, скорее всего Конго. Ровные плантации простирались правильными квадратами от горизонта до горизонта, то там, то здесь были видны города средних размеров. Ни на что не обращая внимания, корабль прошел на бреющем полете до скопления куполообразных зданий.

— Ага! — воскликнул Валти. — Контора управления плантациями. Абсолютно правдоподобно, ну, тут я и не сомневался. Зато под землей, хм-м-м...

Кусок пыльной земли открыл металлические губы, и корабль опустился в ангар. Лангли вышел вслед за остальными и проследовал через анфиладу комнат. В конце пути открылся большой зал, наполненный оргтехникой для офиса, а в углу стояла цистерна.

При виде ее в глазах у капитана зажегся легкий интерес. Штуковина была весьма внушительной — стальной короб двадцать на пятьдесят футов — плюс вспомогательные устройства: емкости для газа, насосы, двигатели, измерители. Все это подвешено на антигравитационной индивидуальной подушке, а показания приборов о давлении внутри и снаружи... Да, лихо! Так, лихие штучки... силовые поля, или просто современная металлургия? Само по себе устройство огромное, по всей видимости, самодвижущееся... и как будто живет само по себе.

Браннох, опередив сопровождающих, весело взмахнул рукой в сторону сооружения. Триумф поверг его в почти мальчишеское самодовольство.

— Эй вы, Фримки, вот мы и здесь! — проорал он. — Полна коробочка! Мы взяли их всех!

Глава 15

— Да, — ответил ровный, бесстрастный механический голос. — А теперь — вы уверены, что нам не расставили никаких ловушек, что вас не выследили, что все в порядке?

— Конечно! — Веселье Бранноха сразу же исчезло, как по мановению волшебной палочки, и он замкнулся. — Если только никто не видел, как вы прилетели сюда на своей цистерне.

— Никто не видел. Но по прибытии мы провели инспекцию. Небрежность управляющего плантациями — а значит, ваша — просто вопиющая. На прошлой неделе он купил двух новых полевых работников и пренебрег их кодированием про-

тив того, чтобы они что-либо запомнили о нас и нашей деятельности.

— Ох, ладно вам, это рабы для плантаций! Да они никогда не увидят поместье.

— Вероятность мала, но она существует, и от нее можно и нужно защититься. Ошибка была исправлена, но вы прикажете подвергнуть управляющего пятиминутному нейрошоку.

— Послушайте-ка... — оскалился Браннох. — Мьюджей-ра состоит на моем содержании вот уже пять лет и служит мне верой и правдой. Достаточно будет выговора. Я не должен...

— Вы должны.

Еще мгновение здоровяк постоял ошетинившись, как перед врагом. Затем как будто что-то внутри его сломалось, он пожал плечами и улыбнулся с оттенком горечи:

— Очень хорошо. Как скажете. Нечего делать из мухи слона — у нас и без того дел хватает.

Лангли почувствовал, что его сознание вновь пробудилось. Но он по-прежнему ощущал опустошенность, в нем не было никаких чувств, зато он мог думать, и мысли его были не из приятных. Валти намекал на положение вещей. Эти вымогатели в их пышном мусорном баке не просто маленькие помощники Бранноха. Вот кто настоящий босс. Тихой сапой, по-своему они здесь правят бал.

Но что они хотят отсюда извлечь? Почему их это волнует? Что они могут приобрести, заварив кашу войны? Ториане смогут использовать большее количество земли, но планеты земного типа бесполезны для тех, кто дышит водородом.

— Встань поближе, пришелец, — произнес механический голос. — Дай нам разглядеть тебя получше.

Под дулами ружей Сарис скользнул вперед. Его поджарое рыжеватое тело распласталось низко над полом и было неподвижным — за исключением нетерпеливо гуляющего кончика хвоста. Сарис наблюдал за цистерной холодным взглядом.

— Да, — сказали фримане после долгого молчания. — Да, в нем что-то есть... Мы никогда раньше не ощущали подобные жизненные потоки ни в одной из сотни известных рас. Он вполне может быть опасен.

— Он будет полезен, — возразил Браннох.

— Если его эффект можно воспроизвести с помощью механизма, милорд, — вмешался Валти самым масляным голосом. — Вы так уверены, что это возможно? Не может ли так случиться, что только живая нервная система его типа способна генерировать... или управлять этим полем? А ведь управлять

сложнее всего, вы же знаете. Возможно, потребуется что-то такое же сложное, как и настоящий мозг, но ни одна из известных наук до сих пор не воспроизвела его искусственно.

— Тут следует проверить, — проворчал Браннох. — Это дело ученых.

— А если ваши ученые потерпят неудачу? Вам случайно не приходило такое в голову? Тогда вы ускорили начало войны, не имея преимущества, на которое надеялись. Силы Солнечной системы больше и лучше организованы, чем ваши, милорд. Они могут одержать абсолютную победу.

Лангли невольно восхитился твердостью Бранноха перед лицом проблемы, которая до этого для него не существовала. Торианин постоял некоторое время, глядя себе под ноги и то сцепляя, то разъединяя пальцы.

— Не знаю, — наконец произнес он спокойно. — Сам я не ученый. Как с этим делом, Фримка? Считаешь ли ты, что это выполнимо?

— Мы рассмотрели вероятность того, что задача окажется невыполнимой, — ответила цистерна. — Такая вероятность существует.

— Что ж... тогда, может быть, лучше всего его дезинтегрировать? Мы можем заиграться — я не в силах дурачить Чантара слишком долго. Возможно, стоит переждать, позаниматься производством обычного оружия еще несколько лет...

— Нет, — ответили чудовища. — Были взвешены все факторы. С нейтрализатором или без такового, но оптимальная дата для начала войны наступит очень скоро.

— Вы уверены?

— Не задавайте лишних вопросов. Вы потеряли бы недели, пытаясь разобраться в деталях проведенного нами анализа. Действуйте, как планировали.

— Что ж... хорошо!

Как только решение для него было принято, Браннох развил бурную деятельность, отчасти, похоже, для того, чтобы убежать от неприятных мыслей. Он прорычал приказы, и пленников сопроводили в блок с камерами. Лангли мельком взглянул на проходящую мимо Марин, после чего их с Сарисом впихнули в маленькую комнату. Позади с лязгом захлопнулась решетчатая дверь, и два торианина с оружием наготове заняли пост снаружи.

Маленькая комната без окон была почти пустой — сантехника, пара коек и ничего больше. Лангли присел и устало улыбнулся Сарису, который свернулся у его ног:

— Это напоминает мне, как в свое время полицейские перебрасывали подозреваемого из одной тюрьмы в другую, опережая, таким образом, на один шаг либо его адвоката, либо постановление об освобождении из-под стражи.

Холатанин не стал просить объяснений. Лежа на полу, он выглядел на удивление расслабившимся. По прошествии некоторого времени Лангли продолжил:

— Интересно, почему они сунули нас в одну комнату.

— Потому что мы с-сможем говор-рять.

— О-о... ты чувствуешь, что в стенах есть микрофоны и магнитофоны? Но ведь мы говорим по-английски.

— Нес-сомненно они... у них ес-сть пер-реводящие ус-стройс-ства. Наши обс-суждения запис-сываются и, возможно, завтр-ра пер-реводятся.

— Хм-м, да-а... Ладно, все равно нет ничего такого важного, о чем мы могли бы поговорить. Давай-ка лучше вспомним, что мы слышали об облике центаврийцев, их наследии, морали.

— О, но у нас-с ес-сть много что обс-судить, мой др-руг, — возразил Сарис. — Я ос-становлю магнитофон, когда мы будем говор-рять на такие темы.

Лангли рассмеялся, издав короткие лающие звуки.

— Что ж, годится! А эти птички, что по ту сторону дверей, по-английски не чирикают.

— Я хочу иметь с-свои мыс-сли в пор-рядке, — сказал холатанин. — А ты пока пос-смотри-ришь, как их пр-ревертнуть в с-слова. Ос-собенно важно знать, какие мотивы у фр-риман.

— Вот как? А я-то думал, тебя больше волнует, что дальше будет с тобой. Они говорили о том, чтобы в случае, если у тебя ничего не выйдет, убить тебя.

— Это не так жизненно важно, как ты думаешь. — Сарис прикрыл глаза.

Лангли изумленно уставился на него в ответ. Нет, ему никогда не понять этот критический ум. Отблеск надежды слегка удивил его; он подавил неожиданное чувство и шагнул к двери.

Один из охранников нервно повел оружием. Оно имело нестандартный вид — видимо, гладкоствольное, разработано и изготовлено для данного конкретного случая, но от этого не менее опасное.

— Полегче, сынок, — сказал Лангли. — Я не кусаюсь... часто.

— У нас есть жесткий приказ, — ответил торианин. Он был молод, слегка испуган, и это делало его акцент еще сильнее. —

Если вообще что-то пойдет не так, по вашей вине или нет, вы оба будете пристрелены. Запомните это.

— И никаких шансов, а? Что ж, поступайте, как знаете. — Лангли прислонился к решетке. Было несложно вести себя по-компанейски и непринужденно — теперь уже несложно, теперь, когда это ничего не значило. — Мне просто стало интересно, ребята, вот вы сами, что вы от этого получите?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я так полагаю, вы прибыли сюда вместе с дипломатической миссией, может быть, с более поздней партией. Когда вы попали на Землю?

— Три года назад, — ответил второй охранник. — Обычно межпланетная служба длится четыре года.

— Но это не считая времени на перелет, — подчеркнул Лангли. — С дорогой обратно получается около тринадцати лет. Ваши родители состарились или умерли; ваши девушки вышли замуж за кого-то другого. Там, откуда я пришел, этот срок сочли бы долгим.

— Заткнись! — Ответ прозвучал слишком грубо и немного поспешно.

— Я не подстрекаю вас к мятежу, — мягко успокоил Лангли. — Просто интересуюсь. Предположим, вам очень хорошо платят в качестве, э-э, компенсации?

— За межпланетную службу платят премиальные, — ответил первый охранник.

— Большие?

— Ну...

— Приблизительно так я и думал. Не так чтобы очень. Парни улетают на пару десятков лет. Чтобы свести концы с концами, старики закладывают ферму. Когда парни возвращаются, денег, чтобы вылезти из долгов, у них явно не хватает, и они проводят остаток своей жизни, работая на кого-то другого — какого-нибудь банкира, который оказался достаточно ловким, чтобы остаться дома. Богатые становятся еще богаче, бедные — еще беднее. На Земле все это уже было семь тысяч лет назад. Место называлось Рим.

Тяжелые, взмокшие от пота лица — лица флегматичных, туго соображающих, упрямых фермеров — сморщились в поисках соответствующих слов, чтобы дать достойную отповедь, но слов не нашлось.

— Сожалею, — сказал Лангли. — Я вовсе не хотел вас уколоть. Понимаете, я просто любопытный. Похоже, что Центавр скоро будет играть первую скрипку в этой части Галактики,

поэтому я должен знать о вас побольше, ведь так? Полагаю, что вы лично рассчитываете на приличный участок земли в Солнечной системе. Но почему вас поддерживает Фрим?

— Фрим является частью Лиги, — заявил один из парней. От Лангли не ускользнула нотка неприязни в голосе солдата. — Они выступают на нашей стороне... просто они обязаны сделать это.

— Но у них есть право голоса, не так ли? Они могут выступить против подобного приключения. Или им пообещали отдать для колонизации Юпитер?

— Они там не смогут жить, — сообщил охранник. — Какая-то разница в атмосфере, по-моему, недостаточно аммиака. В этой системе они не смогут использовать ни одной планеты.

— Тогда почему они заинтересованы в захвате Солнечной системы? Почему они вас поддерживают? Сол никогда не причинял им вреда, а вот Тор совсем недавно вел с ними войну.

— Их разбили, — сказал охранник.

— К чертям все собачьим, а не разбили, сынок. Невозможно разбить планету с единым населением и размерами большими, чем все остальные планеты в системе, вместе взятые. Война закончилась вничью, и ты это знаешь. Готов поспорить, что самое большее, чего способны добиться вместе Земля и Тор, так это установить вокруг Фрима охрану и держать аборигенов внизу, там, откуда они родом. В одиночку же Тор может только идти на компромиссы и при этом держаться за короткий конец палки. Фримане уже выиграли себе очко, вы знаете, на планетах Проксимы нет ни одной человеческой колонии. Поэтому мне по-прежнему интересно, что же такое фримане получают от этого дела?

— Я больше не желаю об этом говорить! — сердито сказал охранник. — Возвращайтесь на место.

Лангли постоял некоторое время, оценивая обстановку. Кроме этих двоих больше солдат в блоке не было. Дверь была закрыта на электронный замок, и Сарис смог бы ее открыть одним усилием воли. Но юноши были доведены почти до состояния истерики, и при первых же признаках чего-то непредвиденного открыли бы по пленникам огонь. Было похоже, что сбежать им отсюда не удастся.

Лангли обернулся к Сарису:

— Ну что, распутал свои мысли?

— Немного. — Холатанин бросил на него сонный взгляд. — Ты можешь быть пор-ражен тем, что я с-скажу.

— Валяй.

— Я не могу читать в человеческом мозгу настоящие мысли, я только ощущаю их присутствие и эмоциональное состояние. Если бы у меня было время, я бы знал больше, но у меня не было достаточно времени даже с тобой. А вот франциане изучают твою расу уже очень долго.

— То есть они могут читать наши мысли? Хм-м... клянусь, что Чантавару это не известно! Тогда, полагаю, инспекция, о которой они здесь упоминали, была проведена через мозг управляющего... Но ты уверен в этом?

— Да. Это есть точно. Давай я тебе объясню.

Объяснение было коротким и по делу. Любая живая нервная система излучает энергию строго определенных видов. Существуют электрические импульсы, которые были обнаружены у человека с помощью энцефалографа еще до Лангли; небольшое тепловое излучение; существуют более слабые, но с большей проникающей способностью излучения в гироманнитном спектре. Но набор излучений варьируется: каждой расе присуща своя собственная норма. Земной энцефалограф не обнаружил бы альфа-ритм человеческого мозга у холатанина — для этого ему пришлось бы изучить абсолютно новый «язык».

На большинстве планет, в том числе и на Земле, у жителей в той или иной степени существует чувствительность к таким излучениям. Эволюционирующая жизнь создает органы, реагирующие на световые и звуковые колебания, и, если этого достаточно для выживания, она не идет дальше и не развивает способность «слышать» нервные импульсы. За исключением нескольких сомнительных аномалий — вопросы экстрасенсорных способностей у человека оставались предметом дебатов и споров по сей день: человечество было телепатически глухим. Но на некоторых планетах путем невероятных мутаций экстрасенсорные органы развивались, и большинство животных, включая и разумных, если таковые существовали, ими обладало. В случае с Холатом развитие было уникальным — животные могли не только воспринимать нервные импульсы, но и передавать их на короткое расстояние. Это было основой холатанского эмоционального сопереживания, это было причиной того, что Сарис мог управлять электронным устройством. Как бы следуя некоему закону компенсации, холатане плохо воспринимали разговорную речь и использовали ее лишь для того, чтобы четко сформулировать мысль телепатически.

Телепатия у фриман была «нормального» типа — чудовища могли только воспринимать, но не воздействовать, последнее они были способны осуществлять только с помощью специальных нервных окончаний, когда прикладывали их к другой особи.

Но телепатический слушатель не воспринимает мысль самое по себе. «Мысль» как таковая не существует в реальном мире; существует процесс мышления — поток импульсов между синапсами*. Фримане не читали в человеческом мозгу как таковом, а воспринимали сигналы на субвокальном уровне. Человек, думающий на сознательном уровне, «разговаривает сам с собой», моторные импульсы идут от мозга к горлу, как если бы он говорил вслух, но по пути импульсы подавляются. Именно эти импульсы воспринимали и интерпретировали фримане.

Поэтому, чтобы узнать, о чем думает другое существо, для начала им нужно было изучить его язык. И Сарис, и Лангли обычно думали на языках, не известных фриманам. Вот почему они воспринимали их мысли как абракадабру.

— Я... понимаю. — Человек кивнул. — Звучит правдоподобно. Как-то я прочитал о случае, который произошел за триста лет до моего времени. Мнимый телепат выступал перед папой — это такой религиозный деятель. Он опростоволосился, сказав, что ничего не может понять в мыслях священника, а папа ответил, что думал на латыни. Да, возможно, там произошло то же самое. — Он невесело рассмеялся. — По крайней мере, одно утешение — мы можем держать свои мысли в секрете.

— Ес-сть еще одно, — ответил холатанин. — У меня ес-сть для тебя пр-редупр-реждение. Скор-ро будет нападение.

— А?

— Веди с-себя не так тр-ревозно. Женщина, котор-рая у тебя была, — ее зовут Мар-рин? Я обнар-ружил в ней элек-тронную цепь.

— Что?! — У Лангли перехватило дыхание. Его охватила легкая нервная дрожь. — Но... это невозможно... она...

— В нее имплантир-ровали хир-рур-ргичес-ским путем штуку, котор-рая, я так думаю, ес-сть пер-редатчик с-с изменяемой час-стотой. Ее можно выс-следить. Я бы с-сказал Вал-ти, но тогда я не был знаком с-с человечес-ской нер-рвной с-сис-темой. Я думал, это нор-рмальная час-сть для ваших женщин, у нас-с они тоже отличаю-ся от мужчин. Но тепер-рь, когда я видел вас-с больше, я понял пр-равду.

* Сосдинения нервных клеток.

Лангли чувствовал, что его трясет. Марин... снова Марин! Но как?..

И тут он понял. Во время похищения. В конечном итоге оно было совершено с какой-то целью. Он, Лангли, никому не был нужен во время того рейда. Автоматический коммуникатор, подобный тому, который дал ему Валти, имплантированный с помощью современной хирургии, да.

Но такое устройство действует на небольшом расстоянии, а это значит, что только система детекторов вокруг всей планеты имеет шансы его выследить. И такая система могла быть только у Чантавара.

— Ну, в конце-то концов, сколько же Иуд в ней сидит?! — простонал Лангли.

— Мы должны пр-риготовитьс-ся, — спокойно сказал холатанин. — Наша охр-рана в таком с-лучае попр-робует нас-с убить, нет? Будучи пр-редупр-реждены зар-ранее, мы с-сможем...

— Или предупредить Бранноха? — Лангли с минуту обыгрывал мысль и так и эдак, но в конце концов от нее отказался. Нет. Даже если центаврийцам удастся улизнуть, им на хвост сядет боевой флот Сола.

Тогда пусть победит Чантавар. Какая разница?

Лангли закрыл лицо руками. Зачем продолжать борьбу? Когда придут нападающие, он должен принять то, что ему суждено, как истинный джентльмен.

Нет. Где-то он чувствовал, что должен продолжать жить. В сегодняшней истории ему был дан голос; каким бы слабым он ни был, но это был голос, и от Лангли самого зависело, чтобы он продолжал звучать как можно дольше.

Наверно, прошло около часа, когда Сарис движением носа показал, чтобы Лангли был настороже.

— Гр-равитационные колебания. Думаю, тепер-рь вр-ремя нас-стало.

Глава 16

Взвыла сирена. Ее эхо разнеслось вдоль коридора, охранники вздрогнули и на мгновение застыли.

Дверь распахнулась настежь, и Сарис Хронна ринулся наружу. Его тигриная лапа размазала одного из солдат по противоположной стене. Второй перекувырнулся и упал в ярде от холатанина, все еще сжимая оружие. Потом он вскочил на

ноги и стал поднимать ружье, но в этот момент его настиг Лангли.

Космонавт не был ни боксером, ни борцом. Он схватил ружье за ствол и, отведя его в сторону, второй рукой заехал охраннику в челюсть. Торианин моргнул, сплюнул кровь, но не упал, а пнул Лангли тяжелой бутсой в колено. Американец пошатнулся, боль словно ножом пронзила ногу. Центавриец отступил, поднимая мушкет. Одним движением Сарис отбросил Лангли в сторону и прихлопнул охранника.

— Ты в пор-рядке? — спросил он, резко обернувшись. — Р-ранен?

— Двигаться еще могу. — Лангли тряхнул головой, ощутив горечь поражения. — Пойдем... копать дальше. Может быть, еще удастся вырваться во время неразберихи.

В других помещениях гремели выстрелы и взрывы. Пройдя чуть дальше, они наткнулись на Валти, его взлохмаченная рыжая голова была опущена, как у быка.

— Сюда! — заорал он. — За мной! Там должен быть черный ход!

Сгрудившись, пленники следом за ним быстро устремились по коридору к двери, которую открыл Сарис. Вверх уходила эстакада, ведущая к наземному уровню. Сарис сгорбился — дальше их могло ожидать все что угодно. Но выхода не было. Он открыл замаскированный вход и выпрыгнул наружу, освещенный лучами заканчивающегося дня.

Над головой, словно разъяренные пчелы, мельтешили черные патрульные корабли. Возле одного из зданий стоял флаер. Гигантскими прыжками Сарис устремился в его сторону. Он почти достиг цели, когда с неба ударил бело-голубой луч и разрезал флаер пополам.

С рычанием перекатившись по земле, холатанин, казалось, весь напрягся. Неожиданно один полицейский корабль, скользя по воздуху, врезался в другой. Объятые пламенем, оба упали. Сарис отпрыгнул под стену здания, люди с облегчением вздохнули. Завеса пламени встала на том месте, где он только что находился. Валти что-то закричал, указывая назад, и они увидели, как из подземной секции вырываются одетые в черную форму солдаты-рабы.

— Останови их оружие! — пронзительно крикнул Лангли. В руках у него был один из мушкетов, он приложил его к щеке и выстрелил. Грохот и сильная отдача прибавили решимости. Один из солдат крутанулся на ногах и упал.

— С-слишком много! — Сарис лежал на голой земле, часто и тяжело дыша. — Их больше, чем я с-смогу с-спр-равиться.

Лангли бросил оружие вниз, проклиная день сотворения этого мира.

Солдаты с опаской окружили их группу.

— Господа, вы находитесь под арестом, — проговорил командир. — Пожалуйста, следуйте за нами.

Идя вместе со всеми, плакала Марин — тихо и безутешно.

Чантавар находился в конторе плантации. Вдоль стен расположились охранники, в стороне стоял мрачный Браннох. Министр выглядел безукоризненно и почти не выказывал своей радости.

— Здравствуйте, капитан Лангли, — сказал он, — и, конечно же, Голтам Валти, сэр. Что ж, джентльмены, похоже, я прибыл весьма вовремя.

— Вперед, — откликнулся космонавт. — Пристрелите нас, и покончим с этим делом.

Чантавар поднял брови.

— Откуда такая склонность к мелодрамам? — спросил он.

Вошел офицер, он поклонился и отрапортовал, что укрытие захвачено, весь персонал мертв либо находится под арестом, потери составляют шесть человек убитыми и десять ранеными. Чантавар отдал приказ, Сариса водворили в специальную клетку и вынесли наружу.

— На тот случай, если вас интересует, капитан, — заговорил министр, — каким образом я вас нашел, то...

— Я знаю, — прервал его космонавт.

— О? О... да, конечно. Сарис должен был это обнаружить. Тут я играл: я думал, он не сообразит вовремя, что это такое, очевидно, так и произошло. Наготове были и другие методы выслеживания, случилось так, что сработал именно этот. — Губы Чантавара изогнулись в неожиданно обаятельной улыбке. — Я не держу на вас зла, капитан. Уверен, вы пытались все сделать так, как считали наилучшим.

— Как насчет нас? — пророкотал Браннох.

— Что ж, милорд, обстоятельства со всей очевидностью требуют вашей депортации.

— Хорошо. Отпустите нас. У меня есть корабль.

— О нет, милорд. Мы не можем быть столь невежливыми. Технат приготовит для вас соответствующий транспорт. Это может занять некоторое время... даже несколько месяцев...

— До тех пор, пока вы не проведете первоначальные исследования с нейтрализатором. Понимаю.

— Тем временем вы и ваш персонал будете спокойно ожидать в своих собственных апартаментах. Я выставлю охрану, которая проследит, чтобы вас... не беспокоили.

— Хорошо. — Браннох заставил свой рот скривиться в кислой усмешке. — Полагаю, что должен вас за это поблагодарить. В вашем положении я бы пристрелил меня, чтобы убрать с дороги.

— В один прекрасный день, милорд, может так случиться, что ваша смерть и понадобится, — сказал Чантавар. — Однако в настоящее время я вам кое-чем обязан. Это дело, как вы понимаете, значит очень многое для моего собственного положения — существуют кабинеты повыше моего нынешнего, и скоро их двери будут для меня открыты.

Он повернулся к Лангли:

— Капитан, я отдал несколько распоряжений относительно вас. Впредь в ваших услугах нет надобности: мы нашли пару ученых, которые могут говорить на староамериканском. С их помощью и с помощью гипноучителя Сарис будет знать современный язык почти в совершенстве уже через несколько дней. Что касается вас лично, за вами оставлены должность и жилище в университете Лоры. Историки, археологи и планетографы сгорают от нетерпения получить у вас консультации. Зарплата ваша будет невелика, но вы сохраняете статус свободно-рожденного.

Лангли ничего не ответил. Итак, его уже вывели из игры. Это был конец — прочь с доски, моя пешка.

Валти прочистил горло.

— Милорд, — начал он напыщенно, — должен вам напомнить, что Сообщество...

Прищулив глаза, Чантавар бросил на него долгий, пристальный взгляд. Гладкое лицо его стало совершенно бесстрастным.

— Согласно законам Сола, вы совершили преступные деяния, — сказал он.

— Экстерриториальность...

— Здесь она неприменима. В лучшем случае вы должны быть депортированы. — Казалось, Чантавар напряг последние силы. — Тем не менее я отпускаю вас на свободу. Соберите своих людей, возьмите с плантации один из флаеров и возвращайтесь в Лору.

— Милорд очень любезен, — сказал Валти. — Могу я спросить почему?

— Неважно почему. Убирайтесь.

— Милорд, я — преступник. Я это признаю. Я хочу справедливого суда в смешанном трибунале в соответствии с разделом 4 статьи VIII Лунного договора.

Глаза Чантавара были холодны и не мигали.

— Убирайтесь, или я буду вынужден вышвырнуть вас вон!

— Я требую, чтобы меня арестовали! — воскликнул Валти. — Я настаиваю на своем праве и привилегии на стирание моей личности. Если вы меня не задержите, я буду жаловаться непосредственно «Технону».

— Очень хорошо! — отчеканил Чантавар. — Приказ беспрепятственно отпустить вас на волю я получил непосредственно от «Технона». Почему — я не знаю. Но это приказ; он пришел сразу же, как только я доложил о положении вещей и своем намерении атаковать. Вы удовлетворены?

— Да, милорд, — вежливо ответил Валти. — Спасибо за вашу доброту. Всего хорошего, джентльмены. — Он неуклюже поклонился и выскочил.

Чантавар разразился смехом:

— Нахальный старый жук! Я не хотел ему говорить, но он все равно узнал бы об этом потом. Теперь пусть удивляется вместе со всеми остальными. «Технон» то и дело ведет себя загадочно, но я полагаю, что мозг, планирующий на тысячелетия вперед, таким и должен быть. — Он встал и распрямился. — Пойдемте. Может быть, я еще успею сегодня вечером на этот концерт в Салме.

Снаружи Лангли зажмурился от яркого солнечного света. За пять тысячелетий тропики на Земле стали еще жарче. Он увидел группу вооруженных людей, которые один за другим загружались в военный флаер, и неожиданно у него защемило сердце.

— Чантавар, — обратился он, — я могу попрощаться с Сарисом?

— Мне жаль. — Министр не без сочувствия покачал головой. — Я знаю, он ваш друг, но мы и так уже рисковали в этом деле предостаточно.

— Что ж... я когда-нибудь еще его увижу?

— Возможно. Мы не звери, капитан. Мы не намерены причинять ему вред, если он будет сотрудничать с нами. — Чантавар махнул рукой в сторону небольшой машины. — Думаю, это ваша. До свидания, капитан. При случае надеюсь когда-нибудь свидеться с вами снова.

Он развернулся и быстро зашагал прочь. Из-под его сапог вылетали облачка пыли.

Лангли и Марин вошли внутрь флаера и сели. Молчаливый охранник последовал за ними и включил автопилот. Флаер плавно поднялся, и охранник с вымуштрованным терпением уселся напротив них.

Долгое время девушка безмолвствовала.

— Как они нас нашли? — наконец спросила она.

Космонавт рассказал.

На этот раз она не плакала. Казалось, у нее больше не осталось слез. Все время стремительного полета обратно домой они почти не разговаривали.

Лора поднялась на фоне ночного горизонта, как единый гордый фонтан воспарившего металла. Флаер с жужжанием сделал круг в поисках посадочной площадки рядом с одной из невысоких башен в северной части города. Охранник согласно кивнул.

— Номер ваших апартаментов 337, прямо по коридору, сэр, — сообщил он. — Доброй ночи.

Лангли пошел впереди. Когда дверь по его команде открылась, перед ним предстали четыре небольшие комнаты, достаточно комфортные, но без особой роскоши. Там находился бытовой робот — очевидно, отметил Лангли, его новое положение не предполагало живых рабов.

За исключением...

Он повернулся лицом к Марин и около минуты рассматривал ее. Девушка твердо встретила его взгляд, она заметно побледнела, глаза ее сделались темными. Он подумал, что это бесцветное создание отнюдь не Пегги.

Горечь и ярость тошнотой подступили к горлу. Все конечно. *C'est fini*. Здесь конец саги. Он пытался, но все его надежды рухнули, и причиной всему этому именно она.

— Убирайся, — сказал он.

Она прикрыла рот рукой, как если бы он ее ударил, но не произнесла ни слова.

— Ты меня слышала? — Он резко пересек комнату — пол под ногами еле заметно пружинил, как если бы был сделан из резины, — и уставился в окно.

— Я дарю тебе свободу. Теперь ты не рабыня. Понятно?

Она все еще не отвечала.

— Необходимы какие-то формальности? — спросил он.

Она рассказала. Голос ее был безжизненным. Он набрал номер отдела регистрации и продиктовал, что он, такой-то, единственный владелец крепостной рабыни номер такой-то, настоящим распоряжением освобождает ее. Затем он

повернулся, но посмотреть в зеленые глаза у него уже не хватило духу.

— Здесь не было твоей вины, — сказал он глухо. В висках у него стучало, колени дрожали. — Никто не виноват, все мы бедные маленькие жертвы обстоятельств, и в этом плане с меня довольно. Безусловно, ты была всего лишь беспомощным орудием, я тебя не виню. Однако и дальше терпеть тебя рядом с собой я не в силах. Слишком много неудач воплотилось в тебе. Ты должна уйти.

— Я сожалею, — прошептала она.

— Я тоже, — из невольной утичности сказал он. — Иди... уходи... живи как-нибудь сама.

Подчиняясь почти бессознательному импульсу, он отстегнул кошелек и бросил его ей.

— Вот. Здесь весьма приличная сумма. Возьми деньги — используй их на устройство своей жизни.

Она в замешательстве посмотрела на него, но быстро справилась с собой.

— До свидания. — Она повернулась и направилась к двери, спина ее была неестественно прямой.

И только гораздо позже Лангли обнаружил, что Марин оставила кошелек лежать там, где он упал.

Глава 17

День, еще день, и еще один день... Вот так и проходит жизнь.

Люди в университете были приятными и мягкими, у них были степенные, но без формальностей манеры, а с человеком из прошлого они вели себя особенно тактично. Лангли вспомнил собственные университетские годы — некоторое время он учился в аспирантуре и насмотрелся на факультетскую жизнь. Здесь не было никаких пересудов, маленьких интриг и лицемерных чаепитий, к которым он привык в свою университетскую бытность; но не было здесь и никакого духа нетерпения и жажды интеллектуального поиска. Все было известно, все поставлено и рассортировано по полочкам, оставалось лишь уточнить детали. Там, в двадцать первом веке, какое-нибудь высказывание мэтра о роли запятых в произведениях Шекспира стало бы поводом для обсуждения и сомнений. Сегодня что-то подобное было бы воспринято просто как непреложный факт.

Библиотека была потрясающей и поражала воображение: миллиарды томов, занесенных в магнитную память, любой из них можно мгновенно найти и сделать копию нажатием нескольких кнопок. Роботы могли их даже прочитать за вас и написать реферат; а в случае надобности сделать заключения и выводы: логические построения без всяких признаков воображения или сомнений. Профессора — звание означало что-то вроде «хранитель знаний» — в основном происходили из простолюдинов, выбившихся в мелкие аристократы без права иметь потомство после прохождения специальных тестов. Правила их ордена строго запрещали всякие занятия политической. Лишь немногие студенты — наивные или искренне идущие в науку юноши — собирались в свою очередь стать профессорами. Сыновья министров от частных репетиторов переходили в спецакадемии. Университет являл собой умирающий осколок прежних времен, и его не закрывали лишь потому, что так не приказал «Технон».

Тем не менее Лангли это общество седеющих, одетых в коричневые мантии людей вполне устраивало. Особенно ему импонировал один историк, маленький иссохший человечек с большой лысой головой по имени Джант Мардос, с ним он даже подружился. Старик отличался необъятной эрудицией и занятыми, весьма саркастическими взглядами на окружающее. Обычно они вели многочасовые беседы, которые записывались на магнитофон, чтобы потом оценивать сказанное.

Лангли занимался разбором бесед по ночам, когда ему становилось особенно тоскливо и одиноко.

— ...современная ситуация, конечно же, неизбежна, — слышался голос Мардоса. — Чтобы общество не застыло, оно должно постоянно обновляться, так это происходило у вас; но рано или поздно наступает момент, когда дальнейшее обновление становится нерентабельным, и стагнация наступает в любом случае. Так, человечеству для выживания необходимо было объединение Земли, но со временем оно привело к уничтожению культурных различий и здорового соперничества, которые в то время во многом определяли прогресс.

— И все же, мне кажется, вы еще можете осуществлять какие-то изменения, — промолвил космонавт. — По крайней мере, политические.

— Какого рода? Вы должны отлично понимать, что «Технон» — лучшее из устройств, выполняющих функции правительства; сломав его, мы вернулись бы к коррупции, некомпетентности и междоусобицам. Все это у нас, конечно, есть, но

не играет большой роли, поскольку политикой заправляет машина, которая способна делать это, которая неподкупна и бессмертна.

— И все же, почему бы не дать шанс простолюдинам? С какой стати они должны проводить свою жизнь на нижних уровнях?

Мардос приподнял брови:

— Мой дорогой романтичный друг, а что же еще им делать?! Вы думаете, они подходят для того, чтобы разделить бремя управления? Средний коэффициент интеллектуальности простолюдина около 90, а у среднего министра он близок к 150. — Историк аккуратно сомкнул кончики пальцев. — Автоматизировав все процессы, наверняка можно сделать так, чтобы каждый житель Солнечной системы оставил работу: все его нужды удовлетворялись бы бесплатно. Но чем тогда займется ваш простолюдин с коэффициентом 90? Игрой в шахматы или созданием эпических произведений?

Даже при существующем положении вещей министрам явно недостает рабочих мест. Вот почему вы видите среди них так много прожигателей жизни, вот почему здесь так много политиканства.

Давайте признаемся, в изученной Вселенной Человек исчерпал возможности собственной культуры. В конце концов, нельзя ожидать, что они бесконечны. Существует лишь множество форм, которые вы можете придать куску мрамора; как только скульпторы создадут лучшие из них, последователи встанут перед выбором между скучной имитацией и чистейшей воды экспериментаторством. То же самое касается любого вида искусства, науки и изменений в человеческих взаимоотношениях. Что касается политики, то сегодняшняя наша цивилизация, может быть, и заостенела, но зато она стабильна, а большинство жителей будут вполне удовлетворены, если все так и останется. Для обычного человека отсутствие стабильности, перемены означают войну, беспорядки, неуверенность, нищету и смерть.

Лангли покачал головой.

— Вселенная необозрима, — возразил он. — Где-то там мы всегда можем обнаружить что-то такое, что позволит нам начать заново.

— Вы думаете о потерянных колониях? — фыркнул Мардос. — О них написаны горы романтической чуши. На самом же деле это были всего лишь те, кто не смог чего-то достичь

здесь и попытался сбежать. Сомневаюсь, что у них дела идут лучше.

— Вы слишком далеки от собственного периода колонизации, — сказал Лангли. — А вот в мое время мы были все еще очень близки к своему. Я полагаю, что прогресс, свежий взгляд на жизнь, новые начинания в большинстве своем связаны с этим фактором.

— Вот как? — Мардос наострил уши. — И на каком основании?

— О... на основании всей известной мне истории. Возьмем, к примеру, Исландию. У меня был оттуда приятель, он мне все объяснил. Первые колонисты были заметными людьми, даже своего рода царьками, которых выкинули из Норвегии, когда страна объединилась, а они не хотели кому-либо подчиняться. Они основали что-то вроде республики чуть ли не впервые со времен античной Греции, создали один из лучших эпосов в мире, осуществили удачные попытки колонизировать Гренландию и Америку.

Затем, собственно американцы — мой народ. Некоторые из них были религиозными раскольниками, не смогшими ужиться с церковью у себя дома. Некоторые были ссыльными преступниками. Более поздние иммигранты состояли из обнищавших бродяг и нескольких либералов, которым не нравилось то, что происходило в Европе. Однако это сборище мятежников и простолюдинов освоило полконтинента, дало жизнь первому по-настоящему республиканскому правительству, возглавило парад индустриализации и развития технологий и захватило лидерство в международных делах... нет, подождите, они не захватили, и в действительности никогда к этому не стремились, просто на них возложили эту миссию, ибо никто другой не мог удержать в руках столь горячую картофелину.

Потом пришло время ранних поселений на других планетах, которые я видел собственными глазами. Их обитатели не были в прямом смысле изгнанниками. Да, их расселяли, но они состояли из тех, кто наилучшим образом подходил для новой окружающей среды, и каждый из переселенцев был бы весьма несчастлив, если бы его отослали обратно на Землю. Их средний интеллектуальный уровень был просто ужасным.

— Должно быть, вы правы, — задумчиво произнес Мардос. — Возможно, некоторые из потерянных колоний и нашли путь лучше нашего. Например, если улетает корабль, полный

людей по-настоящему большого калибра, никаким идиотам не под силу сбить их с толку...

— А большинство мятежников как раз люди именно такого калибра, — вставил Лангли. — Они не были бы мятежниками, если бы были достаточно бессловесны и бесхребетны, чтобы принимать существующий порядок вещей.

— Ладно, но кто захочет в их поисках провести, возможно, тысячи лет независимого времени? Это чистой воды эскапизм*.

— У меня такое подозрение, что историю творят именно такие вот эскаписты.

— Торговое Сообщество облетало все на две сотни световых лет вокруг и не нашло ничего такого, о чем вы мечтаете.

— Конечно же нет. Группа, которая хотела избавиться от того, что считала цивилизацией зла, пойдет гораздо дальше. А потом, ведь еще есть идея, что там, за пределами, скрывается что-то такое...

— Ребячество!

— Конечно. Но не забывайте, что ребенок — будь то человек или общество — находится в процессе роста. А вот если говорить о Сообществе, — тут мне хотелось бы узнать о нем побольше. У меня такое подозрение, что...

— Информации совсем немного. Они очень скрытны. Похоже, они начинали прямо отсюда, с Земли, что-то около тысячи лет назад, но история неясная.

— Этого не должно быть, — сказал Лангли. — Разве не предполагается, что «Технон» содержит полные записи обо всем важном? А Сообщество — это, конечно же, важно, любой мог предвидеть, что они станут влиятельной силой.

— Дерзайте, — пожал плечами Мардос. — Пока вам интересно, можете пользоваться библиотекой сколько угодно.

Лангли нашел себе столик и запросил библиографию. Она оказалась на удивление маленькой. Путем сопоставления он решил получить справочный лист о литературе по тау Кита-IV — маленькой скучной планете, не имеющей особого значения: список был не намного длиннее первого.

Он сидел несколько минут, размышляя об издержках статичной культуры. Мизерное количество информации, казалось, издавало истошный крик: «Прикрытие!». А эти так называемые ученые мужи вокруг него просто-напросто отмечали, что в наличии есть лишь несколько книг и статей, и тут же преспокойно забывали о вопросе.

* Бегство от действительности.

Он упрямо окунулся в задачу прочитать все, что только можно было найти по данной теме. Экономическая статистика; случаи, когда Сообщество вмешивалось в местную политику на той или иной планете, чтобы защитить себя; изменения в психологии, связанные с долгим пребыванием на борту корабля; и, наконец, пункт, относящийся к событию, произошедшему тысячу девяносто семь лет тому назад, когда некий Хардис Сандж, представляющий группу межзвездных торговцев — поименный список прилагается, — обратился с просьбой утвердить грамоту о специальных льготах, и просьба была удовлетворена. Лангли прочитал грамоту: это был обширный документ, своим безобидным языком он предоставлял этим людям такую власть, которой мог позавидовать любой министр. Тремя столетиями позже Технат признал Сообщество в качестве независимого государства — к тому времени некоторые планеты уже сделали это, а вскоре к ним присоединились и все остальные. С тех пор заключались договоры и...

Лангли сидел без движения, прошло четыре дня с начала его изысканий. Все сходилось.

Пункт: «Технон» позволил Сообществу уйти беспрепятственно, хотя в остальных случаях его основная политика была откровенно направлена на постепенное воссоединение доступной части Галактики.

Пункт: На сегодня Сообщество насчитывает несколько сот миллионов членов, включая персонал со множества нечеловеческих планет. Ни один из его членов не знал больше того, что его окружало.

Пункт: Командиры и рядовые Сообщества, включая корабельных офицеров, не знают, кто является их высшими руководителями, но воспитаны в духе подчинения и странного отсутствия любопытства по этому поводу.

Пункт: Сам «Технон» приказал Чантавару освободить Валти, не причиняя последнему какого-либо ущерба.

Пункт: Экономические данные показывали, что на протяжении долгого периода времени все больше и больше планет попадали в зависимость от Сообщества в той или иной жизненно важной области производства. Было проще и дешевле торговать с кочевниками, чем добывать где-то что-то самим. И, наконец, Сообщество было вполне нейтральным...

Черт побери!

Лангли удивлялся, почему, похоже, никто больше не подозревает о правде. Теперь Чантавар... Но Чантавар, каким бы умом он ни обладал, был тоже по-своему закодирован. Его

работа заключалась только в том, чтобы осуществлять политику, проводимую машиной, а не копать глубже. Конечно, знать правду нельзя было позволить ни одному министру. Как только время от времени такое происходило — кто-то, споткнувшись о факты, что-то узнавал, — он тут же исчезал. Ибо, если бы правду узнал тот, кому не положено, секрет было бы не удержать, он очень скоро распространился бы от звезды к звезде, и пользе Сообщества пришел бы конец.

Его пользе для «Технона».

Ну конечно! Сообщество было основано вскоре после отделения колоний. Надежды вернуть их обратно в обозримом будущем не было. А вот мощная организация, представители которой бывают повсюду и составляют доклады для неизвестного центра, — организация, которую все, включая и ее собственных членов, считают незаинтересованной и неагрессивной, — такая организация являлась идеальным агентом для наблюдения и постепенного подчинения других планет.

Что за машина, должно быть, этот «Технон»? Какой прекрасный памятник, высшее конечное достижение стареющей науки. Создатели сработали его лучше, чем задумывали. Их ребенок вырос, стал способен рассчитывать на тысячелетия вперед, до тех пор, пока наконец цивилизация не станет действительно цивилизацией. Неожиданно у Лангли появилось непонятное желание увидеть эту гигантскую машину, но такому никогда не бывать...

Являлась ли эта штука из металла и энергии в действительности мыслящим мозгом? Нет... Валти сказал, и библиотека подтвердила, что живой мозг со всеми своими почти безграничными возможностями никогда не был воспроизведен искусственно. То, что «Технон» думал и рассуждал в пределах собственного функционального назначения, не вызывало сомнений. Был необходим какой-то эквивалент созидательного воображения, чтобы управлять целыми планетами и разрабатывать схемы, подобные созданию Сообщества. Но он все же оставался роботом, суперкомпьютером; его решения принимались непосредственно на основании данных, которые в него вводились, и были бы ошибочными ровно настолько, насколько неверными были бы данные.

Ребенок — большой, почти всемогущий, не обладающий чувством юмора ребенок, определяющий судьбу расы, которая сама отказалась нести за себя ответственность. Мысль была невеселой.

Лангли зажег сигарету и откинулся назад. Ну хорошо. Он сделал открытие, которое могло бы потрясти империю. Это случилось потому, что он пришел из совершенно отличной эпохи с совершенно другим образом жизни и мышления. Он обладал непокорным разумом свободнорожденного и не подвергался гипнообучению. История его мира состояла из равномерной, часто жестокой эволюции, мира, где из слова «прогресс» сделали идола. Поэтому он мог наблюдать за сегодняшним днем с большей беспристрастностью, чем люди, которые в течение двух последних тысячелетий стремились только к стабильности.

Но что теперь делать с этими фактами?

У него было отдающее нигилизмом сильное желание позвонить Валти и Чантавару и все им выложить. Разнести все вдребезги. Но нет — кто он такой, чтобы опрокидывать телегу с яблоками, которая везет миллиарды жизней, и при этом, возможно, по ходу дела погибнуть самому? Он не имел права судить, он не был Господом Богом, и его желание было всего лишь проявлением бессильной ярости.

А поэтому — лучше-ка держать язык за зубами. Если только когда-нибудь возникнет подозрение, что ему что-то известно, он не проживет и минуты. Некоторое время он уже был важной персоной, и посмотрите, к чему это привело.

Этим вечером, находясь один в своих апартаментах, Лангли рассматривал себя в зеркале. Лицо похудело и почти утратило загар. Нити седины в волосах превратились в пряди. Он чувствовал себя усталым и очень старым.

Его охватило раскаяние. Зачем он выстрелил в этого человека там, в африканском поместье? Это был бессмысленный поступок, такой же бессмысленный, как все, что он пытался сделать в этом чужом мире. Он задул огонек жизни или, по крайней мере, причинил боль абсолютно без всякой цели.

Он просто не принадлежал этому миру.

*Она присела рядом,
Взяв за руку меня,
Сказала: «Чужеземец,
Чужая здесь земля».*

Она! Чем занята Марин? Жива ли она вообще? И можно ли называть жизнью существование там, на нижних уровнях? Он не думал, что она станет себя продавать — с этим своим гордым негодованием, известным Лангли, она скорее умрет с

голоду, — но в Старом городе может произойти все что угодно.

Раскаяние острыми когтями впилося в душу Лангли. Не надо было ее прогонять. Не стоило перекладывать ответственность за собственный провал на ту, которая эту ношу хотела всего лишь разделить. Его сегодняшняя зарплата была невелика — едва ли хватит на двоих, — но ведь вместе они могли бы что-то придумать.

Ничего не видя перед собой, Лангли набрал номер главного полицейского управления города. Вежливое лицо раба-полицейского ответило ему, что закон не позволяет отслеживать простолюдина, если он не разыскивается по обвинению в каком-либо преступлении. Можно обратиться в специальную службу, это обойдется вам... Сумма была больше, чем он имел.

— Очень жаль, сэр.

Занять деньги. Украсть. Самому спуститься на нижние уровни, предлагать вознаграждение, что угодно, но найти ее!

А она сама, захочет ли она сама вернуться?

Лангли обнаружил, что его трясет.

— Так не пойдет, сынок, — сказал он вслух, обращаясь к пустой комнате. — Так недолго и спятить. Присядь и для разнообразия немного подумай.

Но все его мысли возвращались к одному и тому же. Он был посторонним — неудачник, ноль без палочки, существующий только за счет благотворительности и легкого интереса интеллектуалов. Нет ничего, чем он смог бы заняться, недостает ни подготовки, ни образования. Если бы не университет, который сам по себе являлся анахронизмом, он оказался бы на дне, в трущобах.

Какое-то внутреннее упорство не позволяло ему покончить с собой. С другой стороны, подкрадывалась еще одна угроза — помешательство. То, что он, распустив нюни, занимается тем, что жалеет себя, — первый признак распада личности.

Как долго он здесь, в университете? Около двух недель, а уже чувствует себя развалиной.

Он приказал окну открыться. Балкона здесь не было, но он оперся о подоконник и глубоко задышал. Ночной воздух был теплым и влажным. Над головой раскачивались звезды, презрительно усмехаясь из своего далека.

Наверху пролетела какая-то тень. Она приблизилась, и Лангли смутно разглядел человека в космическом скафандре с индивидуальным антигравом. Полицейская модель. Кто им нужен на этот раз?

Черный скафандр устремился на него. Лангли едва успел отскочить, когда тот влетел через окно. Устройство с грохотом приземлилось, задрожал пол.

— Какого черта... — Лангли сделал шаг ближе.

Облаченная в металл рука поднялась вверх, отщелкнула гермошлем и откинула его назад. Из рыжих зарослей высунулся огромный нос.

— Валти!

— Он самый, — подтвердил торговец. — И не как-нибудь, а во плоти, а?

Валти поляризовал окно, приказав ему закрыться.

— Как дела, капитан? Выглядите вы достаточно уставшим.

— А я и... устал. — Космонавт почувствовал, как учащается его сердцебиение, напрягаются нервы. — Что вам угодно?

— Небольшой разговор, капитан, всего лишь небольшая личная беседа. К счастью, в конторе у нас есть кое-какое оборудование, позволяющее избегать прослушивания — люди Чантавара стали чертовски интересоваться нашими перемещениями, и от них все труднее отделаться. Но здесь-то, я надеюсь, мы можем поговорить без помех?

— Д-да. Я думаю, что да. Но...

— Никакой выпивки, спасибо. Мне нужно будет уйти как можно скорей. Снова предстоят кое-какие дела. — Валти хихикнул и потер руки. — Да уж, действительно. Я знал, что Сообщество запустило свои щупальца в очень высокие сферы власти, но никогда не думал, что наше влияние так велико.

— Ц-ц-ц... — Лангли сделал паузу, глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться. — Давайте-ка ближе к делу. Что вам угодно?

— Конечно-конечно. Капитан, вам здесь нравится? Вы совсем отказались от мысли начать заново где-нибудь в другом месте?

— Так, значит, мне снова делают предложение. Почему?

— Э-э... мое руководство решило, что не стоит оставлять дело с Сарисом Хронной и нейтрализатором без борьбы. Мне приказано забрать его из заключения. При этом, хотите верьте, хотите нет, вместе с приказом поступил соответствующий подлинный мандат от «Технона». Очевидно, в правительстве Сола — возможно, даже среди слуг «Технона» — у нас есть очень умные агенты. Им удалось заложить в машину фальшивые данные, и та автоматически решила, что в ее интересах самым лучшим было бы забрать Сариса от Чантавара.

Лангли подошел к бытовому роботу и налил себе крепкой выпивки. Только осушив стакан, он решился заговорить.

— И я вам нужен.

— Да, капитан. Во всех случаях операция будет рискованной. Если Чантавар об этом узнает, он, естественно, собственной властью все остановит до тех пор, пока не сможет получить дальнейшее подтверждение от «Технона». Затем, в свете новой информации, машина назначит расследование и узнает правду. Поэтому мы должны действовать очень быстро. Вы понадобится как друг Сариса, которому он доверяет, и обладатель общего с ним языка. Он должен уже говорить на нашем, но так он быстрее поймет, что мы затеем, и охотнее пойдет на сотрудничество.

«Технон»! У Лангли закружилась голова. Какие еще фантастические планы вынашивает эта штука на сей раз?

— Полагаю, — медленно сказал он, — сначала мы отправимся на Кита, как вы и собирались сделать в первый раз?

— Нет. — Пухлое лицо Валти напряглось, голос едва уловимо дрогнул. — Я не совсем понимаю сам, но предполагается, что мы передадим его центаврийцам.

Глава 18

Лангли не ответил. Похоже, слова тут были вообще излишни.

— Мне не понятно зачем, — поделился Валти. — Я часто думаю, что у Сообщества должен быть свой «Технон». Решения машины, хоть и оказываются всегда наилучшими, порой просто непостижимы для меня. Если нейтрализатор попадет к какой-либо из сторон, это означает войну... но почему преимушество должны получить центаврийские варвары?

— Действительно, почему? — прошептал Лангли. Он по-прежнему блуждал в потемках.

— Я могу только предположить, что... что Сол представляет собой долговременную угрозу для всех нас. В конце концов, это не гибкая цивилизация. Если она станет доминирующей, то будет действовать против нас, тех, кто не укладывается в ее статичные порядки. Возможно, в свете истории будет самым лучшим, если к власти на некоторое время придут центаврийцы.

— Угу, — откликнулся Лангли.

Все рушилось. Рушились все построения, которые он нагородил. По всей видимости, «Технон» не являлся настоящим вождем кочевников. И все же...

— Я все рассказал вам с полной откровенностью, — продолжал Валти. — Может быть, было бы проще держать вас в неведении, но это сопряжено с риском. Обнаружив со временем наши намерения, вы с Сарисом могли бы с ними не согласиться. Поэтому лучше, если вы добровольно и сознательно пойдете на это с самого начала.

Что касается вас, капитан, вам будет предоставлен пилотируемый космический корабль, на котором вы сможете сами подыскать себе планету, если ни одна из тех, что известна нам, вам не понравится. И не следует беспокоиться, будто вы предаете Сариса: на Торе ему будет ничуть не хуже, чем на Земле. Конечно же, вы можете поторговаться и заручиться гарантиями, что отношение к нему будет хорошим. Но мне необходимо услышать ваше решение прямо сейчас.

Лангли покачал головой. Слишком много всего и слишком неожиданно.

— Дайте чуть-чуть подумать. А как насчет банды Бранноха? Они с вами не связывались?

— Нет. Единственное, что мне известно, так это то, что мы должны забрать их из посольской башни, где они содержатся под домашним арестом, и обеспечить им транспорт до Тора. У меня есть бумаги от «Технона», которые, если их правильно использовать, позволят нам осуществить и это.

— А вообще с кем-нибудь они связывались?

Валти, должно быть, пожал плечами, хотя через жесткий космический скафандр разглядеть это было невозможно.

— Официально — нет. С нами точно нет. Но на практике, конечно же, у фриман в баке должны быть спрятаны передатчики с изменяемой частотой, которые земная полиция вряд ли сможет изъять. Должно быть, с их помощью они переговорили со своими агентами на Земле, но о чем — я не знаю. Чантавар все это понимает, но он мало что может тут поделать, разве что уничтожить фриман, а это противоречит кодексу джентльмена. Эти высокопоставленные лорды из различных государств уважают права друг друга... никогда не известно, когда можешь сам оказаться в подобной ситуации.

— Вот как! — Лангли стоял не двигаясь, к нему приходило понимание происходящего, хотелось кричать.

Он не ошибался. «Технон» управлял Сообществом. Но тут была, должна была быть, дополнительная сложность, и ему казалось, что он ухватил ее суть.

— Я снова спрашиваю вас, капитан, — произнес Валти, — вы поможете или нет?

— Полагаю, — сухо ответил космонавт, — скажи я нет, вас это крайне огорчит.

— Мне было бы бесконечно жаль, — пробормотал Валти, коснувшись бластера на поясе. — Но некоторые секреты имеют особую важность. — Его маленькие светлые глаза изучающе смотрели на американца. — Однако, если вы согласитесь помочь, я поверю вам на слово. Вы человек определенного склада. Кроме того, предав нас, вы ровным счетом ничего не выиграете.

Лангли принял решение. Это было прыжком в темноту, но неожиданно он ощутил, как к нему приходит холодное спокойствие и уверенность. Он снова куда-то двигался — возможно, всего лишь к пропасти, — но он выбрался из лабиринта и чувствовал себя человеком.

— Да, — сказал он. — Я буду с вами сотрудничать. При одном «если».

Валти выжидающе молчал.

— На тех же условиях, что и раньше. И если девушка по имени Марин отправится вместе с нами. Только сначала мне нужно будет ее найти. Я освободил ее, и она где-то там, на нижних уровнях. Когда она вернется, я буду готов отправиться в путь.

— Капитан, на это может уйти много дней, а то и...

— Да, положение не из легких. Дайте мне пригоршню денег, и я попробую отыскать ее сам.

— Операция назначена на завтрашний вечер. Вы сумеете уложиться до этого срока?

— Думаю, да, при наличии достаточной суммы.

Валти издал жалобный стон, но полез куда-то в глубь скаффандра. Кошелек, который Лангли пристегнул к поясу, оказался весьма пухлым. Он принял из рук торговца и маленький бластер, который спрятал под мантией.

— Ладно, капитан, — сказал Валти. — Удачи. Я буду ждать вас завтра в таверне «Две Луны» в двадцать один ноль-ноль. Если вас не...

— Я знаю. — Лангли провел пальцем по собственному горлу. — Я там буду.

Торговец поклонился, защелкнул шлем и отбыл тем же путем.

Лангли готов был не то плакать, не то смеяться от неподдельного возбуждения, но времени на это не было. Он вышел из помещения и отправился по переходам. В это время они

были пустынные. Акведук внизу все еще кишел людьми, но в гравийшахте он спускался в одиночестве.

Нижние уровни были наполнены криками и руганью простолудинов. Толпы обтекали Лангли со всех сторон, в своей грязно-коричневой университетской мантии он не вызывал особого уважения — перед ним не расступались, так что приходилось прокладывать себе путь самому. Дальше, в Итай-город.

Итай-город находился на границе трущобного сектора, но сам по себе был опрятным и хорошо охранялся полицией. Лангли знал, что некоторые нанятые в услужение люди проживали либо в самом городе, либо поблизости. Негуманоидов женщины, кроме как в качестве служанок, не интересовали. Это было самое безопасное место для девушки, которую выкинули с верхних уровней. По крайней мере было логично начать свои поиски именно отсюда.

Он был неуклюжим любителем, ум которого парализован повторяющимися неудачами в мире профессионалов. Теперь это чувство ушло. Степень его решимости давала почти пугающую уверенность. На этот раз все, что встанет на его пути, будет просто сметено!

Он вошел в таверну. Посетителями здесь были главным образом чешуйчатые гуманоиды с шишковатыми головами, которые не нуждались в особых условиях, атмосфере или температуре. Никто не обращал на него внимания, пока он пробирался через причудливый лабиринт из влажных губчатых кушеток, предпочитаемых этими созданиями. В тускло-красном свете трудно было что-либо различить.

Лангли прошел в угол, где пьянствовали несколько человек в ливреях наемных слуг. Они уставились на него — должно быть, профессор посещал это место впервые.

— Могу ли я присесть? — спросил он.

— Тут и так многовато народу, — отрезал угрюмого вида мужчина.

— Жаль. Собирался угостить присутствующих за столом, но...

— Ах так! Ладно, тогда садитесь.

Лангли старался не замечать напряженного молчания за столом. Его это вполне устраивало.

— Я ищу женщину, — сказал он.

— Четвертая дверь отсюда.

— Нет... вполне конкретную женщину. Высокая, темно-рыжие волосы, выговор верхних уровней. Думаю, должна была появиться здесь недели две назад. Кто-нибудь видел такую?

— Нет.

— За информацию предлагаю вознаграждение. Сто соларов.

Их глаза расширились. Лангли заметил, как в некоторых из них блеснул алчный огонек, и как бы случайно распахнул накидку, демонстрируя оружие. Владеть оружием было серьезным нарушением, но звать полицию, похоже, никто не собирался.

— Что ж, если вы не можете помочь, придется попытаться счастья в другом месте.

— Нет... погодите минутку, сэр. Успокойтесь. Может, чем и поможем. — Мрачный мужчина оглядел стол. — Кто-нибудь знает такую? Нет? Можно поспрашивать в округе.

— Непременно. — Лангли извлек десять десятисоларовых банкнотов. — Это на оплату справок. Помимо вознаграждения. Но его не будет, если вы не найдете девушку в пределах... х-м-м... трех часов.

Компания испарилась. Он присел за стол и заказал выпивку, пытаясь сдержать нетерпение.

Время замедлило бег. Какая большая часть жизни уходит просто на ожидание!

К нему подошла девушка и предложила себя. Лангли и ее отправил на поиски. Он нянчил в руках бокал с пивом, не прикасаясь к выпивке — сейчас, как никогда, голова должна быть ясной.

Через два часа и восемнадцать минут запыхавшийся человек плюхнулся за стол, жадно глотая воздух.

— Я нашел ее!

У Лангли екнуло сердце. Он поднялся из-за стола, стараясь не суетиться.

— Видел сам?

— Да нет, не совсем. Но к Слимеру, торговцу со Шрайниса, наняли новую гувернантку — и как раз одиннадцать дней назад. Это сказал мне их повар, которого отыскал кто-то еще из наших.

Космонавт кивнул. Его предположения оказались верными: слуги по-прежнему знали больше, чем полицейские структуры. Люди не так уж и изменились.

— Пойдем, — сказал он и вышел за дверь.

— А как насчет вознаграждения?

— Ты его получишь, когда я ее увижу. Не беспокойся.

Пять тысяч лет назад знакомый библиофил заставил Лангли прочитать потрепанную книгу столетней давности, кото-

рая называлась «Школа частного сыска», утверждая, будто это что-то совершенно уникальное. Тогда это пособие показалось ему достаточно скучным. Теперь же он улыбнулся, сообразив, откуда берет корни его метод. Но в этом аморфном мире нижних уровней годился любой способ.

Он пошел вдоль широкой и весьма странной на вид улицы. Маленький человечек остановился у одной из дверей.

— Вот это место. Правда, я не знаю, как мы попадем внутрь.

Лангли нажал кнопку дверного сканера. Дверь тут же распахнулась, и в ней появился человек великолепного телосложения — дворецкий. Американец готов был проложить себе путь с помощью оружия, но дворецкий явно не принадлежал к числу рабов — пришельцам запрещалось использовать в таком качестве людей. Когда-то его наняли, и он, возможно, продолжал служить.

— Извините, — сказал Лангли. — Нет ли у вас новой горничной — высокой рыжеволосой девушки?

— Сэр, мой наниматель очень ценит личный покой.

— Прискорбно. Для меня это очень важно. Я хочу всего лишь переговорить с ней. — Лангли хрустнул пачкой крупных банкнотов.

Американца пропустили внутрь, а его осведомитель остался нервничать снаружи. Воздух в помещении был плотным и влажным, заливавший все вокруг желто-зеленый свет резал глаза. Выходцы с других миров нанимали живых слуг ради престижа, но и платили за это достаточно прилично. Мысль о том, что он загнал Марин в это искусственное болото, словно заноза сидела у него в мозгу.

Она стояла посреди заполненной туманной дымкой комнаты. Капельки влаги блестели в ее волосах. Грустные глаза без удивления смотрели на него.

— Я пришел, — прошептал Лангли.

— Я знала, что ты придешь.

— Я... мне... могу я сказать, как сожалею?

— Не надо, Эдви. Забудем об этом.

Они вернулись на улицу. Лангли расплатился с осведомителем и узнал адрес отеля. Он направился туда, держа ее за руку, но не произнес ни слова, пока они не остались одни.

Тогда с легкой опаской, что Марин ускользнет из его объятий, он поцеловал девушку. Но та неожиданно пылко ответила.

— Я тебя люблю, — произнес он. Это было новым и удивительным открытием.

— Думаю, теперь наша любовь стала взаимной, — улыбнулась она.

Позже он рассказал ей обо всем.

— И мы можем улететь? — нежно спросила она. — Мы на самом деле сможем все начать заново? Если бы ты знал, как я об этом мечтала, с тех самых пор, как...

— Не так быстро. — К нему вернулась суровость, голос стал жестким, он нервно мял пальцы. — Ситуация исключительно сложная. Я думаю, что знаю, кто за этим всем стоит, возможно, тебе удастся мне помочь, найти недостающие звенья.

Я убедил себя, что «Технон» основал Сообщество и использует его в качестве шпиона и агента по экономическому проникновению. Однако... «Технон» запихнули в какую-то пещеру, откуда он, естественно, не может выйти и сам проверить состояние дел, а должен полагаться на информацию, предоставляемую агентами. Существуют официальные информаторы, которые являются частью правительства Солнечной системы; есть полуофициальные, такие, как члены Сообщества, а есть и в высшей степени неофициальные — шпионы на других планетах.

Но, как тебе известно, в одну и ту же игру играть могут двое. Поблизости существует раса, мыслительный процесс которой весьма схож с техноновским — холодный, бесстрастный коллективный разум, планирующий на века вперед, способный ждать бесконечно долго, пока маленькое зернышко не даст ростки. Это раса на Фриме. Такой ее делает способность объединять разум своих членов: индивидуум там ничего не значит, ибо в буквальном смысле является лишь клеточкой единого огромного организма. Как они работают, можно увидеть на примере Лиги, где фримане скрытно и постепенно захватили все ключевые позиции и стали хозяевами так незаметно, что ториане вряд ли осознали это и по сей день.

— И ты думаешь, что они проникли в Сообщество? — спросила она.

— Я это знаю. Другого ответа нет. Сообщество не передавало бы Сариса Бранноху, если бы было по-настоящему независимым. Валти безуспешно пытался объяснить этот факт, но мне известно больше, чем ему. Я знаю, что «Технон» по-прежнему считает, будто Сообщество принадлежит ему, и что оно никогда не отдаст предпочтение Центавру.

— Но ты же говоришь, что они это сделали, — возразила она.

— Ха-ха. В этом, как я понимаю, и заключается объяснение. В Сообщество входит множество рас. И одна из этих рас — фримане. Вероятно, формально они не с Фрима. Их могли внедрить на аналогичную планету, возможно, им сделали какие-то незначительные хирургические изменения, и они сошли за местных. Они присутствуют и среди бюрократии кочевников благодаря обычному продвижению по службе. А будучи весьма способными, они смогли вскарабкаться достаточно высоко, чтобы узнать правду — всем этим балом правит «Технон».

Для них это было подарком небес. Они проникли в Сообщество, следуя своему основному принципу — овладеть контролем над еще одной группой людей, а тут вдруг обнаружили, что вышли еще и на линию связи с самим «Техноном». Они могут фальсифицировать доклады, которые машина получает от Сообщества, не все, но достаточное их число. Эту власть необходимо приберегать для особых случаев, так как в машине есть блок логического сравнения; для того чтобы делать свое дело, она должна уметь «подозревать». Наш случай — особый.

Из-за того что не было времени проконсультироваться с «Техноном», все — и Чантавар, и Браннох, и Валти — стремились достигнуть противоположных целей. Иначе «Технон» просто приказал бы Валти в это дело не соваться, или по крайней мере сотрудничать с Чантаваром. Ты это знаешь, когда ему сообщили, он приказал последнему освободить торговца.

Но тут подсустились фримане. Даже находясь в заключении, они оставались на связи со своими агентами на свободе, в том числе и с высокопоставленными фриманами в Сообществе.

Я не знаю точно, что за историю запустили в «Технон». Грубо говоря, что-то вроде того, будто только что вернулся торговый корабль с новостями о планете, которую населяет раса, чьи представители обладают способностями Сариса. Они были изучены, и оказалось, что воспроизвести электронно-нейтрализующий эффект искусственным путем никакой возможности нет. Готов поспорить, что фримане вполне способны состряпать подобный доклад, дополненный количественными данными и подкрепленный математической теорией.

Так вот. Этот самый доклад, якобы от его собственного, милого, надежного Сообщества, достигает «Технона». «Технон»

принимает вполне естественное решение: пусть Сарис достанется центаврийцам, пусть они теряют время, исследуя тупиковый вариант. Все должно выглядеть правдоподобно, так, чтобы Браннох ничего не заподозрил. Следовательно, действовать нужно через Валти, не поставив в известность Чантавара.

Таким образом... Центавр в конечном итоге получает нейтрализатор! И узнает об этом «Технон» лишь в тот момент, когда прибудет флот вторжения, способный вывести из строя все корабли в Солнечной системе!

Некоторое время Марин не отвечала. Потом она кивнула.

— Звучит логично, — промолвила она. — Теперь я припоминаю, что, когда была у Бранноха, перед самой отправкой к тебе, он в разговоре с цистерной упоминал, как ему мешает Валти, и рвался его убрать, но цистерна ему запретила. Мы расскажем обо всем Чантавару?

— Нет, — ответил Лангли.

— Ты что же, хочешь, чтобы центаврийцы победили?

— Категорически нет! Я вообще не хочу войны, а обнаруживать эту информацию раньше времени — самый верный путь ее начать. Неужели ты не видишь насущную необходимость действовать скрытно, отмести все подозрения и разом нанести решающий удар, чтобы тебя не стерли с лица земли?

То обстоятельство, что Браннох и сам блуждает в потемках, что он ничего не знает об этой исключительно важной операции Сообщества, указывает на тот факт, что интересы Лиги отнюдь не близки сердцу Фрима. Лига является средством для достижения гораздо более важной и смертельной для нас цели.

Лангли поднял голову:

— До сих пор, дорогая, все мои попытки оказать влияние на ход этой игры кончались исключительно жалкими провалами. Я рискую обеими нашими жизнями ради того, что считаю будущим всей человеческой расы. Звучит достаточно глупо, претенциозно, не так ли? Маленький человек, думающий, что сможет в одиночку изменить ход истории. Подобные заблуждения всегда вызывали массу невзгод.

На этот раз, в виде исключения, я сыграю, ибо это не ошибка — я действительно могу совершить что-то стоящее. Считаешь ли ты, что я прав? Считаешь ли, что я вообще вправе попытаться?

Она подошла к нему и прижалась щекой к его щеке.

— Да, — прошептала она. — Да, мой родной.

Глава 19

Нельзя сказать, что Лангли доставил Марин к себе домой тайно — если бы ее заметили, это не вызвало бы особых разговоров, — но он постарался вести себя как можно осмотрительней. А потом он удивился сам себе, проспав ночь лучше, чем во все предыдущие недели.

На следующий день он собрал как микрокопии всех библиотечных данных по Сообществу, так и резюме, подготовленное роботом, и сложил кассеты в свой кошель. Размышления о том, что все его надежды зависят от последовательности тончайших связей, приводили его в смятение. Это касалось и личности Валти: Лангли считал, что торговец сможет сбросить шоры, приобретенные в течение жизни, как только посмотрит в лицо некоторым фактам и немного порассуждает, но можно ли быть уверенным, что именно так он и поступит?

Мардос вызвал его на очередную беседу. По мере того как ученый выяснял одну неизвестную ему дату за другой, энтузиазм его разгорался, и осторожного цинизма немного поубавилось.

— Вы только вдумайтесь! Заря технической эры, эры космических полетов — важнейшая поворотная эпоха со времен перехода человека к оседлому образу жизни, — и вы ее современник! Знаете ли вы, что уже ниспровергли с дюжину очень крепких теорий? Так, мы понятия не имели о существовании в то время столь разительных отличий между национальными культурами. Это объясняет очень многие загадочные моменты в последующем ходе истории.

— Так вы будете писать книгу? — спросил Лангли. Ему было невероятно трудно сохранять внешнее спокойствие, он едва сдерживался, чтобы не ходить из угла в угол, выкуривая одну сигарету за другой в ожидании вечера.

— О, да... да. — Мардос застенчиво потупил взор. — Но все же... ладно, первоначально мною двигало желание приобрести некоторую известность, получить повышение по службе. Теперь меня это не волнует. Работа сама по себе, приобретение знаний — вот что имеет значение. Вы... вы позволили мне ощутить и оценить столь характерное для вашего времени чувство первооткрывателя. Раньше я не знал, что такое настоящее счастье.

— Э-э...

— Потребуется годы, чтобы создать связную картину. То, что вы сможете нам рассказать, должно согласовываться с археологическими раскопками. Никакой спешки, никакой

необходимости вас подгонять. Почему бы нам сегодня не пообедать у меня дома? Расслабимся, немного выпьем, послушаем музыку...

— Э-э... нет. Спасибо, нет. Сегодня я занят.

— Тогда завтра? Моя жена будет рада вас видеть. Бог свидетель, дома я только и делаю, что говорю о вас.

— Хорошо. — Лангли чувствовал себя негодяем. Когда беседа закончилась, он едва сдержался, чтобы не сказать: «Прощайте».

Солнце скатилось за горизонт. Лангли с Марин поужинали, не ощущая вкуса еды. Глаза девушки задумчиво смотрели на сумеречный мир.

— Ты будешь скучать по Земле? — спросил он.

Она кротко улыбнулась:

— Чуть-чуть. Иногда. Но с тобою рядом — не очень часто.

Лангли поднялся и достал для нее из шкафа накидку. Капюшон на голове придавал ей трогательный мальчишеский вид — эдакий молоденький студентик.

— Идем, — промолвил он.

Они вышли из зала и, миновав крыло здания, оказались на виадуке с движущейся дорожкой. Вокруг них смеялась и гомонила толпа — ярко разодетая, веселая, в неустанных поисках развлечений. Огни казались лихорадочной радужной дымкой.

Лангли пытался подавить внутреннее напряжение. От того, что он будет с дрожью гадать о тех силах, которые объединились против него, ничего не прибавится. *«Расслабься, дыши глубже, наслаждайся ночным воздухом и видом звезд и шпилей. Завтра ты можешь умереть».*

Умирать нельзя. Он надеялся — по его лицу не видно, что нервы его натянуты как струны. Шагай неторопливо, с умным видом, как и положено ученому мужу. Забудь, что у тебя под мышкой оружие.

«Две Луны» были довольно известной таверной с несколько сомнительной репутацией; заведение примостилось на крыше над нижними уровнями — у основания гигантского металлического выброса в виде башни «Межпланетных предприятий».

Войдя внутрь, Лангли обнаружил, что очутился в марсианской атмосфере, под зелено-голубым небом, рядом с современным каналом и кусочком древней красной пустыни. В помещении стояла легкая дымка благовоний, слышались минорные завывания марсианской народной песни. Вдоль одной из стен расположились отдельные кабинки в виде пещер в рыжевато-коричневом утесе. Напротив находились бар и сцена, на

которой со скучающим видом извивалась стройная исполнительница стриптиза. Музыка звучала фоном к бесконечному глухому шуму и звону посуды переполненного ресторана.

20.45. Лангли облокотился на стойку.

— Два пива, — попросил он.

Робот выдвинул ладонь с двумя стаканами, из нее же налил пиво до краев и протянул металлическую руку за деньгами.

Мужчина с потемневшей от солнца кожей и нескладным телосложением марсианина кивнул в их сторону.

— Не так уж часто увидишь профессора в подобном заведении, — заметил он.

— Вечер отдыха, — откликнулся Лангли.

— У меня, я так полагаю, тоже. Хотя я и жду не дождусь возвращения домой. Эта планета слишком тяжелая. Правда, и Марс уже не тот, что в былые дни. Когда-то мы правили Солнечной системой. Старые добрые времена... Теперь же мы, как и все, просто послушные добрые дети «Технона»...

Сзади появилась фигура в черной форме. Марсианин захлопнул рот и попытался сделать вид, что он тут ни при чем.

— Извините, сэр, — сказал полицейский, коснувшись плеча Лангли. — Вас ждут.

У Лангли на какое-то мгновение все поплыло перед глазами, но тут он узнал отныне безбородое лицо человека, который в свое время наставил бластер на агентов Бранноха там, внизу, в трущобах. Казалось, все это было давным-давно.

— Да-да, — ответил космонавт и последовал за ним. Марин пристроилась сзади.

Они вошли в кабинку. Та была полна людей в форме. Лангли обратил внимание на массивную фигуру в легком боевом снаряжении. Из-под шлема неожиданно донесся голос Валти:

— Добрый вечер, капитан, миледи. Вам все ясно?

— Да. Думаю, все устроится.

— Сюда. У меня налажено взаимопонимание с хозяином таверны. — Валти нажал пальцем на какое-то декоративное украшение. Задняя стена отошла в сторону, и лестница, каких Лангли в этом мире раньше не встречал, вывела их наверх, в крошечную комнатенку, где были разложены два комплекта формы министерских армейских офицеров.

— Пожалуйста, наденьте это, — сказал Валти. — Полагаю, вы скорее сойдете за аристократов, чем за рабов. Правда, вам не придется говорить ни с кем, кроме Сариса.

— О'кей.

Марин без тени смущения сбросила свою накидку и облачилась в мундир. Спрятав волосы под легкую стальную каску и небрежно набросив на плечи плащ, она вполне могла сойти за министра-подростка, который, используя свой ранг, ради баловства увязался на задание.

Валти рассказал о своем плане; потом они снова спустились в кабинку, и торговец вывел всех на улицу. Команда насчитывала два десятка человек. Крохотная горстка — против всей мощи Сола.

Пока дорожка несла их по виадуку к военному исследовательскому центру, расположенному на западной окраине города, никто не произнес ни слова. Лангли хотелось взять Марин за руку, но именно сейчас это было невозможно. Он сидел, предаваясь собственным мыслям.

Пунктом назначения была башня, возвышавшаяся над похожей на отвесный утес стеной города. Она вознеслась несколько поодаль от своих соседок, а за ее гладким пластиковым фасадом наверняка скрывались орудия и броня. Когда группа Валти высадилась у центрального пандуса и подошла ко входу, из расположенной сбоку ниши появились трое охранников-рабов. Они одновременно поклонились, и старший поинтересовался, какое дело привело их сюда.

— Чрезвычайное и безотлагательное, — ответил Валти. Шлем скрадывал его акцент. — Мы должны скрытно переместить определенный объект исследований в более безопасное место. Вот наши документы.

Один из караульных выкатил столик с приборами. Бумаги, удостоверяющие их полномочия, были проверены микросканером. Лангли предположил, что на документах «Технона» есть невидимое кодовое число, которое ежедневно меняется произвольным образом. У нескольких человек были проверены радужки, после чего снимки сравнили с образцами в удостоверениях.

— Все в порядке, сэр, — кивнул головой начальник караула. — Вам нужна какая-нибудь помощь?

— Да, — ответил Валти. — Подгоните сюда полицейский флаер. Мы скоро выйдем. И никого не пускайте внутрь до тех пор, пока мы не удалимся отсюда.

Лангли подумал об автоматическом оружии, скрытом в стенах. Но двери перед ними раздвинулись, и он последовал за Валти по коридору. Они прошли мимо нескольких долговременных огневых сооружений, но никто их не остановил. Затем они были вынуждены задержаться у второго контрольно-

пропускного пункта. После проверки они направились к месту заключения Сариса — его местоположение было указано в бумагах.

Холатанин лежал на кушетке, окруженной решеткой. Остальная часть камеры представляла собой беспорядочное нагромождение лабораторных приборов таинственного вида. Часовые были вооружены и обычными ружьями, и бластерами, у пульта работала пара техников. Прежде чем освободить узника, они вызвали своего начальника для подтверждения полномочий прибывших.

Лангли подошел к решетке. Сарис не подал вида, что узнал космонавта.

— Привет, — тихо сказал американец по-английски. — С тобой все в порядке?

— Да. До сих пор — электрические и другие замеры. Но тяжело быть заключенным.

— Тебя обучили современному языку?

— Да, очень хорошо. Лучше, чем английскому.

Лангли почувствовал слабость от облегчения. Весь его рискованный план строился на этом предположении — на поразительных лингвистических способностях холатанина.

— Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда, — сказал он. — Но придется немного потрудиться — ты должен помогать мне, рискуя собственной головой.

— Моей жизнью? И это все? Это не есть много... теперь. — В басовитом мурлыканье проскользнули нотки безразличия.

— Марин известны факты и мой план. Теперь нужно ознакомить с этим тебя. Но мы вдвоем будем против всех остальных.

Лангли быстро рассказал о том, что знает, и о своих планах.

На короткое время золотистые глаза Сариса вспыхнули яростным огнем, мускулы напряглись под шерстью. Однако тщательно контролируемый голос произнес с оттенком усталости и безнадежности:

— Это есть хорошо. Мы попробуем таким образом.

Тем временем Валти заболтал старшего смотрителя, и в помещение с помощью антигравитационных саней втокнули длинный металлический ящик с несколькими отверстиями. Сариса поместили внутрь и прикрыли крышку.

— Ну что, отправляемся, милорд? — спросил Валти.

— Да, — ответил американец. — Все приготовления закончены.

Несколько человек толкали плавающий ящик в сторону выхода. Хотя его вес был нейтрализован, инерция оставалась значительной, а включение любого движителя вызвало бы сигнал тревоги. Возвратившись ко входу, они увидели, что над пандусом завис большой черный флаер. Короб с Сарисом поместили в хвостовое отделение, люди — кто туда же, кто в кабину — погрузились в аппарат, и Валти направил его к центаврийскому посольству.

Откинув шлем за спину, чтобы сделать глоток свежего воздуха, торговец вытер потное лицо.

— С каждой минутой дело становится все более щекотливым, — пожаловался он. — Если бы мы только могли направиться напрямик к моему флиттеру! Готов прозакладывать собственный нос, что этот управляющий из лаборатории очень скоро позвонит Чантавару, и вот тогда шкварка выскочит из скороводы.

Лангли стал прикидывать, что делать дальше, прежде чем они столкнутся с очередным врагом. Вообще не залетать за Браннохом... Нет. Осталось слишком мало времени. Да и Сарис был почти беспомощен, находясь под механическим замком. Сжав зубы, он решил ждать.

Флаер остановился возле посольской башни. Жилые помещения и офисы занимали ее верхнюю треть. Валти повел свою группу в сторону входа. И снова были представлены бумаги, и снова проверка. Чантавар держал здесь очень сильную охрану. На этот раз мнимый приказ гласил о временном перемещении старшего персонала посольства. Торговец не стал говорить, что их забирают насовсем, и начальник караула понимающе ухмыльнулся.

— Захватите ящик с собой, — напомнил Лангли.

— Что? — удивился Валти. — Зачем, милорд?

— Они могут предпринять какие-либо непредсказуемые действия. Никогда не знаешь наперед. Для них все это явится шоком. Лучше быть наготове.

— Но будет ли... устройство... исправно работать, милорд?

— Будет. Я его проверял.

Валти колебался с решением, и Лангли почувствовал, как у него вспотели ладони. Если торговец скажет «нет»!..

— Хорошо, милорд. Возможно, это здравая мысль.

Покачиваясь, ящик медленно проплыл через портал. Вокруг было пустынно, должно быть, посольская мелкая сошка расползлась на ночь по своим квартирам. Впереди находились двери в личные апартаменты Бранноха. Не успели они подой-

ти, как двери распахнулись, и в проеме появилась огромная фигура торианина.

— В чем дело? — спросил он холодно. Массивное тело в кричаще-яркой пижаме пригнулось, изготовившись к последнему отчаянному прыжку на стволы их оружия. — Я вас не приглашал.

Валти откинул шлем за спину.

— Вам не придется сожалеть об этом визите, милорд, — сказал он.

— О-о... это вы. И Лангли тоже, и... Входите! — Гигант провел их в гостиную. — Ну а теперь — в чем дело?

Валти объяснил. Триумф, отразившийся в глазах Бранноха, сделал его лицо почти нечеловеческим.

Лангли стоял рядом с плавающим металлическим гробом. Он не мог говорить с Сарисом, не мог его предупредить, не мог даже сказать: «Давай!» Холатанин лежал в крошечной тьме, окруженный металлом, и мог полагаться только на свои органы чувств и собственный мозг.

— Ты слышал это, Фримка?! — закричал Браннох. — Давай уходим! Я позову людей...

— Нет.

Браннох остановился на полушаге.

— В чем дело?

— Не надо их звать, — произнес механический голос. — Мы этого ожидали. Мы знаем, что делать. Вы отправитесь с ними в одиночку. Скоро мы последуем за вами на собственном антиграве.

— Ради всего на...

— Спешите! На карту поставлено больше, чем вы знаете. В любой момент сюда может нагрянуть Чантавар, а у нас еще много дел.

Браннох колебался. Будь у него время подумать, он вспомнил бы о способностях Сариса, заметил бы у своих фриман неожиданно появившийся легкий акцент. Но он был спрессован и привык подчиняться их приказам...

Валти подтолкнул посла. Его багровое лицо говорило о явном облегчении.

— Они правы, милорд. Будет дьявольски трудно вывезти их цистерну незаметно, да и на то, чтобы собрать ваших людей, тоже уйдет время. Давайте отправляться!

Браннох кивнул, сунул ноги в башмаки и вышел в дверь, сопровождаемый двумя мнимыми охранниками. Лангли укордкой взглянул на Марин — лицо ее от напряжения побелело.

Он надеялся, что сумасшедший стук его собственного сердца ничем себя не выдает.

Пока все в порядке. Остановка в посольстве была неизбежной, кроме того, необходимо было прихватить с собой одного человека — человека, которому, как сознавал Лангли, требовалось рассказать правду.

Предполагалось, что Сарис не только парализует микрофоны фриман, но и выведет из строя их гравилет, оставив фриман беспомощно сидеть на приколе. Сделал ли он это, хватило ли у него сил?

Возможно!

Однако было бы странно, если бы эти практичные, пронизательные умы мирились с положением, когда любой непредвиденный случай может сделать их пленниками. Должны существовать средства восстановить устройство, что-то вроде роботизированного инструмента, управляемого изнутри цистерны. Вне всякого сомнения, у них есть способы связаться со всей сетью центаврийских шпионов и саботажников, бросить их всех на прорыв кольца людей Чантавара, добраться до спрятанного корабля и улететь.

Фримане собирались сбежать. Воспрепятствовать этому не было никакой возможности. Вероятно, они организуют погоню. Да и Чантавар долго спать не будет. Вопрос весь в том, сможет ли группа Валти выйти за пределы досягаемости радарных систем раньше, чем придет в себя та или иная группировка.

Вопрос, конечно, занятный, подумал Лангли.

Глава 20

В своем собственном давно забытом мире им бы никогда не удалось осуществить то, что они сделали. Где-то по ходу действия всегда нашелся бы человек с достаточно независимым умом, который приостановил бы события и справился у начальства, все ли идет как надо. Но раб не рожден думать, ему это и не положено. Возможно, это одна из причин, почему свобода — зыбкая, неумелая, преданная забвению — на протяжении всей истории снова и снова поднимала голову.

Флаер быстро скользил над погруженной во тьму планетой. Лора превратилась в яркое созвездие на горизонте, и, когда она исчезла, только ночь расстилась вокруг. Лангли сомневался, что когда-нибудь увидит город еще раз. Яркой вспышкой промелькнула Лора в его жизни, а теперь у него было такое

ощущение, как будто ни города, ни миллионов его жителей никогда и не существовало. Теперь он отчасти стал понимать философию Валти, его приятие того, что и непостоянство мира, и наличие судьбы в равной степени являются неизменными составляющими природы вещей.

Выразительное лицо Бранноха резко выделялось в тусклом свете панели управления.

— Вам известно, почему Сообщество решило помочь нам? — спросил он.

— Нет, милорд, неизвестно, — ответил торговец.

— Тут где-то замешаны деньги. Большие деньги. Если только вы не намерены каким-то образом меня предать... — На мгновение сверкнула белизна зубов, и торианин расхохотался. — Да нет. С какой стати вам вообще обо мне беспокоиться, если не по причине, которую вы указали?

— Милорд, надеюсь, Лига не останется неблагодарной и оценит все мои усилия?

— О да, да, не бойтесь, вымогатель, свое вы получите. Я заплачу вам за счет Земли. Это означает войну, вы же знаете. Теперь ее уже ничто не остановит. Но, насколько я знаю этих жирных министров, они достаточно долго продержат флот Солнечной системы на охране своих драгоценных убежищ, предоставив нам возможность создать нейтрализатор. — Потемневшим взглядом Браннох уставился перед собой. — Любопытно, почему это Фримки решили остаться? Мне вообще интересно, насколько на самом деле у них разветвлена сеть. Ну, ничего, придет день, и я разберусь с ними тоже... проклятые пауки!

Флаер спикировал в сторону небольших лесных зарослей. Когда он приземлился, Валти вывалился наружу и сообщил:

— У меня здесь есть флиттер. Прошу вас, господа!

Бластер срезал замок на темнице Сариса. Одним ловким прыжком холатанин выскочил наружу, и вся компания стала ощупью пробираться вперед среди деревьев.

— Они вс-се здес-сь с-с энер-ргетичес-ским ор-ружием, — пробормотал Хронна по-английски. — Вс-се, кр-роме одного. Вон тот высокий пар-рень. Ты с-сможешь с-с ним с-спр-равитьс-ся?

— Лучше было бы, если бы смог, — ответил Лангли сквозь зубы.

Громада флиттера неясно маячила посреди рощи, словно башня тьмы.

— А где остальные из вашей банды?— спросил Браннох, поднимаясь по пандусу к входному люку.

— В уютных кроватках, милорд, — ответил Валти. Его голос гулко отдавался в полной тишине.

Где-то вдалеке стрекотали кузнечики. Лангли подумал, что слышит их, наверно, в последний раз.

— Мне, конечно, придется покинуть Солнечную систему, но нет никакого смысла разъединять остальную часть команды.

Двадцать человек обречены на заклятие, подумал Лангли.

Создатели этого космического аппарата полагали, что он должен обладать большей скоростью, а не большими удобствами. В единственной продолговатой рубке были расположены места для пассажиров и кресло пилота. Валти скинул шлем, утнездил свой широкий зад в кресле, и его толстые пальцы в изумительно изящном танце задвигались над панелью управления. Корабль задрожал, взревел и устремился в небо.

Атмосфера осталась позади. Огромная, восхитительная Земля вращалась на фоне занавеса из ослепительных звезд. Лангли смотрел на планету со щемящей тоской.

До свидания, Земля. До свидания, холмы и леса, высокие горы и продуваемые ветром равнины, огромные пространства морей под лунным светом. Прощай, Пегги.

Компьютер тихо пощелкивал, разговаривая сам с собой. На панели мигали огоньки. Валти перебросил тумблер в необходимое положение, порывисто вздохнул и развернулся в кресле.

— Ну все, — сообщил он. — Флиттер на автопилоте, режим наибольшего ускорения. Через полчаса мы достигнем корабля. Вы тоже можете расслабиться.

— Проще сказать, чем сделать, — проворчал Браннох.

В узкой металлической рубке стало очень тихо.

Лангли бросил взгляд на Сариса. Холатанин едва заметно кивнул. Марин увидела это, и ее собственная голова тоже резко дернулась.

Лангли встал спиной к стене рядом с панелью управления и вытащил бластер.

— Не двигаться! — приказал он.

Кто-то выругался. Кто-то с потрясающим проворством выхватил оружие. Оно не стреляло.

— Сарис заблокировал все находящееся здесь оружие, кроме моего и Марин, — сообщил Лангли. — Вам лучше сидеть смирно и слушать... Нет, не надо!

Он послал ревуший луч в высокого человека со старинным оружием в руках. Торговец взвыл, когда пистолет выпал из его обожженных пальцев.

— Мне было жаль это делать, — глухо произнес Лангли. По его лицу струился пот. — Я никому не желаю зла. Но уж слишком большие силы вовлечены в события. Дайте мне, пожалуйста, возможность все объяснить.

— Капитан... — Валти скользнул ближе к Лангли. Марин свирепым жестом отогнала его обратно. Сарис скорчился в дальнем конце рубки, дрожа от напряжения.

— Выслушайте меня. — Лангли чувствовал легкое раздражение от того, что вынужден говорить просительным тоном. Разве не само собой разумеется, что человека с оружием должны слушаться беспрекословно? Но маленькие глазки Валти бегали туда-сюда в поисках хоть какого-то выхода. Браннох подобрал ноги ближе к стулу, готовясь к прыжку. Космонавты-торговцы ворчали, распаляя себя, чтобы наброситься на американца и одолеть его числом.

— Все, что я хочу, так это поведать вам некоторые факты, — сказал Лангли. — Все вы стали жертвами самого крупного, самого наглого обмана за всю нашу историю. Вы оба, Валти и Браннох, считаете, что действуете ради собственного блага, но я намерен доказать вам обратное. В любом случае мы имеем полчаса, так что все равно: выслушайте меня.

— Валяйте, — согласился Браннох сдавленным голосом.

Американец судорожно вздохнул и рассказал о подрывной деятельности чуждой силы против Лиги, Техната и Сообщества ради собственных интересов. Он отдал Валти свою кассету с материалами, тот заложил ее в сканер и стал изучать со сводящей с ума неторопливостью. Часы лениво отсчитывали минуты, а Земля скрылась за кормой корабля. В рубке стояла тишина, было жарко.

Валти поднял взгляд.

— Что вы собираетесь делать, если я не стану вам помогать? — спросил он.

— Уберу вас. — Лангли повел бластером.

Лохматая рыжая голова Валти качнулась, его пузатая фигура как никогда была преисполнена чувства собственного достоинства.

— Нет. Извините, капитан, но у вас ничего не выйдет. Вы не сможете управлять современным космическим кораблем — вы не знаете, как это делается, а помогать я вам не стану: мой старый организм не до такой уж степени ценен.

Браннох не промолвил ни слова, но его глаза превратились в пуговицы из голубого стекла.

— Неужели вы не способны видеть?! — воскликнул Лангли. — Неужели вы не способны думать?

— Ваши доводы весьма шатки, капитан, а приведенные вами факты допускают и иное толкование.

— Когда две гипотезы противоречат друг другу, выбирают ту, которая проще, — неожиданно вмешалась Марин.

Валти сел. Он подпер голову кулаком, закрыл глаза и как-то сразу постарел.

— Может быть, вы и правы, — сказал Браннох. — Я и сам уже долгое время отношусь с подозрением к этим живым оладьям. Но мы разберемся с ними позже — когда Тор достаточно окрепнет.

— Нет! — резко возразил Лангли. — Вы, слепец, неужели вы не видите? Вся эта война подготовлена именно ими. Фримане должны относиться к Человеку как к опасному паразиту. Они не в состоянии покорить нас сами, но они могут заставить нас выпотрошить друг друга до последней капли крови. И вот тогда уже разделаться с нами им будет по силам!

Зазвенел звонок. Лангли отвлекся на звук, но тут же повернул голову обратно, среагировав на крик Марин. Браннох был почти рядом. Лангли отогнал нахально улыбающегося центаврийца назад, но разрешил Валти подойти к панели и посмотреть на приборы.

Торговец уткнулся в них лицом, после чего сообщил ровным голосом:

— Кто-то нащупал нас лучом радара. Нас преследуют.

— Кто?! Как они далеко?! С какой скоростью?! — набросился Браннох, словно сорвавшаяся с цепи собака.

— Не знаю. Это могут быть ваши друзья с Фрима, это может быть и Чантавар. — Валти поиграл с кнопками и считал показания приборов. — Корабль приличных размеров. Догоняет нас, но мы подлетим к своему минут на десять раньше. Чтобы разогреть генераторы для межзвездного прыжка, необходимо какое-то время, так что, возможно, нам придется сражаться. — Он не сводил глаз с Лангли. — Конечно, если достопочтенный капитан разрешит нам это сделать.

Американец еще раз судорожно вздохнул:

— Нет. Для начала я позволю им всех нас взорвать.

Валти хихикнул:

— Капитан, а вы знаете о том, что я вам верю? И верю в вашу несколько фантастическую гипотезу.

— Вам придется это доказать, — сказал Лангли.

— И докажу. Люди, пожалуйста, сложите вот сюда ваше оружие. Капитан, вы можете, если только не сочтете это слишком скучным делом, заключить нас под стражу.

— Минуточку, подождите... — Один из людей Валти встал. — Вы хотите не выполнять приказы командиров?

— Я хочу принести пользу Сообществу.

— Я не стану сдавать оружие!

Ответ Валти прогремел, словно пистолетный выстрел:

— Вы это сделаете, сэр, в противном случае я лично сломаю ваш хребет о собственное колено. В этом полете вашим скипером являюсь я. Вам напомнить статьи, касающиеся вопросов о неподчинении скиперу?

— Я... слушаюсь, сэр! Но я подам жалобу в...

— Непременно подайте, — охотно согласился Валти. — Мы вместе пойдем в контору, и я подам свою.

Бластеры с клацаньем летели к ногам Лангли. Сарис лег на пол, его колотило от нервного истощения.

— Свяжите Бранноха, — приказал американец. — Мы верим в Бога, но я не думаю, что он и есть Бог.

— Конечно. Вы уж простите грехи наши, милорд? Мы оставим вас на флиттере, вы можете развязаться и улизнуть отсюда прочь.

Браннох бросил на них убийственный взгляд, но подчинился.

— Вы удовлетворены, капитан? — спросил Валти.

— Вероятно, да. Почему вы мне теперь поверили?

— Отчасти — благодаря вашим свидетельствам, отчасти — благодаря вашей собственной искренности. Я отдаю должное вашему уму.

— О'кей! — Лангли сунул бластер обратно в кобуру.

Возможно, это было рискованным шагом, но Валти только кивнул головой и занял пилотское кресло.

— Мы почти прибыли, — сказал он. — Время включать тормоза и уравнивать скорости.

Космический корабль вырос до огромных размеров. Это был черный цилиндр, плывущий сквозь звездную пустыню. На фоне Млечного Пути Лангли видел его застывшие орудийные башни. Легкий толчок, лязг от соприкосновения металла с металлом, и люки флиттера и корабля состыковались.

— Боевые посты! — рявкнул Валти и ринулся на выход. — Вы можете пойти со мной, капитан.

Лангли остановился возле Бранноха. Гигант со свирепой улыбкой встретил его взгляд.

— Хорошая работа, — признал он.

— Послушайте, — ответил космонавт, — когда вы освободитесь, улетайте отсюда, но не очень далеко. Слушайте все радиопереговоры. Подумайте над тем, что я вам сказал. Затем, если у вас хватит благоразумия, свяжитесь с Чантаваром.

— Может... свяжусь.

— Да поможет вам Бог, если вы этого не сделаете. До свидания, Браннох.

Лангли прошел через входной люк. Он был последним, и крышка люка лязгнула за его спиной. Космонавт не знал планировки крейсера и, пробегая по коридорам корабля, подчинялся собственной интуиции. Над ним повсюду гудели машины — корабль готовился к бою.

Через несколько минут Лангли нашел центральный пост. Там сидел Валти, в глубине маячили Марин и Сарис. Корабль, должно быть, был почти полностью автоматизирован — сам по себе он являлся своеобразным роботом, так что управлять им мог один человек.

Звездный шар давал изображение усеянной звездами холодной тьмы, что была снаружи. Валти засек на нем движущуюся точку и подстроил телеэкран на увеличенное изображение. Приближающийся корабль представлял собой стальную сферу.

— Сделано на Фриме, — сообщил Валти. — Я узнал бы эти очертания где угодно. Посмотрим, что у них есть нам сказать. — Он нажал клавиши радиоустановки.

Фримане! Значит, тогда они сбежали почти сразу за ними; вне всякого сомнения, они прорвались с помощью имеющегося в цистерне оружия к спрятанному боевому кораблю и направились в космос с невероятной скоростью. Орбиту корабля Валти они, видимо, смогли узнать от «Технона». Лангли вздрогнул, и Марин теснее прижалась к нему.

— Алло, Фримка, — почти нечаянно произнес Валти в радиоустройство. Его глаза и руки по-прежнему находились в движении, он нажимал кнопки, подстраивал верньеры, наблюдал, как один за другим зажигались огоньки, сигнализируя о готовности отсеков.

И тут сквозь треск ему ответил механический голос:

— Мы вас преследуем. Если вы будете благоразумны, то немедленно нам сдадитесь. Земные патрули засекли нас рада-

рами, они следуют за нами совсем близко, мы скорее все уничтожим, нежели отдадим вас им.

«Земные»! Лангли присвистнул. Похоже, Чантавар тоже оказался весьма легким на подъем. Но, конечно же, если не что-то другое, то побег фриман уж точно поднял их по тревоге.

— Вечеринка становится несколько многолюдной, — невинно пробормотал он.

Валти перебросил тумблер вниз. В астрономическом шаре появились крохотные вспышки, которые на самом деле означали сокрушительные взрывы.

— Корабли самостоятельно ведут бой друг с другом, — спокойно заметил он. — Нашей команде ничего не остается, как только дежурить возле аварийного ручного управления на случай, если нас заденет.

Два судна осуществляли позиционное маневрирование, перемещая в пространстве свою огромную массу с такой легкостью, словно это был танец фехтовальщиков. Вспыхивали двигатели ядерных ракет, их обнаруживали, и они взрывались, будучи настигнуты противоракетными снарядами. Молнии дальнобойных энергетических лучей ощупывали пространство вокруг. Все, что ощущал Лангли, так это завывание генераторов, сумасшедший танец искорок в шаре и озабоченное пощелкивание корабельного мозга.

Сарис издал голодный рык.

— Ес-сли бы я только мог быть там! — неистовствовал он. — Ес-сли бы я только мог вцепиться-ся в них зубами!

Лангли привлек Марин к себе.

— Нас могут стереть в порошок еще до того, как мы станем свободны, — сказал он. — Я чувствую себя страшно беспомощным.

— Ты действовал великолепно, Эдви, — ответила она.

— Что ж... я старался. Я люблю тебя, Марин.

Она замерла, переполненная счастьем.

— Это все, что мне нужно, любимый.

Стены вздрогнули, в воздухе нависла опасность. Из интеркома раздался задыхающийся голос:

— Неточное попадание в районе седьмого отсека, сэр. Повреждена наружная обшивка, радиационный удар, утечки воздуха нет.

— Продолжайте, — скомандовал Валти.

Чтобы произвести значительные разрушения в вакууме, даже ядерный взрыв должен произойти очень близко. Но и

одной-единственной ракеты, угодившей прямо в корабль, хватило бы, чтобы превратить его в расплавленный дождь.

— Сюда подлетает Чантавар, — сказал Валти. — У меня есть идея. Он будет слушать эфир, так что... — Торговец перещелкнул клавиши. — Алло, Фримка. Эй, там, алло! Земляне будут здесь с минуты на минуту. Мне они нравятся даже меньше, чем вы, поэтому — не уладить ли нам наши разногласия позднее, давайте, а?

Ответа не последовало. Фримане никогда не тратили время на пустые разговоры, а то, что это очевидная уловка, они должны были сообразить.

Но к ним мчались два земных крейсера, и они это слышали. Ближайший развернулся по изящной дуге, что было бы невозможно без антигравитационных двигателей, и открыл огонь по фриманскому кораблю. Валти ринулся вслед, послав свой космолет вперед с нарастающим ускорением. Один корабль не мог противостоять нападению двух.

Экраны не показали этого испепеляющего взрыва. Они не выдержали перегрузки и погасли, а когда через несколько секунд зажглись снова, фримане уже были быстро расползающимся облаком газа.

Два боевых корабля флота Солнечной системы осторожно развернулись и прошупали торговца несколькими ракетами и энерголучами. Взвыла сирена. Валти громко расхохотался.

— Гипердвигатель готов к работе. Теперь мы можем отсюда улетать.

— Подождите, — сказал Лангли. — Вызовите их. Я хочу с ними поговорить.

— Но пока мы будем вести разговоры, они могут напасть на нас одновременно, и тогда...

— Слушайте, Земля тоже должна знать! Вызовите их!

Но первым их вызвал Чантавар. Его голос решительно вырывался из коммуникационного устройства:

— Алло, Сообщество! Оставайтесь на месте для высадки на ваш борт.

— Не так быстро, парень! — Лангли перегнулся через плечо Валти в поисках микрофона. — Мы можем щелкнуть выключателем и оказаться за десять световых лет отсюда, но я должен вам кое-что рассказать.

— О... это вы. — В голосе Чантавара проскользнуло что-то близкое к веселью. — Опять вы! За сегодняшний вечер мое уважение к любителям значительно возросло. Я был бы рад, если бы вы поступили ко мне на службу.

— Не выйдет. А теперь слушайте.

Лангли как можно быстрее отбарабанил все, что знал. Наступило тягостное молчание. Затем Чантавар медленно произнес:

— Вы можете это доказать?

— Вы можете получить доказательства сами. Изучите те же документы, что и я. Арестуйте всех центаврийских агентов, каких только найдете, и допросите их — некоторые находятся на содержании у фриман. Представьте факты и предложения «Технону», попросите его переоценить ситуацию. Он должен знать, сколько будет дважды два!

— Вы... может быть, правы, Лангли. Может быть, вы и правы...

— Можете биться об заклад, что я прав. Фриманам от нас нет никакого толку. Мы для них такие же чудовища, как и они для нас, а война, которую они были вынуждены вести, убедила их в том, что мы еще и весьма опасны. Их цель — ни много ни мало — полное уничтожение человеческой расы. Не исключено, что я ошибаюсь, но ведь вы не можете позволить себе роскошь рисковать?

— Нет, — тихо ответил Чантавар. — Похоже, что не можем.

— Отловите Бранноха. Он болтается где-то тут, поблизости. И вы, и он, и Сообщество — все планеты — должны похоронить свои маленькие амбиции. Если вы этого не сделаете, с вами все кончено. А вместе вы сможете противостоять кому угодно.

— Нам понадобится этот самый нейтрализатор.

— Нет, не понадобится. Вы не сумеете завоевать планету таких размеров, как Фрим, но вы можете вернуть ее жителей обратно и объединенными силами не выпускать их оттуда. И последнее: вам будет полезно знать, что где-то там, в Галактике, есть планета свободных людей с оружием, которому вы не в силах противостоять. Это может даже навести вас на мысль о собственном освобождении.

До свидания, Чантавар. Удачи!

Он выключил радио и встал, неожиданно ощутив полнейшее спокойствие.

— О'кей, — сказал он. — Поехали.

Валти бросил на него странный взгляд. Только позже, вспоминая, он понял, что так люди смотрят на своих лидеров.

— Лучше всего сначала отправиться на тау Кита и поставить Сообщество — настоящее Сообщество — в известность.

— Да, — согласился Лангли. — Затем на Холат, чтобы установить защиту, которую мы им обещали. Ты возвращаешься домой, Сарис.

Огромная темная голова потерлась об его колени.

— А потом? — спросил Валти. Его пальцы устанавливали ручки управления в положении для прыжка.

— А потом, — сказал Лангли, жизнерадостно рассмеявшись, — мы с Марин отправимся на поиски мира, где сможем чувствовать себя дома!

— Вы не будете против, если я составлю вам компанию? — тихо проговорил Валти.

Марин сжала руку Лангли. Они были заняты друг другом и ничего не видели вокруг. А когда они снова огляделись по сторонам, в небе сияло новое солнце.



КОРИДОРЫ ВРЕМЕНИ

Глава 1

В замке лязгнул ключ.

— Встречай гостей, — сказал охранник.

— Что? Кого? — Малькольм Локридж приподнялся на своей койке. Сколько уже часов пролежал он на ней, тщетно пытаясь сосредоточиться на учебнике, — нельзя терять форму, — но мысли разбегались, а глаза упорно возвращались к трещине в потолке. А мысли его были самые горькие. Ко всему прочему очень раздражали звуки и смрад, доносившиеся из соседней камеры.

— Почему я знаю? Но девчонка, скажу... — Охранник прищелкнул языком. В его голосе звучало восхищение.

Недоумевая, Локридж направился к двери. Охранник отступил на пару шагов. Нетрудно было догадаться, о чем он думает: «Осторожно! Этот парень — убийца!»

Локридж мало походил на злодея: среднего роста, ежик волос песочного цвета, курносый нос; выглядел он как раз на свои двадцать шесть. Разве что грудь и плечи у него были шире, а руки и ноги более мускулистые, чем у обычного, неспортивного мужчины; двигался он по-кошачьи мягко.

— Не дрейфь, сынок, — презрительно бросил он.

— Ну ты, потише! — вспыхнул охранник.

«О Господи, — подумал Локридж, — и чего на нем срывать дурное настроение? Он-то мне ничего плохого не сделал... А на ком еще его срывать?»

Раздражение утихло, пока он шел по коридору. Любое нарушение мучительного однообразия последних двух недель было почти праздником. Даже беседа с адвокатом стала событием, хотя за него потом приходилось расплачиваться бессонной ночью: вежливое, но упорное нежелание того вести защиту как надо разозлило Локриджа.

Но кто может быть сегодняшним гостем? Женщина? Его мать улетела обратно к себе в Кентукки. Симпатичная девушка? К нему приходила одна знакомая, и довольно симпатичная девушка, но она только и твердила: «Как же ты мог?!» — и Локридж не думал, что она придет еще. Может, какая-нибудь женщина-репортер? Едва ли: все местные газеты полны его интервью.

Он вошел в комнату для свиданий.

За окном был город, шум движения, через дорогу парк, деревья со свежей листвой и до боли голубое небо с быстрыми белыми облаками; дыхание весны заставило его еще острее почувствовать, как воняло в его камере, которую он только что оставил.

Несколько охранников наблюдало за заключенными и их посетителями, шепотом разговаривавшими за длинными столами.

— Вон она, — сказал конвоир.

Локридж повернулся. У свободного стула стояла девушка, при взгляде на которую его сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Боже милостивый! Вот это да!

Она была с него ростом, платье — простое, но изысканное и дорогое — подчеркивало фигуру, которой могла бы позавидовать чемпионка по плаванию или богиня охоты Диана. Голова гордо поднята, черные волосы, сверкающие в луче солнца, падают на плечи. Лицо... Он не мог бы сказать, в какой части света сформировались его черты: дуги бровей над продолговатыми зелеными глазами, широкие скулы, прямой нос, властный рот и подбородок, смуглая кожа. На мгновение — хотя чисто физическое сходство было незначительным — Локриджу вспомнились образы древнего Крита, лик Лабрийской Богородицы; дальше он мог думать лишь о том чуде, что было перед ним.

С некоторой опаской он подошел к ней.

— Мистер Локридж. — Это был не вопрос, а утверждение. Ее акцент он тоже не мог определить — возможно, просто слишком тщательный выговор. Голос был низкий и звучный.

— Да-да, — пробормотал он. — А...

— Я — Сторм Дарроуэй. Присядем? — Она села с таким видом, будто взошла на трон, и открыла сумочку. — Сигарету?

— Благодарю, — произнес он автоматически.

Она щелкнула зажигалкой «Тиффани», дала ему прикурить, но сама сигарету не взяла. Теперь, когда было чем занять руки, Локридж немного успокоился, сел на стул и встретился

с ней глазами. В каком-то дальнем уголке его смятенного сознания возник вопрос: как у женщины с таким именем может быть англосаксонское имя? Может, ее родители были иммигрантами с труднопроизносимым именем и изменили его? Однако в ней вовсе не было той... робости, что ли, подобострастия, обычных в таких случаях.

— Боюсь, я не имел... э-э... удовольствия встречать вас раньше, — промямлил он, взглянув на ее левую руку, и добавил: — мисс Дарроуэй.

— Разумеется, нет. — Она замолчала. Ее лицо было абсолютно бесстрастным.

Нервничая, Локридж заерзал на стуле. «Прекратить!» — мысленно приказал он себе, сел прямо, выдержал ее взгляд и молча стал ждать, что будет дальше.

Она улыбнулась, не разжимая губ.

— Прекрасно, — тихо сказала она и добавила уже решительным тоном: — Я видела заметку о вас в чикагской газете; она меня заинтересовала. Поэтому я пришла, чтобы узнать больше. Вы, как мне кажется, жертва обстоятельств.

Локридж пожал плечами:

— Я не собираюсь плакаться, но это так. Вы репортер?

— Нет, я просто стремлюсь к торжеству справедливости. Вы удивлены? — добавила она насмешливо.

На мгновение он задумался.

— Пожалуй, да. Есть, конечно, люди вроде Эрла Стэнли Гарднера, но такая женщина, как вы...

— Может найти лучшее занятие, чем кампания в защиту справедливости. — Мисс Дар усмехнулась: — Это правда. Мне самой нужна помощь. Возможно, именно вы и сможете ее оказать.

Мир закружился вокруг Локриджа.

— Разве вы не можете нанять кого-нибудь, мэм... простите, мисс?

— Есть качества, которые нельзя купить, они должны быть врожденными, а возможности для тщательного поиска у меня нет. — Глаза ее потеплели. — Расскажите мне о своем положении.

— Вы же читали газеты.

— Собственными словами. Пожалуйста.

— Что ж... Черт возьми! Тут и рассказывать-то особо нечего. Недели две назад вечером я шел из библиотеки домой. В паршивом таком районе. Напала на меня компания молодых ребят. Думаю, хотели просто избить меня — для забавы да

ради мелочи, что у меня была... Я, естественно, стал защищаться... Ну и один из придурков грохнулся на тротуар и разбил голову, остальные, конечно, сразу смылись. Я вызвал полицию, и меня тут же обвинили в убийстве второй степени.

— Но это же была самооборона!

— Само собой. Я так и делаю: пытаюсь доказать всем, что действовал в пределах самообороны. Только толку мало. Свидетелей нет. Сволочей этих я опознать не могу: темно было. К тому же в последнее время много было столкновений между этим сбродом и колледжем. Я и сам раз попал в такую переделку — школьники хотели испортить нам пикник. А теперь говорят, что я сводил с парнем счеты, — я, с моей боевой подготовкой, свожу счеты с ребенком! — Он сжал кулаки в бессильной ярости. — Ребенок! Черт возьми! Больше меня ростом, борода растет! Ребенок!.. Да и было их больше десятка... Но у нас, знаете ли, очень честлюбивый прокурор.

Сторм Дарроуэй изучающе посмотрела на него. Это чем-то напоминало ему, как его отец много лет назад на ферме в Кентукки разглядывал и ощупывал купленного бычка.

— Вы раскаиваетесь? — спросила она.

— Нет, — ответил Локридж. — И это тоже не в мою пользу. Актер из меня плохой. О, я, конечно же, не собирался никого убивать! Я просто защищался, как мог. Чистая случайность, что хулиган так неудачно упал. Да, я сожалею, что так произошло. Но моя совесть чиста. Я делал то, что необходимо, защищался — а если бы не знал как, не умел? Был бы сейчас в больнице или на кладбище. И все бы говорили: «Ах, какой ужас! Надо построить еще один рекреационный центр». — Плечи Локриджа грустно опустились. Он раздавил сигарету в пепельнице и взглянул на свои руки. — У меня хватило глупости, — продолжал он глухо, — сказать все это газетчикам. И не только это... Здесь сейчас не слишком жалуют южан. Мой адвокат говорил, что местные либералы хотят сделать из меня еще и расиста! Мать Божья, да я и цветных-то почти не видел там, откуда приехал! И как может человек быть антропологом и одновременно сохранять расовые предрассудки? Впрочем, эти мерзавцы были белыми. Но все это, по-моему, ничуть не меняет отношения ко мне... — Его злость обратилась на него самого. — Простите, мисс, — сказал он тихо, — я не собирался плакаться.

Она было потянулась к нему, но остановилась. Взглянув на нее, Локридж увидел, что на ее красивом, необычном лице

появилось выражение гордости, даже надменности. Однако голос ее звучал тихо, почти ласково:

— Ваше сердце свободно. Я на это надеялась. — Внезапно она вновь стала безлично деловой. — Каковы перспективы судебного процесса?

— Не слишком хорошие. Мне назначили адвоката, а тот говорит, что мне нужно признать себя виновным в убийстве по неосторожности, тогда получу меньший срок. Я этого не понимаю. Это несправедливо.

— Полагаю, у вас нет средств для продолжения борьбы?

«Ну и ну, — подумал Локридж. — Такая женщина, а говорит как профессор!»

— Нет, — согласился он. — Я ведь жил на аспирантскую стипендию. Мать, правда, обещала заложить свой дом, чтобы собрать нужную сумму; она вдова, богатых братьев у меня нет. Но мне этого очень не хочется. Конечно, я отдам долг, если выиграю процесс. А если нет?..

— Думаю, у вас есть шансы выиграть, — сказала она. — Насколько мне известно, Уильям Эллсворт из Чикаго — один из лучших адвокатов в стране по уголовным делам. Вы слышали о нем?

— Что? Эллсворт?! — ошеломленный, Локридж уставился на нее. — Да говорят, что он почти ни разу не проиграл дела!

Сторм Дарроуэй задумчиво погладила подбородок.

— Хороший штат частных сыщиков сможет найти членов этой малолетней шайки, — проговорила она. — Их местонахождение в тот вечер может быть установлено в суде, а умелый перекрестный допрос выведет их на чистую воду. Можно также найти свидетелей, которые подтвердят вашу безупречную репутацию... Вы ведь ничего предосудительного в прошлом не совершали?

— Ну... — Локридж стиснул зубы, но смог выдавить улыбку. — Нет, ничего — в разумных пределах. Но послушайте, это же будет стоять целое состояние!

— Состояние у меня есть, — отмахнулась она. Наклонившись вперед, Сторм Дарроуэй пристально смотрела на него сверкающими глазами. — Расскажите мне. Мне потребуется информация. Где вы получили боевую подготовку, о которой упоминали?

— На флоте. База была в Окинаве, я заинтересовался каратэ, стал заниматься в школе...

Разговор принял совершенно неожиданный оборот. В голове у Локриджа был какой-то туман, и он даже не заметил,

как выложил все подробности своей жизни: детство, заполненное работой, охотой, рыбной ловлей; то вечное стремление к чему-то новому, неизведанному, которое привело его к поступлению на военную службу в семнадцать лет; ошеломляющее потрясение, испытанное им при встрече с другими странами, иными людьми, с миром, величину которого он не мог и представить; возникшее у него желание учиться...

— Я много читал во время службы, — продолжал Локридж. — Потом, вернувшись в Штаты, поступил на свои сбережения в колледж, решил заняться антропологией. Здесь в университете хорошее отделение, и я готовлюсь... готовился к защите магистерской диссертации. Все могло быть отлично... Мне вообще нравятся примитивные люди. В них нет ничего романтического, у них свои заботы, как и у нас, но в них есть что-то такое, что мы потеряли...

— Значит, вы путешествовали?

— Так, полевые поездки в места вроде Юкатана. Мы собирались туда опять нынешним летом, но теперь, полагаю, это для меня закрыто. Даже если я выберусь отсюда, даже если вовремя выберусь, вряд ли мне будут рады. Что ж, найду другое место.

— Да, верно.

Сторм Дарроуэй осторожно оглядела комнату своими рысьими глазами. Охранники, скучавшие сегодня меньше обычного благодаря необычайной посетительнице, не стесняясь разглядывали ее, но не могли слышать ее слов — беседа шла вполголоса.

— Слушайте, Малькольм Локридж, — сказала она. — Посмотрите на меня.

«С удовольствием», — подумал он. Его по-прежнему трясло от возбуждения.

— Я собираюсь нанять Эллсворта для вашей защиты, — сообщила мисс Дарроуэй. — Он получит инструкции не считаться с расходами. Если же вы все-таки будете осуждены, он подаст на апелляцию. Но думаю, что этого не потребует.

— Но почему? — только и смог прошептать Локридж.

Она откинула голову. Длинные черные волосы упали назад, и в ее левом ухе он увидел какое-то маленькое прозрачное устройство. Слуховой аппарат? От мысли, что у нее есть свои проблемы, что и она не абсолютное совершенство, у него как-то потеплело на душе. Как будто рухнули стены, отделявшие его от окружающего мира, и все вокруг залил весенний солнечный свет.

— Скажем так, — ответила она на его вопрос, — не нужно льва сажать в клетку. — В ее словах не было кокетства, они звучали искренне. Мускулы ее лица расслабились. Сторм Дарроуэй сидела совершенно непринужденно и продолжала ровным спокойным голосом: — Кроме того, мне нужна ваша помощь. Дело опасное. Думаю, вы подходите куда лучше, чем какой-нибудь слогг с улицы. Плата будет отнюдь не нищенская.

— Мисс, — заикаясь, пробормотал Локридж, — мисс, мне не надо никакой платы за... за что бы то ни было.

— Во всяком случае, вам потребуются деньги на дорожные расходы, — возразила она. — Сразу же после суда Эллсворт передаст вам конверт с чеком и указаниями. А пока вы не должны говорить обо мне ни слова. Если спросят, кто финансирует вашу защиту, отвечайте, что богатый дальний родственник. Все понятно?

Лишь позднее, пытаясь как-то осмыслить свою фантастическую встречу с мисс Дарроуэй, он задал себе вопрос, не преступница ли она, но тут же отогнал эту мысль. А сейчас он просто воспринял ее слова как приказание и молча кивнул.

Она встала. Локридж кое-как тоже поднялся.

— Меня здесь больше не будет, — сказала она и быстрым, сильным движением пожала ему руку. — Когда вы будете на свободе, встретимся в Дании. А теперь — до свидания и не падайте духом.

Он смотрел ей вслед, пока она шла к выходу, потом перевел взгляд вниз, на руку, которую она только что пожала.

Глава 2

Четырнадцатого сентября, говорилось в ее письме, в девять часов утра.

Локридж проснулся рано, больше уснуть не смог и в конце концов решил пойти прогуляться. Так или иначе, ему хотелось попрощаться с Копенгагеном. В чем бы ни заключалась работа, которую поручит ему Сторм Дарроуэй, наверняка это будет не здесь — раз уж он получил указание купить туристическое снаряжение для двоих, винтовку, пистолет, — а он успел полюбить этот город.

На улицах было полно велосипедов, ловко шныряющих в потоке автомашин, — утренний час пик. У велосипедистов вовсе не было затравленного вида спешащих на работу американцев; спокойные, степенные люди, молодые ребята в

деловых костюмах или в студенческих фуражках, девушки со свежими лицами и развевающимися белокурыми волосами — все открыто радовались жизни. Веселый блеск Тиволи — словно шампанское в крови, но нет нужды ехать туда, чтобы почувствовать дух старой Вены. Достаточно пройти по Лангелинье, ощутить запах морских ветров и увидеть суда, направляющиеся в самые далекие уголки мира, поклониться Русалочке и Гефионскому Волу, дальше мимо величественного дворца Амалиенбург, налево по каналу через Нюхавн, где существующие с незапамятных времен морские таверны сонно припоминают вчерашнее веселье, потом по Конгенс Нюторв, остановиться на минутку выпить пива в уличном кафе и, наконец, еще дальше мимо церквей и дворцов эпохи Возрождения, вонзающих в небо свои прекрасные стройные шпили.

«Я чертовски многим обязан этой женщине, — думал Локридж, — и не в последнюю очередь за то, что по ее указанию приехал сюда на три недели раньше намеченной встречи».

«Почему?» — удивлялся он. Согласно инструкциям, он должен был достать артиллерийские карты и ознакомиться с датской топографией, много часов пришлось провести в древнескандинавском отделе Национального музея, прочитать кое-какие книги, подробно рассказывающие о его экспонатах... Локридж безропотно подчинился, недоумевая, но искренне считая, что ему повезло. Времени и возможностей для развлечений вполне хватало, от одиночества страдать не приходилось: все датчане очень дружелюбны, и это было особенно приятно, когда он познакомился с двумя девушками... Может быть, Сторм Дарроуэй того и хотела: чтобы он пришел в себя после трудного испытания, потратил побольше энергии — в том числе и на девушек — и потом не приставал к ней, куда бы они ни отправлялись.

Мысли о Сторм Дарроуэй, о предстоящей работе заставили его встряхнуться. Сегодня! Локридж прибавил шаг. Появился отель, где он остановился согласно полученному указанию. Чтобы снять напряжение, он поднялся к себе не на лифте, а по лестнице, пешком.

Нервничая, он шагал по комнате и курил одну сигарету за другой. Впрочем, долго ждать ему не пришлось. Зазвонил телефон, и Локридж снял трубку.

— Мистер Локридж? — услышал он голос клерка. — Вас просят встретить мисс Дарроуэй на улице перед отелем через пятнадцать минут. — Английский язык клерка был безупречен. — Возьмите с собой багаж.

— Понятно.

На мгновение он разозлился: какая наглость! Она приказывает, будто он ее слуга! «Впрочем, нет, — решил Локридж, успокаиваясь, — я не прав. Я так долго прожил в северных штатах, что забыл, как ведут себя настоящие леди».

Звать коридорного он не стал. Надел на плечи рюкзак, второй рюкзак и чемодан взял в руки и отправился вниз оформлять отъезд.

К тротуару подкатил блестящий новый «дофин». За рулем сидела Сторм Дарроуэй. Локридж не забыл, как она выглядит, — забыть это было невозможно, — но, когда в окне машины показалось ее лицо в обрамлении темных волос, у него перехватило дыхание, а девушки-датчанки вылетели из головы, будто их и не было никогда.

— Добрый день, — произнес он запинаясь.

Мисс Дарроуэй улыбнулась.

— Рада вас видеть на свободе, Малькольм Локридж, — приветствовала она его своим хрипловатым голосом. — Ну что, поехали?

Он положил купленное снаряжение в багажник и сел в машину рядом с ней. На Сторм Дарроуэй на сей раз были брюки и кроссовки, но выглядела она не менее величественно, чем в прошлую их встречу. Она ввела машину в автомобильный поток с такой ловкостью, что он даже присвистнул:

— Вы, я вижу, не хотите терять времени, а?

— Слишком его мало, чтобы терять, — отозвалась она. — Нужно выехать из страны засветло.

Локридж с трудом отвел глаза от ее лица.

— Я... Я готов ко всему, что бы вы ни задумали.

— Да, — кивнула она. — Я в вас не ошиблась.

— Но если вы расскажете мне...

— Подождите немного. Как я понимаю, вас оправдали.

— Полностью. Не знаю, как я смогу вас отблагодарить.

— Помогая мне, разумеется, — сказала она с ноткой раздражения в голосе. — Я хочу знать, какие у вас планы на будущее.

— Да как сказать... В сущности, никаких. Я ведь не знал, сколько времени займет эта работа, и не искал нового места. Пока не найду, могу пожить с матерью.

— Она ожидает, что вы скоро вернетесь?

— Нет. Я съездил в Кентукки повидать своих. В вашем письме было велено не болтать, так что я только сказал им, что мою защиту обеспечил один богач, которому казалось, что со мной обошлись несправедливо, а теперь, мол, ему нужен

консультант в Европе для исследовательской программы, которая может занять неизвестно сколько времени. Годится?

— Отлично. — Она одарила его ослепительным взглядом. — В вашей изобретательности я тоже не ошиблась.

— Но все же куда мы едем? Зачем?

— Много рассказать я вам не могу, но... Короче, мы должны вернуть и переправить по назначению — законному владельцу — украденное сокровище.

— Ничего себе. — Локридж полез за сигаретой.

— По-вашему, это что-то невероятное? Мелодрама? Сцена из плохого романа? — Сторм Дарроуэй усмехнулась: — Почему люди в этом веке считают, что их жалкое существование — норма для всей Вселенной? Сами подумайте. Составляющие вас атомы — просто сгустки энергии. Солнце, которое светит над вами, может поглотить эту планету, и есть другие солнца, которые могут поглотить ваше солнце. Ваши предки охотились на мамонтов, бороздили океан на лодках, гибли на бесчисленных полях сражений. Ваша цивилизация подходит к грани, за которой — угасание. В вашем собственном теле в настоящий момент идет беспощадная война с захватчиками, которые стремятся вас поглотить, борьба против энтропии и даже самого времени! И это вы считаете нормой!

Она махнула рукой в сторону улицы: множество людей, каждый занят своим собственным, привычным делом.

— Тысячу лет назад они были мудрее, — продолжала она, — знали, что и мир, и боги исчезнут, и тут ничего нельзя сделать, кроме как мужественно встретить роковой день.

— Что ж. — Локридж помедлил. — Ладно. Может, я просто человек иного типа.

Сторм Дарроуэй рассмеялась.

Гудел мотор, машина мчалась вперед. Позади остался старый город, вокруг высились многоквартирные дома.

— Я буду краткой, — прервала она наконец молчание. — Помните, как несколько лет назад на Украине вспыхнуло восстание против Советского правительства? Мятеж был жестоко подавлен, но подпольная борьба велась еще долго. А штаб освободительного движения был здесь, в Копенгагене.

— Да. — Локридж нахмурился. — Я изучал зарубежную политику.

— Так вот, — продолжала она. — Был у них так называемый военный фонд, который спрятали, когда стало ясно, что дело проиграно. А сейчас, не так давно, мы нашли человека, который знает, где этот тайник.

— Мы? — Он весь напрягся.

— Движение освобождения. Но уже не только Украины, а всех поработенных народов. Нам нужны эти средства.

— Пойдите! На кой черт?

— О, мы не рассчитываем освободить треть планеты за одну ночь. Но пропаганда, подрывная деятельность, налаживание путей переброски людей на Запад — все это требует денег. А от правительств, болтающих о разрядке, ждать нечего.

Локриджу понадобилось время, чтобы собраться с мыслями.

— Верно, — сказал он после паузы. — Я всегда утверждал — в разговорах с коллегами, да и не только с ними, — что сегодняшняя Америка страдает какой-то суицидоманией. То, как мы сидим и ждем любого доброго слова — неважно, от кого, пусть даже от тех, кто клялся нас уничтожить. То, как мы отдаем целые континенты идиотам, демагогам, каннибалам. То, как даже у себя мы извращаем совершенно недвусмысленные слова Конституции, чтобы только откупиться от шайки каких-нибудь... ну да неважно. Во всяком случае, мои взгляды не способствовали хорошему ко мне отношению.

Странное выражение торжества промелькнуло на ее лице, но голос был деловит и решителен:

— Золото находится в конце туннеля в Западной Ютландии. Его прорыли немцы во время оккупации Дании для нужд сверхсекретного исследовательского проекта. Антифашистское подполье совершило налет на эту базу незадолго до конца войны. Очевидно, все, кто знал о туннеле, были убиты, поскольку широкой публике о его существовании так и не стало известно. Украинцы узнали о нем от человека, находившегося при смерти, и использовали туннель в качестве тайника. После того как мятеж был подавлен и мятежники рассеялись, сокровище осталось там. Те же немногие, кто знал о нем, были людьми бескорыстными, и никто не старался присвоить золото, а каких-то других целей у них уже не было. Большинство посвященных в тайну умерло — кто от старости, кто от несчастного случая, кто от руки советского агента. Последние из оставшихся в живых решили в конце концов передать золото нашей организации, и мне было поручено забрать его. А вы теперь — мой помощник.

— Но... но почему я? Неужели у вас нет своих людей?

— А вы когда-нибудь слыхали об использовании агента со стороны? За восточноевропейцем наверняка будут следить, могут произвести обыск. А американские туристы свободно ездят повсюду. Их багаж на границе редко открывают, особенно

если они путешествуют скромно... Листы золота можно вшить в одежду, подкладку спальных мешков и так далее. Мы поедем на мотоцикле в Женеву и там передадим его кому надо. — Она взглянула на него с вызовом: — Вы готовы?

Локридж закусил губу. Все это было слишком неожиданно, чтобы переварить сразу.

— А вы не думаете, что нас накроют с тем арсеналом, который я закупил?

— Оружие — просто предосторожность на то время, пока мы будем готовить золото к перевозке. Мы его оставим там. — Сторм Дарроуэй помолчала, потом продолжала мягко: — Думаю, вы неглупый человек и понимаете, что выполнение нашей задачи чревато определенными нарушениями закона, которые могут оказаться — в случае столкновения — весьма серьезными.

Мне нужен человек, готовый пойти на риск и встретиться с опасностью, умеющий переносить трудности, но в то же время не какой-нибудь уголовник, соблазнившийся только возможностью хорошо заработать. Вы мне показались подходящим. Если я ошиблась, лучше, прошу вас, скажите сразу.

— Ну что ж... — Локридж более или менее пришел в себя. — Если вы искали Джеймса Бонда, то, безусловно, ошиблись.

— Кого? — Она бросила на него непонимающий взгляд.

— Это не имеет значения, — произнес он, стараясь скрыть удивление. — Хорошо. Буду откровенен. Почему я знаю, что вы та, за кого себя выдаете? Может быть, тут замешан синдикат контрабандистов, или это какой-то обман, или... да, что угодно — даже происки русских. Откуда я знаю?

Город кончился; движения на дороге почти не было.

— Больше я рассказать не могу. — Она внимательно посмотрела на него. — Доверие ко мне входит в ваше задание.

Он взглянул в ее глаза и с радостью согласился:

— О'кей! Контрабандист к вашим услугам.

Она сжала его руку:

— Спасибо. — Этого было вполне достаточно.

В молчании они ехали через зеленеющий пригород, мимо маленьких деревушек с красными крышами. Ему ужасно хотелось заговорить с нею, но, как известно, королева сама начинает разговор.

— Вы бы изложили мне хоть какие-то детали, — наконец собрался он с духом, когда они уже въезжали в Роскилле. — План действий и так далее.

— Потом, — сказала она. — День слишком хорош.

Он не мог прочитать выражения ее лица, но какая-то мягкость была в очертаниях ее губ. «Да, — подумал он, — при такой жизни, как у тебя, нужно не упускать все хорошее, пока есть возможность».

Они проехали мимо огромного собора с тремя шпилями.

— Ничего себе церковь, — сказал Локридж, жалея, что не может найти лучших слов.

— Здесь похоронена сотня королей, — ответила она. — Но под базарной площадью — еще более древние развалины собора святого Лаврентия; а до того как его построили, там был языческий храм с вырезанными на фронтонах драконами. Это ведь была королевская резиденция Викинга Денемарка.

От этих слов его почему-то бросило в дрожь. Однако ее мрачное настроение тут же прошло — словно ветер прогнал тучу. Она улыбнулась:

— Вы знаете, что современные датчане называют Персеиды слезами святого Лаврентия? У этого народа очаровательные фантазии.

— Вы как будто сильно интересуетесь ими? — заметил Локридж. — Поэтому вы хотели, чтобы я изучал их прошлое?

Тон ее голоса стал жестким.

— Нам необходимо прикрытие — легенда — на случай, если за нами станут следить. Любознательность археолога — отличное объяснение того, почему мы там роемся в этой древней земле. Но я уже сказала, что не хочу думать сейчас об этих проблемах.

— Прошу прощения.

И снова Сторм Дарроуэй поразила его внезапной переменой.

— Бедный Малькольм, — сказала она, поддразнивая. — Неужто тебе так трудно сидеть без дела? Слушай, мы же будем парой туристов; нам придется ночевать в палатках, есть и пить в гостиницах для бедных, пробираться по всяким закоулкам, через тихие деревушки — отсюда и до Швейцарии. Давай начнем играть нашу роль.

— Ну, — сказал он, желая доставить ей удовольствие, — бродяга из меня отличный.

— Ты много путешествовал — кроме полевых работ?

— Вроде того. «Голосовал» на дорогах, ездил на Окинаве во всякие глухие местечки, когда отпускали на побывку, провел отпуск в Японии...

У него хватало ума оценить ту ловкость, с которой она переводила разговор на его прошлое. Но рассказывать о себе

было от этого не менее приятно. Не то чтобы он был склонен к хвастовству, но если прекрасная женщина проявляет такой интерес, почему бы не доставить ей удовольствие?

«Дофин» мягко прокатился через остров, Ринстед, Соре Слагельсе и въехал в Корсер на Бельте. Здесь надо было садиться на паром. На нем Сторм — она милостиво разрешила называть ее по имени; это было словно посвящение в рыцари — повела его в ресторан.

— Самое время позавтракать, — сказала она, — тем более что напитки в интернациональных водах не облагаются налогом.

— Ты хочешь сказать, что этот пролив — интернациональный?

— Да, где-то около девятисотого года Британия, Франция и Германия созвали конференцию и с трогательным единодушием решили, что проливы, протекающие через середину Дании, являются частью открытого моря.

Они заказали выпивку.

— Ты до черта много знаешь об этой стране, — сказал Локридж. — Ты что, датчанка?

— Нет. У меня американский паспорт.

— Может, по происхождению? Ты на американку не похожа.

— А на кого же я похожа?

— Бог знает. Вроде всего понемногу, а вышло лучше, чем любая из составляющих.

— Что? Южанин одобряет расовое смешение?

— Брось, Сторм! Я не верю в эту чушь насчет того, хочешь ли ты, чтобы твоя сестра вышла замуж за черного или желтого. У моей сестры достаточно мозгов, чтоб самой выбрать подходящего парня, — неважно, какой он расы.

— Однако раса существует. — Она подняла голову. — Нет, не в извращенном понимании двадцатого века. Нет. Но в генетических линиях. Есть хороший материал, есть и дрянь.

— М-м-м... Теоретически. Только как их разделить, покуда они не проявят себя?

— Это возможно. Начало уже положено исследованиями в области генетического кода. Когда-нибудь смогут определять, на что человек годится, еще до его рождения.

— Мне это не нравится, — покачал головой Локридж. — Я за то, чтобы все рождались свободными.

— А что это значит? — Она рассмеялась. — Свободными делать что? Девяносто процентов этого биологического вида по природе своей — домашние животные. Свобода может

иметь значение только для остальных десяти из ста. Но сегодня вы и их хотите превратить в домашних животных. — Она поглядела в окно, за которым на воде играли солнечные блики и кружились чайки. — Ты говорил о стремлении цивилизации к самоубийству. Только жеребец может вести за собой стадо кобылиц, но никак не мерин.

— Возможно. Но уже был эксперимент с наследственной аристократией, и посмотри, что получилось.

— Ты полагаешь, ваша *soi-disant** демократия может дать что-то лучшее?

— Не толкуй превратно мои слова, — ответил Локридж. — Я бы не отказался быть выродившимся аристократом. Просто нет такой возможности.

Сторм сбросила маску надменности и рассмеялась:

— Спасибо. Мы ведь чуть не начали говорить серьезно, а? А вот и устрицы.

Она так умно направляла разговор, непринужденно болтая за столом, а потом и на покачивающейся палубе, что он едва заметил, с какой ловкостью она увела разговор от себя.

Они снова сели в машину в Ньюборге, проехали по Фюну через Оденсе — родной город Ганса Христиана Андерсена.

— Это название означает «Озеро Одина», — сообщила Сторм, — и когда-то здесь приносили людей ему в жертву.

Наконец, переехав по мосту, они оказались в Ютландии. Локридж предложил сменить ее за рулем, но Сторм отказалась.

По мере того как они продвигались на север, рельеф местности менялся, она становилась менее населенной; под ослепительным высоким куполом неба виднелись гряды холмов, заросших лесом или цветущим вереском. Время от времени Локридж замечал дольмены, покрытые грубо вытесанными каменными плитами, контрастно подсвеченные заходящим солнцем. Он что-то сказал по их поводу.

— Они стоят здесь с каменного века, — отозвалась Сторм. — Им четыре тысячи лет, а то и больше. Примерно такие же дольмены встречаются на Атлантическом побережье и по всему Средиземноморью. То была крепкая вера. — Ее руки вцепились в руль, она смотрела прямо перед собой на тянущуюся ленту дороги. — Те, кто принес с собой эти погребальные обряды, поклонялись триединой богине — той, которой норны, богини судьбы, были лишь бледным подобием, — Деве, Матери

* Так сказать (*фр.*).

и Царице Смерти. Очень жаль, что ее променяли на Громовержца.

Шины шуршали по бетонному покрытию, в открытых окнах свистел ветер. Длинные тени легли в складках предгорий. Из соснового леса выпорхнула стая ворон.

— Но она вернется, — сказала Сторм.

Локридж уже начал привыкать к перепадам ее настроения и промолчал. Когда они свернули на Хольстебро, он сверился с картой, и у него перехватило дыхание: ехать осталось совсем немного, — разве что Сторм решит прокатиться на коньках по льду Северного моря.

— Ты не думаешь, что пора ввести меня в курс дела? — спросил Локридж.

— Я мало что могу добавить. — Непроницаемое выражение лица, невозмутимый голос. — Я уже провела разведку. У входа в туннель проблемы вряд ли возникнут. Дальше, может быть... — Ее внутреннее напряжение вырвалось наружу, она с такой силой сжала его руку, что он почувствовал боль от впившихся в нее ногтей. — Будь готов к неожиданностям. Я не вдаюсь в подробности, потому что ты стал бы только ломать голову, пытаясь во всем разобраться. В чрезвычайной ситуации — если она возникнет — ты должен не тратить время на размышления, а просто действовать. Ты понимаешь меня?

— Я... Думаю, что да. — Такая психология годилась для каратэ. Но тут... «Нет, черт возьми! Я обещал, — решил он. — Сумасшедший, дурак, донкихот, — как меня ни назови, — я буду с нею, что бы ни случилось, без всяких дополнительных объяснений!»

Его сердце громко стучало, руки похолодели.

Вскоре после Хольстебро Сторм свернула с шоссе. Грунтовая дорога змеей вилась среди полей; справа показался массив строевого леса. Сторм съехала на обочину и заглушила мотор. Тишина заполнила мир.

Глава 3

Локридж пошевелился.

— Что мы...

— Тихо! — Резким взмахом руки Сторм заставила его замолчать.

Из отделения для перчаток она достала маленький толстый диск. Одна из его плоскостей переливалась необычными цветами. Сторм наклонила диск в одну сторону, в другую. При-

близив к нему лицо, обрамленное соболиными локонами, она вглядывалась в мелькавшие на диске оттенки. Понемногу ее напряженные мышцы расслабились.

— Все в порядке, — прошептала она. — Можно идти.

— Что это за штука? — Локридж потянулся к диску, но Сторм отвела его руку.

— Это индикатор, — коротко пояснила она. — Вперед! Сейчас местность свободна.

Он вспомнил о своем решении делать все, что она скажет. Значит, не следует задавать ненужных вопросов. Локридж вылез из машины и открыл багажник. Сторм открыла бывший при ней чемодан.

— Надеюсь, в рюкзаках у тебя полное лагерное снаряжение, — сказала она. Он кивнул. — Тогда бери свой, — добавила Сторм, — я потащу мой. И заряди ружье и пистолет.

Локридж сделал, как было велено. Мурашки бегали у него по спине, но на сей раз ощущение не было неприятным.

Приготовившись — сбоку «уэбли», в руке маузер, — он обернулся и увидел, как Сторм закрывает свой чемодан.

Она нацепила что-то вроде патронташа — он такого никогда не видел, — сделанного из тускло светящегося металла; патронные сумки казались наглухо запаянными. На правом боку, как будто притянутая магнитом, висела какая-то странная штуковина. Локридж смотрел на нее в недоумении.

— Слушай, что это за пистолет?

— Неважно. — Сторм подняла свой разноцветный диск. — Будь готов увидеть более удивительные вещи. Запри машину, и пойдем.

По лесу они пошли назад, параллельно дороге, но скрытые от нее ровными рядами сосен. Косые лучи вечернего солнца пробивались сквозь колючие ветки, оставляя на земле, покрытой мягким ковром из сосновой хвои, пятнышки света.

— Я понял, — сказал Локридж. — Нужно, чтобы по машине не было видно, куда мы пошли.

— Молчи, — приказала Сторм.

Примерно через милю они выбрались на дорогу и перешли ее. С той стороны раскинулось поле золотистого жнивья; за ним поднималась гряда холмов, тек что если поблизости и была ферма, то ее не было видно. Посреди поля высился небольшой холм, увенчанный дольменом. Прежде чем Локридж успел помочь, Сторм ловко перебралась через проволоочное ограждение и рысью припустила к нему. Ее рюкзак был

не намного легче, чем у Локриджа, но, когда они добежали до холма, он все же запыхался, а она — хоть бы что.

Она остановилась, открыла свой «патронташ» и достала какую-то трубку, что-то вроде карманного фонарика с граненым стеклом. Сориентировавшись по солнцу, Сторм пошла вокруг поросшей травой и куманикой холма. Специальный знак указывал, что этот реликт охраняется государством. Чувствуя себя беззащитным под огромным куполом неба, Локридж с бьющимся сердцем посмотрел на дольмен, словно ища поддержки у вечности. Вертикально стоящие камни, серые и замшелые, хранили величавое спокойствие, держа на себе тяжелую плиту с тех самых пор, как были воздвигнуты исчезнувшим ныне народом, чтобы служить усыпальницей для их мертвых. Но сама постройка, припомнил он, была когда-то погребена под грудой земли, от которой остался лишь этот курган...

Сторм внезапно застыла.

— Здесь. — Она полезла вверх по склону.

— Что? Но послушай, — отозвался Локридж, — мы же почти обошли его кругом. Почему было не пойти в противоположную сторону?

Впервые он заметил смущение на ее лице.

— Я всегда иду против движения солнца. — Сторм натянуто усмехнулась. — Привычка. А теперь отойди.

Они были на середине склона.

— В 1927 году здесь были произведены раскопки, — сказала она. — Дольмен откопали, все осмотрели, теперь ученым здесь больше нечего делать. Так что мы спокойно можем использовать его в качестве входа. — Она стала возиться с пультом управления на своей трубке. — У нас несколько непривычные для тебя методы создания потайных входов, — предупредила Сторм. — Не удивляйся особенно.

Стекло тускло засветилось, трубка начала жужжать и вибрировать в ее руке. Дрожь пробежала по кустам куманики, хотя не было ни ветерка. Неожиданно круглый пласт земли поднялся в воздух.

Десять футов в диаметре, двадцать футов толщиной — этакая затычка из дерна и земли, ничем не поддерживаемая, висела перед глазами Локриджа. Вскрикнув, он отскочил в сторону.

— Спокойно! — приказала Сторм. — Полежай внутрь. Живее!

В оцепенении он приблизился к отверстию. Пологий спуск вел вглубь и терялся вдаль. Локридж нервно сглотнул. Только

сознание того, что Сторм на него смотрит, заставило его двинуться с места. Он вошел внутрь холма, она последовала за ним. Обернувшись, Сторм нажала на что-то на своей трубке. Локридж услышал легкий чмокающий звук — земляной цилиндр с механической точностью вернулся на место. В тот же миг стало светло — хотя Локридж, совершенно ошеломленный, никакого источника света не видел.

Спуск оказался полом сводчатого туннеля, чуть шире входа. Полого опускаясь, туннель поворачивал. Стены его были по всей длине покрыты твердым гладким материалом, который и испускал свет — холодное белое излучение; из-за того, что при таком освещении не было теней, трудно было судить о расстоянии. Локридж ощущал движение свежего воздуха, хотя вентиляторов нигде не замечал.

Он взглянул на Сторм, но не смог произнести ни слова. Она спрятала трубку. Плавной походкой — резкости в ней как не бывало — она подошла к нему и положила ладонь на его руку.

— Бедняга Малькольм, — прошептала она. — Тебя ждут еще большие неожиданности.

— О Господи, — отозвался он слабым голосом. — Надеюсь, что нет. — Однако ее близость, ее прикосновение даже в такую минуту поднимали настроение. Понемногу Локридж начал приходить в себя. — Как, черт побери, это делается? — спросил он, и голос его гулким эхом отозвался в сводах туннеля.

— Ш-ш... Не так громко. — Сторм взглянула на свой играющий красками диск. — Сейчас здесь никого нет, но они могут появиться снизу, а звук здорово разносится в этих туннелях. — Она помолчала. Потом добавила: — Если тебе станет от этого легче, я объясню принцип. Земляная пробка связана воедино энергетическим переплетением, исходящим из сети, встроенной в стены. Та же сеть блокирует любые эффекты, которые может уловить металлоискатель или акустический прибор, или другие инструменты, при помощи которых можно было бы обнаружить этот вход. Она же обеспечивает освежение и циркуляцию воздуха, воздействуя на молекулярную структуру. Трубка, которой я пользовалась, чтобы открыть вход, — просто контрольное устройство, а сама энергия поступает опять-таки из сети.

— Но... — Локридж покачал головой, — это невозможно. Я немного разбираюсь в физике. То есть... я имею в виду, может быть, теоретически... Но на практике такой штуки не существует.

— Я же говорила тебе: это был секретный исследовательский проект. Они многого добились. — Сторм подняла голову.

Ее губы были так близко от его губ! — Ты не боишься, а, Малькольм?

— Нет. — Локридж расправил плечи. — Иди.

— Настоящий мужчина, — произнесла она одобрительно, едва заметно сделав акцент на втором слове, от чего кровь в его жилах побежала быстрее. Отпустив его руку, она пошла вперед по ведущему вниз туннелю. — Это только вход, — сказала она. — Сам коридор на сотню с лишним футов ниже.

По вьющемуся спиралью туннелю они спускались все глубже. Локридж отметил, что уже не испытывает первоначальной растерянности. «Это все Сторм! — подумал он. — О Боже, ну и приключение!» Он чувствовал себя в полной боевой готовности.

Туннель закончился длинной комнатой, ничем не примечательной, кроме того, что у противоположной стены стоял не то большой шкаф, не то комод, сделанный из того же блестящего металла, что и пояс Сторм. Кроме того, в этой стене виднелся дверной проем примерно десять на двадцать футов. Чем он закрыт? Занавесом? Нет — подойдя ближе, Локридж убедился, что завеса, заполнявшая вход мягким светом, переливающимся всеми цветовыми оттенками, которые он мог различить, и многими (так он думал), не воспринимаемыми человеческим глазом, — нематериальна; она — просто мерцание в темноте, мираж, пелена живого света. От нее исходило еле слышное жужжание, воздух вблизи был насыщен электричеством.

Здесь Сторм остановилась. Он почувствовал, как под одеждой напряглось ее тело. Одновременно с нею он выхватил свой пистолет. Сторм посмотрела на него.

— Дальше коридор. — Голос ее звучал возбужденно. — Теперь слушай внимательно. Я лишь дала тебе понять, что нам, возможно, предстоит драться. Но враги повсюду. Не исключено, что им известно, где мы. Вражеские агенты могут оказаться даже по ту сторону ворот. Ты готов стрелять по моей команде?

Локридж смог только кивнуть в знак согласия.

— Отлично. Следуй за мной.

— Но послушай, я пойду, но...

— Говорю тебе: за мной! — Она шагнула сквозь мерцающий занавес.

Он последовал за ней, почувствовал мгновенный электрический удар, пошатнулся, но тут же взял себя в руки. По ту сторону занавеса он с интересом оглянулся.

Сторм наклонилась, бросая по сторонам тревожные взгляды. Через какое-то время она посмотрела на свой прибор и опустила пистолет.

— Никого, — выдохнула она. — В данный момент мы в безопасности.

Локридж с облегчением глубоко вздохнул и попытался разобраться, куда они попали.

Коридор был огромный, футов, должно быть, сто диаметром, той же полуцилиндрической формы, что и туннель, по которому они спускались; стены его были покрыты тем же светящимся металлом. Прямой, как стрела, он тянулся вправо и влево, концы его терялись вдаль. «Несколько миль, не меньше», — прикинул Локридж. Жужжание и характерный запах электричества были здесь сильнее; они наполняли все его существо — было такое ощущение, будто он очутился внутри какой-то огромной машины.

Он взглянул назад, на дверной проем, через который они вошли, и замер в изумлении. Что за чертовщина!

Портал с этой стороны был той же высоты, но шириной никак не меньше двухсот футов. Покрывая часть пола коридора, от него шли параллельные — на расстоянии нескольких дюймов одна от другой — черные линии. У их концов были краткие надписи незнакомыми ему буквами. Но примерно через каждые десять футов появлялись номера: 4950, 4951, 4952... Прежним остался только мерцающий занавес.

— Нельзя терять времени. — Сторм потянула его за рукав. — Потом объясню. Давай садись. — Она показала на парящую в двух футах над полом платформу с изогнутым передом, напоминавшую большие металлические сани с низкими боковыми стенками и несколькими лавками без спинок. Расположенная спереди панель переливалась разноцветными огнями: красными, зелеными, желтыми, голубыми... — Ну давай же!

Вслед за ней он забрался на платформу. Сторм села на переднее место, положила пистолет на колени и пробежалась пальцами по сверкающему перед ней пульту. Сани развернулись и поплыли налево по коридору. Они двигались абсолютно бесшумно, со скоростью, как ему казалось, миль тридцать в час; никакого ветра почему-то не чувствовалось.

— Ну а это еще что за хреновина? — выдавил из себя Локридж.

— Ты когда-нибудь слышал о судах на воздушных подушках? — рассеянно отозвалась Сторм. Она всматривалась в

зиявшую впереди пустоту, то и дело бросая взгляд на разноцветный диск, который она сжимала в ладони.

— Да, слышал, — мрачно ответил он. — И я прекрасно знаю, что это совсем не то. — Он показал на устройство в ее руке. — А это что?

Сторм вздохнула:

— Это индикатор жизнедеятельности. А едем мы на гравитационных санях. Теперь помолчи и следи лучше, что там сзади, за нами.

От напряжения Локридж еле сидел, но кое-как повернулся. Винтовку он положил на лавку рядом с собой. Липкий холодный пот струился у него по спине, зрение и слух были обострены до предела.

Они проплыли мимо еще одного входа, и второго, и третьего... Ворота попадались на разном расстоянии друг от друга, в среднем — насколько можно было судить в этом холодном, пронизывающем все освещении — примерно через каждые полмили. В голове Локриджа роились беспорядочные, дикие мысли. Никакие немцы не могли это построить, никакое антикоммунистическое подполье не могло этим пользоваться! Существа с другой планеты, другой звезды, затерянной где-то во мраке неизмеримых космических пространств...

Из ворот, которые они только что проехали, вышли трое.

Одновременно с возгласом Локриджа индикатор Сторм окрасился в кроваво-красный свет. Она резко обернулась и взглянула назад. Губы ее раздвинулись, обнажив зубы.

— Что ж, будем драться, — громко, с каким-то торжеством сказала она и выстрелила.

Ослепительный луч вырвался из дула ее пистолета. Один из людей покачнулся и упал. Струйка густого дыма появилась из дырки в его груди. Он еще не успел упасть, а двое других уже выхватили оружие. Луч из пистолета Сторм пробежал мимо них и рассыпался сверкающим радужным фонтаном, оживив стены коридора переливающимся многоцветьем. В воздухе слышался треск разрядов, запахло озоном.

Сторм надавила на кнопку переключателя на своем пистолете. Луч погас. Раздался тихий шипящий звук, и они с Локриджем оказались окруженными мерцающей завесой.

— Энергетическая защита, — пояснила она. — Она забирает всю энергию моего оружия, но, если два луча ударят в одну точку, она может не выдержать. Стреляй!

Локридж был потрясен, но для чувств не было времени. Он прижался щекой к прикладу и прицелился. Человек, в кото-

рого он целился, был высокого роста, но на расстоянии казался маленьким; можно было разобрать только его обтягивающую черную одежду и золотистый шлем, напоминавший древнеримский; лица не было видно. В какую-то долю секунду в памяти Локриджа промелькнули родные леса, зеленые и тихие, белка высоко в ветвях... Он спустил курок. Пуля попала в цель, человек упал, но тут же поднялся. Вместе со своим товарищем он вскочил в гравитационные сани: они стояли у каждых ворот.

— Энергетическое поле замедляет и материальные объекты, — мрачно сказала Сторм. — На таком расстоянии у твоей пули была слишком низкая остаточная скорость.

Их сани пустились в погоню. Двое в черном низко пригнулись, прячась за передним щитом; виднелись лишь верхушки их шлемов.

— Мы намного впереди, — сказал Локридж. — Двигаться быстрее они не могут, так?

— Так, но они заметят, где мы выйдем, вернутся и сообщат Брэнну, — ответила Сторм. — Если меня узнают, уже это будет достаточно скверно. — Ее глаза сверкали, вздымалась и опускалась грудь, но Локриджу редко приходилось видеть даже мужчин, которые могли бы сохранять такой спокойный голос в пылу сражения. — Нам придется контратаковать. Дай мне свой пистолет. Когда я встану, чтобы вызвать на себя огонь, — успокойся, я буду защищена! — стреляй.

Она развернула сани, и они помчались навстречу преследователям. Локриджу, однако, казалось, что приближаются они медленно, словно в ночном кошмаре. Надо убивать — убивать живых людей! Он с трудом справился с подкатившей тошнотой. Что ж, но и они хотят убить его и Сторм — разве нет? Стоя на коленях, пригнувшись за боковой стенкой, он приготовился стрелять.

Они съехались. Сторм выпрямилась — в одной руке энергопистолет, в другой «уэбли». За несколько ярдов другие сани затормозили. В Сторм ударили два световых луча; отбрасывая искры и потоки света, они понемногу сближались. Просвистела пуля, выпущенная из какого-то бесшумного толстоствольного оружия, которое держал один из людей в черной униформе.

Локридж вскочил. Краем глаза он видел Сторм — она стояла, выпрямившись в фонтане красных, желтых, голубых языков пламени; бушующие потоки энергии разметали по щекам ее волосы. Она стреляла и смеялась. Локридж взглянул на врага прямо в его вытянутое бледное лицо. Мимо него

прожужжала пуля. Он выстрелил дважды. Сани противника промчались мимо и понеслись дальше по коридору.

Смолкло эхо. Исчезло покалывание наэлектризованного воздуха. Остались только идущие из глубин мелодии неизвестных энергий, и их запах да мерцание в выходящих в коридор воротах.

Сторм оглянулась на распростертые на полу тела, взяла со скамейки индикатор жизнедеятельности и удовлетворенно кивнула.

— Ты прикончил их, — прошептала она. — О, мой верный стрелок! — Она отбросила индикатор, обняла Локриджа и до боли крепко поцеловала.

Прежде чем он успел ответить на поцелуй, она разжала руки, повернулась и развернула сани. Ее возбуждение еще не прошло, но голос по-прежнему был совершенно спокоен.

— Не стоит терять время и тратить энергию на их дезинтеграцию. Патруль все равно поймет, что они погибли от руки Хранителей. Но больше он ничего не узнает, если, конечно, мы не повстречаем в коридоре еще кого-нибудь.

Локридж плюхнулся на скамью и попытался осмыслить происшедшее.

Он пришел в себя только тогда, когда Сторм остановила сани. Он вылез вслед за ней. Она наклонилась над приборным щитом и провела по нему рукой. Сани уехали.

— Отправились на свою стоянку, — пояснила она. — Если Брэнн узнает, что убийцы его людей вошли через 1964-й, и найдет транспорт здесь, он будет знать все... Теперь сюда.

Они подошли к воротам. Сторм выбрала одну из линий группы, обозначенной номером 1175.

— Здесь нужно быть очень осторожным, — предупредила она. — Мы легко можем потерять друг друга. Иди прямо по этой отметке.

Она протянула назад руку и взяла его за руку. Локридж все еще не пришел в себя окончательно и не испытал от этого прикосновения того удовольствия, которое, как он смутно осознавал, он получил бы при иных обстоятельствах.

Следуя за Сторм, он прошел сквозь светящийся занавес. Она отпустила его руку, и он увидел точно такую же комнату, как та, из которой они вошли в коридор. Сторм открыла шкаф, взглянула на похожее на хронометр устройство и удовлетворенно кивнула. Она достала два свертка, упакованные в грубую ворсистую ткань синего цвета, передала их Локриджу и закрыла шкаф. Они пошли вверх по вьющемуся спиралью

туннелю. В конце его она открыла, при помощи своей трубки, земляной люк, такой же, как первый, и, когда они выбрались наружу, закрыла его. «Крышка» опустилась на место с безупречной точностью, не оставив ни малейшего следа. Локридж на это не обратил внимания, его мысли были заняты другим.

Когда они вошли в туннель, солнце стояло еще достаточно высоко; были они внутри от силы полчаса. Теперь же вокруг была ночь, почти полная луна сияла в небе. В ее призрачном свете перед ним предстал дольмен, но теперь холм закрывал его до самой верхней плиты, оставляя свободной лишь грубо сделанную деревянную дверь. Прохладный влажный ветерок колыхал траву. На пашню внизу не было и намека — вокруг холма росли кусты и молодые деревца. К югу поднималась гряда холмов, до жути знакомая, но поросшая лесом, старыми, невероятно, до невозможности старыми деревьями, такие громадные дубы он видел лишь в последних нетронутых уголках Америки. Их верхушки казались седыми в лунном свете; внизу лежали густые тени.

Заухала сова. Послышался волчий вой.

Локридж снова поднял глаза и увидел, что они не в сентябре. Над ними было небо конца мая.

Глава 4

— Разумеется, я соврала тебе, — сказала Сторм.

Отбрасывая искры и тускло освещая клубы дыма, высокое пламя костра в рембрандтовской манере высвечивало выразительные черты ее лица. Вокруг сомкнулась ночь. Локридж поежился и протянул руки к огню.

— Ты бы все равно не поверил, пока не увидел своими глазами, — продолжала Сторм. — Разве не так? В лучшем случае мы потеряли бы время на объяснения, а я и так уже слишком долго пробыла в двадцатом веке. Каждый лишний час увеличивал опасность. Если бы Брэнн догадался выставить охрану у датских ворот... Он должен думать, что я убита. В моей группе были и другие женщины, которые в схватке с ним были изуродованы до неузнаваемости. Но все же он мог почувствовать...

— Значит, ты из будущего? — только и смог вымолвить Локридж. Давала о себе знать реакция на все происшедшее.

— Равно как и ты теперь. — Она улыбнулась.

— Я имею в виду — из моего будущего. Откуда?

— Около двух тысяч лет после твоей эпохи. — Помрачнев, она задумчиво вглядывалась в окружавшую темноту. — Я бывала во многих веках, столько раз принимала участие в исторических событиях, но, ты знаешь, иногда мне кажется, что частичка моей души по-прежнему в том времени, когда я родилась.

— Но... Мы ведь сейчас на том же самом месте, где вошли в коридор, да? Только в прошлом. И как далеко мы забрались?

— По вашему летосчислению — в конец весны 1827 года до Рождества Христова. Я посмотрела точное число на часах-календаре в аванзале. Нельзя точно рассчитать появление, поскольку человеческое тело имеет конечную ширину, эквивалентную приблизительно двум месяцам. Именно поэтому нам пришлось при переходе держаться за руки — чтобы не оказаться разделенными несколькими неделями. Если когда-нибудь такое случится, — добавила она поспешно, — возвращайся в коридор и жди. Время течет и там, но иначе, так что мы сможем встретиться.

«Почти четыре тысячи лет», — подумал Локридж. В это самое время в Египте восседал на троне фараон; морской владыка Крита строил планы насчет торговли с Вавилоном; Мохенджо-Даро гордо возвышался в долине Инда; дерево генерала Гранта было еще непроросшим семенем. Средиземное море уже знало бронзу, но Северная Европа еще не вышла из неолита, а дольмен на этом холме был воздвигнут всего несколько поколений назад людьми, чье сельское хозяйство, основанное на принципе «режь и жги», заставляло их перебираться на все новые места. Восемнадцать веков до рождения Христа, столетие даже до Авраама, — а он разбил лагерь в Дании, где те, кто называют себя датчанами, еще и не появились. От совершенной невероятности всего этого Локриджа в буквальном смысле бил озноб. Стараясь прогнать неприятное ощущение, он спросил:

— Ну а все-таки что это за коридор? Как он действует?

— Научно-физическое объяснение тебе ничего не даст, — отозвалась Сторм. — Просто представь себе энергетическую трубу, намотанную на временную ось. Внутри по-прежнему возрастает энтропия, сохраняется течение времени. Но с точки зрения человека, находящегося внутри, космическое — внешнее — время застывает. Выбрав нужные ворота, можно оказаться в любой соответствующей эпохе. Фактор конверсии, — она сосредоточенно нахмурилась, — равен, в вашей системе мер, приблизительно тридцати пяти дням на фут. Через каж-

дые несколько веков расположен вход шириной в двадцать пять лет. Промежутки не могут быть меньше примерно двухсот лет, иначе разрушится ослабленное силовое поле.

— И коридор идет прямо до твоего времени?

— Нет. Этот коридор тянется до 4000 года до Рождества Христова и до 2000 года — после. Делать их намного длинней практически невозможно. По всему пространству — времени планеты — разбросано много коридоров разной протяженности. Ворота синхронизированы, так что, переходя с одного канала на другой, можно попасть в любой нужный год. Скажем, если бы мы хотели попасть в прошлое дальше 4000 года до Рождества Христова, нужно было бы воспользоваться коридорами, которые я знаю в Англии или в Китае; их ворота охватывают год, в котором мы сейчас находимся. Чтобы отправиться еще дальше, пришлось бы искать другие ворота, в других местах.

— А когда они... Когда их изобрели?

— За пару веков до моего рождения. Уже всюю шла война между Хранителями и Патрулем, так что изначальные цели — научные изыскания — отошли на задний план.

В ночной темноте раздавался вой волков. С треском продираясь через подлесок, пробежал какой-то, судя по всему крупный, зверь; дико завывая, волчья стая бросилась в погоню.

— Понимаешь, — сказала Сторм, — мы не можем начать тотальную войну. Погибнет Земля, как уже было с Марсом, превратившимся в кольцо радиоактивных обломков, вращающихся вокруг Солнца... Я иногда думаю: может, в конце концов изобретатели отправятся на шестьдесят миллионов лет назад и построят космический флот, который уничтожил динозавров и оставил неизгладимые следы на Луне.

— Значит, ты не знаешь своего будущего? — спросил Локридж, затаив дыхание.

Она покачала головой:

— Нет. Когда включают активатор, чтобы просверлить новый коридор, он бурит туннель в обе стороны, на одинаковое расстояние. Мы пытались проникнуть вперед из нашего времени, но там оказались охранники, они заставили нас вернуться с помощью неизвестного нам оружия. Мы больше не пробуем. Это было слишком страшно.

«Загадки внутри загадок — это уже чересчур», — решил Локридж и вернулся к практическим проблемам.

— Ладно, — сказал он, — я вроде как вступил в войну на вашей стороне. Может, расскажешь, зачем вся эта стрельба? Кто твои враги? — Он помолчал. — Кто ты сама?

— Я лучше буду пользоваться тем именем, которое выбрала в вашем времени, — ответила Сторм. — Оно, кажется, оказалось счастливым. — Некоторое время она сидела в раздумье. — Сомневаюсь, что ты смог бы сразу разобраться в сущности моего столетия. Слишком большой исторический период между вами и нами. Разве смог бы человек из вашего прошлого по-настоящему понять принципиальную разницу между Востоком и Западом вашего времени?

— Полагаю, что нет, — согласился Локридж. — По правде говоря, и у нас-то многие ее не понимают.

— Здесь, — продолжала Сторм, — суть та же. Потому что проблема всегда, на протяжении всей истории человека, сводилась к одному — пусть в извращенном, запутанном виде, пусть прикрытая другими, менее важными мотивациями, но это всегда, в том или ином смысле, было столкновением двух философий, двух образов жизни и мысли — существования. Извечно стоял вопрос: в чем природа человека? — Взгляд Сторм, устремленный в ночной мрак, вернулся к гаснущему костру. Она пристально взглянула на Локриджа, молча ожидавшего продолжения. — Жизнь, какой она представляется, против жизни, как она есть. Планирование против естественного развития. Контроль против свободы. Отметающий все остальное рационализм против природной целостности. Машина против живой плоти. Если человека с его судьбой можно спланировать, организовать, сделать из него какое-то подобие совершенства, разве не долг человека привести себе подобных к этому совершенству? Неважно, какой ценой. Тебе это знакомо, не правда ли?

Великий враг твоей страны — вечное проявление того, что родилось в доисторические времена, того, что нашло выражение в законах Дракона и Диоклетиана; привело к сожжению Ивовых книг Конфуция; звучало в устах Торквемады, Кальвина, Локка, Вольтера, Наполеона, Маркса, Ленина, Аргвеллы; отразилось в Манифесте Юпитера и так далее, и так далее... Нет-нет, не прямо, не открыто — многие из тех, кто верил в высший разум, не были в душе тиранами; с другой стороны, были не верившие в него, но тираны в душе — вроде Ницше. На мой взгляд, ваша индустриальная цивилизация, даже в тех странах, которые называют себя свободными, — сплошной кошмар; тем не менее я пользуюсь техникой такой мощной и сложной, какая вам и не снилась. Но для чего? Вот в чем суть борьбы!

Сторм замолчала. Ее взгляд обратился к лесу, стеной окружающему луг.

— Я часто думаю, — задумчиво проговорила она, — что поворот вспять начался именно в этом тысячелетии, когда земные боги и их мать были отринуты теми, кто поклонялся небесам. — Она встряхнулась, словно освобождаясь от чего-то, и продолжала ровным голосом: — Что ж, Малькольм, прими на данный момент, что Хранители стремятся сохранить жизнь, жизнь во всей ее целостности, безграничности, великолепии и трагичности, а Патруль хочет превратить мир в механизм. Это, конечно, упрощение. Может, потом я сумею объяснить лучше. Но скажи: ты считаешь мою цель недостойной?

Локридж задумчиво посмотрел на Сторм — она напоминала молодую дикую кошку.

— Нет. Я буду с тобой, — сказал он с волнением, прогнавшим все страхи, сожаления и чувство одиночества. — Я уже с тобой.

— Спасибо, — прошептала она. — Если бы ты только знал — не на словах, а существом своим, — как много это значит, я, наверно, могла бы прыгнуть за это к тебе прямо через огонь.

Ему хотелось спросить, что она имеет в виду. Однако прежде чем он успел что-либо сказать, Сторм проговорила с усмешкой:

— Думаю, ближайшие месяцы покажутся тебе интересными.

— О Господи, разумеется! — Он лишь сейчас осознал открывающиеся возможности. — Да любой антрополог отдал бы свою... свой правый глаз, чтобы оказаться здесь. Мне все еще не верится в это.

— Впереди ждут опасности, — предупредила она.

— Ладно, так или иначе, на чем мы стоим? Что нужно делать?

— Начну с начала, — сказала Сторм. — Как я уже объяснила, в широком масштабе вести войну между Патрулем и Хранителями в нашем времени нельзя. Поэтому она в основном передвинулась в прошлое. Базы расположены в стратегических пунктах и... это сейчас неважно. Я знаю, что у Патруля есть опорный пункт в царствовании Харальда Синезубого. Хотя религия Аза уже признавала Небесного Отца, введение христианства было для них очередным шагом вперед и положило начало централизованной монархии и, в конце концов, рационалистическому государству. Потом там появились те, кого мы с тобой встретили.

— Что? Подожди! Ты хочешь сказать, что ваши люди меняют прошлое?

— Да нет. Ни в коем случае. Это по существу своему невозможно. Любой, кто попробует, убедится, что события всегда возвращаются на круги своя. Что было, то было. Мы, путешествующие во времени, тоже часть целого. Но скажем так: мы узнаем некоторые аспекты, которые могут оказаться полезными для наших целей, набираем добровольцев, копим силы для решительного сражения.

Ну так вот. В моем времени Патруль контролирует Западное полушарие, Хранители — Восточное. Я возглавляла отряд, отправившийся в двадцатый век и, через океан, в Америку. Сами мы ничего незаметно построить не могли: вражеских агентов в вашем столетии куда больше, чем наших. Наш план заключался в создании промышленной компании, видимой целью которой было бы что-то примечательное, а мы должны были сойти за людей вашего времени. Мы выбрали именно это время, потому что двадцатый век — первый, где то, что нам необходимо, — транзисторы, например, — можно достать на месте и не вызывая подозрения. Под прикрытием горно-рудного предприятия в Колорадо мы создали наши подземные установки, построили активатор и пробурили новый коридор.

Мы собирались ударить через него, появившись в нашем собственном времени в самом центре владения Патруля. Но как только коридор был закончен, явился Брэнн с намного превосходящими наши силами. Не знаю, как он пронюхал. Спаслась одна я. Потом больше года болталась по Соединенным Штатам, изыскивая возможность вернуться. Я знала, что все коридоры, ведущие в будущее, охраняются, — Патруль очень силен в раннеиндустриальной цивилизации. И я нигде не могла найти ни одного Хранителя.

— А на что ты жила? — поинтересовался Локридж.

— Ты бы назвал это грабежом, — ответила Сорм.

Он вздрогнул. Она рассмеялась:

— Мой энергопистолет может быть настроен всего лишь на оглушение. Заполучить несколько тысяч долларов — это не проблема. А у меня было отчаянное положение. Ты считаешь, что я очень виновата?

— Как сказать... — Он взглянул на ее лицо в отблесках костра. — Нет, не считаю.

— Я была уверена, что ты не станешь меня винить. Ты такой человек, какого я даже не надеялась найти... Видишь ли, мне нужен был помощник, телохранитель, — пояснила она, —

чтобы не выглядеть женщиной, путешествующей в одиночку. Во все прошлые времена это казалось бы слишком подозрительно. А мне необходимо было попасть именно в прошлое.

Я убедилась наверняка, что датский коридор не охраняется. Он был единственным, где я могла рискнуть, из тех, что имели ворота, открывающиеся в эти десятилетия. Да и то — ты сам видел — мы чуть не погибли...

Тем не менее мы здесь. У Хранителей есть база на Крите, где еще крепка старая вера. К сожалению, я не могу просто связаться с ними и попросить забрать нас. Патруль здесь тоже активен — это переломное время — они вполне могут перехватить наше послание и найти нас раньше, чем наши друзья. Но когда мы доберемся до Кносса, нам дадут вооруженный эскорт, который проводит меня из коридора в коридор, до дому. А тебя высажат в твоем собственном времени. — Она пожала плечами. — У меня в Соединенных Штатах припрятана куча долларов. Ты сможешь взять их за труды.

— Оставь! — грубо бросил Локридж. — Скажи лучше, как мы доберемся до Крита?

— Морем. Между этими землями и Средиземноморьем давно ведется торговля. Лимфьорд недалеко, а судно из Иберии, где господствует религия мегалитических строителей, должно подойти где-то этим летом. В Иберии мы можем пересечь на другой корабль. Это будет не дольше и менее опасно, чем идти сухопутным янтарным путем.

— Ну что ж... звучит разумно. И у нас, я полагаю, хватит денег, чтобы заплатить за проезд. Или нет?

Сторм тряхнула головой.

— Если нет, — произнесла она надменно, — они не откажутся перевезти Ту, Которой Поклоняются.

— Что? — Локридж разинул рот от удивления. — Ты хочешь сказать, что можешь выдать себя за...

— Нет, — сказала она. — Я и есть Богиня.

Глава 5

В лучах восходящего солнца над насквозь промокшей землей клубился низкий туман. Блестящие капли росы, сверкая, стекали с листьев и исчезали в зарослях папоротника, лес был полон птичьих песен. В вышине парил орел, его крылья отличали золотом в утреннем свете.

Локриджа разбудило прикосновение руки. Он облизал пересохшие губы.

— Что?.. В чем дело?.. Нет...

Он совершенно вымотался за вчерашний день, в голове было пусто, болели мускулы, тело казалось чугунным.

Увидев перед собой лицо Сторм и даже не сразу узнав ее, он постарался припомнить и объяснить себе все происшедшее накануне.

— Вставай, — сказала Сторм. — Я снова разожгла огонь. Ты приготовишь завтрак.

Только тут он заметил, что на ней ничего нет. Подавив возглас изумления и восторга — может быть, даже благоговения, — он сел в своем спальном мешке. Локридж никогда не думал, что человеческое тело может быть так прекрасно.

Его инстинктивная реакция, однако, прошла быстро. Дело было не только в том, что она обращала на него не больше внимания, чем если бы он был, как и она, женщиной или, скажем, собакой. Нет, нельзя, просто невозможно заигрывать с Никой Самофракийской.

От этих мыслей его отвлек прозвучавший вдалеке дикий рев, от которого в испуге поднялась стая глухарей, заслонив крыльями солнце.

— Кто это? — воскликнул Локридж. — Бык?

— Зубр, — отозвалась Сторм.

Его пронзила мысль, что он — собственной персоной — находится сейчас здесь, в этом опасном времени.

Дрожа в своей пижаме, он выкарабкался из спального мешка. Несмотря на то что капли росы усыпали волосы и стекали по бедрам, Сторм не обращала на холод никакого внимания. «Да человек ли она?» — подумал Локридж. После всего происшедшего, при всем том, что им предстояло, — ни следа напряжения. Сверхчеловек. Он вспомнил, что она что-то говорила о генетическом контроле. Возможно, они — люди будущего — создали человека, который выше человека. Ей не нужно никого обманывать, чтобы создать культ Лабрис на Крите много веков назад. Достаточно ее самой...

Сторм присела на корточки и развернула один из свертков. Локридж воспользовался этой возможностью, чтобы переодеться за ее спиной.

— Нам понадобится современная одежда, — сказала она, обернувшись. — Та, что на нас, вызвала бы удивление. Возьми другой костюм.

Ему было обидно, что она им так командует, но он развязал сверток. Внутри оказался короткий грубоотканый плащ, окрашенный растительной краской в голубой цвет и с заголкой в

виде шипа. Главным предметом одежды была лыковая безрукавка — она надевалась через голову и перепоясывалась ремнем. На ногах завязывались сандалии, голову украшала повязка из птичьих перьев, расположенных зигзагом. Кроме того, на Локридже оказалось ожерелье из медвежьих когтей вперемешку с раковинами; был еще кинжал в форме листа — кремневый, но настолько искусно сработанный, что его можно было принять за стальной. Рукоятка была обернута кожей, ножны сделаны из бересты.

Сторм оглядела его, он — ее. Одежда женщины состояла из сандалий, головной повязки, ожерелья из необработанного янтаря, сумочки из лисы, свисающей через плечо, и коротенькой, украшенной перьями юбочки. Правда, Локридж почти не замечал этих деталей.

— Сойдет, — сказала Сторм. — В сущности, мы являемся анахронизмом. Мы одеты как зажиточные члены клана Тенил Оругарэй — Морского народа, аборигенов. Но у тебя короткие волосы, а мой расовый тип... Впрочем, это не важно. Мы выдадим себя за путешественников, которым пришлось купить одежду здесь, поскольку старая изнасилась. Так часто делают. Кроме того, здешний примитивный народ не слишком утруждает себя логическими умозаключениями.

Сторм указала на маленькую коробочку, которая тоже лежала в свертке:

— Открой.

Он взял вещицу. Сторм пришлось показать, где надавить, чтобы отскочила крышка. Внутри лежал прозрачный шарик.

— Вложи его в ухо, — сказала Сторм.

Она откинула назад локон, и он увидел у нее в ухе такой же. Ему вспомнилось устройство, которое он принял когда-то за слуховой аппарат; он вставил шарик в ухо. Это нисколько не повлияло на его слуховое восприятие, но на мгновение он ощутил странный холод, непонятная дрожь пробежала от мозга к позвоночнику.

— Ты меня понимаешь?

— Слушай, само собой... — Слова застряли у него в горле: они были произнесены не по-английски! И не на одном из известных ему языков.

Сторм рассмеялась:

— Береги свою диаглоссу! Она может оказаться куда полезнее.

Локридж заставил свой разум вернуться на путь наблюдения и рассуждения. Что она в действительности сейчас сказала?

Слово «пистолет» было произнесено по-английски; «диаггоса» никак не вписывалась в общую структуру, а это значит... Постепенно, пользуясь новым языком, ему предстояло обнаружить, что тому свойственна агглютинация, увидеть, как сложна его грамматика и сколько в нем оттенков значений, не знакомых цивилизованному человеку. Вода, например, могла обозначаться двадцатью словами — в зависимости от ситуации. С другой стороны, на этом языке невозможно было передать такие понятия, как «масса», «правительство», «монотеизм» — во всяком случае, без подробнейших объяснений. Лишь понемногу, на протяжении дней и недель предстояло ему заметить, насколько здесь отличаются от его собственных понятия «цель», «время», «я» и «смерть».

— Это — молекулярное кодирующее устройство, — сказала Сторм по-английски. — Оно хранит в памяти основные языки и обычаи данного времени и данного региона — в нашем случае Северной Европы, от того места, где когда-то будет Ирландия, до того, где будет Эстония, плюс еще несколько областей, где, может быть, придется оказаться, таких, например, как Иберия и Крит. Устройство извлекает энергию из тепла, выделяемого человеческим телом, которая затем смешивается с нервной энергией, производимой мозгом. В результате к естественному центру памяти добавляется еще один — искусственный.

— И все в этом крохотном шарике? — растерянно спросил Локридж.

Сторм пожала своими красивыми обнаженными плечами:

— Хромосомы куда меньше размером, но несут больше информации... Приготовь чего-нибудь поесть.

Локридж был только рад заняться повседневным делом приготовления пищи. Кроме того, он лег спать без ужина.

В свертках были упакованные в металлическую фольгу продукты. Локридж не разобрал, что это такое, но в разогретом виде они оказались на удивление вкусными. Еды было не очень много, но Сторм нетерпеливо приказала ему выбросить остатки.

— Мы будем жить за счет гостеприимства, — объяснила она. — Эта вот сковорода — такой великолепный подарок, что может обеспечить годичное содержание даже при дворе фараона.

Локридж с удивлением обнаружил, что улыбается.

— А если какой-нибудь археолог выкопает ее из кучи мусора четырехтысячелетней давности?

— Сочтут мистификацией, вот и все. Хотя вряд ли листовое железо сохранится так долго в этом влажном климате. Время неизменяемо. А теперь — тихо.

Пока Локридж разогревал пищу, Сторм в задумчивости ходила по лугу. Высокая трава, невнятно шепча, обнимала ее щиколотки; расцветшие одуванчики лежали у ее ног, словно монеты, рассыпанные перед победителем.

То ли в продуктах содержался возбудитель, то ли движение тому способствовало, но Локридж перестал чувствовать утреннюю скованность. Он разбросал костер и засыпал угли землей.

— Отлично, ты знаешь, как заботиться о земле, — сказала Сторм с улыбкой, и ему показалось, что он готов ради нее на все.

Она показала ему, как открывать и закрывать вход в коридор при помощи контрольной трубки, и спрятала устройство в дупле дерева. Туда же она сунула и одежду из двадцатого века, оставила только оружие. Потом они уложили свои рюкзаки, надели их и отправились в путь.

— Мы идем в Авильдаро, — сказала Сторм. — Сама я там никогда не бывала, но это порт, и если в этом году судно не появится там, то мы узнаем, где оно будет.

Благодаря устройству в своем ухе Локридж узнал, что «Авильдаро» — усеченный вариант еще более древнего названия, звучавшего как «Дом Матери Моря»; что Та, Которой посвящена была деревня, являлась в некотором роде воплощением охотницы, которая бродит в глубине леса; что здешний народ живет здесь с незапамятных времен: они были потомками охотников на оленей, пришедших сюда, когда ледники отступили из Дании, и оставшихся у воды, в то время как стада последовали за льдом в Швецию и Норвегию; что именно на этой территории несколько поколений назад они начали заниматься также и сельским хозяйством, хотя и не в таких масштабах, как иммигранты из глубины материка, от которых они научились этому искусству, — поскольку по-прежнему следовали за Той, у Которой Влажные Локоны, Которая поглотила землю там, где теперь плавают их лодки, и Которая точно так же глотает людей, зато дает сверкающую чешуей рыбу, устриц, тюленей, морских свиной тем, кто ей служит; что не так давно разъезжающие на колесницах ютоазы, не верящие в Нее, а приносящие жертвы богам мужского пола, нарушили долго сохранявшийся мир... Локридж прекратил поток призрачных, не принадлежавших ему воспоминаний: они заслоняли от

него настоящий, окружающий его мир и женщину, которая шла рядом...

Солнце стояло уже высоко, туман растаял, над головой раскинулось голубое небо с разбегающимися белыми облаками. На опушке древнего первозданного леса Сторм остановилась, определяя дальнейший путь. Под кронами дубов почти непроходимой стеной стоял подлесок; понадобилось какое-то время, чтобы отыскать тропинку, ведущую к северу, — узкая и неясная в игре световых бликов и зеленых теней, она извивалась между огромных стволов; чувствовалось, что по ней гораздо чаще ходят олени, чем люди.

— Будь осторожен, не повреди чего-нибудь, — предупредила Сторм. — Леса священны. Охотиться можно, только принеся Ей жертву; прежде чем срубить дерево, его нужно умило-стивить.

В лесу, однако, ничто не напоминало церковного благолепия. Жизнь была ключом. Шиповник и папоротник, грибы и куманика, мох и омелы заполняли все пространство под дубами, облепили каждый ствол. Муравейники доходили до пояса, бабочки наполняли воздух шафраном; голубыми стрелами носились стрекозы; белки скакали по ветвям, словно языки пламени; вили гнезда птицы сотни различных видов. Песни, щебет, хлопанье крыльев разносились под лиственными сводами. В глубине леса токовал тетерев, хрюкал дикий кабан, тяжело ступали зубры. Локридж чувствовал, как его сознание расширяется, сливаясь с окружающей природой, пока наконец оно не стало с нею одним целым, упивающимся солнцем, ветром, и запахом цветов. «О да, — думал он, — я достаточно путешествовал и знаю, что жизнь на природе может оказаться порой весьма нелегкой. Но трудности здесь настоящие — голод, холод, сырость, болезни; это не академические сражения, не нахальные сборщики налогов; стало быть, и вознаграждение настоящее можно получить только здесь. Если Сторм охраняет все это, то я, безусловно, с нею».

Весь следующий час она молчала, и он тоже не испытывал потребности говорить: это отвлекло бы его внимание от нее. Она шла рядом, ступая с грацией пантеры, свет отливал синеватым в ее волосах, играл в глазах малахитовыми бликами, солнечные лучи золотили ее смуглую кожу и терялись в тени между грудей. В памяти Локриджа промелькнул миф об Актеоне, который увидел Диану обнаженной и был превращен в оленя, после чего его разорвали собственные собаки. «Что ж, —

подумал он, — я избежал этой участи, по крайней мере физически, но не стоит слишком испытывать судьбу».

Полоса леса, через которую они пробирались, оказалась не слишком широкой, — они вышли из чащи еще до полудня. На север и на запад, до самого мерцающего горизонта, перед ними теперь расстилалась плоская равнина. По траве пробегал ветерок, шелестели разбросанные там и тут рощицы, переливались на солнце облака. Тропа, огибавшая болото, расширилась, под ногами захлюпала грязь.

Здесь Сторм внезапно остановилась. Камыши шумели вокруг озера, покрытого слоем листьев лилии, по которым прыгали лягушки, спасаясь от аиста. Большая белая птица не обратила на людей никакого внимания; новая «память» подсказала Локриджу, что аисты находятся под защитой; они — табу, поскольку приносят удачу и возрождение. К берегу древние люди подтащили валун необычной формы — он служил алтарем. Каждый год вождь племени бросал с него в воду лучшее оружие, изготовленное в Авильдаро, как подарок для Владычицы Топора. Сегодня на камне лежал лишь одинокий венок из бархатцев — скромный дар какой-нибудь девушки.

Внимание Сторм привлекло нечто другое. Мышцы ее живота напряглись, ладонь легла на рукоятку пистолета. Локридж наклонился вместе с нею. На сырой земле отпечатались следы каких-то колес и неподкованных копыт. Кто-то дня два тому назад проезжал здесь и...

— Значит, они добрались уже и сюда, — пробормотала Сторм.

— Кто?

— Ютоазы.

Она произнесла это название со специфическим акцентом. Локридж еще только учился технике пользования диаглоссой и понял лишь, что так называли себя местные племена культуры Боевого Топора. И топор этих поклоняющихся Солнцу пришельцев был предназначен не для рубки деревьев — это был томагавк.

Сторм выпрямилась, почесала задумчиво подбородок и нахмурилась.

— Имеющаяся информация слишком скудна, — пожаловалась она. — Никто не считал эту станцию достаточно важной, чтобы проверить все тщательно. Нам не известно, что должно произойти здесь в этом году. Тем не менее, — продолжала она в раздумье, — разведкой точно установлено, что никакого широкого применения энергетических устройств в этой местности не было в течение всего тысячелетия. Это одна из причин,

почему я предпочла отправиться так далеко в прошлое, вместо того чтобы выйти из коридора в более позднее время, где Хранители тоже действуют. Я знаю, что Патруль здесь не появится. Поэтому я решила оставить этот коридор в первый год этих ворот; они будут функционировать в течение четверти века. И еще есть данные — отчет группы наблюдателей из Ирландии, где входы на сто лет не совпадают с датскими. Век спустя Авильдаро по-прежнему существует, его положение даже укрепилось. — Сторм поправила рюкзак и зашагала вперед. — Так что бояться особо нечего. В худшем случае мы можем оказаться замешанными в стычке двух племен каменного века.

Локридж догнал ее и пошел рядом. Мили две они шли среди колышущейся травы, мимо одиноких рощиц. Не считая редких деревьев-великанов, сохранившихся благодаря тому, что считались священными, прежние лесочки состояли не из дубов, а из ясеней, вязов, сосен и особенно берез — этих очередных захватчиков, начавших завоевание Ютландии.

Тропинка обогнула группу деревьев, и неподалеку Локридж увидел стадо коров. Их пасли двое мальчишек лет десяти — обнаженные, загорелые, с копнами выгоревших волос. Один из них играл на костяной флейте, другой болтал ногами, сидя на ветке. Однако стоило им заметить путешественников, как раздались крики. Первый мальчик бросился прочь по тропинке, второй взлетел на дерево и исчез в листве.

— Да, — кивнула Сторм, — у них есть основания опасаться. Прежде было не так.

Псевдопамять Локриджа хранила воспоминания о том, какой была жизнь племени Тенил Оругарэй: мир, гостеприимство, краткие периоды тяжелой работы, разделенные долгими спокойными промежутками, когда люди занимались изготовлением изделий из янтаря, музыкой, танцами, любовью, охотой, просто бездельничали. Между рыбацкими поселениями, разбросанными вдоль берега, существовало лишь самое дружеское соперничество, тем более что все жители состояли между собой в сложных родственных отношениях; торговые связи поддерживались только с земледельцами, ведущими хозяйство внутри страны. Нет, эти люди не были слабыми. Они охотились на зубров, медведей и кабанов, заостренными копьями распахивали целину, перетаскивали на огромные расстояния каменные глыбы, чтобы строить свои дольмены и более современные усыпальницы еще большего размера. Они выжили в зимы, когда шторма осыпали их дождем и снегом и

катили на них воды самого моря; в лодках, обтянутых шкурами, они преследовали тюленей и морских свиней за пределами залива, еще не отрезанного в эту эпоху от моря; часто пересекали Северное море и вели торговлю с Англией или Фландрией. Однако ничего похожего на войну эти люди не знали — даже убийство было чрезвычайной редкостью, — пока не появились воины на колесницах.

— Сорм, — медленно произнес Локридж, — ты основала культ Богини, чтобы вложить в голову людей идею мира?

— Богиня триедина: Дева, Мать и Царица Смерти. — Ее ноздри раздулись, голос звучал почти презрительно; Локридж был так потрясен, что с трудом расслышал остальное. — Жизнь имеет свою темную сторону. Как по-твоему, все эти клубы, где пьют слабый чай и занимаются общественной работой, которые вы называете протестантскими церквями, переживут то, что ожидает ваш век? В танце быка на Крите умершие считаются жертвоприношениями высшим силам. Мегалитические каменщики Дании — не здесь, где верования выросли в еще более древнюю культуру, а в других местах, — каждый год убивают и съедают человека. — Она заметила его потрясение, улыбнулась и похлопала его по руке: — Не принимай это так близко к сердцу, Малькольм. Я была вынуждена пользоваться тем человеческим материалом, который был. А война за абстракции, вроде власти, грабежа, славы, Ей действительно чужда.

Он не мог возражать, когда она так разговаривала с ним, мог только соглашаться. И за следующие полчаса он не произнес ни слова.

К тому времени они оказались среди полей. Окруженные изгородами из колючего кустарника, из темной земли только что начали пробиваться бледно-зеленые ростки пшеницы, ячменя, двузернянки. Засеяно было лишь два десятка акров — на общинных началах; так же содержались овцы, козы и свиньи (но не волы); женщин, обычно занятых прополкой, не было видно. Кроме этого поля в обе стороны расстилались ничем не огражденные пастбища. Впереди блестела гладкая поверхность Лимфьорда. Деревня была скрыта перелеском, но из-за деревьев поднимался дымок.

Оттуда выбежало несколько мужчин. Рослые и светловолосые, они были одеты так же, как и Локридж; волосы у них были заплетены, бороды коротко пострижены. Некоторые держали ярко раскрашенные плетеные щиты. Оружие их состояло из копий с кремневыми наконечниками, луков, кинжалов и пращей.

Сторм остановилась и подняла вверх ладони. Локридж сделал то же самое. Увидев этот жест и рассмотрев одежду пришельцев, деревенские заметно успокоились. Тем не менее по мере приближения путников ими овладевала нерешительность; они двигались все медленнее, шаркая ногами и опустив глаза, и наконец остановились.

«Они не уверены, кто она и что собой представляет, — подумал Локридж, — но вокруг нее всегда есть это нечто».

— Клянусь всеми Ее именами, — сказала Сторм, — мы пришли как друзья.

Предводитель набрался смелости и подошел. Это был коренастый седой человек; обветренное лицо и сеть морщинок у глаз свидетельствовали о жизни, проведенной на море. На шее у него висело ожерелье, включающее пару моржовых клыков, на широком запястье блестел браслет из выменнанной меди.

— В таком случае, — прогремел его голос, — клянусь всеми Ее именами и моим — именем Эхегона, чья мать была Улару и который возглавляет совет, — мы рады вас видеть.

Этого было достаточно, чтобы Локридж, пользуясь своей новой, вложенной в мозг памятью, попробовал произвести профессиональный анализ того, что было сказано. Имена были подлинными — они не держались в тайне из страха перед колдовством — и своим источником имели интерпретацию Мудрой Женщины Авильдаро снов, которые видели молодые люди во время обрядов инициации. «Мы рады вас видеть» означало нечто большее, чем простую формулу вежливости: личность гостя считалась священной, он мог просить чего угодно, кроме участия в особых клановых ритуалах. Разумеется, гость держался в рамках приличия хотя бы потому, что, вполне возможно, ему предстояло быть гостем снова.

Вместе с жителями деревни путешественники направились к берегу. Краем уха Локридж прислушивался к объяснениям Сторм. По ее словам она и ее спутник прибыли с юга (далекого экзотического юга, откуда появлялись все чудеса, но о котором более проникательные люди были удивительно хорошо осведомлены), отстали от своих товарищей и хотели бы побыть в Авильдаро, пока не подвернется возможность вернуться домой. Сторм намекнула, что, устроившись, они будут рады сделать богатые подарки.

Рыбаки совершенно успокоились. Если это Богиня и ее слуга, путешествующие инкогнито, то, во всяком случае, они предпочитают вести себя как обычные люди. А их рассказы

могут оживить не один вечер; жители окрестных селений будут приходить за много миль, чтобы послушать, посмотреть и рассказать у себя о том, какое высокое положение занимает Авильдаро; их присутствие, возможно, заставит ютоазов, чьих разведчиков недавно видели, держаться подальше. Вся компания вошла в деревню, громко и весело разговаривая.

Глава 6

— Ты правда хочешь посмотреть птичьи болота? — спросила Аури, чье имя означало «Перо Цветка». — Я могу показать тебе.

Локридж почесал подбородок, где щетина превратилась уже в короткую бороду, и взглянул на Эхегона. Он ожидал чего угодно — от возмущенного отказа до снисходительной усмешки. Вместо этого вождь прямо-таки ухватился за такую возможность — его страстное желание отправить дочь на прогулку с гостем вызвало чуть ли не жалость. В чем тут было дело, Локридж не знал.

Сторм отказалась принять участие в путешествии — к явному облегчению Аури. Девушка весьма и весьма побаивалась этой темноволосой женщины, державшейся особняком и проводившей столько времени в лесу в полном одиночестве. Сторм призналась Локриджу, что это нужно, помимо всего прочего, для утверждения в глазах племени ее маны; но создалось впечатление, что она держится в стороне и от него тоже: за те полторы недели, что они провели у Авильдаро, он не слишком часто ее видел. Хотя он был настолько увлечен окружающим, что настоящей обиды не чувствовал, все же его поведение нет-нет да напоминало ему, какая пропасть лежит между ними...

Солнце клонилось к горизонту. Локридж взмахнул веслом и направил челнок в сторону дома.

Они плыли на небольшой рыбацкой лодке из ивняка, обтянутого кожей, какие выходили за пределы Лимфьорда. Он уже успел побывать на охоте на тюленей в одной из этих лодок — опасное, кровавое занятие; команда гикала и пела, валяя дурака среди огромных серых волн. Гарпуном с костяным наконечником он действовал достаточно неуклюже и завоевал уважение лишь тогда, когда был поднят войлочный парус: управление не составляло трудности для человека, привыкшего к косому парусу и куда более сложной оснастке гоночной яхты двадцатого века. Лодка, в которой он был сегодня, представляла собой просто выдолбленный из ствола челнок с плетеным

фальшбортом, — он требовал ненамного больше внимания, чем зеленая ветка, привязанная к носу, чтобы умиловить богов воды.

Позади осталось болото — неподвижное и заросшее тростником, где обитали утки, гуси, лебеди, аисты, цапли. Локридж вел лодку параллельно южному берегу бухты, зеленый склон которой золотился в лучах заходящего солнца. Слева до самого горизонта мерцающим светом отливала водная гладь, тревожимая лишь одинокими кружащимися чайками да редким всплеском выпрыгнувшей из воды рыбы. Такая тишина была в воздухе, что эти далекие звуки доносились почти так же отчетливо, как плеск поднимающегося и опускающегося весла. Пахло землей и солью, лесом и водорослями.

Безоблачно-синий свод неба, постепенно темнеющий с приближением заката, раскинулся над головой сидевшей на носу Аури.

«Да, — подумал Локридж, — прекрасный день, но я рад избавиться от этих москитов! Ей они несколько не мешают... что же, надо полагать, что они так часто кусают местных жителей, что у тех выработался иммунитет».

Зуд, однако, был не так уж силен — равно как и тоска по недоступной сигарете. Неприятные ощущения компенсировались чувством жизни, которую он дает неподвижной воде взмахами своего весла, и возрождающейся упругости мышц. И, конечно, присутствием красивой девушки.

— Тебе доставил удовольствие этот день? — спросила она застенчиво.

— О да, — ответил он. — Большое спасибо, что ты взяла меня с собой.

На ее лице отразилось крайнее удивление. Локридж вспомнил, что люди Тенил Оругарэй, подобно индейцам племени навахо, благодарили лишь за самые большие услуги; обычная же повседневная помощь воспринималась как нечто само собой разумеющееся. С помощью диаглоссы он бегло говорил на их языке, но не мог избавиться от укоренившихся привычек.

Краска залила ее лицо, шею и обнаженную грудь.

— Это я должна тебя благодарить, — прошептала она, опустив глаза.

Он оценивающе посмотрел на нее. Здесь не вели счет дням рождения, но Аури была такой тоненькой, в ее движениях было столько подкупающей игривости, что он думал — ей около пятнадцати. «В таком случае, — удивлялся он, — почему она до сих пор невинна? Другие девушки, замужние или нет, в еще

более раннем возрасте наслаждались свободой самоанского типа».

Разумеется, ему и в голову не приходило ставить под угрозу свое положение здесь, связавшись с единственной оставшейся в живых дочкой хозяина дома, где он жил. Еще важнее была честь — и, конечно, стеснительность. Он уже отверг несколько предложений, исходявших от слишком, по его мнению, молодых: у них было достаточно старших сестер. Невинность Аури показалась ему нежным ветерком, прилетевшим с кустов боярышника, цветущего позади ее дома.

Надо признать, он испытывал некоторое искушение. Аури была очень хорошенькой: огромные голубые глаза, усыпанный веснушками курносый нос, мягкая линия рта, распущенные девичьи волосы, льняными волнами ниспадающие на плечи из-под венка первоцвета. И она столько времени проводила в деревне рядом с ним, что было прямо неловко. Но тем не менее...

— Тебе не за что благодарить меня, Аури, — сказал Локридж. — Ты и твои близкие ко мне добры больше, чем я того заслуживаю.

— О нет, есть за что, и много за что! — пылко возразила она. — Ты даешь мне счастье.

— Как это? Я ничего не сделал.

Она переплела пальцы и вновь опустила глаза. Объяснение было для нее таким трудным, что он пожалел, что задал вопрос, но не мог придумать, как ее остановить.

История была простая. У Тенил Оругарэй девственница считалась священной, неприкосновенной. Но когда она сама чувствовала, что время ее пришло, она называла мужчину, который должен был посвятить ее в женщины на празднике весеннего сева, — чувственный и жуткий обряд. Избранник Аури утонул в море за несколько дней до этого события. Ясно было, что Силы разгневаны, и Мудрая Женщина приняла решение, согласно которому Аури не только должна была пройти очищение, но и оставаться в одиночестве, пока проклятие не будет каким-то образом снято. Это произошло больше года назад.

Это было серьезной проблемой для ее отца (или, во всяком случае, главы семьи: об отцовстве у Тенил Оругарэй можно было только гадать), а также, поскольку он был вождем, и для всего племени. Хотя в совете могли заседать лишь женщины, имеющие внуков, по существу оба пола пользовались одинаковыми правами. Если Аури умрет бездетной, что станется с

наследством? Что касается ее самой, то нельзя сказать, что ее открыто сторонились, но в течение целого горького года она почти совсем не принимала участия в общих делах.

Когда появились приезжие, принеся с собой невиданные чудесные вещи, некоторые из которых они преподнесли в качестве подарков, это сочли знамением. Мудрая Женщина разложила буковые щепки в полумраке своей хижины и подтвердила, что это действительно так. Великие и непознанные силы вселились в Сторм и ее (Ее?) слугу Малькольма. Оказав честь дому Эхегона, они изгнали зло. Сегодня, когда Малькольм не побрезговал отправиться в эти вечно коварные воды вместе с Аури...

— Ты не можешь остаться? — с мольбой обратилась она к нему. — Если бы ты оказал мне честь будущей весной, я была бы... больше чем женщиной. Проклятие обернулось бы для меня благословением.

Щеки его горели.

— Мне очень жаль, — ответил он как можно мягче. — Но мы не можем ждать, нам нужно отплыть с первым же судном.

Она опустила голову, закусив губу белыми зубками.

— Но я непременно прослежу, чтобы запрет был снят, — пообещал он. — Завтра я побеседую с Мудрой Женщиной. С нею вместе, я уверен, мы найдем выход.

Аури смахнула слезу и неуверенно улыбнулась ему:

— Спасибо. Все-таки мне бы очень хотелось, чтобы ты остался — или вернулся весной. Но если ты возвращаешь мне жизнь... — Она с трудом сдержала рыдания. — Нет слов, чтобы поблагодарить тебя за это.

Как просто стать богом.

Стараясь успокоить ее, он перевел разговор на хорошо знакомые ей предметы. Она так удивилась, что его интересует гончарное дело — оно считалось женским ремеслом, — что совершенно забыла о своих бедах, тем более что считалась искусной в выделке красивой посуды, восхищавшей Локриджа. Это заставило ее вспомнить сбор янтаря.

— Когда после бури, — Аури прерывисто дышала, глаза ее горели, — мы всем народом выходим на дюны собирать то, что море выбрасывает на берег... О, это веселое время! А рыба, а устрицы, которых мы жарим! Почему бы тебе не вызвать бурю, пока ты здесь, а, Малькольм? Ты бы тоже повеселился. Я покажу тебе место, где чайки едят прямо из рук, мы будем плавать в бурунах, искать обломки и... и все остальное!

— Боюсь, что погода не в моей власти, — сказал Локридж. — Я всего лишь человек, Аури. Да, я владею кое-какими силами, но не слишком большими.

— Я думаю, ты можешь все.

— М-м-м... этот янтарь... Вы ведь собираете его в основном на продажу, да?

Она кивнула:

— Он нужен жителям внутренних районов, и народу, что живет за западным морем, и корабельщикам с юга.

— А кремневыми изделиями вы тоже торгуете?

Ответ ему был известен: он провел не один час, наблюдая за работой мастера. Осколки сыпались с его каменной наковальни на кожаный передник; искры, запах серы и густой звон ударов, — и вот под узловатыми старческими руками создается прекрасная форма... Локридж, однако, хотел поддержать легкую беседу. Так приятно было слышать смех Аури.

— Да, инструменты мы тоже продаем, но только во внутренние районы, — ответила она. — А если судно придет не в Авильдаро, а в другое место, можно мне будет поехать с тобой посмотреть?

— Ну... конечно. Если никто не будет против.

— Я бы хотела поехать с тобой на юг, — сказала она задумчиво.

Он представил ее на Критском невольничьем рынке, или — недоумевающую, растерянную — в его собственном мире машин и вздохнул:

— Этого никак нельзя. Хотя мне очень жаль.

— Я знала.

Голос ее был спокоен, в нем не было и следа жалости к самой себе. В неолите человек привычно принимал неизбежное. Даже долгая изоляция Аури под сенью обрушившегося на нее гнева богов не лишила ее способности радоваться.

Локридж посмотрел на девушку. Аури сидела, гибкая и загорелая, опустив руку в пенящуюся воду. Какая судьба ее ждет? История забудет клан Тенил Оругарэй; от него останутся разве что несколько реликтов, извлеченных из болота; за долго до того она обратится в прах; а когда не станет ее внуков — если она проживет достаточно долго, чтобы их иметь, в этом мире диких зверей и не менее диких людей, бурь, наводнений, неизлечимых болезней и неумолимых богов, — навсегда угаснет последняя память о ее нежности.

Он увидел перед собой оставшиеся несколько лет ее юности, когда она сможет обогнать оленя и провести целую

летнюю ночь в поцелуях; детей, следующих нескончаемым потоком: так много их умирало, что каждая женщина должна была рожать их как можно чаще, чтобы не вымерло само племя; он увидел ее в зрелые годы, почитаемой в качестве хозяйки дома вождя, видящей, как вырастают ее сыновья и дочери, а ее собственные силы угасают; наконец, в возрасте, когда она отдает совету накопленную мудрость, а ее мир сужается из-за слепоты, глухоты, выпадения зубов, ревматизма, артрита, и единственное время, остающееся ей, — в полузабытом прошлом; наконец, последний образ — съжившаяся и чужая, отправляется она в последний путь через отверстие в крыше усыпальницы, означающее новое рождение; в течение нескольких лет — жертвоприношения перед гробницей и невольная дрожь по ночам, когда снаружи скулит ветер: ведь, может быть, это ее дух вернулся; и — темнота.

Он увидел ее через тысячи лет, четырьмя тысячами миль западнее: вот она склонилась за тесной школьной партой; затянувшееся отрочество, скука и бессмысленность, возбуждение и разочарование; замужество или несколько замужеств — жизнь с человеком, чье дело — продавать то, что никому не нужно, чего никто не желает, жизнь с закладными и жестким ежедневным расписанием; принесение в жертву всего своего существования, кроме двух недель в году, ради покупки всяких дурацких устройств и выплаты налогов; дым, пыль и отравляющие вещества, которыми приходится дышать; вот она сидит в машине, за карточным столом, в косметическом кабинете, перед экраном телевизора, — ей нет еще двадцати, но тело уже утратило гибкость, во рту гнилые зубы; жизнь в стране — оплоте свободы, среди самой могучей нации из существовавших на земле, пока она пыталась освободиться из-под власти тигранов и варваров; жизнь под страхом рака, инфаркта, психических заболеваний и заключительного ядерного пожара...

Локридж отогнал видение. Он знал, что несправедлив к своей эпохе, — да и к этой тоже. В некоторых местах жизнь была тяжелее физически, в других — в духовном плане; и там и тут она иногда погибала. В лучшем случае боги даровали лишь самую толику счастья, все остальное было просто существованием. В целом Локридж не думал, что они были к здешним людям менее благосклонны, чем к нему. И именно здесь было место Аури.

— Ты много думаешь, — сказала она робко.

Он вздрогнул и забыл сделать гребок. Весло повисло над водой. Блестя в горизонтальных лучах заходящего солнца, с него стекали прозрачные капли.

— Да нет, — отозвался он. — Просто мысли блуждают.

Опять он не так выразился. Дух, блуждающий в мыслях или во сне, может посещать удивительные, таинственные сферы. Аури посмотрела на него с благоговением.

Прошло несколько минут. Тишина нарушалась только скрипом разрезающего воду челнока да далеким криком возвращающихся гусей.

— Можно, я буду звать тебя Рысью? — вдруг тихо спросила Аури.

Локридж заморгал в недоумении.

— Я не понимаю твоего имени — Малькольм, — объяснила она. — Значит, это сильная магия, слишком сильная для меня. Но ты похож на большую золотую рысь.

— Ну что ж... — Это выглядело очень по-детски, но он был тронут. — Если хочешь. А вот для тебя, мне кажется, ничего лучше, чем Перо Цветка, не придумаешь.

Аури покраснела. Они замолчали и поплыли дальше в тишине.

Постепенно Локридж начал сознавать, что тишина окружает их слишком уж долго. Обычно так близко от деревни слышалось множество разных звуков: крики играющих детей, приветственные возгласы приближающихся к берегу рыбаков, пересуды домохозяек; иногда — победная песня охотников, подстреливших лося. Но они уже повернули направо, Локридж греб между сужающихся берегов бухточки, но не слышалось ни одного человеческого голоса. Он взглянул на Аури: возможно, она знает, в чем дело? Она сидела, подперев рукой подбородок, и смотрела на него, ничего вокруг не замечая. У Локриджа не хватило духу заговорить; вместо этого он поплыл вперед — быстро, как только мог.

Показалась Авильдаро — крытые дерном мазанки на фоне древней рощи, сгрудившиеся вокруг Длинного Дома — роскошного по сравнению с хижинами, строения из дерева, кирпича и торфа, предназначенного для церемоний. Рыбачьи лодки были вытащены на берег, там же сохли растянутые на кольях сети. В стороне, в нескольких сотнях ярдов, располагалась помойка. Люди Тенил Оругарэй уже не жили, в отличие от своих предков, прямо у подножия этой горы раковин, костей и прочих отбросов, но они сносили туда требуху, которой кормились полуприрученные свиньи, поэтому над площадкой роились тучи мух.

Аури вышла из оцепенения и нахмурилась.

— Никого нет! — воскликнула она.

— Кто-то должен быть в Длинном Доме, — предположил Локридж. Из отдушины в крыше вился дымок. — Надо посмотреть. — Он был рад, что на боку у него висит «уэбли».

С помощью девушки он вытащил челнок на берег и привязал его. Держась за руки, они вошли в деревню. Вечерние тени заполнили проходы между хижинами; внезапно потянуло холодом.

— Что это значит? — В голосе Аури звучала мольба.

— Если и ты не знаешь... — Он ускорил шаг.

Из зала собраний явственно слышались голоса. Двое юношей стояли на страже у входа.

— Они здесь! — крикнул один из них; копья опустились перед Локриджем.

Вместе с Аури он прошел через завешенную шкурами дверь. Некоторое время понадобилось, чтобы глаза привыкли к темноте. Окон в помещении не было. Дым щипал глаза — огонь в центральном очаге считался священным, ему никогда не давали погаснуть. (Подобно большинству примитивных традиций, это имело и практический смысл: разжигание огня было до изобретения спичек непростым делом, а здесь любой мог, если понадобится, запалить головню.) Его разжигали, вороша угли, пока не начинали плясать, треща, языки пламени, отбрасывающие беспокойные отсветы на закопченные стены и столбы, украшенные грубо вытесанными магическими символами. Внутри Длинного Дома столпились все жители деревни — около четырехсот мужчин, женщин и детей сидели на корточках на земляном полу, невнятно слышались их голоса.

Эхегон и его главные советники стояли у огня вместе со Сторм. Увидев ее высокую, величественную фигуру, Локридж забыл об Аури и подошел к ней.

— Что случилось? — спросил он.

— Ютоазы идут, — ответила Сторм.

В течение минуты он вбирал связанную с этим названием информацию, которую смогла предоставить ему диаглосса. Племена Боевого Топора образовывали вытянутый к северу край той огромной волны — скорее культурной, нежели расовой, — которая распространялась от Южной Руси в течение последних одного-двух столетий. Они продвигались вперед, повсюду сокрушая цивилизации: Индия, Крит, хетты, Греция — никто не устоял перед этими воинами, и их язык, религия, образ жизни изменили облик всей Европы. Но в Скандинавии с ее редким населением до сих пор удавалось избежать крупных столкновений между местными охотниками, рыбаками и

земледельцами, с одной стороны, и пришельцами-кочевниками, разезжающими на колесницах, — с другой.

Тем не менее до Авильдаро доходили слухи о кровавых столкновениях на востоке.

Эхегон на секунду прижал Аури к своей груди.

— Я не особенно боялся за тебя, поскольку ты под защитой Малькольма, — сказал он, — но я благодарю Ее за то, что вы вернулись. — Он повернулся к Локриджу, бородатым, с резкими чертами лицом. — Сегодня, — продолжал он, — люди, которые охотились в южной стороне, вернулись домой с известием, что ютоазы движутся на нас и завтра будут здесь. Это чисто военный отряд, только вооруженные воины, а Авильдаро — первая деревня на их пути. Чем оскорбили мы их богов?

Локридж взглянул на Сорм.

— Что ж, — сказал он по-английски, — мне, честно говоря, очень не хотелось бы применять наше оружие против этих бедолаг, но если придется...

— Нет. — Она покачала головой. — Выброс энергии могут засечь. Или, во всяком случае, агенты Патруля могут прослышать об этом и у них возникнут подозрения. Нам лучше всего укрыться в другом месте.

— Что? Но ведь...

— Не забывай, — сказала Сорм, — что время неизменяемо. Раз это селение существует через сто лет, значит, вполне вероятно, что местные жители завтра отобьют нападение.

Он не мог оторваться от ее взгляда; однако Аури тоже смотрела на него, и Эхегон, и рыбаки, с которыми он вместе ходил в море, и подружки, и кузнец, делавший кремневое оружие, — все они не сводили с него глаз. Локридж решительно расправил плечи.

— А может, и нет, — возразил он. — Может, они в будущем — просто прислужники победителей или станут ими, если мы им не поможем. Я остаюсь.

— Ты смеешь... — Сорм осеклась. Несколько мгновений она стояла — неподвижная и напряженная. Потом улыбнулась, протянула руку и потрепала его по щеке. — Я должна была знать, — сказала она. — Хорошо. Я тоже остаюсь.

Глава 7

Они шли на запад по лугам, оставляя слева дубовый лес; жители Авильдаро вышли им навстречу. В общей сложности их было человек сто — десяток колесниц, остальные двигались

пешком, — не больше, чем защитников деревни. Локридж смотрел на войско противника, шурясь от блеска полуденного солнца, и с трудом мог поверить, что перед ним те самые внушающие ужас воины Боевого Топора.

По мере их приближения он сосредоточил внимание на одном из них, казавшемся типичным. Своим телосложением воин не слишком отличался от людей Тенил Орутарэй — разве что был несколько меньше ростом и более коренастым; волосы его были заплетены в косу, борода раздвоена; лицо с резкими чертами и крючковатым носом — скорее центрально-европейского, чем славянского типа. На нем была короткая куртка и кожаная юбка до колен с выжженным символом клана; он держал круглый щит из буйволово́й кожи с изображенной на нем свастикой; оружием ему служил кремневый кинжал и красиво отделанный каменный топор. Губы его были плотно раздвинуты в нетерпеливой усмешке.

Колесница, которую он сопровождал, представляла собой легкую двухколесную повозку из дерева и прутьев, запряженную четырьмя косматыми лошадами. Правил ими юноша, невооруженный и в одной лишь набедренной повязке. Позади него стоял его хозяин — видимо вождь — ростом выше многих, он размахивал топором, длинным и тяжелым, словно алебарда; рядом с ним были укреплены два готовых к бою копья. На вожде были шлем, латы и наколенники из армированной кожи; на поясе висел короткий бронзовый меч, за плечами развивался выцветший плащ из выделанного на юге полотна; под косматой бородой сверкало массивное ожерелье.

Таковы были ютоазы.

Завидев неровный строй жителей рыбацкой деревни, они замедлили движение. Затем вождь на передней колеснице протрубил в бычий рог, отряд разразился боевым кличем, похожим на волчий вой, и кони перешли в галоп. Подскакивая и раскачиваясь, мчались за лошадьми повозки, вприпрыжку неслись пешие воины, гремели топоры, ударяя по туго, как на барабане, натянутой коже щитов.

Эхегон с мольбой посмотрел на Сторм и Локриджа:

— Пора?

— Еще немного. Пусть подкатятся поближе. — Сторм вглядывалась, прикрыв глаза от солнца ладонью. — Что-то тут не так — вон тот, в задних рядах... из-за спины не вижу...

Локридж ощущал, как растет позади него напряжение: шумное дыхание и шепот, шарканье переступающих ног, острый запах пота. Люди, вышедшие защищать свои жилища, не были

трусами. Однако враг был специально оснащен и обучен для сражений; даже ему, человеку из двадцатого века, знакомому с танками, атака колесниц казалась все ужаснее по мере того, как они вырастали перед глазами.

Он поднял ружье и прижался щекой к прохладному и твердому ложу. Сторм неохотно разрешила использовать сегодня оружие из времени Локриджа. И, возможно, знание того, что им предстояло увидеть стреляющие молнии — пусть даже на их стороне, — подвергало мужество людей Тенил Оругарэй еще большему испытанию.

— Лучше позволь мне начать стрелять, — сказал Локридж по-английски.

— Подожди! — Голос Сторм прозвучал так резко, перекрыв окружающий гвалт, что он обернулся к ней. Ее кошачьи глаза сузились, обнажились зубы; ее рука лежала на энергопистолете, которым, по ее словам, она не собиралась пользоваться. — Я должна сперва увидеть того человека.

Воин на колеснице поднял и вновь опустил топор.

Лучники и пращники в задних рядах ютоазов остановились; оружие показалось в их руках; камни и стрелы с кремневыми наконечниками со свистом полетели в сторону прибрежных жителей.

— Давай! — заревел Эхегон. В этом не было нужды: одновременно с возмущенным рычанием с передней линии его войска залпом полетели стрелы.

На таком расстоянии они не причинили врагу никакого вреда. Локридж видел, как две-три стрелы ударились о щиты, остальные вообще не долетели до цели. Но ютоазы мчались во весь опор — до столкновения оставалось, вероятно, не больше минуты. Уже можно было различить раздувающиеся ноздри и белки глаз передних лошадей; Локридж хорошо видел развевающиеся гривы, вспыхивающие на солнце кнуты, безбородого кучера и дикую усмешку, раздвинувшую торчащую позади него бороду вождя; сверкал поднятый топор с блестящим, словно металл, каменным острием.

— К черту все! — закричал он. — Я хочу, чтобы они знали, от чьей руки погибли!

Он взял вождя на прицел и спустил курок. Сильная отдача несколько охладила его пыл. Звук выстрела потерялся в криках, топоте копыт, скрипе осей и грохоте колес. Однако воин, служивший мишенью, широко раскинул руки и упал на землю. Его «алебарда», описав дугу, последовала за ним. Трава скрыла ютоаза вместе с его оружием.

Юноша-возница осадил лошадей — видно было, что он до смерти напуган. Локридж сразу сообразил, что нет необходимости убивать людей, повернулся и занялся следующей упряжкой. Бах! Бах! Достаточно по одной лошади из упряжки, чтобы вывести повозку из строя. Камень со звоном отскочил от дула ружья. Но вторая колесница перевернулась — упряжь спуталась, гребень сломался, разбилось колесо. Оставшиеся в живых лошади пятились и испуганно ржали.

Локридж заметил, что ряды нападавших дрогнули. Остановить еще пару боевых колесниц, и завоеватели разбегутся. Он шагнул вперед, чтобы иметь хороший обзор, — волнение заставило его забыть о стрелах. Солнечные блики играли на металлическом стволе ружья.

И тут в него ударило само солнце.

В мозгу Локриджа прогремел взрыв. Слепленный, разбитый вдребезги, он погрузился в ночь.

Сознание возвращалось с потоком страдания. Перед глазами его все еще плясали пятна света. Сквозь крики, ржание, грохот и гул он услышал громкий клич:

— Вперед, ютоазы! Вперед с Небесным Отцом!

Призыв прозвучал на языке, известном диаглоссе, но не на том, на котором говорили люди Тенил Оругарэй.

Локридж неуклюже поднялся на четвереньки. Первое, что он увидел, было его, наполовину расплавившееся ружье, валявшееся на земле. Видимо, на это разрушительное действие ушла большая часть лучевой энергии: патроны в обойме не взорвались, сам он отделался сильными ожогами лица и груди. Но внутри все горело, трудно было думать.

Рядом лежал мертвый. Его лицо было месивом обгорелых костей и мяса, но по медному браслету на руке можно было узнать Эхегона.

Сторм стояла поблизости, достав собственное оружие, чтобы соорудить энергозащиту. Вокруг нее всеми цветами радуги переливались короткие вспышки пламени. Вражеский луч пробежал мимо и скосил троих молодых людей, вместе с которыми Локридж не так давно охотился на тюленей.

Страшен был рев ютоазов, когда они налетели сокрушительной волной и смяли защитников деревни. Локридж увидел, как один из сыновей Эхегона — нельзя было не узнать эти черты лица, это упорство — выставил и упер в землю копье, будто на него неслись не лошади, а дикий кабан. Колесница с грохотом пронеслась мимо. Стоявший на ней воин с поразительной ловкостью взмахнул топором. Брызнул мозг — сын

Эхегона упал рядом со своим отцом. Ютоаз торжествующе зауhal, нанес удар топором по другую сторону повозки — кому, Локридж не видел, — метнул копьe в одного из лучников и умчался.

Охваченные паникой, жители деревни с воплями бежали со всех сторон к лесу. Дальше их не преследовали: ютоазы, чьи боги-покровители обитали на небе, не любили полумрака и шорохов леса. Они повернули назад, чтобы добить и скальпировать раненых врагов.

Одна из колесниц летела прямо на Сторм, которая сейчас напоминала львицу, готовящуюся к прыжку в мерцающем энергетическом поле; Локриджу в его полусознательном, бредовом состоянии казалось, что перед ним оживают сцены из мифологии. А ведь у него еще остался «уэбли»... Он нащупал его, но, не успев достать, потерял сознание. Последнее, что он видел, был человек, стоявший в повозке позади кучера, — это был не ютоаз, а мужчина без бороды и с белой кожей, очень большого роста, в черном плаще с капюшоном, хлопающим у него за спиной, словно крылья...

Локридж просыпался медленно. Он лежал на земле и какое-то время ему было достаточно сознания того, что он не чувствует боли.

Постепенно, отрывками он вспомнил о том, что произошло... Услышав женский крик, он наконец открыл глаза и сел.

Солнце уже зашло, но сквозь дверной проем хижины, где он находился, за линией берега и отливающим кровью Лимфьордом он видел еще освещенные облака. Из единственной комнаты все было вынесено, а вход был закрыт ветками, переплетенными ремнями и прикрепленными к дверному косяку. Снаружи у входа стояли двое ютоазов. Один из них постоянно заглядывал внутрь, дотрагиваясь до веточки омелы, защищающей от колдовства. Его напарник с завистью следил за двумя воинами, гнавшими вдоль берега нескольких коров. Повсюду вокруг царила суматоха, слышались крики и хриплый мужской хохот, стук лошадиных копыт и скрип колес; побежденные же в это время оплакивали свою судьбу.

— Как ты себя чувствуешь, Малькольм?

Локридж повернул голову. Рядом с ним стояла на коленях Сторм Дарроузэй. Ее фигура почти не выделялась среди других теней во мраке хижины, но он уловил аромат ее волос, ощутил мягкое прикосновение рук; никогда еще он не слышал в ее голосе такой тревоги.

— Жив... как будто. — Он потрогал пальцами лицо и грудь — они были смазаны каким-то жиром. — Не болит. Я... Правду сказать, я чувствую себя отдохнувшим.

— Тебе повезло, что у Брэнна были с собой противошоковые средства и ферментативная мазь и что он захотел спасти тебя, — сказала Сторм. — Твои ожоги совсем заживут к завтрашнему дню. — Она помолчала и добавила: — Так что мне тоже повезло. — Она произнесла это таким тоном, что можно было подумать, что говорит Аури.

— Что происходит там, снаружи?

— Ютоазы грабят Авильдаро.

— Женщины... дети... Нет! — Локридж попытался встать, но Сторм заставила его опуститься.

— Побереги силы.

— Но эти дьяволы...

— В настоящий момент, — сказала Сторм с долей прежней резкости в голосе, — твои подружки не слишком страдают. Вспомни местные нравы. — Ее тон опять стал сочувственным. — Но, конечно, они оплакивают тех, кого любили, мертвых или убежавших, а сами они будут рабынями... Нет-нет, погоди! Это тебе не юг. Жизнь рабыни у варваров не так уж отличается от жизни самого варвара. Она страдает, да, — от неволи, от тоски по дому, от того, что никакая женщина у индоевропейцев не пользуется таким уважением, каким она пользовалась здесь. Но побереги свою жалость на будущее. Мы с тобой находимся в куда худшем положении, чем твоя вчерашняя юная спутница.

— Ну ладно, — сдался он. — Почему у нас ничего не вышло?

Она передвинулась, села перед ним на пол, обхватила руками колени и со свистом выдохнула сквозь сжатые губы.

— Я оказалась слоггом, — сказала она с горечью. — Мне и в голову не пришло, что Брэнн может появиться в этом веке. Он и организовал нападение, это совершенно ясно.

В ее словах чувствовалось напряжение и боль самообвинения.

— Ты не могла этого знать, — сказал Локридж и протянул к ней руки.

— Для Хранителя, который терпит неудачу, нет оправданий. — Голос ее был холоден как лед. — Есть только неудача.

Это был кодекс той службы, чью форму он надел, и, вероятно, поэтому ему внезапно показалось, что он понимает ее и они стали одним целым. Он прижал ее к себе, как мог прижать

сестру в ее горе, она положила голову ему на плечо и прильнула к нему.

Вскоре темнота стала почти полной. Она мягко высвободилась из его объятий и выдохнула:

— Спасибо.

Теперь они сидели рядом, взявшись за руки.

— Ты должен понять, что число принимающих участие в этой войне во времени невелико. — Она говорила быстрым шепотом. — С теми силами, которыми может пользоваться один человек, оно не может быть большим. Брэнн — это... у вас нет такого слова. Центральная фигура. Хотя он сам должен принимать участие в сражении, потому что людей, способных на это, очень мало, — он командующий, он принимает решения, сотрясающие планету, он... король. А я — такая же, только крупная, добыча. И я — в его руках. Я не знаю, как он узнал, где я, — продолжала Сторм. — Просто не представляю. Если он не смог найти меня в твоём столетии, то как сумел выследить меня здесь, в этой забытой эпохе? Это пугает меня, Малькольм. — Ладонь, крепко сжимавшая его руку, была совсем холодной. — Какое искривление произвел он в самом времени?

Он здесь один. Но больше никого и не требовалось. Думаю, что он вышел из туннеля, но дольменом раньше нас, разыскал людей Боевого Топора и стал их богом. Это было нетрудно. Нашествие индоевропейцев, поклоняющихся Диаушу Питару, Небесному Отцу, Солнцу, — гуртовщиков, оружейников, воинов на колесницах и без них, людей с умелыми руками и безудержными мечтами, чьи жены — прислужницы, а дети — собственность, — все это организовано Патрулем. Понимаешь? Завоеватели — разрушители древней цивилизации, старой веры; они — предки людей механической эпохи. Ютоазы принадлежат Брэнну. Ему достаточно появиться среди них, как мне достаточно появиться среди Авильдаро или на Крите, и они уже будут смутно понимать, кто он такой, и он будет знать, как ими управлять.

Каким-то образом ему стало известно, что мы здесь, — продолжала она. — Он мог бы выступить против нас со всеми своими силами. Но это могло бы встревожить всех наших агентов, которые еще сильны в этом тысячелетии, и привести к неконтролируемым событиям. Вместо этого он дал указание ютоазам напасть на Авильдаро, поклявшись, что солнце и молния будут сражаться на их стороне. И он сдержал слово.

Победив, — Локридж почувствовал, как Сторм дернулась, — он пошлет за своими людьми и за всем, что ему еще понадобится, чтобы подвергнуть меня обработке.

Он крепко обнял ее.

— Слушай, — лихорадочно зашептала она ему в ухо, — вдруг у тебя появится возможность спастись — как знать? Книга времени была написана, когда произошел направленный наружу взрыв Вселенной; но мы еще не перевернули страницу. Брэнн примет тебя за простого наемника. Возможно, даже не сочтет опасным. Если сможешь... если удастся... двигайся по коридору в сторону будущего. Найди господина Йеспера Фледелиуса — в Виборге, в гостинице «Золотой Лев», в канун Дня всех Святых в любом из годов от 1521 до 1541. Можешь это запомнить? Он один из нас. Если только ты найдешь его, то возможно, возможно...

— Да. Конечно. Если.

Локриджу не хотелось больше говорить. Пусть объяснит все через час-другой. А сейчас она так одинока... Он положил свободную руку ей на плечо. Подвинувшись, так что его рука соскользнула вниз, она прижалась губами к его губам.

— Мне недолго осталось жить, — прошептала она, задыхаясь. — Пользуйся тем, что у меня есть. Дай мне утешение, Малькольм.

«Сторм, о, Сторм!» — только и мог подумать Локридж. Он ответил на ее поцелуй, утонул лицом в волнах волос. И не было больше ничего — лишь темнота и она...

Свет факела упал сквозь решетку. Взметнулось копые.

— Выходи! — рявкнул охранник. — Ты, мужик. Он желает тебя видеть.

Глава 8

Патрульный Брэнн сидел в одиночестве в Длинном Доме. Священный огонь погас, но свет, исходящий из кристаллического шара, падал на медвежью шкуру, покрывавшую возвышение, на котором он расположился. Воины, которые привели Локриджа, преклонили колени в благоговейном ужасе.

— О, наш Бог, — сказал их дородный рыжий начальник. — Мы привели колдуна по твоему приказанию.

— Хорошо, — кивнул Брэнн. — Подождите в углу.

Четверо воинов отсалютовали томагавками и отошли за пределы освещенного круга. Их факел шипел, отбрасывая

красные и желтые искры, в свете которых их обветренные лица были едва различимы. Молчание затянулось.

— Садись, если хочешь, — мягко сказал Брэнн по-английски. — Нам нужно о многом поговорить, Малькольм Локридж.

Откуда он узнал его полное имя?

Американец остался стоять, поскольку иначе ему пришлось бы сесть рядом с Брэнном, и внимательно оглядел его. Так вот он, враг.

Патрульный успел снять плащ; он оказался худым и мускулистым, почти семи футов ростом; на нем был облегающий черный костюм — такие Локридж уже видел в подземном коридоре. У него была очень белая кожа, руки изысканной формы, лицо... пожалуй, красивое: узкое, с прямым носом: холодное совершенство линий. Следов бороды не было, густые волосы коротко подстрижены и напоминали соболиную шапку. Глаза отливали сталью.

— Что ж, можешь постоять. — Он улыбнулся и указал на бутылку и два тонких, изящных бокала, стоявшие рядом с ним. — Выпьешь? Это бургундское 2012 года. То был чудесный год.

— Нет, — отказался Локридж.

Брэнн пожал плечами, налил себе и отпил.

— Я вовсе не желаю тебе зла.

— Ты его уже достаточно причинил, — огрызнулся американец.

— Это, безусловно, прискорбно. Но если человек всю жизнь прожил с концепцией необратимости, неизменяемости времени, видел вещи куда страшнее, чем сегодня, да не один, а множество раз; если сам подвергался такому же риску — что проку в сентиментальности? Если уж на то пошло, Локридж, ты сам сегодня убил человека, чьи жены и дети будут оплакивать его.

— Так ведь он же хотел убить меня!

— Верно. Но он не был дурным человеком. Он был примерный семьянин, достойно вел себя с друзьями и не стремился быть жестоким с врагами. По пути ты прошел через деревню. Если честно: ты ведь не видел ни убийств, ни пыток, ни избиений, ни поджогов, — скажи, не видел? В целом, в ближайшие века эта последняя волна иммигрантов будет смешиваться с местным населением довольно мирно. Сегодняшняя потасовка — в некотором роде исключение. Гораздо чаще — во всяком случае, в Северной Европе, если не на юге и востоке — пришельцы будут занимать господствующее положение

просто благодаря тому, что их обычаи более подходящие для приближающегося бронзового века. Они более мобильны, их горизонты шире, они лучше умеют защищаться. Поэтому аборигены станут подражать им. Ты и сам сформировался не без их влияния, и многое из того, что тебе дорого, подверглось этому воздействию.

— Это все слова, — сказал Локридж. — А то, что благодаря тебе они напали на нас, — это факт. Ты убил моих друзей.

— Не я, — покачал головой Брэнн. — Это Кориока.

— Кто?

— Эта женщина. Каким именем она назвалась?

Локридж заколебался. Однако он не видел смысла упрямяться по пустякам.

— Сторм Дарроуэй.

Брэнн беззвучно рассмеялся.

— Вполне подходяще. Она всегда любила показуху. Прекрасно — если хочешь, будем называть ее Сторм. — Он поставил свой бокал и наклонился вперед. Черты его вытянутого лица посуровели. — Появившись в этой деревне, она принесла горе ее жителям. И она знала, чем это грозит. Ты серьезно думаешь, что ее хоть каплю волновало, что может произойти, — с ними или с тобой? Нет, мой друг, нет, вы были просто пешками в очень большой и очень давней игре. Она формировала целые цивилизации и отбрасывала их прочь, когда они больше не были нужны для осуществления ее замыслов, так же спокойно, как ты бы отбросил сломанный инструмент. Что ей горстка дикарей из каменного века?

— Заткнись! — заорал Локридж, сжав кулаки.

Стоявшие в тени ютоазы заволновались и заворчали. Брэнн дал им знак оставаться на месте, однако держал руку на широким, медного цвета поясе, где висел энергопистолет.

— Как видно, она и впрямь производит громадное впечатление, — пробормотал он. — Она, разумеется, сказала тебе, что ее Хранители сражаются за абсолютное добро, а мои Патрульные — за абсолютное зло. Опровержений ты слушать не хочешь. Но подумай сам, парень: разве когда-нибудь так бывало?

— Было в мое собственное время, — возразил Локридж. — Например, нацисты. — Брэнн насмешливо поднял брови, и он поспешил добавить неуверенным голосом: — Я не утверждаю, что союзники были святыми. Но, черт побери, выбор был ясен.

— Где у тебя доказательства, кроме слова Сторм, что в войне, идущей во времени, сложилась аналогичная ситуация? — спросил Брэнн.

Локридж нервно сглотнул. Ночь, казалось, смыкалась вокруг него — мрак, и сырость, и далекие неразличимые лесные звуки. Он вдруг остро ощутил свое одиночество и, чтобы прогнать это чувство, до боли сжал челюсти.

— Послушай, — очень серьезно сказал Брэнн, — я не утверждаю, что мы, Патрульные, — образцы добродетели. Эта война не менее безжалостна, чем любая из прошлых войн; это война между философиями; две стороны, принимающие в ней участие, формируют само прошлое, их породившее. Подумай, прошу тебя. Наука, которая дает людям возможность лететь на Луну и еще дальше, освобождает их от тяжелого труда и спасает от голода, помогает вылечить ребенка, погибающего от дифтерита, — это зло? Это что, зло, если человек использует свой разум — то, чем он отличается от животных, — и старается обуздать в себе зверя? А если нет, то откуда все это появляется? Какой взгляд на жизнь, какой образ жизни нужны для создания всего этого?

Только не путь Хранителей! Неужели ты и в правду думаешь, что эта направленная к земле, полная заговоров и заклинаний, основанная на животном инстинкте, разнужданная вера в Богиню сможет когда-нибудь подняться над собой? Тебе хотелось бы, чтоб она возродилась в будущем? В мою эпоху это, знаешь ли, произошло. А потом, подобно змее, кусающей свой хвост, она вернулась назад, чтобы морочить и пугать людей в этом смутном прошлом, пока они не станут ползать на брюхе перед Ней. О, они в некотором роде могут быть счастливы: воздействие на них не так уж сильно. Но погоди, ты увидишь ужас настоящего правления Хранителей!

Подумай — это всего лишь маленький археологический штрих: местные жители хоронят своих мертвых в общих могилах. А культура Боевого Топора предоставляет каждому отдельную. Это тебе о чем-нибудь говорит?

На какое-то мгновение Локриджу вспомнилось, как его дед рассказывал ему об индейских воинах. Он всегда сочувствовал индейцам, но если бы он мог переписать историю, стал бы он это делать?

Локридж отогнал тревожную мысль, выпрямился и сказал:

— Я выбрал сторону Сторм Дарроуэй и не стану менять решения.

— А может, это она выбрала тебя? — мягко спросил Брэнн. — Как вы с ней встретились?

Локридж сперва не собирался говорить ни слова. Один Бог знает, каким вражеским целям это может послужить. Однако —

что же, Брэнн вел себя совсем не как негодяй. А если удастся его успокоить, он, может быть, мягче обойдется со Сторм. Да так или иначе, какое значение могут иметь детали его вербовки?

Локридж кратко рассказал. Брэнн задал несколько вопросов. Прежде чем он понял, что происходит, он уже сидел рядом с Патрульным, держа в руке бокал, и рассказывал обо всем.

— Ага, так, значит. — Брэнн кивнул. — Любопытно. Хотя ничего необычного. Обе стороны используют в своих операциях коренных жителей. Это одна из практических причин, которые вызывают все эти манипуляции с культурами и религиями. Однако у тебя, кажется, незаурядные способности. Мне хотелось бы, чтобы ты был моим союзником.

— Этого не будет, — ответил Локридж менее решительно, чем собирался. Брэнн искоса посмотрел на него:

— Не будет? Может, и нет. Но расскажи-ка ты мне, как Сторм Дарроуэй доставала деньги в вашей эпохе?

— Грабежом, — вынужден был признать Локридж. — На-страивала пистолет на оглушение. У нее не было выбора. Вы вели войну.

Брэнн достал свой пистолет и повертел его в руках.

— Может, тебе будет интересно узнать, — сказал он безразличным тоном, — что это оружие не может быть настроено на мощность ниже смертельной.

Локридж вскочил, уронив бокал. Он не разбился, но вино растеклось по полу, точно кровь.

— Правда, зато оно может дезинтегрировать труп, — добавил Брэнн.

Локридж выбросил вперед кулак, целясь ему в зубы, но Брэнн увернулся, отпрыгнул в сторону и направил на него пистолет.

— Полегче! — предупредил он.

— Ты врешь, — проговорил Локридж, задыхаясь от ярости.

— Если я когда-нибудь смогу тебе доверять, с удовольствием дам тебе самому его испытать, — сказал Брэнн. — А пока пошевели мозгами. Мне кое-что известно о двадцатом веке — не только благодаря диаглоссе, но и благодаря тому, что я несколько месяцев провел, охотясь за своим противником, — я знал, что ей удалось скрыться. По твоим словам — спокойно, я сказал! — по твоим словам, Локридж, у нее были тысячи долларов. Сколько прохожих пришлось ей оглушить, чтобы очистить их кошельки, прежде чем она набрала эту сумму. Разве волна таких ограблений, когда люди один за другим

приходят в сознание после загадочного обморока, не стала бы сенсацией года? Разве не стала бы? Но в газетах не было ни слова.

С другой стороны, исчезновение — вещь весьма распространенная, и если человек пропадает без вести, то сообщение об этом появляется разве что на последней странице местных газет... Подожди. Я не говорил, что она никогда не пользовалась пистолетом, чтобы ограбить ночью пустой дом, а потом поджечь его, чтобы замести следы, — хотя странно, что она не сказала тебе, что это и был ее *modus operandi**. Но я представляю тебе доказательства того, что она, может, и не сознательная преступница, может, просто безжалостная. В конце концов, она ведь богиня. Что смертные для нее, бессмертной?

Локридж с шумом втянул воздух. Его била произвольная дрожь, похолодели конечности и пересохло во рту.

— У тебя преимущество передо мной, — с усилием проговорил он. — Но я уйду. Я не обязан больше слушать.

— Не обязан, — согласился Брэнн. — Думаю, лучше всего, если правда будет тебе открываться постепенно. Ты человек, который умеет хранить верность. Поэтому я думаю, что ты можешь оказаться ценным, когда решишь, кому в действительности нужно эту верность хранить.

Злобно огрызнувшись, Локридж резко повернулся и шагнул к двери. Ютоазы сразу подбежали и окружили его.

— К твоему сведению, — бросил Брэнн ему в след, — ты все-таки перейдешь на другую сторону. Как, ты полагаешь, мне стало известно о коридоре Хранителей в Америке и о том, что Сторм удрала в эту эпоху? Откуда, ты думаешь, я знаю твое имя? Ты отправился в мое время, туда, где находился я, Локридж, и предупредил меня!

— Врешь! — завопил он и выбежал из дома.

Сильные руки заставили его остановиться. Он долго стоял и громко ругался.

Наконец спокойствие частично вернулось к нему. Локридж огляделся вокруг, словно ища новую опору для своего пошатнувшегося мира. В Авильдаро было пусто и тихо. Женщин и детей, не ушедших в лес со стариками и старухами, которых победители с пренебрежением отпустили, согнали вокруг мерцающих на лугу костров. Оттуда доносилось грустное мычание захваченных коров; еще дальше слышалось кваканье лягушек. Дома казались черными пятнами с мохнатыми шапками крыш,

* Способ действия (лат.).

за домами поблескивала вода, шелестела роща, над ними раскинулось великолепное звездное небо. Воздух был прохладным и влажным.

— Непросто это — разговаривать с богом, а? — посочувствовал рыжий начальник охраны.

Локридж фыркнул и направился в сторону хижины, где была Сорм. Ютоаз остановил его.

— Стой, колдун. Бог сказал, что тебе нельзя ее больше видеть, а то могут быть неприятности.

В буйном возбуждении Локридж пропустил эти слова Брэнна мимо ушей.

— И еще он сказал, что отобрал у тебя колдовскую силу, — добавил воин. — Так что почему бы тебе не побыть таким же человеком, как все? Мы должны тебя сторожить, но мы не желаем тебе зла.

«Сорм!» — кричала душа Локриджа. Но делать было нечего: пришлось оставить ее одну, в непроглядном мраке. Факел в руке юноши со странно привлекательным лицом отбрасывал беспокойный тусклый свет на готовые действовать томагавки. Он сдался и зашагал в ногу со стражниками. Начальник шел рядом.

— Меня зовут Уитукар, сын Хронаха, — сказал он приветливо. Находясь под покровительством бога, он ничуть не боялся колдуна. — Моя эмблема — волк. А ты кто, откуда явился?

Локридж посмотрел на его честные, ждущие ответа глаза и почувствовал, что не может испытывать к нему ненависти.

— Зови меня Малькольм, — хмуро ответил он. — Я из Америки, это далеко за морем.

— Мокрый путь, — поморщился Уитукар, — это не по мне.

Тем не менее, вспомнил Локридж, датчане — как и все европейцы — в конце концов обойдут на кораблях моря всего света. Так что Дух Кирта и Тенил Оругарэй все-таки выстоит. До сих пор, во всяком случае, Брэнн говорил правду: люди Боевого Топора были не какими-то извергами, а просто иммигрантами. Более воинственными, конечно, чем древнее население этой земли; более индивидуалистичными, несмотря на то что правили ими аристократы, разъезжавшие на колесницах; у них была более простая религия, согласно представлениям которой боги управляли космосом так же, как у поклоняющихся им людей отец управляет своим семейством; однако эти люди обладали отвагой, чувством чести и определенной грубоватой добротой. Не их вина, что существа в черном проникли сквозь время и использовали их в своих целях.

Словно читая его мысли, Уитукар продолжал:

— Понимаешь, я ничего дурного не могу сказать о морских и лесных племенах. Они храбрые, и я, — он начертал в воздухе знак, — уважаю их богов. Мы бы не напали на вас сегодня, если бы нам не приказал наш бог. Но он сказал, что в селении укрывается ведьма — это враг. Ну а теперь, коли уж мы здесь, мы получим свою награду. По мне, я бы лучше вел обмен. Может, со временем взял бы жену из их женщин. Это выгодно, если она из зажиточного дома. Они, видишь ли, наследуют по женской линии, значит, я получил бы вещи ее матери. Но раз уж все так получилось, думаю, мы расширим досюда пастбищные угодья, поскольку Земля теперь наша. Но нас не так много, чтобы вечно воевать с окрестными деревнями. Если мы не сумеем договориться, придется забрать добычу и отправиться домой. — Он пожал плечами. — Вожди будут держать совет по этому поводу.

Какая-то отрешенная часть сознания Локриджа, преодолев четыре тысячи лет, начала анализировать слово, которым обозначался вождь. Оно означало просто «патриарх», человек, обладающий значительной собственностью, стоящий во главе своих сыновей, слуг и честолюбивых юношей, поступивших к нему на службу. В этом качестве он также совершал богослужения во время жертвоприношений; однако здесь не было никакого духовенства и ничего подобного той традиции, которая закрепляла за членом клана Тенил Орутарэй его положение еще до рождения. В связи с этим религия у ютоазов не была такой обязывающей: меньше табу, ритуальности, страха перед неведомым, — чистая вера в солнце, ветер, дождь, огонь. Более мрачные элементы скандинавского язычества будут включены в него позднее из древних культов земли.

Локридж прогнал эти мысли и лихорадочно сосредоточился на языке. Такого явления, как индоевропейский язык, не существовало, только набор понятий, нашедших отражение в грамматике и словаре, который оказал влияние на язык коренного населения, подобно тому как нормандскому диалекту французского языка предстояло оказать влияние на английский язык. (Дочь — *dohitar* — доярка, чей труд считался у Авильдаро мужским.) Меньше половины слов, употребляемых Уитукарром, пришло из черноморских степей. Сам он скорее всего родился в Польше, Германии или...

— Вот мы и пришли, — сказал ютоаз. — Извини, но нам придется связать тебя на ночь. Это не дело так поступать с мужчиной. Но бог приказал. Да и не лучше ли спать на свежем воздухе, чем в какой-нибудь вонючей хижине.

Локридж едва расслышал. С проклятием он остановился как вкопанный.

Высоко вздымалось пламя костра, затянув пеленой дыма Большую Медведицу; в его пляшущем свете виднелись колесница Уитукара и пасущиеся стреноженные лошади. Вокруг разлеглось еще полдюжины человек — оружие они держали под рукой, но глаза у них были сонные и усталые. Один из них — юноша лет семнадцати, кажущийся широкоплечим в своих кожаных латах, со старым боевым шрамом на пухлой щеке — держал в руке ремень. Другой его конец был обмотан вокруг запястья Аури.

— Именем всех Марутов! — воскликнул Уитукар. — Что это?

Девушка лежала, сжавшись в своей безнадежности. Увидев Локриджа, она с криком вскочила. Волосы ее были спутаны, слезы оставили дорожки на заляпанном грязью лице, на бедре виднелся пурпурно-красный кровоподтек.

Парень осклабился:

— Мы услышали не так давно, как кто-то крадется. Я ее нашел и поймал. Девчонка ничего, а?

— Рысь! — взмолилась Аури на своем родном языке. — Рысь! — Шатаясь, она шагнула в его сторону.

Молодой воин дернул за привязь, и она упала на колени.

— Рысь, я убежала в лес, но я должна... я должна была вернуться и увидеть, как ты... — Она не могла говорить.

Локридж стоял, объятый ужасом.

— Ну что ж, отлично, — улыбнулся Уитукар. — Видно, боги любят тебя, Туно.

— Я ждал, когда ты вернешься, вождь, — сказал юноша с ноткой самодовольства. — Можно мне теперь пойти с нею?

Уитукар кивнул. Туно встал, сжал в горсти прядь волос Аури и заставил ее подняться.

— Ну ты, пошли, — бросил он. Зубы его обнажились в плотоядной улыбке, блестели влажные губы. С пронзительным криком Аури попыталась вырваться. Туно залепил ей пощечину с такой силой, что у нее дернулась голова.

— Рысь! — рыдала она полным муки голосом, отчаянно цепляясь за слова. — Я не должна!

Локридж скинул с себя оцепенение. Он знал, что она имеет в виду. Пока с нее не снят запрет, переспать с мужчиной было для Аури равносильно смерти, даже хуже смерти. Плевать, что это предрассудок; а что бы чувствовала на ее месте его сестра?

— Нет! — заревел он.

— Что? — отозвался Уитукар.

— Я знаю ее. — Локридж схватил вождя за плечи и тряхнул. — Она священна, к ней нельзя прикасаться: самое страшное проклятие навлечет на себя тот, кто ее тронет.

Мужчины, сидевшие вокруг костра и с интересом наблюдавшие сцену, в гневе вскочили. Уитукар выглядел смущенным. Однако Туно, как ни был возбужден, только огрызнулся:

— Врет он!

— Я могу поклясться чем угодно, — сказал Локридж.

— Чего стоит клятва колдуна? — усмехнулся Туно. — Если он имеет в виду, что она девушка, то что, нам когда-нибудь было хуже от этого? А больше она никем не может быть. У них здесь нет священных женщин, кроме одной древней старухи, которая в молодости народила кучу щенков.

Уитукар нервно пощипывал бороду, его глаза перебегали с одного воина на другого.

— Верно... Это верно, — проговорил он. — Все так, но лучше не рисковать.

— Я свободный человек, — резко возразил Туно. — Если что случится, то падет на мою голову. — Он рассмеялся. — Что случится прежде всего, я знаю. Пошли!

— Ты вождь! — в исступлении крикнул Локридж Уитукару. — Останови его!

— Не могу. — Ютоаз вздохнул. — Как он сказал, он свободный человек. — Уитукар проницательно посмотрел на американца. — Я видел людей, боящихся гнева богов. Ты не похож на них. Может, тебе самому ее хочется?

Аури впилась ногтями в ухмыляющую рожу Туно. Тот схватил и вывернул ее руку. Она согнулась от боли.

«А ее отец и брат лежат в поле, и вороны выклевают им глаза...» — подумал Локридж и перешел к действиям.

Глава 9

Уитукар стоял рядом с ним. Локридж развернулся и всадил кулак ему в живот, как раз под ребра. Удар о крепкие мускулы отозвался болью в костяшках пальцев, но вождь согнулся и упал.

Веснушчатый паренек, державший факел, бросил его и схватился за топор. Локриджу помогла тренировка, полученная в морской пехоте. Одним прыжком оказавшись рядом, он рубанул его по шее ребром ладони. Издав что-то вроде кваканья, молодой ютоаз обмяк и остался лежать неподвижно.

Прежде чем схватить его оружие, Локридж почувствовал кого-то за спиной. Он машинально защитил ладонями горло. Чьи-то волосатые руки сомкнулись вокруг его шеи. Рывком он развел кисти; кольцо рук разорвалось. Повернувшись, Локридж завел ногу за щиколотки противника и толкнул его. Еще один есть!

Воины, сидевшие вокруг костра, с воплями бросились к нему. Локридж поднял валявшийся на земле факел. Будто комета пронеслась, оставляя за собой огненный хвост, когда он ткнул им в ближайшую пару глаз. Нападавший отпрянул и упал; двое других, споткнувшись о него, свалились, изрыгая проклятия.

Локридж прыгнул через костер. Туно стоял там один, в изумлении раскрыв рот, но при приближении американца бросил повод, на котором держал Аури, чтобы освободить руки. Быстро достать топор он не мог, потому выхватил кремневый нож и нанес колющий удар сверху.

Локридж закрылся кистью руки; острое лезвие скользнуло по предплечью. Из раны хлынула кровь, но он даже не заметил этого, ответил резким ударом колена, и Туно, пронзительно вскрикнув, откатился в сторону.

— Беги, Аури! — рявкнул Локридж.

Он вывел из строя лишь двоих из десяти. Остальные бежали к нему, огибая костер. Против столькох ему было не выстоять, но он мог выиграть время. Брошенное копье воткнулось в землю рядом с ним.

Он остановился, вытащил оружие из земли и повернулся к нападающим. «Не вздумай колоть этой штукой, — мелькнула у него мысль под стук крови в висках. — Длинному, прямому древку можно найти лучшее применение». Локридж взял копье обеими руками, ближе к середине, привстал на носки и стал ждать. Толпа налетела на него. С яростью он начал орудовать копьем — примерно так дрались крестьяне дубинами с железными наконечниками. Неплохой удар деревянным древком по чьей-то голове, у кого-то сломаны пальцы, державшие топор, смято солнечное сплетение; подножки, удары... Ночь наполнилась треском, звоном, рычанием, криками; в отвесах огня блестящие зубы и белки глаз.

Внезапно, совершенно неожиданно, Локридж оказался абсолютно один. Трое ютоазов корчились в окружавшей его темноте. Остальные разбежались. Тяжело дыша, они собрались у костра и с ужасом смотрели на него. На их лицах видны были блестящие капли пота.

— Да возьмут вас всех Маруты! — проревел Уитукар. — Он всего лишь человек!

И все-таки четырех здоровых воинов он уложил. Они даже не успели натянуть луки.

Вождь, окаменевший от удара Локриджа, приблизился к нему один. Локридж взмахнул своей палкой, но Уитукар был начеку и парировал удар томагавком — с такой силой, что дрожь пробежала по телу Локриджа; оружие выпало из его онемевших рук. Уитукар отбросил его ногой подальше в сторону, издал победный клич и приблизился вплотную. К этому времени уже начал сбегаться народ от других костров.

Локридж прыгнул навстречу ютоазу. Снова блокировал удар сверху вниз. Сделал плечевой выпад. Смутно почувствовал кожей прикосновение его щетинистой бороды. Применил «рычаг» локтя. Бросок — жестокий и ловкий; треск кости, подобный пистолетному выстрелу, — и Уитукар заковылял прочь, с присвистом дыша сквозь стиснутые зубы.

Дюжий воин в тунике и с поднятым топором был уже рядом. Локридж собрался с силами, увернулся, приняв удар от столкновения на бедро, захватил пальцами грубую ткань и применил один из приемов дзюдо. Прежде чем упасть, здоровенный ютоаз пролетел еще пару метров по инерции.

Ночь взорвалась криками и ревом. Воины отступили, превратившись в тени в ночном мраке. Локридж схватил томагавк Уитукара и поднял его над головой; из его горла вырвался мятежный клич.

Внезапно он понял, что произошло. Какой бы полной ни была их победа, внутренне пришельцы были потрясены действием неведомых сил, которые они наблюдали сегодня. А теперь один человек за несколько минут справился с полудюжиной закаленных воинов. Темнота и растерянность помешали им сообразить, что он просто применил тактику боя, неизвестную в эту эпоху. Он казался кем-то вроде вырвавшегося на волю тролля, и их охватил страх.

Они не убежали, но толкались за пределами ясной видимости. Диаглосса подсказывала Локриджу, что нужно крикнуть: — Следующего, кто меня тронет, я съем!

Волна ужаса прокатилась в ночи. Почитатели Небесного Отца все еще боялись богов земли, которым в более удаленных от моря местностях ежегодно во время сбора урожая приносили в жертву человека.

Локридж медленно повернулся и пошел прочь. Спина напруглась в ожидании копья, стрелы, раскалывающего череп

удара топором... Но оборачиваться было нельзя. Окружающий мир воспринимался смутно, как в тумане; сердце билось неровно, кружилась голова.

Перед ним вырос корявый дуб. Шелестели листья, где-то слышался крик козодоя. Локридж обошел дерево и ступил в полную темноту.

Он почувствовал прикосновение чьей-то руки, отскочил и наугад нанес удар. Кулак наткнулся на что-то мягкое.

— Рысь, — услышал он дрожащий голос, — подожди меня.

Во рту у него пересохло, ему пришлось откашляться, прежде чем он смог выговорить:

— Аури, тебе надо было бежать.

— Я убежала. Я остановилась здесь, чтобы видеть, что будет с тобой. Пойдем. — Она прижалась к нему, и окружающее перестало казаться кошмарным сном. — Я знаю дорогу к лесу.

— Это хорошо. — Самообладание понемногу вернулось к нему, он снова мог думать. Выглянув из-за ствола дерева, он увидел широко разбросанные по полю костры, фигурки, снующие между ними, редкий блеск отполированного камня или меди. Низкие и хриплые мужские голоса звучали слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова.

— Смелость скоро вернется к ним, — сказал Локридж, — особенно когда Брэнн узнает о случившемся и успокоит их. Лес не близко, и они будут нас искать. Мы можем как-нибудь спрятаться?

— Богиня Земли поможет нам, — ответила Аури.

Она вывела его на открытое пространство и опустила на четвереньки. Тонкая и гибкая, словно ласка, она зигзагами поползла по лугу, выбирая места, где трава была повыше. Локридж следовал за ней. На четвереньках он двигался несколько более неуклюже, но когда-то, Бог знает, сколько лет тому назад, в еще не наступившем будущем, ему приходилось так ползать. Правда, когда он был мальчишкой.

Когда враги уже не могли их увидеть, они встали и вприпрыжку побежали к югу. Оба молчали: нужно было беречь дыхание. Зрачки у Локриджа понемногу расширились, и он уже мог видеть, как ветерок колышет траву, видел рощицы, бледные сверху и абсолютно черные внизу, стоящие под сверкающими высоко в небе созвездиями; сквозь топот ног он слышал, как залаяла лисица, пробежал заяц, хором заквакали лягушки. Аури бежала рядом — само воплощение грации; при свете звезд ее волосы казались совсем белыми.

Затем послышался волчий вой из леса, уже черневшего впереди. Словно это был сигнал, протрубили рога, и позади раздались крики преследователей.

Оставшаяся часть пути промелькнула как в тумане. Локридж никогда не сумел бы спастись, если бы не Аури. Бегом, наклоняясь и петляя, она провела его по всем углублениям в земле, через каждую полосу тени, которую дарила ей ее Богиня. Один раз им пришлось спрятаться за камнем, и люди прошли мимо; в другой раз они едва успели забраться на дерево, как внизу, покачиваясь, проплыли ряды копий. Когда наконец их укрыл лес, Локридж упал на землю и лежал, будто из него вытряхнули все кости.

Сознание вернулось не сразу. Сперва он увидел блеск неба над головой — сквозь редкие небольшие просветы в листве. Не считая этого, вокруг была непроглядная ночь. Папоротник шуршал и кололся жесткими листьями, зато земля была покрыта мягким, влажным мхом с резким и острым запахом. Покалывало в онемевших руках и ногах, кровь стучала в висках. Но к нему прижималась Аури, он чувствовал ее теплое дыхание, ощущал легкий запах волос, пропахших дымом костра. Вокруг было тихо.

Локридж заставил себя сесть. Аури проснулась от его движения.

— Нам действительно удалось уйти? — пробормотал он.

— Да, — сказала девушка; ее голос звучал спокойнее, чем его. — Если они станут нас преследовать, мы сразу узнаем по их топоту, — в ее словах слышалось презрение к неловким обитателям вересковых пустошей, — и найдем укрытие... О, Рысь! — Она обняла его.

— Да ладно, будет тебе. — Он высвободился и нащупал топор. — Я никак не думал, что мы оба спасемся. — В его голосе звучало удивление.

— Нет-нет, конечно же, ты знал, что делаешь. Ты можешь все.

— М-м-м... — Локридж тряхнул головой, стараясь привести в порядок мысли. Он начал понимать, как все было на самом деле. Он не планировал события. Бедственное положение Аури пробудило в нем ярость; дальше им руководили приобретенные во время многочисленных тренировок навыки. Если только не были правы люди Тенил Оругарэй, верившие, что в человека могут вселяться Те, Кто бродит по этой дикой местности.

— Почему ты вернулась? — спросил он.

— Я искала тебя — того, кто снимет с меня проклятие, — простодушно призналась Аури.

В этом был смысл, хотя его самолюбие и страдало в какой-то мере. Получалось, что она действовала в собственных интересах. И даже не слишком безрассудно, судя по тому, как она затем улизнула от ютоазов. Ей просто не повезло, что ее слышали и поймали, и чистая удача, что Локридж оказался именно в том отряде, который ее схватил.

Удача? Везение? Время может обернуться против себя самого. Действительно, есть такая штука, как судьба. Может быть, она и слепа... Локридж вспомнил последние слова Брэнна: «Ты отправился в мое время... и предупредил меня!» Неприятная дрожь пробежала по его нервам. «Нет! — беззвучный крик затерялся в ночном мраке. — Это ложь!»

Дух противоречия привел его к решению. Пока в его голове созрел план и в нем росло чувство предначертанности событий, он почти не обращал на Аури внимания, но все же слышал ее слова:

— Многие ушли из Авильдаро в лес. Я знаю, где прячутся некоторые из них, те, которых я оставила, чтобы вернуться к тебе. Мы можем найти их, а потом пойти в другую деревню Тенил Оругарэй.

Локридж собрался с духом.

— Ты так и сделаешь, — сказал он. — А мне нужно в другое место.

— Куда? Куда? В морскую глубину?

— Нет, это на берегу. И надо попасть туда как можно быстрее, пока Брэнн не догадался послать охрану. Зброшенный дольмен в половине утреннего перехода в южном направлении. Знаешь его?

Аури вздрогнула.

— Да, — прошептала она. — Дом Старых Мертвых. Когда-то Тенил Васкулан жили в том месте и хоронили в нем своих великих людей; теперь там только духи. Тебе правда нужно туда? И после захода солнца?

— Да. Не бойся.

Она судорожно сглотнула:

— Не буду... раз ты говоришь.

— Тогда пошли. Веди меня.

Они зашагали сквозь заросли по оленьим тропам, окутанным темнотой: он — спотыкаясь и чертыхаясь, она — скользя неслышно, словно эльф.

— Видишь ли, — попытался объяснить Локридж, когда они остановились передохнуть, — моя... э-э... подруга, Сторм, по-прежнему в руках Брэнна. Я должен попытаться привести спасателей.

— Эта колдунья? — Она вскинула голову; он услышал шорох ее спутанных волос и презрительное фырканье и не мог удержаться от усмешки. — Она что, сама не может о себе позаботиться?

— Кстати, спасательный отряд может также прогнать ютоазов.

— Значит, ты вернешься! — воскликнула она радостно.

Ее восторг почему-то не показался ему эгоистичным. Да и ее возвращение в Авильдаро — было ли оно вызвано только эгоистическими побуждениями? Локридж почувствовал себя неуютно.

Потом говорили мало: слишком тяжело было идти. Прошли «мертвые» часы, кончалась короткая ночь в середине лета. Начали бледнеть звезды, понемногу рассеивался окутывающий лес мрак, послышался щебет птиц, негромкий и чистый.

Локриджу казалось, что он узнает тропинку, по которой они шли со Сторм. Уже близко...

Аури напряженно застыла. Ее глаза, сияющие на смутно вырисовывающемся лице, широко раскрылись.

— Стой! — выдохнула она.

— В чем дело? — Локридж до боли в ладони сжал топор.

— Ты не слышишь?

Нет, он не слышал. Она повела его вперед, вертя головой вправо и влево, раздвигая ветки с крайней осторожностью. Наконец и он услышал: трещали кусты — пока еще далеко позади, но звук с каждой минутой приближался.

У Локриджа перехватило горло.

— Звери? — спросил он с глупой надеждой.

— Люди, — ответила Аури. — Двигутся в нашем направлении.

Значит, Брэнн направил воинов охранять ворота времени. Если бы ютоазы пробирались через лес так же ловко, как эта девочка, они уже поджидали бы его там. А так еще оставался какой-то шанс.

— Быстро! — скомандовал он. — Плевать на шум. Мы должны быть у дольмена раньше их.

Аури пустилась бегом, он за ней. В предрассветном сумраке Локридж споткнулся о поваленное дерево; падая, зацепился

одеждой за стоявшие вокруг молодые деревца, они затрещали. С поляны, которую беглецы оставили позади, донеслись крики.

— Они нас услышали, — предупредила Аури. — Скорее!

Они бежали по тропинке. Стоявшие по обе стороны дерева проплывали мимо ужасно медленно. И становилось все светлее.

Наконец они выбежали из леса на луг. На траве под розовеющим небом сверкала роса. Холм был перед ними.

У Локриджа кололо в печени, не хватало воздуха. Однако он бросился к дереву с дуплом, в котором Сторм спрятала входное контрольное устройство.

Он стал шарить в дупле. Вскрикнула Аури. Локридж достал металлическую трубку и оглянулся. На опушке леса показались десятка два воинов.

Увидев беглецов, ютоазы с ревом бросились вперед. Аури и Локридж, спотыкаясь, полезли вверх по склону холма, сквозь спутанные заросли подроста, выбираясь на открытое пространство. Мимо просвистела стрела.

— Не стреляй, болван! — рявкнул предводитель ютоазов. — Бог велел взять его живым!

Локридж передвинул рычаг на трубке. Один из преследователей пробрался сквозь молодую поросль у подножия кургана, перевел дух и призывно махнул рукой своим товарищам. Необычайно ясно Локридж разглядел заплетенные волосы, кожаную куртку, мускулистую грудь и длинный томагавк. Брэнн, надо думать, подготовил этот отряд к любым — или почти любым — неожиданностям.

Трубка в его руке засветилась и завибрировала. К первому воину присоединились уже другие ютоазы. Пылая боевым задором, они начали продираться через траву и шиповник. Локридж метнул в них топор Уитукара. Предводитель уклонился и захохотал. Позади него бушевали и другие преследователи.

Сдвинулась с места земля. Аури вскрикнула, упала на колени и схватила Локриджа за руку. Ютоазы остановились как вкопанные, а в следующую секунду бросились вниз, в заросли. Там они остановились. Насколько можно было разобрать сквозь листву, они были в полной растерянности. Локридж услышал рев их командира:

— Бог поклялся, что никакое колдовство не причинит нам вреда! Вперед, вы, заячьи дети!

Ведущий в глубь туннеля спуск отливал белым светом. Ютоазы снова наступали. Оставить здесь Аури было невозможно. Локридж схватил девушку за руку и втолкнул ее внутрь.

Предводитель ютоазов был уже совсем близко. Локридж кубарем скатился в отверстие, упал плашмя и передвинул рычажки на контрольном устройстве. Висящий над землей диск опустился, закрыв небо, с легким шорохом встал на место.

Их обступила тишина.

Ее нарушил пронзительный крик Аури; он быстро рос, поднимаясь до истерических нот. Пересилив себя, Локридж дал ей пощечину. Она осталась сидеть на том же самом месте, совершенно ошарашенная, глядя на него лишенными мысли глазами.

— Мне очень жаль, — сказал Локридж. И ему правда было жаль ее, когда он увидел проступившее на ее щеке красное пятно. — Но ты должна держать себя в руках. Мы теперь в безопасности.

— У-у-у... — Она тяжело и прерывисто дышала. Ее взгляд пробежал по сияющим ледяным светом стенам. — Мы в Доме Старых Мертвых... — закричала она и скорчилась на полу.

Локридж встряхнул ее.

— Бояться нечего, — сказал он резко. — У них нет власти надо мной. Поверь мне!

Он не рассчитывал, что самообладание вернется к ней так быстро. Она всхлипнула несколько раз, тело ее напряглось, ее била дрожь; с минуту она пристально смотрела на Локриджа.

— Я верю тебе, Рысь, — сказала она почти спокойно.

Это прибавило ему сил; вместе с ними вернулось и мрачное чувство тревоги.

— Я не собирался брать тебя с собой сюда, — сказал он, — но у нас не было выхода: иначе тебя схватили бы. Теперь тебе придется увидеть много удивительного, не пугайся. — С усмешкой он вспомнил, как Сторм говорила ему почти то же самое. Неужели он так быстро освоился с существованием этого таинственного сообщения между эпохами? Его родное столетие казалось уже полузабытым сном. Все это, конечно, во многом объяснялось неотложностью предстоящих дел.

— Надо двигаться, — сказал Локридж. — Ютоазы не могут проникнуть сюда за нами, но они расскажут своему хозяину, а тот может. Да вдруг еще встретим... ладно, неважно. — Если они, безоружные, наткнутся в коридоре на Патруль, им, несомненно, конец. — Сюда.

Аури молча следовала за ним. При виде сверкающего сумрачным светом, переливающегося всеми цветами занавеса она раскрыла от изумления рот и, словно ребенок, крепко ухватила за его руку. Локридж обшарил весь шкаф, но там

были только соответствующие этому веку одежда и снаряжение. Свои сложные устройства путешественники во времени должны были таскать с собой. Проклятье!

Жуткое это было чувство — проходить через ворота, не имея ни малейшего представления о том, что ждет по ту сторону. Однако белый ковер был пуст насколько хватал глаз; слышалось знакомое тихое жужжание. Локридж вздохнул с облегчением и тяжело плюхнулся на гравитационные сани.

Медлить тем не менее нельзя. В любой момент кто-нибудь мог появиться из других ворот и обнаружить их. (Что это означало конкретно в этом времени, которое текло вне времени? Надо будет подумать.) Поэкспериментировав со светящимся щитом, Локридж выяснил, как управлять санями, и направил их в «будущее».

Аури сидела рядом. Она крепко ухватилась за сиденье, но ее паника прошла, в горящих глазах даже мелькало любопытство. Она не испытывала того изумления, которое в свое время испытал он, но надо было учесть, что все встречавшиеся чудеса были для нее одинаково удивительны — и, в сущности, не более загадочны, чем дождь, ветер, рождение, смерть или смена времен года.

— Так как же нам быть? — вслух размышлял Локридж. — Мы можем доехать до 1964 года и попробовать просто смыться. Там до хрена Патрульных, и выследить человека им раз плюнуть, тем более что ты, крошка, будешь, правду сказать, довольно заметной. И уж если Сторм не смогла там установить связь с Хранителями, то что обо мне говорить? — Только сейчас он осознал, что говорит по-английски. Аури наверняка решила, что он произносит заклинание.

Что говорила ему Сторм?

Внезапно всем своим существом он вновь ощутил себя в хижине, служившей им тюрьмой, и она была рядом, и на его губах горел ее поцелуй. На какое-то время он позабыл все на свете.

Локридж возвратился к действительности. Их окружала таинственная светящаяся пустота коридора. Сторм была далеко — за сотни лет от него. Но он мог вернуться к ней. И он вернется, черт побери!

Можно ли добраться прямо до ее века? Нет, коридор не тянется так далеко. И в любом случае это было бы слишком рискованно. Чем раньше они выйдут и затеряются в окружающем мире, тем лучше. Но она упоминала господина Йеспера Фледелиуса, живущего в Виборге в эпоху Реформации. Да, это

был самый верный шанс. К тому же Локриджа по-прежнему не оставляло чувство предопределенности.

Он замедлил ход саней, чтобы разглядеть надписи у ворот. Он не знал букв, но арабские цифры можно было разобрать. Было ясно, что счет лет идет от «нижнего» конца туннеля. Значит, если 1827 год до Рождества Христова соответствовал 1175 году...

Когда показались номера, начинавшиеся с 45, он остановил сани и отослал их назад. Аури ждала, пока он разбирался в разметке и размышлял. Чтоб он провалился, этот фактор неопределенности! Локридж хотел выйти за несколько дней до Дня всех Святых, чтобы успеть добраться до Виборга, но в то же время не так рано, чтобы ищейки Брэнна не успели напасть на его след.

Со всей возможной тщательностью он выбрал линию из комплекта, соответствующего 1535 году н. э. Они с Аури крепко взялись за руки, сплетя пальцы; девушка доверчиво последовала за ним сквозь занавес.

Снова они оказались в длинной безмолвной комнате со шкафом. Спрятанная в нем одежда, однако, была совсем иной, нежели в палеолите. На выбор были представлены костюмы крестьянина, джентльмена, священника, солдата и многие другие. Локридж гадал, какой из них окажется более подходящим. Кто его знает, что за чертовщина может твориться в Дании шестнадцатого века! «Да уж, — подумал Локридж, — воистину чертовщина, коли тут замешана война во времени!»

Еще он нашел в шкафу кошелек с золотыми, серебряными и медными монетами — Аури не удержалась от восклицания при виде блестящего металла, — что ж, деньги всегда к стати. Но человека низкого происхождения, имеющего при себе такую сумму, могут заподозрить в воровстве. Поэтому Локридж выбрал комплект одежды, представлявший собой, по его мнению, дорожный наряд состоятельного человека: полотняное нижнее белье и сорочка, атласный камзол, короткие штаны малинового цвета, сапоги, мягкая шляпа, голубой плащ, отороченный мехом, меч и нож (надо думать, для использования во время еды), а также всякие мелочи, о назначении которых можно было только догадываться. Разумеется, он взял диаглоссы для себя и для Аури. В шкафу было много париков — Локридж понял, что в эту эпоху носили длинные волосы. Он надел парик соломенного цвета, который, казалось, сжался, словно живой и обхватил его голову так плотно, что создалась полная иллюзия естественности.

Аури сбросила юбку и украшения, в своей невинности ни капли не стесняясь его взгляда, и начала возиться с длинным

серым платьем и плащом с капюшоном, которые Локридж подобрал для нее.

— Даже мореплаватели с юга не одеваются чудеснее тех, кто живет под землей, — заметила она.

— Мы сейчас опять пойдем наверх, — сообщил ей Локридж. — В совсем другой стране. Так вот, эта штука, которую я засунул тебе в ухо, поможет тебе правильно говорить и вести себя. Но лучше старайся быть как можно скромнее и незаметнее. Всем будем говорить, что ты моя жена.

Она нахмурилась, пытаясь понять значение этого. Ее способность удивляться притупилась, она безоговорочно приняла все как есть, сохраняя в то же время настороженность лисицы, — такому отношению к окружающему могли бы позавидовать дзэн-буддисты. Но датское слово *hustru** содержало великое множество понятий, связанных с отношениями между полами, которые ютоазы восприняли бы как само собой разумеющееся, но которые были новыми для Аури.

Внезапно ее щеки вспыхнули. Пассивность уступила место неумной радости, она обвила его шею руками, крича:

— Значит, проклятие снято? О, Рысь, я твоя!

— Да ну же, ну! погоди! — Он вырвался из ее объятий, уши его горели. — Не так быстро. Этот месяц — ну... В общем, здесь сейчас не весна.

Это была чистая правда. Когда они выбрались наружу, на склон холма, и Локридж закрыл вход, их окутал мрак холодной осенней ночи; полумесяц плыл в небе среди рваных туч, ветер тихо подвывал в иссохшей траве. Голый и пустой стоял наверху дольмен. Леса, где когда-то ступали ноги Богини, не было, лишь несколько низкорослых вязов покачивались на ветру в северной стороне. За ними белели наползающие песчаные дюны, которые еще предстояло оттеснить грядущим поколениям. Однако земля вокруг холма обрабатывалась — не так давно. Среди сорняков были заметны следы борозд, а к югу, у гряды холмов, торчала зазубренная глиняная труба — все, что осталось от сгоревшего дома. Война прокатилась по этим местам меньше года назад.

Глава 10

— Неужели Кносс, о котором рассказывают, такой же большой? — спросила девушка из неолита с благоговейным ужасом.

* Жсна (*дат.*).

Несмотря на усталость и тревогу, Локридж не мог сдержать улыбки. На его взгляд, Виборг XVI века вроде городка на перекрестке дорог, где его родители делали покупки. Правда, он казался куда более привлекательным, особенно после двухдневного путешествия пешком по безлюдным местам. К тому же он обещал уют в то время, когда последние лучи заходящего солнца пронизывали иссиня-черные дождевые облака, гонимые ветром, который развеивал плащ Локриджа и насвистывал песню надвигающейся зимы.

Сквозь дубовую рощу за озером (буки еще не успели вытеснить это доброе дерево из Дании) он разглядел заброшенный монастырь — кирпичное здание теплых тонов. Высившиеся рядом городские стены сохраняли зеленый цвет основания, где на насыпи росла трава. Тот же оттенок придавал мох высоким гребням видневшихся соломенных крыш. Тянулись к небу тонкие и изящные башни собора.

— Думаю, Кносс малость побольше, — сказал Локридж.

Улыбка сбежала с его лица. «Тридцать три столетия, — подумал он. — И все надежды, расцветавшие так ярко, обратились в прах, не оставив по себе даже памяти. И другие надежды рождались и умирали, покуда сегодня...»

Диаглосса давала общую информацию, но умалчивала об исторических событиях. То же самое было и в эпоху Аури, и — он подозревал — во все годы земного существования, где открывались ворота времени. Локридж догадывался о причине. Патруль и Хранители вербовали для себя помощников из местных жителей, но кто может сохранить твердость, зная, что ожидает впереди его народ?

Дания переживала тяжелые дни. Они с Аури старались держаться проселочных, гужевых дорог, которые вились через лес и вересковые заросли; питались они продуктами из продовольственного пакета, а спали на открытом воздухе, прижавшись друг к другу и завернувшись в плащи, когда не столько темнота, сколько усталость заставляла их делать привал. Но они видели фермы и людей. Останавливались попить воды у колодцев; и хотя все крестьяне были угрюмые, запуганные, неразговорчивые, нельзя было не узнать кое-что. По стране гуляла песня:

*Весь птичий род, что в лесу живет,
От ястреба злого страдает.
Срывает он с птичек и перья, и пух,
Из лесу их выгоняет.
И вот уже со своими детьми*

*Старый орел улетает...
И птичий народ одичал совсем —
Что делать, как быть, не знает...*

Через четыре столетия здесь будет счастливая страна, которую Локридж видел. Это было слабое утешение в серый холодный вечер. Сколько продлится ее благополучие?

— Идем, — сказал он. — Нам надо спешить. На закате они закрывают ворота.

Они шли вдоль берега озера, пока дорога не вывела на главный тракт. По словам мальчика, который доверился Локриджу, рассказал кое-что и даже спел ему балладу (о благородных дворянах, которые теперь, когда король Кристиан II, друг простого народа, заключен в замок Сендерборг, стали совершенно бессовестно этот народ притеснять), завтра был канун всех Святых. Локридж довольно точно рассчитал время; ему хотелось устроиться в городе и хоть немного освоиться в нем, прежде чем приниматься за поиски Йеспера Фледелиуса.

Главная дорога была грунтовой, грязной и изрытой глубокими колеями. Никакого транспорта на ней не было видно. Над Северной Ютландией все еще витал призрак прошлогоднего восстания, подавленного пушками Йоханна Рантзау.

В голых ветвях деревьев завывал ветер.

Полдюжины воинов стояло на страже у главного входа. Это были германские ландскнехты в перепачканных голубых мундирах, рукава которых раздувались вокруг лат. За плечами у них висели двуручные мечи пяти футов длиной. Две алебарды со звоном преградили путникам дорогу, третья оказалась нацеленной Локриджу в грудь.

— Halt! — рявкнул начальник караула. — Wer geht da?*

Американец облизал пересохшие губы. Наемники выглядели не слишком внушительно. Они были ниже его на несколько дюймов, как и большинство людей в этот век постоянного недоедания, — в его время, или в эпоху Аури, такого не было, — их лица под высокими шлемами были изрыты оспой. Тем не менее убить его они могли запросто.

Легенда у Локриджа была подготовлена.

— Я английский купец, путешествую со своей женой, — сказал он на их родном языке. — Наше судно потерпело крушение у западного берега. — Берег этот был настолько пустынным — там, где он его видел, — что Локридж был уверен: никто не уличит его во лжи. По сведениям, полученным от

* Стой! Кто идет? (нем.)

диаглоссы, кораблекрушения были далеко не редкостью. — Мы добрались сюда по суше, — закончил он.

Сержант смотрел недоверчиво, его люди напряглись.

— В это время года? И только вы двое спаслись?

— Нет-нет, все добрались до берега целыми и невредимыми, — ответил Локридж. — Корабль сидит на мели, он получил повреждения, но не развалился. — Хотя ему и много пришлось путешествовать, но морским волком, безусловно, он не был. — Капитан решил остаться там с командой, чтобы не разграбили товары. А поскольку у меня в Виборге неотложные дела, я взялся сообщить о случившемся и попросить помощи.

Локридж знал: для того чтобы добраться туда и выяснить, что он все наврал, понадобится как минимум три дня, и столько же обратно. К тому времени его здесь уже не будет.

— Значит, ты англичанин, да? — Маленькие глазки сержанта еще сузились. — Никогда не слышал англичанина, который говорит так, будто родился в Меклебурге.

Локридж мысленно выругался. Надо было постараться обойтись тем немногим из немецкого, что осталось в его памяти от колледжа, и не поддаваться соблазну использовать устройство в его ухе.

— Но так оно и есть, — постарался он поправить положение. — Мой отец много лет был там комиссионером. Поверьте, я вполне порядочный человек. — Он сунул руку в кошель, достал пару золотых ноблей и многозначительно позвенел ими. Видите, я могу позволить себе предложить достойным людям выпить за мое здоровье.

— Фридрих! Позови юнкера! — гаркнул сержант.

Один из ландскнехтов побежал через напоминавшие туннель ворота. Древко его копья стучало по булыжникам. Локридж попятился.

— Стой, где стоишь, чужеземец! — Стальное острие едва не коснулось его.

Аури схватила Локриджа за руку. Сержант подкрутил усы.

— Какая это, к черту, жена богатого купца? — нашел он, к чему еще придраться. — Загорелая, как любая крестьянская девка. — Он вытер нос тыльной стороной ладони и задумался. — Кто же вы все-таки?

Локридж заметил, как страх в глазах Аури уступил место другому чувству, прежде ей не знакомому, — смущению, вызванному тем, как пялились на нее ландскнехты. Будь у него в руке пистолет...

— Эй вы! — рявкнул он. — Ведите себя прилично, не то вас высекут.

Сержант захихикал:

— Или ты будешь болтаться на виселице — с той стороны города. Шпион! Вороны будут тебе рады. Тех крестьян, что мы для них повесили, они уже давно склевали до косточек.

Локриджу стало душно. Он не ожидал неприятностей. Что-то вышло не так.

Взгляд его блуждал по сторонам, он пытался найти выход из трудной ситуации, но выхода не было. Тлели запальные фитили аркебуз; невдалеке он слышал цокот железных подков.

Показался всадник в легких доспехах. На его лице застыло выражение надменности. «Должно быть, один из датских аристократов, — подумал Локридж, — которым подчиняется эта страна, этот иностранный гарнизон среди их собственного народа». Немцы неуклюже отдали честь.

— Это юнкер Эрик Ульфельд, — объяснил сержант. — Расскажи ему свою сказку.

Приподнялись светлые брови.

— Что ты можешь сказать? — произнес Ульфельд, тоже по-немецки.

Локридж назвал свое настоящее имя — почему бы и нет? — и повторил свою историю, добавив некоторые подробности. Ульфельд погладил подбородок — чисто выбритый по понятиям этого времени с существующими в нем бритвенными принадлежностями: ладонь юнкера прошлась словно по наждачной бумаге.

— Какие у тебя есть доказательства?

— Документов никаких нет, милорд, — ответил Локридж. Пот из-под мышек стекал по бокам. Всадник возвышался над ним горой на мутном фоне облаков; солнечные лучи приобрели медный грозовой оттенок, придав окружающему резкие очертания; ветер выл все громче. — Они пропали при кораблекрушении.

— Тогда, может быть, ты знаешь здесь кого-нибудь? — Голос Ульфельда звучал жестко и грозно.

— Да, в гостинице «Золотой Лев»...

Локридж осекся. Ульфельд схватился за рукоять меча. Все понятно: проклятая диаглосса! Вопрос был задан по-датски, и он, не подумав, ответил так же.

— Англичанин, который совершенно свободно говорит на двух иностранных языках? — пробормотал Ульфельд. В его

светлых глазах вспыхнул огонь. — Или человек графа Кристоффера?

— Прах Господен, милорд! — выпалил сержант. — Он убийца-поджигатель!

Вооруженные солдаты приблизились вплотную. Слишком поздно Локридж сообразил, в чем дело. Поскольку люди этого века умели пользоваться порохом, совершенно уже было кругосветное плавание, жив был Коперник, — он не догадался разобратся, чем, по существу, и насколько эта эпоха отличается от его собственной. Деревянные дома, соломенные крыши, воду приходится таскать ведрами — при таких условиях вряд ли хоть одному городу удавалось избежать повторяющихся опустошительных пожаров. Теперешний страх перед вражескими поджигателями был чем-то сродни тому страху перед ядерным оружием, который был Локриджу хорошо знаком.

— Нет! — воскликнул он. — Выслушайте меня! Я жил в Дании и немецких городах...

— Без сомнения, — сухо ответил Ульфельд, — в Любеке.

Сквозь путаницу мыслей в каком-то уголке сознания Локриджа пробивались привычные отвлеченные построения беспристрастной логики. Любек был ганзейским городом, по всей видимости, заключившим союз с Кристоффером, графом, чья обреченная на поражение война в интересах короля все еще бушевала на островах, — Локридж узнал это из того немногого, что мог рассказать ему тот бедный крестьянский мальчик. Вывод Ульфельда был вполне естественным.

— Но ты говорил, что тебя может опознать некий достойный гражданин, — продолжал датчанин. — Кто он?

— Его зовут Йеспер Фледелиус, — брякнула Аури.

— Вот зараза!

Спокойствия Ульфельда как не бывало. Его конь захрапел и сделал курбет, ветер взметнул его гриву. Сержант подал знак ландскнехтам, и они окружили пришельцев.

«О Господи, — мысленно застонал Локридж, — мало нам было всего? Я ведь хотел подождать, если можно, пока не разузнаю, значит ли здесь что-нибудь это имя...» Он едва заметил, как у него отобрали меч и нож и грубо обыскали Аури.

На лице Ульфельда вновь появилась маска отрешенности.

— Ты сказал, в гостинице «Золотой Лев»? — спросил он.

Раз начав, Локриджу осталось только продолжать.

— Да, милорд. Так мне говорили. Хотя его может там еще не быть. Я ведь не был в Дании много лет. И я почти ничего не знаю о том, что здесь происходило. По правде говоря, я

никогда не видел этого Йеспера. Моя компания странствующих купцов дала мне его имя, как человека, который... который может помочь нам наладить торговлю. Если бы я был вражеским агентом, милорд, разве я пришел бы вот так?

— Если бы ты был настоящим купцом, — возразил Ульфельд, — разве ты не знал бы, что нельзя приехать сюда торговать так же просто, как если бы мы были индейскими дикарями, у которых нет никаких законов, устанавливающих, кому это можно, кому нет?

— У него полный кошель, юнкер, — самодовольно сказал сержант. — Он пытался подкупить нас, чтобы пройти.

Локриджу захотелось выбить мерзавцу зубы. Он почти испытал удовольствие, услышав резкий ответ Ульфельда:

— Для тебя это был бы дорогой подарок.

Некоторое время дворянин молча сидел на коне, умело обуздывая его беспокойство. Аури отодвинулась от лошади подальше: она была такая большая, куда больше пони, которых она знала; к тому же Аури никогда не слыхала, что на лошадях можно ездить верхом.

Ульфельд принял решение.

— Приведите отряд, — приказал он.

— Я тоже пойду, милорд, — сказал сержант.

Усмешка тронула углы губ юнкера.

— Ты, конечно, чувствуешь вознаграждение. Действительно, за голову герра Йеспера назначена денежная премия. Однако оставайся на своем посту.

Ландскнехты пробурчали что-то в усы. Ульфельд бросил на них взгляд, и они тут же изобразили что-то вроде стойки «смирно»: как-никак с другой стороны города стояли виселицы.

— Мы отправимся в гостиницу, — сказал датчанин, — и посмотрим, если есть, на что смотреть, а потом зададим кое-какие вопросы. — Его глаза остановились на Аури. — Девка из Дитмарша, чтоб мне с места не сойти. Никто другой из низкороджденных не смеет так себя держать. Мой отец погиб там в день памяти короля Ханса, когда открыли шлюзы против нашей армии. Может быть, сегодня...

У Локриджа комок подкатил к горлу.

Появилось еще несколько пеших солдат. Ульфельд приказал им сопровождать пленников и поехал через ворота.

Внутри Виборг был менее привлекателен, нежели на расстоянии. На узких улочках свиньи ковырялись в гнилой трещине, кучи которой покрывали дорожные камни. В наступивших сумерках народу на улицах было мало. Локридж увидел

рабочего в блузе, согнутого пожизненным тяжким трудом; служанку с корзиной хлеба; проковылял прокаженный, дребезжа своей трещоткой, предупреждая о его приближении; проехала тяжело нагруженная повозка с огромными деревянными колесами, запряженная волами. Все они быстро исчезали в темноте, все гуще заполнявшей пространство между домами с высокими двускатными крышами и уже запертыми дверями и закрытыми ставнями — предосторожность против ночных грабителей. На лицо Локриджа упали первые капли дождя.

Сквозь ветер, звук шагов, стук копыт вдруг донесся высокий, далеко расходящийся звон.

— О! — воскликнула Аури. — Голос Богини!

— Церковные колокола, — сказал Локридж.

Несмотря на терзавшее душу отчаяние, он не мог не признать, что звук был очень красив — равно как и собор, смутно вырисовывающийся на другой стороне рыночной площади... Ветер переменялся, и в нос ему ударил кладбищенский смрад.

Вскоре Ульфельд натянул поводья. Качаясь на ветру, скрипела деревянная вывеска. При тускло-желтом свете, едва пробивающемся сквозь двери и ставни, в сгустившейся темноте Локридж смог разобрать лишь грубо намалеванного стоящего на задних лапах льва. Ландскнехты со стуком поставили свои пики на землю. Один из них проворно подскочил, чтобы придержать стремя, пока дворянин слезал с коня. Другой солдат стал стучать в дверь; юнкер Эрик, матово блестя шлемом и нагрудником, ждал, стоя с обнаженным мечом.

— Открывай, ты, свинья! — заорал немец.

Дверь со скрипом приотворилась, из нее выглянул маленький, толстый человек.

— Нечего вам тут делать в приличном заведении... — сердито начал он, но тут же прикусил язык. — Господин рыцарь! Я нижайше прошу прощения!

Ульфельд оттолкнул его и вошел. Локриджа и Аури впили следом за ним.

Комната была маленькая. Человек двадцатого века ударился бы головой о закопченные стропила; стены, казалось, сходились друг с другом. Грунтовый пол был устлан тростником. Стоявшие на полках лампы светили неверным тусклым светом, отбрасывая множество огромных бесформенных теней. Печь, сложенная из глиняных горшков, в которых можно было разогреть мороженую ногу или окорок, давала кое-какое тепло; грубо сделанный дымоход пропускал столько дыму, что

слезились глаза. Стоявший на козлах стол еще не был убран на ночь; какой-то человек сидел за ним с кружкой пива.

— Кто еще здесь остановился? — осведомился Ульфельд.

— Никого больше нет, милорд. — Было неприятно смотреть, как раболепствует хозяин гостиницы. — Клиентов теперь мало, вы знаете.

Ульфельд дернул головой:

— Обыскать.

Он подошел к одинокому посетителю, который остался сидеть на скамье.

— Кто такой?

— Герр Торбен Йенсен Свердруп из Вендсюсселя. — Глухой бас звучал дружелюбно, как после хорошей выпивки. — Простите, что не встаю: сколько лет уже в ноге шведский осколок. Ищите кого-нибудь?

Ульфельд глядел на него исподлобья. Мужчина был огромного роста — он казался бы гигантом в любом столетии, — здоровенные плечи возвышались над внушительным животом. Его лицо портили оспины и приплюснутый нос, зато глаза были ясные и жизнерадостные. Неряшливые темные с проседью волосы и нечесаная борода спадали на засаленный камзол.

— У тебя есть доказательства, что ты тот, за кого себя выдаешь? — спросил юнкер.

— О да, конечно, конечно! Я здесь по вполне законному делу, пытаюсь возродить мясную торговлю, поскольку она теперь снова в руках людей благородного происхождения, как ей и положено быть. — Свердруп рыгнул. — Выпьете со мной? Думаю, что могу даже потратить несколько грошей и поставить вашим людям.

Ульфельд приставил меч к его горлу:

— Йеспер Фледелиус!

— Как? Что такое? Никогда о нем не слышал.

Из задних комнат донесся испуганный женский визг, сопровождаемый грубым немецким хохотом.

— Ах да, — усмехнулся Свердруп, — у нашего хозяина прехорошенькая дочка. — Он взглянул на Локриджа и Аури. — А у вас с собой тоже недурная куропаточка, господин. Что все это значит?

— Я слышал, — Ульфельд пронзил взглядом Свердрупа и хозяина, — что предатель Фледелиус находится в этом доме.

Свердруп отхлебнул гигантский глоток из своей кружки.

— Слухами земля полнится. Вам мало того, что шкипер Клемент в Виборге?

— Фледелиуса ждет соседняя камера и топор палача. Эти незнакомцы говорят, что должны с ним встретиться. Ты должен представить мне документы, подтверждающие, кто ты есть.

Свердруп, моргая, посмотрел на пленников:

— Я, пожалуй, не отказался бы быть Фледелиусом, если такая прекрасная дама горит желанием его увидеть. Но, увы, я всего лишь бедный старый помещик из Скау. — Он начал шарить в своей одежде, потревожив солидную колонию блох. — Вот. Я полагаю, вы, в отличие от меня, еще не забыли, чему учились.

Ульфельд, нахмурившись, смотрел на пергамент. Вернулись его люди.

— Никого, кроме семьи хозяина, милорд, — доложил один из них.

— Вот видите, видите, я же говорил, — затараторил хозяин гостиницы. — Герр Торбен останавливался в «Золотом Льве» и в прошлые годы, милорд. Я его хорошо знаю, а у меня всегда было доброе имя — спросите у бургомистра, пусть скажет, разве Миккель Мортенсен не честный и добропорядочный человек?

Ульфельд бросил письмо на стол.

— Мы установим наблюдение, — решил он. — Преступник еще может объявиться. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы его предупредили. Вы двое, — он указал на двоих наемников, — оставайтесь пока здесь. Сторожите все двери и арестовывайте всех, кто придет. И чтоб никто не выходил. Остальные — за мной.

— Выпейте хоть кружку со старым одиноким человеком, — убеждал Свердруп.

— Нет. Я должен проследить за допросом арестованных.

«Если потребуется, — подумал Локридж, — на дыбе, с клещами и испанским сапогом. Для Аури...»

Сквозь застилавший глаза туман он уставился на сидевшего за столом человека.

— Пойдите, — прохрипел он. — Помогите нам.

Мешки под глазами у Свердрупа, казалось, набрякли еще больше.

— Мне очень жаль девочку, — тихо проговорил он, — но столько уже умерло и столько еще предстоит скоро умереть. — Он перекрестился.

Чья-то рука подтолкнула Локриджа к двери. Он уперся ногами. Древко пики с треском ударило его по колену. Боль пронзила его, он пошатнулся и крепко выругался. Голова Аури не была закрыта капюшоном, и солдат схватил ее за волосы.

— Нет! — пронзительно закричала девушка. — Мы принадлежим Ей!

Кружка Свердрупа со стуком опустилась на дощатый стол. Аури начертала в воздухе какой-то таинственный знак. Локридж не мог его разобрать — что-то из их ритуалов, мертвых и забытых, слепой крик...

Гигант сунул руку под стол и с усилием поднялся. В его руках появился самострел — натянутый и заряженный; под столом его скрывали складки плаща Свердрупа.

— Не спешите, милорд, — пропыхтел он, — не спешите так, умоляю вас.

Ульфелд повернулся на каблуках. Блеснул, поднимаясь, меч. Немцы нацелили свои копья, послышалась непристойная брань.

Если бы медведь умел улыбаться, он был бы похож на этого человека, который, судя по всему, и был Йеспером Фледелиусом.

— Спокойно, — сказал он, — спокойно. Одно движение, самое крошечное движение — и милорд рыцарь уже не будет таким красивым. Мы ведь не хотим огорчать благородных дам Виборга, а?

— Они убьют тебя! — завопил трактирщик. — С нами Божья милость!

— Что ж, они могут попытаться, после того как эта леди, которую я защищаю, произнесла свое резкое слово, — согласился Фледелиус. — Но мой меч пока еще при мне. Им приготовлен паштет из многих шведов, и голштинцев, и даже датчан. Нет ничего вкуснее, чем датчанин, отрекшийся от старого орла, — разве что, может быть, немецкий наймит. Мы могли бы провести весьма интересную дискуссию — все вместе. Однако вам, господин рыцарь, пришлось бы, к сожалению, удовлетвориться местом зрителя, и хотя в аду вам, несомненно, предоставили бы место, соответствующее вашему положению, всех ваших ребят, доживших до утра, вряд ли поблагодарили бы за то, что они не сумели уберечь столь драгоценную жизнь. Быть может, их даже попросили бы сплестись на веревочке, как вы думаете? Так что давайте лучше попробуем разрешить наш спор мирными, научными методами, как подобает истинным христианам.

Наступила такая тишина, что собственное дыхание звучало в ушах Локриджа громче, чем ветер и усиливающийся дождь на улице.

— Миккель, друг мой, — сказал Йеспер Фледелиус, — у тебя наверняка есть где-нибудь моток веревки. В этом случае мы могли бы связать этих замечательных парней, а не рубить им головы, как туркам. Конечно, это тоже достойная турок судьба — лежать в трактире и не иметь возможности выпить пива. Но завтра кто-нибудь да появится. Мужчины всегда хотят пить. Вам не кажется, что это евангелический символ: пиво, омывающее горло, в то время когда спасение оставляет иссушенную грехом душу? — Он посмотрел на Аури весело сияющими глазами. — В Писании верно сказано о мудрости, заключенной в невинности, милая девушка. Слова могли и не тронуть мою трусливую старую тушу, ибо слова дешевы и лукавы. Но ты нарисовала Ее знак, который не лжет. Я благодарю тебя.

Хозяин начал всхлипывать. Женщина с двумя детишками высунули испуганные лица из задней двери.

— Не унывай, Миккель, — продолжил человек, объявленный вне закона. — Просто-напросто тебе и твоим домашним придется покинуть город вместе с нами. Жалко отдавать этот постоянный двор в руки придурковатых судебных исполнителей юнкера, но Шабаш накормит и укроет тебя. — На мгновение широкое лицо озарила чистая и полная любовь. — А когда вернется Она, ты будешь вознагражден.

Он подал Локриджу знак движением подбородка.

— Господин, будь добр, отбери оружие у этих... — спокойным голосом произнесенное выражение производило жуткое впечатление — и спрячь в безопасное место. Нам надо отправляться с соизволения Божьего как можно скорее. Дело нашей госпожи не ждет.

Глава 11

По крыше барабанил дождь. Пастушья лачуга, одиноко стоящая посреди вересковой пустоши, в это время года пустовала; она представляла собой постройку из мха, где человек мог отдохнуть, настолько грубую и бедную, что ею погнушались бы даже люди Тенил Оругарэй. Аури, однако, спала, свернувшись на земле и положив голову Локриджу на колени.

Миккель Мартинсон с женой и детьми сидели снаружи. Американцу это казалось унижительным; чувство усугублялось

полным отсутствием у них обиды за то, что он, которого они принимали за дворянина, отдыхает в относительной сухости.

Фледелиус тоже настаивал:

— Нам нужно обсудить кое-какие секретные вопросы — тебе и мне, — а когда мы пойдем завтра пешком, так я из-за своих старых костей не то что говорить, а дышать еле смогу.

Провести лошадей через контрабандистский туннель, проложенный под стенами Виборга, было невозможно. Поэтому беглецы отошли недалеко от города. Но снаружи царили пустота и темнота, нарушаемые лишь иногда вспышками молнии. При этом каждую веточку вереска, каждую стремительно падающую каплю дождя, каждый ручеек, струящийся по пропитанной влагой земле, на мгновение отчетливо озаряло белое пламя.

Без огня в хижине было темно и холодно. В промокшей насквозь одежде было только хуже, и Локридж, по примеру Фледелиуса, разделся до чулок, обхватил себя руками и постарался не стучать зубами. Аури лежала голая, и ничто ее не тревожило. Следовало бы вместо нее пустить под крышу одного из детей трактирщика; но ей необходимо было его присутствие — в этом мире железа и жестокости, — более необходимо, чем детишкам крыша над головой.

Очередная вспышка молнии расколола небо. Раздались раскаты грома. На секунду помятая физиономия Фледелиуса предстала в дверном проеме, словно фантастическая маска сатира, — и вновь беспросветная тьма и завывание ветра.

— Пойми, — сказал датчанин искренне, — я добрый христианин. Я не желаю иметь ничего общего с этой лютеранской ересью, которую юнкера со своим марионеточным королем навязывают королевству, и, уж конечно, с язычеством колдунов. Но ведь есть не только черная, но и белая магия. Разве не так? А обычай приносить жертвы Невидимым существует с незапамятных времен. Они, в сущности, не обращаются к Сатане — эти бедные невежественные крестьяне, которые собираются в канун Мая и завтра. Не обращаются и к ложным богам, о которых можно прочитать в хрониках Сакса Грамматикуса. Виборг когда-то назывался Вебьорг — Святая Гора. Там, где сейчас стоит собор, было святилище, древнее уже к тому времени, когда Один привел свой народ с востока. Духи земли и воды — почему нельзя человеку обращаться к ним за помощью, не совершая тяжелого греха? В наше время крестьянину зачастую больше не к кому обратиться. — Он повернул-

ся на мокрой земле. — Но я только поддерживаю контакт с Шабашем. Я не вхожу в него.

— Я понимаю, — сказал Локридж.

Слова Фледелиуса казались ему верными, и видел он больше того, чем тот сказал. Перед его мысленным взором начал вырисовываться узор — смутный и громадный.

История человека была историей религии.

Аури, спящая так мирно среди грозových раскатов, или народ Аури, или индейцы, которых он видел на Юкатане, да и все примитивные народы, о которых ему было известно, чья культура не приняла совершенно извращенных форм, — все они обладали одним качеством — духовной целостностью. Личное дело каждого — считать ли это достаточной компенсацией за все то, чего у них не было. Факт оставался фактом: они составляли единое целое и с землей, и с небом, и с морем — так, как те, кто отделяет богов от себя или вообще отрицает их существование, никогда не смогут. Когда индоевропейцы приносили с собой в ту или иную землю свой патриархальный пантеон, они приносили много хорошего; но они также создавали новый тип человека — одинокого человека.

Никакого резкого разделения не существовало. Старым богам удалось устоять. С течением времени они сливались с пришельцами, преображали их, и в конце концов вечные формы снова становились ясными, только под другими именами. Диауш Питар, с его солнечной колесницей и боевым топором, стал Тором, чья повозка была запряжена скромными серыми козлами и чей молот возвещал дождь, который есть жизнь. Рыжебородому не предлагали кровавых жертв: он сам был йоменом. А когда Один, одноглазый бог в волчьем обличье, которому военачальники приносили человеческие жертвы, пал, уступив место Христу, и остался в памяти всего лишь троллем, Тор принял имя святого Олафа. Фрей стал святым Эриком, чья повозка выезжала каждую весну для благословения полей, а Она надела голубую мантию Пресвятой Девы Марии. И всегда, во все времена существовали маленькие боги, эльфы, домовые, гномы, русалки, настолько близкие к реальному миру, что их даже не называли богами; они превращались людьми в символ помощи и зла, любви и страха, удивительной тайны и непостоянства, которые и составляют жизнь.

Сам Локридж был агностиком (дитя грустного, превозносящего интеллект и отвергающего инстинкт времени, которому, как он теперь видел, недолго оставалось жить) и не стал высказывать мнения по поводу затронутых объективных истин.

Насколько он понимал, Мария могла быть настоящей Царицей Небесной, а Триединая Богиня — лишь ее интуитивным восприятием. Рассудительный человек вроде Йеспера Фледелиуса мог этому поверить. Или же обе могли быть тенями, отбрасываемыми некоей абсолютной реальностью, или обе могли быть мифом. В истории имеет значение не то, что люди думают, а то, что чувствуют.

И в этот гигантский, медленно развивающийся конфликт и переплетение двух мировоззрений вмешалась война во времени. Патруль организовывал нашествия воинствующих племен и их воинственно настроенных богов; Хранители изыскивали тайные пути для того, чтобы сберечь старых богов и подогнать новых под их образ. Патруль поддерживал народ томагавка, который уничтожил культ общей могилы; однако кочевники неолита превратились в земледельцев и мореплавателей бронзового века, и солнце стало уже не духом огня, а хранителем земли и ее оплодотворяющим супругом. Пришло христианство с его книгами и с первым из богов, каравшим за неверное представление о его природе, — и вскоре сердца людей стали принадлежать Марии. Реформация вернула Йегову, вооруженного страшным оружием против инстинктивной веры — печатным словом, — но сама религия осталась тонко разделенной, дискредитированной, выхолощенной, пока, спустя пять или шесть веков, мир не ощутил собственное бесплодие и не возжелал новой веры, которая была бы более глубокой, чем слова. Локридж попробовал заглянуть в столетие, следующее за его собственным, и не смог увидеть победного шествия науки; перед его мысленным взором представляли люди, собирающиеся на холмах во славу нового бога — или возрожденного старого.

А может быть, богини?

— Как она пришла к тебе? — спросил он.

— Ну... — В грубом и хриплом голосе Фледелиуса звучало благоговение. — История довольно длинная. Надо сказать тебе, что я — самый крупный землевладелец округа около Левмига, точнее, был им так же, как и мои предки со времен первого Вальдемара. Это бедный район; Фледелиусы никогда особо высокого положения не занимали и гордыней не страдали, были близки к своим крестьянам; а в Ютландии до сих пор простые люди более свободны, чем на островах, где крепостные продаются и покупаются. На моей земле находился кемпехей («Я знаю этот дольмен», — мрачно подумал Локридж), где простой народ имел обыкновение делать неболь-

шие жертвоприношения. Люди рассказывали о происходящих там время от времени чудесах, которым были свидетелями, странных появлениях и исчезновениях, о всякой всячине. Но если священник ничего не говорит, то кто такой я, чтобы вмешиваться в старинные обычаи? Это приносит несчастье. Лютеране еще узнают это, стране на горе.

Ну так вот. Я воевал. Не стану ничего говорить против милорда короля Кристиана. Швеция принадлежала ему по праву, восходящему еще к королеве Маргарите, и я считаю Стена Стуре предателем за то, что он поднял королевство против датского правления. И все же... пойми, я не тряпка какая-нибудь, я не одну башку расколотил... и все же... Когда мы вошли в Стокгольм, была обещана амнистия; тем не менее обезглавленные трупы были сложены высокими штабелями: дни стояли морозные. Так что я вернулся домой несколько расстроенный и зарекся покидать свои песчаные земли. Жена моя тоже умерла — хорошая была старуха, действительно хорошая, — а сын учился в Париже и, надо полагать, смотрел на меня свысока: я ведь свою подпись еле умею поставить...

И вот как-то летним вечером я шел по полю возле этого дольмена, и тут появилась Она.

Фледелиус попытался описать ее, и по его неуклюжим словам Локридж узнал Сторм Дарроуэй.

— Ведьма, или святая, или вечный дух земли — я не могу сказать, кто она. Возможно, она околдовала меня. Ну и что с того? Она не стремилась отвлечь меня от христианской веры; она больше рассказывала о некоторых вещах, про которые мне было неизвестно, — например, про Шабаш, — и предугадала, что впереди ждут тяжелые времена. И еще она показывала мне чудеса. Я своими бедными старыми мозгами не могу толком понять ее рассказы о путешествиях из прошлого в будущее и обратно, — но разве не все возможно с Божьего соизволения? Она дала мне золота, в котором я крайне нуждался, столько времени пробыв на войне и вернувшись почти без добычи. Но в основном я служу ради нее самой и в надежде когда-нибудь увидеть ее снова.

Обязанности мои просты. Я должен быть в гостинице «Золотой Лев» в канун Дня всех Святых в течение двадцати лет. Видишь ли, она ведет войну. Ее друзья, как и ее враги, перелетают с места на место, даже по воздуху; они могут объявиться где угодно и когда угодно. Колдуны — не простые, которые лишь немного связаны с язычеством, а их вожди, которые могут им приказывать, — подчиняются ей, составляют часть

ее сети шпионов и агентов. Но они не могут показываться в приличных местах, а я могу. Если кто-то появится — как вы — и ему понадобится помощь, я должен там быть и отвести его на Шабаш, где он найдет мощное оружие и волшебные машины. Был еще человек, выполнявший те же обязанности, только в канун Майского дня, но он умер. В общем, нетрудная работа за кучу золота, а?

«Ночи равноденствия, — подумал Локридж, — принадлежат земным богам. Летнее и зимнее солнцестояние принадлежит солнцу — ими владеет Патруль».

Голос Фледелиуса стал еще глуше:

— Безусловно, она думала, что в своем ожесточении я останусь нейтральным и, таким образом, буду в безопасности в войне, которую она, должно быть, предвидела. Но я не оправдал ее надежд. Очень часто я не мог быть на месте. Кто-нибудь погиб из-за меня, как ты думаешь?

— Нет, — ответил Локридж. — Мы тебя нашли. Вспомни: война ведется во всем мире и во всех временах. Твой форпост — лишь один из многих.

Ему стало не по себе, когда он подумал, сколько их может быть всего. Никто не в состоянии вести наблюдение за всеми отрезками пространства и времени. Сторм была вынуждена заключать такие маленькие союзы, опирающиеся на полупонимание, как языческий культ, родившийся от отчаяния, основанный на существовавших с незапамятных времен символах, которые она вернула к жизни и интерпретировала. В других эпохах были свои секретные связи. Все — предназначенные для того, чтобы оказать помощь в случае нужды.

И сейчас эта помощь нужна была как никогда. Ибо Сторм находилась под замком в лапах Брэнна, за тридцать три столетия до нынешнего времени; когда прибудет его технический персонал, они высосут из нее все, что ей известно, и выбросят шелуху. Все лучше и лучше осознал Локридж, какой важной фигурой, должно быть, является она во всем их деле. Если отряд ютов сумеет ей помочь, то это, может быть, послужит оправданием тому, что тысячи и тысячи людей по всей Европе были схвачены и сожжены живьем охотниками на ведьм времен Реформации.

Локриджу не хотелось развивать эту мысль. Вместо этого он стал размышлять о том, какими анклавами может владеть Патруль. При дворе Эхнатона? Цезаря? Мухаммеда? В Манхэттенском проекте?

— Понимаешь, — продолжал свои признания Фледелиус, — когда король бежал в Голландию, я простил ему Стокгольм после того, как он предоставил народу столько прав — знаешь, даже колдунов всего-навсего выгоняли плетьюми из города — и отправился с Сереном Норби воевать против захватчиков. А потом я плавал со шкипером Клементом и защищал Аальборг; в тот год нас окончательно разбили. С тех пор я вне закона. Но мне удалось найти священника, который подделал мне письмо и печать, чтобы я мог войти в Виборг. А наш трактирщик Миккель давно меня знает и сам принимает участие в Шабаше. Благодаря этому, когда вы появились, я оказался под рукой. Разве не так?

— Именно так, — ответил Локридж как можно мягче.

Фледелиус похлопал по своему вложенному в ножны мечу. Сомнения и чувство вины оставили его — он вновь стал тем человеком, который насмехался над юнкером Эриком.

— Хвала Всевышнему! Теперь твоя очередь, друг. Кого нам нужно отправить в преисподнюю?

Локридж рассказал ему все, насколько позволяли языки и доступные понятия.

На возвышающемся посреди пустоши холме горел колдовской костер. Красные языки пламени плясали на высоком валуне, перед которым Аури почтительно склонилась: в ее время это был алтарь. Над их головами сияли звезды кануна Дня всех Святых — неисчислимые и далекие. По земле разлился покой; в воздухе ощущался холод.

На молящихся Локридж не обратил особого внимания. Их было немного: лохматые крестьяне в блузах и шерстяных шапках, деревенские жители в залатанных кожаных куртках и чулках, их дети-подростки, совершенно здесь неуместная содержательница борделя из Виборга, чей наряд производил жалкое впечатление в этом неземном мраке. Все они выскользнули тайком из своих домов и хижин и прошагали не одну милю ради того, чтобы на час стать свободными, получить одобрение и умиротворение от древних сил этой земли и хоть немного, совсем немного мужества для завтрашней встречи со своими господами. Локридж надеялся, что ему удастся увести Аури отсюда, пока еще ничего не началось. Не то чтобы оргия как таковая могла ее шокировать — просто он не хотел, чтобы она увидела то, что, по его предположениям, представляет собой выродившийся остаток радостно-праздничных обрядов ее народа.

Его взгляд и мысли вновь обратились к Магистру.

Высокий и худой, стоял Маркус Нильсен; черты лица, плохо различимые в тени капюшона его рясы монаха-доминиканца, выдавали в нем иностранца. В этой эпохе его знали как бродячего проповедника. В отличие от Англии, где он называл себя Марком из Солсбери, в Дании католики не подвергались преследованиям, колдуны, однако, вновь оказались в опасности. Родился он под именем Хранителя Марета через две тысячи лет после Локриджа и колесил по захолустным уголкам Европы времен Реформации, служа своей королеве Сорм Дарроуэй.

— Ты принес худые вести, — сказал он.

Диаглосса позволяла ему говорить с американцем на французском — языке, непонятном как его пастве, так и бесстрастному Фледелиусу; Аури же он велел отойти за пределы слышимости.

— Ты, может быть, не понимаешь, какое исключительное значение имеют она и Брэнн, — продолжал он, помолчав. — Так мало способных людей с той и с другой стороны. Они становятся кем-то вроде первобытных царей, ведущих свои войска на битву. Ты и я — ничто, а вот то, что она схвачена, — катастрофа.

— Что ж, — резко ответил Локридж, — теперь ты в курсе. Полагаю, у тебя есть доступ к будущему. Организуй спасательную экспедицию.

— Все не так просто, — сказал Марет. — Во всем историческом периоде от Лютера и дальше твоего времени господствует Патруль. Силы Хранителей сконцентрированы в других эпохах. В этом столетии действует лишь несколько агентов, вроде меня. — Он сплел пальцы и хмуро уставился на них. — Говоря по правде, мы фактически вроде как отрезаны. Насколько могла выяснить наша разведка, все ворота, через которые можно проникать далеко в будущее, охраняются. Ей следовало сказать тебе, чтобы ты искал отрезок в истории Дании, где Хранители более твердо стоят на ногах. Правление Фродхи, например. Однако она лично занималась установлением этого поста наблюдения, потому как окружение здесь действительно трудное и опасное. Поэтому, я думаю, она назвала первый, пришедший ей в голову в те короткие минуты, что были у вас для разговора.

Опять Локридж увидел ее, ощутил ее близость.

— К черту все это, ты же должен решать проблемы! — Он схватил Марета за рясу. — Наверняка что-то можно сделать!

— Конечно, конечно. — Тот в раздражении оттолкнул Локриджа. — Разумеется, надо действовать. Но не опрометчиво.

Ты не испытал на себе единства времени. Имей уважение к тем, кто в этом разбирается.

— Слушай, если я смог подняться во времени по здешнему коридору, значит, мы все можем по нему спуститься. Мы можем даже появиться в неолите раньше Брэнна и ждать его там.

— Нет. — Марет энергично, даже слишком, отрицательно затряс головой. — Время неизменяемо. — Он перевел дух и продолжил уже более спокойно: — Попытка была бы заранее обречена на провал. Что-нибудь, вне всякого сомнения, произошло бы — например, мы встретились бы в коридоре с превосходящими силами противника, и они расстроили бы наши планы. В любом случае не вижу никакого смысла вообще использовать датский¹ туннель. Здесь некому нам помочь, кроме этих... — Он презрительно махнул рукой в сторону участников Шабаша. — Верно, мы могли бы попробовать спуститься по нему сами и собрать подкрепление в довикинговой эпохе. Но зачем это делать — или зачем рисковать и пересекать полмира, добираясь до наших восточных и африканских баз, — когда под рукой куда более надежная помощь?

— Что? — Локридж вытаращил глаза.

Хранитель отбросил свою академическую манеру. Он шагнул взад-вперед, рассуждая вслух, — ни дать ни взять полководец в монашеской рясе.

— Брэнн прибыл один, потому что знал, что Кориока — она — тоже одна, так что у него сил не больше, чем у нас. Однако, схватив ее, он призовет людей, чтобы закрепить свои завоевания. С этим нужно считаться. Неопределенность появления, если помнишь. Раз мы не появились и не спасли ее той ночью, значит, и не появимся. Следовательно, все говорит за то, что мы не появимся — не появились, — пока к нему не придут Патрульные. И совершенно ясно, что они поставят охрану у входа в коридор.

Но в нынешнем столетии основные наши европейские силы сосредоточены не в Дании. Скорее они сконцентрированы в Британии. Король Генрих отошел от римской церкви, но мы проследили, чтобы он не перешел в лютеранство: его королевство является для нас стержневым. То, что тебе известно как эпизод с двумя королевами Мариями, — победы Хранителей; Патруль вновь поднимется с Кромвелем, но мы вытесним их в период Реставрации.

Знаю, ты удивляешься — зачем вести кампанию, исход которой заранее известен. Ну, прежде всего во время ее ведения

враг несет потери. Но важнее то, что каждый твердо удерживаемый участок является источником могущества, рекрутов, сил, на которые можно опереться, еще одной гирей, брошенной на чашу весов будущего, в котором будет достигнуто окончательное решение, суть которого нам неизвестна.

Но слушай дальше. В Англии у меня тоже есть паства, и там я не языческий церемониймейстер, совершающий обряды с горсткой голодающих крестьян, а проповедник рыцарей и богатых йоменов, убеждающий их оставаться в лоне пресвятой католической церкви. Ну и... там есть коридор, о существовании которого Патруль не подозревает, с собственным выходом в неолите. Ворота открываются в прошлое относительно датских ворот, но частично — на несколько месяцев в том самом году, который нам нужен, — они совпадают.

Марет схватил Локриджа за плечи. Его глаза горели.

— Друг, ты со мной? Ради Нее?!

Глава 12

— Эй-е-и! Hingst, Hest, og Plag faar fligte Dag! Kommer, kommer, kommer!

Полы рясы Магистра Ордена колдунов взлетели, будто крылья. Он протянул вверх руки и обратил лицо к небесам; вихрь — невидимый, неосязаемый, неслышимый — подхватил его и его избранников. Все выше и выше поднимались они, пока не затерялись среди холодных созвездий. Праздничный костер взметнулся вверх, бросая искры и языки пламени вслед своему господину, и снова вернулся в свое лоно. Участники Шабаша с содроганием разошлись.

Крик застрял в горле Аури: она закрыла глаза и уцепилась за руку Локриджа. Йеспер Фледелиус выдал серию непотребных ругательств, затем опять стал самим собой и завопил восторженно, как мальчишка. Американец в какой-то мере разделял его возбуждение: ему приходилось летать, но не на конце гравитационного луча.

Никакого ветра не ощущалось: воздушную струю отклоняла энергия, излучаемая поясом, скрытым под рясой Марета. Они двигались неслышно, как летучие мыши, в нескольких сотнях футов над землей: скорость уже достигла сотен миль в час.

В темноте пронеслись над пустошью; Виборг показался на мгновение и исчез; блеснули воды Лимфьорда; остались позади западные дюны, и вот уже внизу волны Северного моря,

тронутые белыми отсветами обгоняющего зарю месяца. Окутанный мраком и полный удивления, Локридж вздрогнул от неожиданности, когда в поле зрения появилась Англия, — так скоро?

Они летели над равнинами Восточной Англии. Виднелись окруженные полями деревушки, состоящие из домов с соломенными крышами, вздымались над рекой зубчатые крепостные стены замка... Это было как сон — невозможно представить, что он — такой, в сущности, обычный — летит за колдуном по небу в ту же самую ночь, когда король Генрих храпит рядом с Анной Болейн... бедной Анной, чью голову меньше чем через год снимет с плеч топор, — и некому ее предупредить. Зато ее дочь лежит в колыбели в том же самом дворце, и ее называли Елизаветой... Словно видение, Локриджа охватило ощущение не только необычности его собственной судьбы, но и тайны, общей для всех людей.

Возделанные поля уступили место пустоши, где островки сгрудились посреди озерец и болот, — Линкольнширским полям. Марет устремился вниз. Остатки увядшей листвы расступились перед ним, он остановился и ловко опустил остальных. На фоне бледнеющего неба Локридж увидел мазанку.

— Это моя английская база, — объяснил ему Хранитель. — Ворота во временной коридор — под ней. Вы побудете здесь, пока я собираю людей.

За простым фасадом хижина оказалась почти роскошной: деревянные полы и панельная обшивка, достаточное количество мебели и хорошая подборка книг. Продовольствие и другие запасы из будущего были спрятаны за несколькими панелями; не было видно ничего, что могло бы показаться слишком необычным для этой страны и этого времени. Правда, незванный гость бы заметил, что внутри тепло и сухо в любое время года. Однако никому не случалось сюда заходить: крестьяне были суеверны, а дворяне нелюбопытны.

Трое спутников Марета обрадовались передышке. Они были обычными людьми, а не продуктами той эпохи, в которой стало возможным придавать наследственности любые желаемые качества, к тому же их нервы были напряжены до предела. Следующие два дня прошли, можно сказать, как интерлюдия, заполненные сном и отдыхом в полусонном состоянии.

На третье утро, однако, Аури подошла к Локриджу. Он сидел на лавке у входной двери и с наслаждением курил. Хотя он и не был заядлым курильщиком, но все же ему иногда очень

не хватало возможности покурить, и, по его мнению, Хранители проявили редкую предусмотрительность — пусть это даже было анахронизмом, — держа под рукой табак вместе с глиняными трубками. Приятно было и то, что погода значительно улучшилась. Лучи бледного солнца падали сквозь обнаженные ветви ив. Высоко в небе летел к югу запоздалый клин диких гусей; их крики пронизывали застывшую тишину — далекая и полная одиночества песня бродяг. Тут Локридж услышал приближающиеся легкие шаги, поднял глаза — и был поражен красотой Аури.

До этой сонной «интерлюдии» у него как-то не находилось времени подумать о ней иначе как о ребенке, нуждавшемся в ее защите — пусть даже не слишком надежной. Этим утром девушка вышла погулять на болото — почти такое же, как в ее родных местах, — прикрытая лишь своими длинными, до пояса, шелковистыми волосами цвета кукурузы; теперь она чувствовала себя обновленной. Грациозно, как лань, Аури подбежала к нему, огромные голубые глаза задорно сияли на веселом лице. Он увидел смех и удивление на ее губах и встал с бьющимся сердцем.

— О, пойдем, посмотри! — восклицала она. — Я нашла замечательную лодку!

— Господи Боже! — У Локриджа перехватило дыхание. — Надень что-нибудь, девочка.

— Зачем? Ведь тепло. — Она пританцовывала от нетерпения. — Рысь, мы можем поехать кататься и ловить рыбу, и весь день наш, и Богиня счастлива, и ты наверняка уже отдохнул; ну давай поедем!

— Но... — «А почему бы и нет?» — подумал он. — Хорошо. Но сперва ты оденешься, понятно?

— Если ты хочешь.

Недоумевая, она послушно взяла платье в хижине, где Флелиус все еще храпел среди разбросанных кувшинов из-под эля, и стрелой полетела через лес впереди Локриджа.

Ялик, привязанный к пню, показался ему весьма заурядным. Но, конечно, у народа Аури лодки были либо сплетены из ивняка и обтянуты кожей, либо выдолблены из ствола дерева; фальшборт у них закреплялся колышками или ивовыми прутьями. Здесь же были использованы настоящие железные гвозди! А уж когда Аури увидела, как он сел на весла, вместо того чтобы отталкиваться шестом или грести одним веслом, она прямо рот раскрыла от изумления.

— Это, конечно, привезли с Крита, — вздохнула она.

У Локриджа не хватило духу сказать ей, что разоренный Крит находится под властью венецианцев, а в следующем веке ему предстоит пережить турецкое нашествие.

— Возможно.

Он вел лодку среди камышей и ивняка, пока они не выплыли на открытое мелководье. Здесь расположился заросший кустами островок; солнце играло на спокойной воде. Вместе с одеждой Аури прихватила с собой рыболовные снасти. Она насадила наживку и умело закинула леску в укромное место под бревном. Локридж откинулся и вновь разжег свою трубку.

— Ты исполняешь странный обряд, — заметила Аури.

— Только для удовольствия.

— Можно мне попробовать? Ну пожалуйста!

Он дал себя уговорить; результат был именно такой, какого он и ожидал. Сглатывая и отплевываясь, она протянула трубку.

— У-ух! — Она терла глаза. — Слишком сильно для таких, как я.

Локридж усмехнулся:

— Я предупреждал тебя, девочка.

— Мне надо было послушаться. Ты всегда прав.

— Но послушай...

— Мне бы хотелось, чтобы ты не говорил со мной как с ребенком. — Она покраснела. Затрепетали и опустились длинные ресницы. — Я готова стать женщиной, когда только ты захочешь.

Сердце Локриджа забилось быстрее.

— Я обещал снять с тебя заклятие, — пробормотал он. Ему пришло на ум, что он ведь может погибнуть в предстоящем сражении. — В сущности, оно уже снято. Колдовства больше не нужно. Ну... понимаешь... проход через подземный мир... новое рождение. Понимаешь?

Ее охватила радость. Она придвинулась к нему.

— Нет, нет, нет! — Локридж не знал, как быть. — Я не могу... сам...

— Почему нет?

— Посмотри вокруг... сейчас не весна.

— Разве это имеет значение? Все остальное ведь тоже изменилось. И знаешь, Рысь, ты мне так дорог...

Аури прижалась к нему — теплая, нежная и горящая желанием. Ее губы и руки были очаровательно неловкими. «Что ж, мой собственный дедушка назвал бы ее мужа счастливым, — подумал он, утопая в ее волосах и в ней самой. — Но нет, черт возьми, нет!»

— Мне придется оставить тебя, Аури...

— Так оставь меня со своим ребенком. Я не хочу думать, что будет потом — не сегодня.

Проявить резкость было выше его сил. Локридж сделал единственное, что пришло ему в голову, — двинулся слишком далеко вбок, и ялик опрокинулся.

К тому времени когда они перевернули его и вычерпали воду, ситуация была уже под контролем. Аури восприняла знак недовольства богов без страха, поскольку всю жизнь прожила среди подобного рода предзнаменований; она даже не была особенно разочарована: слишком светло и радостно было у нее на сердце. Она стянула с себя мокрое платье, хихикая из-за того, что Локридж не захотел раздеться.

— Во всяком случае, я могу смотреть на тебя, — сказала Аури, когда к ней вернулась рассудительность. — Еще будет время после того, как ты освободишь Авильдаро.

Локридж помрачнел.

— Деревня, которую ты знаешь, не вернется, — сказал он. — Вспомни, кого не стало.

— Я знаю, — ответила она с грустью. — Эхегона, который всегда был таким добрым, и Вуровы Веселого, и еще стольких других.

Однако все, что произошло с тех пор, приглушило ее боль. Кроме того, люди Тенил Оругарэй не переживали потери так тяжело, как те, кто пришел после них. Они прекрасно научились принимать все таким, как оно есть.

— К тому же нельзя забывать о ютоазах, — продолжал Локридж. — Мы можем прогнать их племя в этот раз. Но есть ведь и другие могущественные племена, которым не хватает земли. Они вернутся.

— Зачем ты все время мучаешь себя, Рысь? — Она склонила голову набок. — Ведь у нас есть сегодняшний день, и... О-о! Рыба!

Он жалел, что может лишь притвориться веселым, но не радоваться жизни по-настоящему, как она. Его мертвые были с ним неотлучно: народы, короли и не оставившие по себе памяти простые люди во всех эпохах, где шла война во времени, — да, даже тот парень, которого он убил у себя на родине через четыре века. Он видел теперь, что его ханжеская уверенность в своей правоте лишь прикрывала ощущение виновности в убийстве. «О, конечно, я этого не хотел, — устало говорил он себе, — но факт остается фактом... это произойдет... и

будет в моей власти, я вывернул бы само время наизнанку, лишь бы этого не было».

Они завтракали своим уловом, в стиле «сашими», когда протрубил рог. Локридж вздрогнул: так быстро? Не теряя времени, он стал грести к дому.

Действительно, Марет уже был там — с шестью другими Хранителями. Они сменили свои наряды священника, рыцаря, купца, йомена, нищего на плотно облегающую форму, похожую на ту, что он видел на Патрульных, но цвета зеленой листвы; радужно-переливающиеся плащи ниспадали с их плеч. Из-под бронзовых шлемов они отчужденно глядели на своих помощников темными продолговатыми глазами. Их лица так напоминали лицо Сторм, что становилось не по себе.

— У нас есть еще один агент на Британских островах, — сказал Марет. — Он приведет войско после наступления темноты. А пока нужно заняться приготовлениями.

Локриджу, Аури и Фледелиусу пришлось выполнять поручения, смысла которых они не понимали. Поскольку этот коридор оставался тайной для врага и его ворота открывались на жизненно важный период, аванзал был забит военными машинами, и входы были достаточно широки, чтобы их пропустить. Американец мог в общих чертах распознать некоторые из них — средства передвижения, стрелковые орудия; но что представлял собой кристаллический шар, в котором клубилась тьма, усыпанная, словно звездами, мерцающими точками? Что это за спираль из желтого огня, холодного на ощупь? Его вопросы пренебрежительно игнорировались.

Даже Фледелиус разозлился.

— Я им не крепостной, — ворчал он.

Локридж старался подавить раздражение.

— Ты же знаешь, как прислужники любят распоряжаться другими. С королевой все будет иначе, когда мы с ней встретимся.

— Да, ты прав. Ради нее я готов проглотить свою гордость... Любят распоряжаться. Охо-хо! Да ты остроумный парень! — Фледелиус захохотал и так хлопнул Локриджа по спине, что тот пошатнулся.

Наступили сумерки, опустилась темнота. С неба вихрем спустились люди из Англии короля Генриха.

Это была компания неотесанных и необузданных ребят — всего человек сто: отставные солдаты, моряки, более похожие на пиратов, охотящиеся за состоянием младшие сыновья, разбойники, бродячие ремесленники, валлийские повстанцы,

парни из низин, занимающиеся кражей скота, — они собрались отовсюду — от Дувра до Лендс-Энда, от Шевиот-Хиллз до лондонских улиц. Локридж мог только гадать, как был каждый из них завербован. Кто-то по религиозным побуждениям, кто-то за деньги, кто-то, чтобы избежать виселицы; одного за другим Хранители разыскали их и втянули в тайный союз — и вот теперь пришло время воспользоваться их услугами.

Факел высвечивал лица в бурлящей и ворчащей толпе, собравшейся на острове. Рядом с Локриджем стоял коренастый моряк с косичкой, в драных штанах и рубашке, босой, с серьгами в ушах и изрезанным старыми шрамами лицом.

— Ты откуда, друг? — спросил его Локридж.

— Из Девона я, — ответил тот. Локридж понимал его с большим трудом: даже лондонцы все еще произносили гласные на голландский манер, а у этого парня вдобавок имелся еще и сильный диалект. — Я был в борделе матушки Колли, когда меня вызвали. Была там, знаешь, на редкость шустрая бабенка! Будь у меня еще часок, она б не скоро забыла Неда Брауна. Но когда медальон заговорил... Клянусь Богом, я был под французским огнем и накалывал на пику караибов, а они орали и лезли по бортам галеона... но никогда не посмел бы я ослушаться этого вызова.

— Медальон?

Браун постучал по диску с изображением Девы Марии, который висел у него на шее. Локридж заметил такие же диски на волосатых торсах еще нескольких человек.

— А тебе что, не дали такого? Ну, он шепотом сообщает, когда ты им нужен, да так, что никто, кроме тебя, не слышит, и говорит, куда надо двигать. Он меня там встретил и перенес в какое-то дикое место, а потом сюда... Я не знал, что у него на службе такая уйма народу.

Перед входом в хижину выросла фигура Марета. Он возвысил голос — не слишком сильно, — но волнение улеглось.

— Люди, — сказал он, — долгое время большинство из вас состоят в товариществе, и многие могут вспомнить, как оно спасло их от тюрьмы или смерти. Вы знаете, что служите делу добрых магов, которые своим искусством помогают святой католической вере в борьбе с язычниками и еретиками. Сегодня вы призваны, дабы исполнить свою клятву. В далекий и необычный путь отправитесь вы, чтобы сражаться с дикими людьми, в то время как мы, ваши господа, займемся колдунами, которым они служат. Идите же смело вперед, во имя

Господа, и те, кто останется в живых, будут богато награждены, а павшие получают еще более высокую награду на небесах. Теперь преклоните колени и получите отпущение грехов.

У Локриджа этот ритуал оставил неприятный привкус. Была ли необходимость в таком цинизме?

Ладно — во имя спасения Сторм Дарроуэй. «Я увижу ее снова», — подумал он, и сердце забилося в его груди.

Притихшие и серьезные — Локридж и не предполагал, что они могут быть такими, — англичане гуськом вошли в дверь хижины и спустились вниз. В аванзале, перед радужным занавесом, им раздали оружие: меч, пику, топор, самострел. Порох был бесполезен против Патруля, для сражения с ютоазами в нем не было необходимости. Марет подозревал Локриджа:

— Ты лучше оставайся со мной как проводник. — Он вложил в ладонь американца энергопистолет. — Держи. Ты пришел из эпохи, технически достаточно развитой, чтобы пользоваться им. Это несложно.

— Я знаю, как им пользоваться, — огрызнулся Локридж.

Марет оставил свой высокомерный тон.

— Да, она ведь остановила на тебе свой выбор, — пробормотал он. — Ты далеко не обыкновенный человек.

Сквозь толпу протиснулась Аури.

— Рысь! — взмолилась она: ее начинал мутить возвратившийся страх. — Будь рядом со мной.

— Пусть она останется здесь, — приказал Марет.

— Нет, — возразил Локридж. — Она отправится с нами, если захочет.

Марет пожал плечами:

— Тогда пусть держится в стороне.

— Я должен быть в первых рядах, — объяснил ей Локридж.

Ладонями он ощущал ее дрожь. Поцеловать ее... или не стоит?

— Пойдем, крошка. — Йеспер Фледелиус положил на плечо Аури свою огромную, как у гориллы, руку. — Держись рядом со мной. Мы, датчане, должны держаться вместе среди этих английских невежд. — Они скрылись в толпе.

В течение дня Локридж помог протащить через ворота несколько летательных аппаратов — флаеров. Они были яйцеобразной формы, сверкающие и прозрачные, и основу их составляло не вещество, а энергия непонятной ему природы. В каждом из аппаратов могло поместиться двадцать человек. Он забрался в первый из них вместе с Маретом. Люди, которые уже были в нем, тяжело дышали, шептали молитвы или

бормотали ругательства и затравленно озирались, словно попавшие в западню животные.

— Они не слишком напуганы, чтобы сражаться? — поинтересовался Локридж на датском.

— Нет, я их знаю, — ответил Марет. — Кроме того, обряды посвящения включают бессознательное кондиционирование. Их страх превратится в ярость.

Аппарат бесшумно поднялся и под тихое жужжание, исходившее от стен, поплыл по отливающему холодным светом туннелю. Остальные флаеры полетели следом — в каждом из них за пультом управления сидел Хранитель.

— Раз уж у вас есть этот коридор, почему бы не набрать еще подкреплений в других периодах? — спросил Локридж.

— Нет возможности. — Марет отвечал рассеянно, пальцы его бегали по разноцветному щиту, лицо было напряженно сосредоточено. — Коридор был построен, в основном чтобы обеспечить доступ именно в эту эпоху. Его терминал в будущем находился в восемнадцатом веке, где у нас есть еще один опорный пункт в Индии. Патруль особенно активен в Англии от Нормандского завоевания до войн Алой и Белой Роз, поэтому у нас вовсе нет ворот, выходящих в средние века; немного их и в более ранних эпохах, где критические регионы, театры крупных сражений находятся в других местах. Фактически на севере времен неолита и бронзового века ворота служат почти как пересадочные пункты. Это во многом просто удачное совпадение, что у нас здесь есть ворота, имеющие частичное временное перекрытие с воротами в Дании.

Локридж хотел было продолжить расспросы, но безжалостно быстрый флаер уже достиг нужного им года.

Марет вывел его из коридора и вылез, чтобы свериться с находящимися в шкафу часами-календарем.

— Отлично! — с воодушевлением сообщил он, вернувшись. — Нам повезло. Не придется ждать. Сейчас ночь, приближается рассвет, и мы, похоже, совсем недалеко от того момента, когда она была захвачена.

Энергетические лучи держали аппараты вместе при пересечении ими временного порога. Теперь они быстро поднялись ко входу, люк открылся и закрылся за ними. Марет установил приборы на полет при небольшой высоте в восточном направлении.

Локридж смотрел на проплывавшую под ним местность. В лунном свете каменного века лежали Линкольнширские топи — еще более обширные и дикие. Однако за ними он раз-

глядел на берегу рыбацки деревни, которые с виду вполне могли бы сойти за Авильдаро.

Это не было случайностью. До того как образовалось Северное море, люди добирались пешком из Дании в Англию; культура Маглемозе была единой. Позднее водное пространство пересекали их лодки, и Ее миссионеры прибывали с юга и в ту и в другую землю. Диаглосса в левом ухе рассказала Локриджу, что племена Восточной Англии и Западной Ютландии, переговариваясь медленно, все еще могли понимать друг друга.

Чем дальше в глубь страны, тем менее близким становилось это родство. Население Северной Англии составляли в основном охотники и мастера по изготовлению топоров, сконцентрировавшиеся в Лангдэйл-Пайке, но торговавшие по всему острову. Долина Темзы была заселена достаточно мирными недавними иммигрантами с другой стороны пролива; земледельцы с южных низин отказывались от своих мрачных обрядов, из-за которых прежде их сторонились. Возможно, это происходило под влиянием сильной, прогрессивной конфедерации на юго-западе, которая даже начала в небольших масштабах добычу олова, чтобы привлечь купцов из цивилизованных земель. В первую очередь это был народ Кубка, представители которого путешествовали маленькими компаниями и торговали бронзой и пивом. В Дании доживала последние дни старая эпоха; в Англии рождалась новая: эта западная страна лежала ближе к будущему.

Оглянувшись, Локридж увидел реки и бескрайние леса; словно во сне, перед его мысленным взором ясно предстали миллионы порхающих птиц, лоси, встряхивающие огромные рога, и счастливые люди. С внезапной болью он понял, что настоящий его дом — здесь.

Нет. Под ним перекачивались морские волны. Он был на пути домой — к Сторм.

Марет вел флаер с черепашьей скоростью, ожидая, пока посветлеет небо. Но даже на такой скорости уже через пару часов в поле зрения показался Лимфьорд.

— Приготовиться!

Летательные аппараты опустились ниже. Стальным блеском отливала вода, сверкала роса на траве и листьях внезапно возродившегося начала лета, крыши Авильдаро виднелись за священной рощей. Локридж увидел, что люди Боевого Топора все еще располагаются лагерем в поле, чуть поодаль. Он

заметил часового у угасающего сторожевого костра — вытаращив глаза, он громко кричал, призывая спящих воинов.

Другой — чужой — сверкающий флаер вспорхнул со своей стоянки перед Длинным Домом. Стало быть, Брэнн успел собрать своих людей. Под гаснущими звездами затрещали молнии, ослепительно яркие, сопровождаемые раскатами грома.

Марет отрывисто отдал серию команд на незнакомом языке. Два флаера сошлись на том месте, где находился летательный аппарат Патруля. С ревом взметнулось яростное пламя, и аппарат лопнул, словно мыльный пузырь. Фигурки в черном, кувыркаясь, разлетелись по воздуху и попадали на землю.

— Спускаемся, — сказал Марет Локриджу. — Они не ожидали нападения, так что их здесь немного. Но если они вызовут подкрепление... Нужно как можно быстрее перехватить инициативу.

Аппарат скользнул над самой водой и опустился на землю; Марет отключил силовое поле.

— Вылезай! — крикнул он.

Локридж выпрыгнул первым, за ним посыпались англичане. Рядом сел еще один флаер. Во главе этого отряда был Йеспер Фледелиус с поднятым сверкающим мечом в руке.

— Бог и король Кристиан! — загремел его голос.

Другие аппараты опустились несколько поодаль, на лугу, где расположились ютоазы, и, высадив вооруженных людей, снова поднялись. Спокойно и бесстрастно пилоты-Хранители наблюдали за вспыхнувшим сражением, отдавая команды через висящие у англичан на шее амулеты, словно передвигая шахматные фигуры.

Звенел металл, ударяясь о камень.

Локридж бросился к хижине, которую хорошо помнил. Она была пуста. С проклятием он развернулся и со всех ног припустил к Длинному Дому.

Вход сторожили около дюжины ютоазов. Проявляя отвагу перед лицом сверхъестественной угрозы, они неподвижно стояли с поднятыми топорами. Вперед вышел Брэнн.

На его вытянутом лице играла подозрительная улыбка. В его руке блеснул энергопистолет. Пистолет Локриджа был настроен на защиту. Он метнулся сквозь фонтан огня и набросился на Патрульного; они покатались по пыльной земле. Оружие отлетело в сторону; каждый пытался схватить другого за горло.

Меч Фледелиуса взлетел и опустился. Вооруженный топором воин остался лежать в луже крови. Другой ютоаз нанес

удар, датчанин парировал его; тут подоспели следовавшие за ним англичане, и закипела битва.

Краем глаза Локридж заметил еще две одетые в черное фигуры; струйки огня трещали там, где лучи пистолетов играли на щитах. Занятый дракой с Брэнном, он лично ничего больше сделать не мог. Патрульный был необычайно сильным и умелым противником. Но неожиданно они оказались лицом к лицу, и он узнал Локриджа. От ужаса у Брэнна отвисла челюсть и открылся рот; он отпрянул и попытался закрыться руками. Локридж ударил его по горлу ребром ладони, сел на него и бил головой о землю, пока тот не затих.

Американец вскочил, даже не поинтересовавшись, что стало с черепом Брэнна. Повсюду вокруг Фледелиус и его соратники преследовали караульных-ютоазов. От других Патрульных остались лежащие у ног Марета и его товарищей-Хранителей обгоревшие трупы. Не обращая ни на кого внимания, Локридж через дверной проем ворвался в Длинный Дом.

Внутри царил мрак. Он ошупью пошел вперед.

— Сторм! — позвал он взволнованно. — Сторм, ты здесь?

Тенью среди теней она лежала на возвышении, связанная. Его ладони ощутили холодный пот, покрывавший ее обнаженное тело; он сорвал провода с ее головы, прижал ее к себе и заплакал. Какой-то момент, показавшийся Локриджу вечностью, она не двигалась, и он подумал, что она умерла. А затем...

— Ты пришел, — прошептала Сторм и поцеловала его.

Глава 13

Весть облетела лес, изгнанники возвратились домой, и в Авильдаро воцарилась радость.

Празднество было буйным и веселым, хотя триумф победы и омрачался похоронами стольких убитых. Иноземцы, чье металлическое оружие прогнало ютоазов, были вовлечены в это неумное веселье. Они говорили на непонятном языке — ну и что с того? Жареный поросенок объяснялся с ними своим вкусом, мужчина — улыбкой, женщина — самой собою.

Только Длинный Дом оставили в покое, поскольку там расположились зеленые боги, которые привезли своих людей. Мясо и питье оставляли у дверей, и все взрослые мужчины соперничали за честь быть им слугой или посыльным. На второй день праздника один из них подошел к Локриджу,

наблюдавшему, как танцуют на лугу жители деревни, и сказал, что его зовут.

Он покинул танцующих с нетерпеливо бьющимся сердцем. Тревога за Сторм мешала ему принимать активное участие в забавах. Теперь же ему сообщили, что Богиня Луны потребовала его присутствия.

Солнечный свет, запахи леса, дыма и соленой воды, звучащие вдалеке возгласы и пение — все это исчезло из его сознания, как только он вошел в дом. Священный огонь пока не был вновь разожжен: было обещано, что Она сама совершит этот обряд в подходящее для Нее время. Священные шары освещали все внутри; грубо вытесанные столбы и стропила выступали на фоне закопченных стен; разбросанные меховые шкуры поблескивали, словно живые. Семь Хранителей, сидя на лавках, ожидали свою королеву. До того, чтобы поздороваться с Локриджем, они не снизошли.

Зато, когда появилась Сторм, все встали. Дальний конец дома был теперь огорожен — не ширмой из какого-нибудь материала, а силовым занавесом, полностью поглощавшим свет. Она прошла сквозь него. На фоне абсолютной темноты казалось, что она пылает огнем.

«Или нет... она сияет, — подумал Локридж, чувствуя головокружение, — как то море, которое тоже принадлежит Богине». Три дня и три ночи мучений в устройстве для чтения мыслей наложили на нее отпечаток: резко вырисовывались широкие скулы, в зеленых глазах притаился лихорадочный огонь. Однако держалась она так же прямо, тем же иссиня-черным блеском отливали ниспадающие волосы, обрамляя смуглое лицо и шею. От ворот эпохи короля Фродхи было доставлено одеяние, соответствующее ее времени и положению. Сверху, до силового пояса, ее полупрозрачная мантия была голубой; книзу она расширялась и волнами спадала до щиколоток, постепенно приобретая более темный оттенок, приближающийся к пурпурному; на ней были вытканы серебром эмблемы, изображавшие одновременно пену и змей. Брошь в форме Лабрис держала плащ, подкладка которого была белой, как летнее облако, а снаружи плащ был серым из-за грозových туч и предвещавших дождь перистых облаков. На ногах у Сторм были золотые туфельки, усыпанные бриллиантами. Полумесяц кованого серебра украшал ее лоб.

Марет сопровождал ее. Он что-то говорил на языке Хранителей. Сторм прервала поток его слов резким взмахом руки.

— Говори так, чтобы было понятно Малькольму, — сказала она на языке Оругарэй.

Марет растерялся.

— На этом свинском языке, о сияющая?

— Тогда на критском. Он достаточно тонок.

— Но, сияющая, я собирался доложить о...

— Он должен знать.

Сторм оставила его переживать свое унижение и подошла к Локриджу. Она улыбалась. Он неумело наклонился и поцеловал протянутую ему руку.

— Я еще не поблагодарила тебя за все, что ты сделал, — сказала она. — Но словами этого не выразить. Ты сделал гораздо больше, чем просто спас меня. Ты нанес мощный удар во имя всего нашего дела.

— Я... Я рад, — выговорил он с трудом.

— Садись, если желаешь. — С кошачьей гибкостью она повернулась и начала ходить взад и вперед. Локридж не слышал ее шагов на земляном полу. У него подгибались колени; он упал на лавку рядом с одним из Хранителей, который кивнул ему с внезапным уважением.

Черты лица Сторм ожили.

— Брэнн захвачен нами живым, — сказала она. Мягкие звуки критского языка звенели в ее устах. — Благодаря тому что мы узнаем от него, мы можем получить перевес в Европе на ближайшую тысячу лет. Продолжай, Марет.

Он, бывший священником и военачальником, остался стоять.

— Я не могу понять, как ты выдержала, сияющая, — сказал он. — Брэнн уже раскалывается. Ручеек его секретов скоро превратится в бурный поток.

— То же самое было со мной, — сурово ответила Сторм. — Если бы он успел использовать информацию... нет, я не хочу, чтобы мне напоминали.

Локридж бросил взгляд на черный занавес и быстро отвел глаза. В животе появилось неприятное ощущение. За занавеской лежал Брэнн.

Он не мог точно сказать, что делают с пленником. Во всяком случае, не пытаются. Сторм не унижится до того, да и в любом случае это было бы слишком грубо, пожалуй, даже бесполезно против тщательно выпестованных, тренированных нервов и негибкой воли лорда будущего. Сторм была напичкана наркотиками; силовыми потоками ее мозг раздражался до самых потаенных глубин. Они не давали ей умереть, но

подавляли ее «я» и вызывали жуткий эффект автоматического мышления, так что дюйм за дюймом все, что она когда-то знала или делала, все, о чем мечтала и что собой представляла, — выходило на поверхность и бесстрастно фиксировалось в молекулах одного из проводов.

Ни одно живое существо не должно подвергаться этому.

«Ну да, как же, черта с два! — Внутри Локриджа все кипело. — Брэнн принимает собственное лекарство после того, как убил моих друзей, не сделавших ему ничего плохого. Война есть война».

К Марету вернулось его достоинство.

— Итак, — начал он, — мы выяснили подлинную ситуацию, ту, которая находится в центре его внимания. Когда Локридж сбежал и двинулся по коридору в направлении будущего, у Брэнна, естественно, не было ни малейшего представления о возможности получения им помощи из Англии. Но его тревожило, что Локридж может каким-нибудь образом передать известия Хранителям. Поэтому Брэнн проинформировал своих агентов на протяжении всей датской истории. Они, без сомнения, все еще ищут нашего человека или факты, указывающие на организацию Хранителями спасательной экспедиции.

Между тем ему нужно было взвесить все «за» и «против» — что опаснее: перебрасывать ваше сияние в другое место и время или оставить здесь. Поскольку у него были определенные основания полагать, что Локриджу в конечном итоге не удастся рассказать нам о нем, он решил остаться, по крайней мере временно. Это отдаленный пространственно-временной регион, который редко посещается. Вызвав лишь нескольких Патрульных и держа наготове людей Боевого Топора в качестве помощников, он мог быть практически уверен, что его не обнаружат.

В результате, однако, он у нас в руках, а его организация об этом не знает. Когда мы завершим эту обработку, у нас будет информация, необходимая для того, чтобы совершать внезапные нападения на позиции Патруля на всем протяжении времени, устраивать засады на отдельных агентов, разбивать созданные замкнутые группы, — это будет их самое большое поражение за всю войну.

— Да, — кивнула Сторм, — я думала об этом. Мы можем заставить врага поверить, что мы сами сразу убрались отсюда, а в действительности остаться. Брэнн был совершенно прав, считая, что из этого места удобно действовать. Все внимание сосредоточено на Крите, Анатолии, Индии. Патруль думает, что уничтожение этих цивилизаций нанесет нам тяжелый удар. Что ж,

пусть продолжает так думать. Пусть тратят силы, пытаясь способствовать индоевропейскому завоеванию, которое предопределено. Обе стороны были склонны упускать из виду север.

Сторм расхаживала по комнате, ее плащ развевался. Она хлопнула кулаком по ладони и воскликнула:

— Да! Часть за частью мы перебросим наши силы сюда. Мы можем потихоньку организовать эту часть света, как захотим. Доказательств того, что мы этого не сделали, нет; возможность остается открытой. Много ли станет известно на юге о том, что происходит у варваров в этих отдаленных районах? А когда наступит бронзовый век, они будут жить по нашему образцу, будут обеспечивать нас людьми и товарами, охранять базы Хранителей. Этот регион вполне может стать средоточием последнего, решающего удара в направлении будущего. — Пылая энергией, Сторм повернулась и начала отдавать приказания: — Как можно скорее нам нужно создать вооруженные силы из коренного населения, достаточно сильные, чтобы воспрепятствовать вмешательству других культур.

Юскво, обдумай пути и средства и представь свои соображения. Спарриан, выведи британцев из скотского состояния и организуй из них охрану. Но они слишком заметны — мы не должны держать их дольше, чем необходимо. У ворот в их стране никого нет, так? Урио, возьми нескольких из них и лети с ними туда: обучишь их, чтобы могли нести вахту в течение нескольких недель, пока ворота открыты. Нам может понадобиться такой запасной выход. Безусловно, нам надо сообщить на Крит, что мы здесь, и провести консультации. Радио и мысленные волны слишком рискованны. Зарех и Найгис, начинайте сбор подробной информации обо всем этом регионе. Ты, Марет, можешь продолжать наблюдение за обработкой Брэнна. — Что-то в выражении лиц присутствующих ей не понравилось. — Да-да, конечно, — сказала она нетерпеливо, — я знаю, что ваши посты — в шестнадцатом веке и вы чувствуете себя здесь не в своей тарелке. Что ж, придется научиться чувствовать себя как надо. База на Крите располагает лишь тем, что ей необходимо. Они не могут выделить нам никого, пока реорганизация не пойдет полным ходом. Если мы станем звать на помощь, то дадим противнику слишком хорошую возможность обнаружить, что происходит.

Восьмой Хранитель поднял руку.

— Да, Ху?

— Разве не следует сообщить обо всем в нашу собственную эпоху, о сияющая?

— Разумеется, следует. Известие может быть передано с Крита. — Нефритовые глаза сузились. Сторм погладила подбородок и добавила мягко: — Ты сам отправишься домой другим путем — вместе с Малькольмом.

— Что? — вырвалось у Локриджа.

— Ты что, забыл? — спросил Марет. Рот его скривился. — Нам стало известно, что он сообщил тебе. Ты пришел к нему и предал ее.

— Я... Я... — В голове у Локриджа все перепуталось.

К нему подошла Сторм. Он встал.

— Возможно, я не имею права требовать от тебя этого, — сказала она, положив руку ему на плечо. — Но от факта никуда не денешься. Так или иначе, ты разыщешь Брэнна в его собственной стране и расскажешь ему, куда я скрылась. И этим ты начнешь цепь событий, которая приведет его к поражению. Гордись. Немногим дано стать вестниками судьбы.

— Но я не знаю... я всего лишь дикарь по сравнению с ним — или с тобой...

— Одно из звеньев цепи — я сама, лежащая связанной в темноте, — прошептала Сторм. — Ты думаешь, я не хотела бы, чтобы этого не было? Но у нас лишь один путь, и по нему мы должны идти. Это моя последняя просьба, Малькольм, и самая трудная. После этого ты сможешь возвратиться в свою страну. А я всегда буду тебя помнить.

Локридж сжал кулаки.

— О'кей, — сказал он по-английски. — Ради тебя.

Ее улыбка, ласковая и немного грустная, показалась ему благодарностью, которую он не заслужил.

— Иди к празднующим, — сказала она. — Повеселись, пока можно.

Локридж поклонился и вышел нетвердым шагом.

Солнце ослепило его. Он не хотел принимать участия в забавах: слишком во многом нужно было разобраться. Вместо этого он пошел в другую сторону вдоль берега.

Он стоял в одиночестве и глядел на залив. Легкие волны лизали песок, белые чайки кружились над голубой водой, за его спиной на дубу посвистывал дрозд.

— Рысь!

Он обернулся. К нему шла Аури. На ней снова была одежда ее народа: лыковая юбка, сумочка из лисьего меха, янтарное ожерелье. К этому, в знак уважения, был добавлен медный браслет вождя Эхегона, плотно, чтоб держался, обмотанный вокруг ее тонкого запястья; на выгоревших на солнце волосах

золотился венок из одуванчиков. Но губы ее дрожали, небесно-голубые глаза были полны слез.

— Ну, что случилось, девочка моя? Почему ты не на празднике?

Аури остановилась рядом с ним с поникшей головой:

— Я хотела найти тебя.

— Я был неподалеку, кроме того времени, когда разговаривал со Сторм. Но ты... — Лишь сейчас, оглядываясь назад, Локридж осознал, что Аури не плясала, не пела, не ходила с другими в лес. Вместо этого она держалась в отдалении, словно маленькая безутешная тень. — Что-то не так? Я сказал всем, что на тебе больше нет заклития. Они что, не верят мне?

— Верят, — вздохнула она. — После всего, что случилось, они считают, что на мне благословение Богини. Я не знала, что оно может быть таким тяжелым.

Возможно, потому, что ему не хотелось думать о собственных проблемах, Локридж сел и дал ей выплакаться у него на груди. Прерывающимся голосом Аури все рассказала. Ее путешествие через подземный мир наполнило ее маной. Она превратилась в сосуд неведомых сил. По какой-то причине она оказалась избранницей Богини. Кто же посмеет прикоснуться к ней? Нет, ее не сторонились, ничего такого не было. Скорей к ней относились с благоговением, готовы были сделать все, что она скажет, по первому ее слову, — кроме как признать ее такой же, как они сами.

— Не в том дело... что меня... не хотят любить... Я могу подождать... тебя... или кого-нибудь другого... если ты, правда, не хочешь... Но... когда они видят меня, они... перестают смеяться!

— Бедное дитя, — пробормотал Локридж на языке своей матери. — Бедная малышка. Ну и награду же ты получила.

— Ты меня боишься, Рысь?

— Конечно, нет. Мы столько пережили вместе.

Аури крепко обняла его. Уткнувшись головой в его плечо, она продолжала, запинаясь:

— Если бы я была твоей... они знали бы, что... что так должно быть. Знали бы, что это воля Богини... что она выполнена... Я снова заняла бы свое место среди них... Разве не так?

Он не осмелился признаться, что она права. Разумеется, у нее всегда будет особое положение. Но когда ее новая непредсказуемая судьба из возможной станет действительной и все вокруг увидят это, страх растворится в повседневности и ее подарят простым и естественным дружеским отношением.

— Я не думаю, что какой-нибудь другой мужчина посмеет дотронуться до меня, — сказала Аури. — И тем лучше. Мне не нужен никто, кроме тебя.

«Проклятие! Ну и идиот же ты! — выругал сам себя Локридж. — Забудь о ее возрасте. Она не американская школьница. Она видела и рождение, и любовь, и смерть всю свою жизнь; она свободно бродила по лесам, где рыщут волки, попадала в шторм на лодке, сделанной из шкур, растирала между камней зерна и зубами свежевала убитых зверей; она пережила болезни, зимы Северного моря, войну, путешествие, после которого многие взрослые начали бы заикаться. Девушки моложе ее, а она старше шекспировской Джульетты, уже бывают матерями. Ты что, не можешь отбросить свои глупые предрассудки и оказать ей эту маленькую милость?»

Нет. В тот день в ялике он был очень близок к тому, чтобы уступить. Теперь же ему предстояло страшное и опасное дело. Он мог держаться избранного курса, лишь все время думая о Сторм. Если он вернется живым, он в качестве награды попросит позволения бросить все и сопровождать ее. Он знал, что ей все равно, как он ведет себя со случайными женщинами. Зато ему уже было не все равно. Не могло быть.

— Ауди, — сказал он, проклиная собственную бестактность, — моя работа не закончена. Мне скоро надо отправляться по Ее поручению, и я не знаю, вернусь ли когда-нибудь.

У нее перехватило дыхание, она обхватила его руками и заплакала — их тела сотрясались от ее рыданий.

— Возьми меня с собой, — умоляла она. — Возьми меня!

На них упала тень. Локридж поднял глаза. Глядя на них, перед ним стояла Сторм. В руке у нее был посох Мудрой Женщины, увитый боярышником, — должно быть, она ходила благословлять народ, который теперь принадлежал ей. От внезапного порыва ветра темные волосы, платье из океанских вод, плащ, сотканный из дождя, затрепетали и обвилились вокруг высокой фигуры.

Ее улыбка не выдавала никаких чувств, но была иной, чем та, которой Сторм одарила его в Длинном Доме.

— Я думаю, — сказала она довольно резко, — что удовлетворю желание девочки.

Глава 14

Хранитель Ху не ждал неприятностей на пути домой. Было точно известно, что Локридж доберется до Брэнна в интервале между отправлением Сторм в XX век и сокрушительным контрударом ее врага. Этот факт был вписан в структуру Вселенной.

Правда, детали были неизвестны. («Что, например, будет потом? — мрачно думал Локридж. — Вернусь я живым или нет?») Пределы погрешности ворот не позволяли выяснить это заранее.) Как бы то ни было, агенты Патруля, если засекут группу Ху, могут сделать нежелательные выводы. Так что он двигался с осторожностью.

Даже среди бела дня, когда их никто не преследовал и рядом были герой и бог, вход, ведущий в коридор через гробницу, внушал Аури ужас. Локридж с жалостью увидел, как напряглась ее спина, и постарался успокоить девушку.

— Будь еще раз храброй, — сказал он, — как в прошлый раз.

Аури ответила взволнованной и благодарной улыбкой.

Локридж пробовал возражать против решения Сторм. Но королева Хранителей отбросила свою надменность и сказала мягко:

— Нам нужно собрать точные сведения об этой культуре. Не просто антропологические данные: надо глубоко разобраться в психике, иначе мы можем наделать непоправимых ошибок, входя в контакт с этим народом так близко, как я планирую. Квалифицированный специалист может многое узнать, наблюдая типичного представителя примитивного общества при его встрече с цивилизацией. Так почему не Аури? Это не причинит ей особого вреда после того, что ей уже пришлось испытать. Ты хотел бы, чтобы в таком необычном положении оказался кто-нибудь другой?

Он не мог спорить.

Разверзлась земля. Все трое начали спускаться.

По дороге в будущее они никого не встретили. И вышли, по указанию Ху, в VII веке нашей эры.

— У этих ворот Датскими островами правит Фродхи, — объяснил тот. — Кроме того, на материке здесь мир, и Ваниры — более древние боги земли и воды — по своему влиянию по меньшей мере равны Аэзирам. Чуть дальше в будущем Патруль бы вынудил нас вернуться. Начинают свои походы викинги. В этой части туннеля встреча с вражескими агентами более чем вероятна.

Вспомнив тех, с кем пришлось сражаться, Локридж поморщился.

Снаружи в мире царила зима; слой снега лежал между голыми деревьями все еще огромного леса под холодным мутно-серым небом.

— Можно двигаться сразу, — решил Ху, — с земли нас видно не будет. Да если коренные жители нас и заметят — неважно. Однако...

Его пальцы пробежались по пульту управления на поясе; все трое поднялись в воздух.

— Рысь, где мы? — воскликнула Аури. — Сразу столько красоты не бывает!

Локриджа, привычного к тому, что сверху белые облака представляются синими, больше занимало, почему им тепло, когда они летят в таком морозном воздухе. Какое-нибудь хитрое радиационно-обогревательное устройство? Но, видя сверкающие восторгом глаза девушки, он немножко завидовал ей. А вновь зазвучавший ее смех придал ему бодрости.

Дания осталась позади. Германия, пограничная страна христианского мира, была скрыта от глаз той же массой водяного пара, пока через час не показались резко возвышающиеся на краю суши Альпы. Ху сориентировался и через некоторое время опустился со своими спутниками ниже облаков. Локридж увидел деревню — крытые дерном бревенчатые хижины, окруженные частоколом, посреди пустынного зимнего пейзажа. Местность была холмистой; речки чернели на фоне тонкого снежного покрова; лед обрамлял озера. Когда-нибудь этот район будет называться Баварией.

С предельно возможной скоростью Ху наискось полетел к одному из горных кражей. Когда они опустились, он, как-то по-человечески очень приятно, с облегчением вздохнул.

— Вот мы и дома! — сказал он.

Локридж огляделся. Скалистая, пустынная, мрачная местность производила гнетущее впечатление.

— Что ж, — высказал он свое мнение, — у каждого свой вкус.

Точеные черты лица Ху выразили досаду.

— Это земля Кориоки — ее поместье в будущем; а следовательно, и на протяжении всех времен. В окрестностях создано по меньшей мере семь коридоров. Ворота одного из них открываются в эту четверть столетия.

— Но только не в мое время, да? Поэтому она не могла отправиться из Америки в Германию. Меня удивляет другое: почему она не хотела вернуться из неолитической Дании этим маршрутом, а не через Крит?

— Пошевели мозгами! — резко ответил Ху. — После встречи с Патрулем в том коридоре — ты знаешь, ты был с ней — она рассчитала, что слишком велика вероятность но-

вой встречи. Лишь теперь, когда Брэнн у нас в руках, этот путь можно считать относительно безопасным. — Он зашагал по снегу.

Локридж и Аури последовали за ним. Девушка дрожала от холода, мерзлая земля скрипела под ее босыми ногами.

— Эй, так не годится, — сказал Локридж. — Иди-ка сюда.

Он поднял ее на руки; она счастливо прижалась к нему.

Идти пришлось недолго. Внутри неглубокой пещеры Ху поднял земляной пласт, открыв вход. Исходящий из туннеля матовый свет слился с тусклым дневным светом.

По дороге в будущее они молчали, и от этого пульсация энергии казалась громче. Один раз они сделали пересадку, пройдя через ворота в туннель, в физическом смысле находившийся в XXIII веке, и дальше, через другие ворота, в коридор, нужный Ху. Кровь стучала у Локриджа в висках, во рту пересохло.

В конце концов, перешагнув порог, они оказались в аванзале, более просторном, чем любой из тех, что он видел. Пол был устлан богатыми коврами, красные занавески свисали между многочисленных шкафов. При появлении Ху четверо стражников в зеленом отдали честь, поднеся оружие ко лбу. На Ху они не походили, зато были до странности похожи между собой: низенькие, коренастые, с приплюснутыми носами и массивными челюстями.

Хранитель не обратил на них внимания. Покопавшись в шкафу, он достал две диаглоссы. Локридж вынул из уха диаглоссу периода Реформации, чтобы освободить место для новой.

— Дай ее мне, — сказал Ху.

— Нет, — ответил Локридж, — она останется у меня. Вдруг мне еще захочется поболтать со своим корешом Йеспером?

— Ты понял меня? — сказал Ху. — Это приказ.

Охранники подошли поближе.

Локридж вышел из себя.

— Знаешь, что ты можешь делать со своими приказами? — грубо ответил он. — Если ты понимаешь меня. Я Ее человек — и больше ничей.

Хранитель чуть ли не вытянулся по стойке «смирно». Лицо его потеряло всякое выражение.

— Как хочешь.

Локридж попробовал закрепить свою маленькую победу:

— Ты мог бы еще выдать мне пару штанов. У этого энергетического костюма нет ни одного кармана.

— Тебе дадут пояс с карманами. Пойдем... пожалуйста.

Охранники не понимали разговора, который велся на критском языке. Но вызывало тревогу то, как они сразу почувствовали, что произошло, и отошли назад.

Локридж вставил новую диаглоссу и настроил свой мозг — он хорошо научился это делать — на получение конкретной информации.

Языки: два основных — восточный и западный, Хранителей и Патрульных; остальные сохранились среди низших классов обеих гегемоний. Религия: здесь — мистический, ритуалистический пантеизм, признающий Ее символом и воплощением всего божественного; у врага — только жесткая материалистическая теория. Правительство — ему стало противно от потока данных о землях Патруля, слугах, созданных из плоти и крови и предназначенных для использования несколькими властями. Сведений, касающихся Хранителей, было немного. Было ясно, что это не демократия, но перед Локриджем возникла картина мягкой иерархической структуры, законы которой основываются скорее на традиции, чем на формальных нововведениях; власть была поделена между аристократами, представляющими единое целое с народом, бывшими в большей степени духовными пастырями или родителями, нежели господами. Жрицами, матерями, госпожами? Женщины доминировали. На вершине пирамиды находились Кориоки, бывшие — как бы это сказать? — чем-то средним между папой и далай-ламой? Нет, не то. Странно, каким поверхностным было описание. Может быть, это потому, что посетители могли послушать объяснение местной ситуации *viva voce**.

Перед Локриджем открылся дворец, и он позабыл свои сомнения.

На этот раз они не стали подниматься по спуску, а высоко взлетели по вертикальной шахте и вышли из нее в огромном здании. Сверкал голубовато-зеленый пол чуть ли не в акр площадью; он казался теплым и мягким под ногами и был инкрустирован узором, состоявшим из птиц, рыб, змей и цветов, выглядевших почти живыми. Колонны из нефрита и кораллов поднимались на невероятную высоту, их капители буйно расцветали листвой из драгоценных камней. Но не менее красивы были растения, которые росли между ними и центральным фонтаном. Локридж мало что распознал в этом багряном, пурпурном, золотом море сладких запахов: за два

* Живым голосом (*лат.*).

тысячелетия наука создала новый источник радости. Прозрачно-разноцветный сводчатый потолок, словно радуга, сливался с мандолой, привлекающей взор и знаменующий собой бесконечность; ни один соборный витраж не мог бы похвастаться такой значительностью и великолепием. Стены были совершенно прозрачными. Сквозь них виднелись террасы, парки, фруктовые и яблоневые сады; летними красками сверкали холмы, И... что это за гигантское, величественное создание с изогнутыми бивнями выходит из чащи, затмевая собой стадо оленей... Мамонт, доставленный за двадцать пять тысяч лет как символ для внушения благоговейного страха перед Ней?

Семь юношей и семь девушек, похожих друг на друга как две капли воды, со стройными и красивыми обнаженными телами, преклонили колени перед Ху.

— Добро пожаловать, — произнесли они хором. — Приветствуем тебя, который служит Тайне.

Лишь один вечер рискнули Хранители подарить Локриджу перед отправлением на задание: они объяснили это тем, что вокруг слишком много шпионов.

Роскошно одетый, он сидел с Аури на чем-то, что не было ни стулом, ни диваном, но повторяло любую принимаемую позу, лакомился яствами, ему незнакомыми, но восхитительно вкусными. Вино также было превосходным; после него мир казался Локриджу полным призрачного счастья.

— Оно с наркотиком? — спросил он.

— Оставь свои предрассудки, — ответил Ху. — Почему бы не употреблять безобидный эйфориак? — Хранитель заговорил о разных зельях и благовониях, открывавших врата к ошущению Ее истинного воплощения во всем сущем. — Но они предназначены лишь для самых торжественных обрядов. Мужчина слишком слаб, чтобы долго выдержать присутствие в нем божества.

— Женщины могут это делать чаще, — заметила леди Юрия.

Она стояла высоко в иерархии советников Сторм; у нее были светлые волосы и фиалковые глаза, но их двоюродное родство ясно проявлялось в лице и фигуре Дианы. Женщин в совете было больше, чем мужчин, и они явно имели большее влияние. Всех их отличало фамильное сходство; люди обоих полов были красивыми, полными жизни и, казалось, вечно молодыми. Их беседа была блестящим словесным взаимодействием; вскоре Локридж потерял нить разговора, оставил попытки принять в нем участие, развалился в своем «кресле»

и слушал его, как слушал бы музыку. Впоследствии у него не осталось никакого четкого представления о том, что же, собственно, было сказано.

Они перешли в другой зал, где пол и стены меняли цвета в гипнотическом ритме. Слуги, ступая неслышно и мягко, как кошки, разносили на подносах закуски, танцевали под музыку, источника которой не было видно. Диаглосса обучила Локриджа замысловатым танцевальным фигурам, а высокопоставленные Хранительницы, которых он вел в танце, подстраивали движения своих гибких тел к его движениям, пока партнеры не становились как бы одним целым. Музыка, несмотря на непривычную гамму, произвела на него более сильное впечатление, чем практически все, что ему доводилось когда-либо слышать.

— Я думаю, здесь, кроме нот, используются субзвуковые эффекты, — высказал предположение Локридж.

Юрия кивнула:

— Само собой. Но зачем искать всему название и объяснение? Разве не достаточно самой реальности?

— Виноват, — ответил он, — я ведь простой дикарь.

Она улыбнулась и приблизилась к нему, повинувшись танцевальному па.

— Не простой. Я начинаю понимать, почему ты снискал расположение Кориоки. Мало кто из здесь присутствующих — уж во всяком случае не я — отважился бы пуститься на такие авантюры, как она и ты.

— М-м-м... Спасибо.

— Предполагается, что я должна заботиться о твоей юной подруге, — смотри, она уснула; я ей сегодня не понадобится. Как насчет того, чтобы провести этот вечер со мной?

До этого Локриджу казалось, что ему нужна только Сторм, но Юлия была так похожа на нее, что сейчас все его существо пылало желанием и кричало «Да!»

Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы объяснить, что ему необходимо отдохнуть перед завтрашним днем.

— В таком случае тогда, когда ты вернешься? — предложила Юлия.

— Почту за честь. — Окружавшие его вино, музыка и женщины не оставили места для сомнения в своем возвращении.

— Оставь время и для меня, воин, — весело вставила леди Тарет, танцевавшая с Ху рядом.

Ее партнер улыбнулся, ничуть не обиженный. Институт брака был давно забыт. Сторм однажды заметила несколько сердито, что свободные люди не могут иметь никаких прав друг на друга.

Локридж лег спать рано и с ощущением полного счастья. Спал он так, как не спал с младенческого возраста.

Утро было не столь радостным. По настоянию Ху он снова принял эйфориак.

— Тебе нужен разум, не затуманенный страхом, — сказал Хранитель. — Это будет в лучшем случае трудное и опасное дело.

Они отправились потренироваться в управление устройствами, которыми американцу предстояло пользоваться, чтобы отработать на практике навыки и умения, полученные им от диаглоссы. Они летели высоко над раскинувшимися внизу парками, а когда уже собрались поворачивать назад, Локридж заметил башню серо-сизого цвета. На ее верху, в полутора тысячах футов над землей, распростерлись под золотым кругом два крыла — анк, символизирующий жизнь.

— Там начинается город? — спросил он.

Ху сплюнул:

— Не говори мне о городах. Только Патруль строит эти гнусные норы. Мы предоставляем людям жить рядом со своей матерью землей. Это промышленные предприятия. Там не живет никто, кроме техников. Автоматы обходятся без солнечного света.

Они вернулись во дворец. Снаружи его крыша и шпили производили впечатление огромного многоцветного водопада. Ху провел Локриджа в небольшую комнату, где ожидало еще несколько человек. Женщин среди них не было: война, как и инженерное дело, по-прежнему была в основном мужским занятием, кроме как на высшем уровне, на котором действовала Сторм.

Инструктаж был долгим.

— Мы можем доставить тебя на расстояние в несколько миль от Нийорекы. — Ху показал пятно на расположенной перед ним карте, на восточном побережье Северной Америки, имевшей странные, непривычные очертания.

— Дальше тебе придется действовать самому. Сбрав бороду, в форме Патрульного, имея диаглоссу и всю дополнительную информацию, которую мы можем предоставить, ты можешь добраться до штаба Брэнна. Мы узнали наверняка, что он сейчас там, а что ты его увидишь, нам, разумеется, известно.

Несмотря на действие наркотика, мышцы живота Локриджа напряглись.

— Что еще вам известно? — медленно произнес он.

— Что ты ушел от него. Ему сообщили — то есть сообщат, — что ты скрылся в коридоре времени. — Глаза Ху, когда он снова посмотрел на Локриджа, ничего не выражали. — Лучше ничего больше не говорить. Тебе будет слишком мешать сознание того, что ты только кукла в драме, содержание которой нельзя изменить.

— Или знание того, что меня убили?! — рывкнул Локридж.

— Тебя не убили, — сказал Ху. — Тебе придется поверить мне на слово. Я мог бы соврать. И соврал бы при необходимости. Но я говорю тебе чистую правду: ты не будешь ни схвачен, ни убит Патрулем. Разве что, возможно, когда-нибудь позже... поскольку сам Брэнн так и не узнал, что с тобой случилось. Если повезет, однако ты выйдешь из коридора через другие, находящиеся в прошлом, ворота, выберешься из города и, переплыв океан, доберешься до этого места. Там ты уже будешь знать, как попасть в наше время. Я надеюсь вновь приветствовать тебя не позднее чем через месяц.

Тревога Локриджа улеглась.

— О'кей, — сказал он. — Займемся деталями.

Глава 15

В этой эпохе не велось никаких крупномасштабных войн, иначе Земли давно бы не было. Где-то, когда-то одна из сторон посчитает, что достаточно сильна, и нанесет сокрушительный удар, но каким образом это произойдет, не могли предугадать сами сражающиеся. А пока полушария планеты представляли собой крепости; стычки происходили постоянно.

Космический корабль Хранителей промчался по вытянутой кривой, на запад и вниз, через океан, где в эту ночь был искусственно вызван шторм. В конце траектории раздался голос: «Сейчас!» — и капсула Локриджа была выброшена из корабля. Метеором пронеслась она сквозь ветер и дождь, на огромной скорости взрезая воздух и пылая огнем. Космический корабль повернул и начал набирать высоту.

Локридж летел внутри раскаленной капсулы. Его обдавало жаром, а в голове звенело от вибрации. Затем ослабленная оболочка лопнула, и он оказался в воздухе, поддерживаемый гравитационным поясом.

Скорость была все еще так велика, что силовое поле с трудом защищало его от ветра, который иначе разорвал бы его на клочья. За энергетическим щитом бушевал ураган, темноту рассекали молнии, непрерывающимся потоком лил дождь. Волны тянулись вверх, к нему, брызгая пеной. Когда скорость упала ниже звукового барьера, он услышал вой ветра, раскаты грома, рев бушующего океана. Сквозь непогоду Локридж увидел вспышку голубовато-белого света, ослепившую его на несколько минут. Последовавший взрыв молотом ударил по барабанным перепонкам. «Значит, они нас засекли, — подумал он, — и выстрелили по кораблю. Интересно, удалось ли ему уйти? Интересно, удастся ли скрыться мне?»

Но такому маленькому объекту, как человек, легко затеряться среди буйства разъяренных стихий. Да и вряд ли Патруль ожидал его появления и был настороже. Скорее всего они полагают, что противник станет брать на себя такие хлопоты только ради крупной операции, и не догадываются, насколько важно может быть внедрение одного-единственного агента.

История утверждала, что он доберется до замка Брэнна.

Контролирующие климат энергополем отогнали бурю и грозу от побережья. Локридж вылетел в чистое воздушное пространство и увидел Нийорик.

Мрачным чудовищем раскинулся он по берегу и дальше в глубь материка, насколько хватал глаз. Из карт и от диаглоссы Локридж знал, что мегаполис оплел паутиной всю Америку от края до края. В редких местах отступала эта глыба бетона, стали, энергии, набитая десятью миллиардами рабов; лишь кое-где встречались пустыни, бывшие когда-то зеленеющей сельской местностью. Опустошение его родной земли казалось Локриджу таким ужасным преступлением, что ему не нужно было никаких наркотиков, чтобы подавить страх. «Ах, бабье лето на Смоки-хиллз! — подумал он. — Я отомщу за тебя!»

К северу, к югу и впереди него город вздымался крепостными валами. Лишь одинокие тусклые фонари да огонь сотен печей рассеивали мрак внизу. Над водой разносился гул, стук, иногда такие резкие, что больно было ушам, — голоса машин. На верхних уровнях на милю и выше поднимались отдельные башни; бледные лучи занимающейся зари освещали их стены, не имеющие окон. Башни связывали кабели, трубы, подземные переходы. Открывавшейся картине нельзя было отказать в определенной величественности. Те, кто придумал эти уходящие в небо вертикальные пещеры, не были мелочными. Но

их жесткие очертания говорили о людях, чьим самым большим стремлением было получение неограниченной власти навечно.

— Кто такой? — прозвучал в шлемофоне голос.

Над Локриджем нависли двое стражей в черной, как и на нем, форме. Внизу на пароме поднялись дула орудий.

На этот случай он был проинструктирован.

— Начальник караула Дарваст, из гвардии Директора Брэнна, возвращаюсь с особого задания.

Фразы на языке Патруля звучали резко. Он должен признать, что его грамматика и семантика были ближе к английскому, чем к языку Хранителей, на котором он даже не мог иногда более или менее точно высказать свою мысль. Но здесь самое близкое к понятию «свобода» слово означало «способность осуществить», а для понятия «любовь» слова вообще не было.

Поскольку он все равно собирался открыть Брэнну свое имя, Локридж предложил сделать это с самого начала. Ху отверг эту идею:

— Тебе придется пройти через слишком много бюрократических уровней. — Чтобы сказать это, ему волей-неволей пришлось обратиться к фразеологии языка Патрульных. — Хотя ты в конце концов все равно пробышь к нему, в ходе допросов они узнают слишком много, а ты будешь слишком ослаблен.

— Опуститесь у ворот сорок три для опознания, — приказал голос по радио.

Локридж повиновался, приземлившись на торчащем над водой выступе. Он был металлический, без покрытия, так же как и огромный портал в возвышавшейся перед ним стене. Охранник сошел с площадки, на которой стоял.

— Ваша модель личности, — сказал он.

Агенты-Хранители хорошо поработали. На случай нужды фиктивные личностные параметры были введены в машину, которая хранила сведения о жизни каждого человека в этом полушарии. Локридж подошел к прибору для сканирования мыслей и мысленно произнес кодовое слово. В автоматических цепях оно было преобразовано в полную диаграмму Дарваста 05-874-623-189, генетически выведенного тридцать лет назад, получившего образование в яслях 935 и Академии войны, занимающего особое положение на службе у Директора Брэнна, политически благонадежного, обладателя нескольких наград за успешное выполнение опасных заданий. Стражник отсалютовал, прижав руку к груди:

— Проходите, начальник.

Ворота открылись с жутковатой для своей огромной массы бесшумностью. Из них донесся пульсирующий гул города, потянуло нечистым воздухом. Локридж вошел.

Времени хватило лишь на то, чтобы дать ему общее представление о местонахождении замка, важнее было внимательно изучить все, что было известно о самом замке. «Придется играть без нот» — подумал Локридж. Впрочем, направление он более или менее знал.

Башню Брэнна, покрытую сталью и увенчанную шаром голубого огня, нельзя было не узнать. До нее должно было быть мили две. Локридж зашагал в сторону башни.

Выяснилось, что, пройдя через ворота, он очутился в самом нижнем ярусе человеческого жилья. Город уходил далеко под землю, но там находились только машины, небольшое число инженеров в защитной одежде и миллионы обслуживавших механизмы каторжников, жизнь которых была не слишком долгой среди испарений и радиации. Здесь же узкая пешеходная дорожка была стиснута между ржавых и грязных стен. В вышине балки и строения верхнего уровня закрывали небо. Вибрировал зловонный воздух. Вокруг Локриджа кишели полуквалифицированные рабочие, бесполезные люди, непойманные преступники — все убого одетые, покрытые волдырями. Никто не выглядел истощенным; синтетическая пища раздавалась бесплатно в столовых, к которым жители были прикреплены, — зато Локриджу казалось, что в его легких буквально оседает грязь от запаха немытых тел. Слышались хриплые голоса:

— Так я ему говорю: значит, ты, говорю, не можешь мне, значит, это сделать; и я, говорю, знаю лично надзирателя...

— ...где ты можешь достать настоящую, ведь, да, точно, действительно, крутой кайф в башке...

— Лучше оставь его. Он ведет себя не так, как все. Как-нибудь вечером придут за ним, помани мое слово.

— Ежели она хочет избавиться от своих щенков, пока их не зарегистрировали, так и хрен с ней; это ее дело и надзирателя, а мне начхать, — но когда она швыряет их в мой мусоропровод — это уж извини!

— Последнее, что я слышал, его отправили в это... не знаю точно, что-то вроде похоронной команды, в южном, как его там...

— Не-а, не станут они расследовать. Она выполняла норму. Что им с того, если кто-то перережет ей глотку? Им же, по сути, и лучше.

— Ш-ш-ш!.. Осторожно!

Тишина кольцами расползалась вокруг униформы Локриджа. Ему не приходилось проталкиваться через толпу, как всем остальным людям: люди прижимались к стенам, лишь бы не оказаться у него на дороге, опускали глаза и старались делать вид, будто их нет вообще.

Их предки были американцами.

Он обрадовался, когда перед ним очутилась вертикальная шахта, через которую он мог подняться при помощи своего гравипояса. На верхних уровнях были широкие, безукоризненно чистые коридоры. Двери были закрыты, народу на улице почти не было: классу техников незачем болтаться целый день, чтобы заработать на жизнь. Люди, которые попадались Локриджу, были одеты в униформу из хорошего материала и шагали с подчеркнутой целеустремленностью. Они отдавали ему честь.

Затем мимо него прошла колонна одетых в серое людей, единственный солдат-охранник сопровождал их. Головы их были выбриты, лица мертвы. Локридж понял, что это осужденные, неблагонадежные. Генетический контроль пока еще не охватывал личность целиком, идеологическая обработка тоже не всегда была успешной. Чтобы этим людям можно было доверить работу внизу, среди машин, их мозг стерилизовали энергетическим полем. Более эффективно было все полностью автоматизировать, чем использовать труд этих несчастных, но наглядные уроки были необходимы. Еще важнее было занять население. Под бесстрастной маской Локридж с трудом сдерживал тошноту.

Он напомнил себе с некоторым раздражением, что ни одно государство не может долго продержаться, если не имеет хотя бы пассивной поддержки большинства. Но творившееся здесь было просто до предела омерзительно. Почти все здесь, на любом социальном уровне, принимали правление Патруля как должное, не могли представить себе, что можно жить иначе, часто были довольны своим существованием. Господа кормили их, защищали, одевали, давали им образование, лечили их, думали за них. Одаренный, честолюбивый человек мог подняться высоко в качестве техника, ученого, военного, импресарио всегда тщательно продуманных садистских развлечений. Чтобы чего-то достичь, надо было бить других по зубам, — и это была потеха, это давало освобождение. Никто, конечно, не претендовал на высшие руководящие должности. На них люди назначались машинами, считавшимися умнее любого смерт-

ного; а если кому-то везло и он становился приближенным такого человека, то служил с усердием сторожевого пса.

«Как Дарваст, — подумал Локридж. — Надо все время помнить, за кого я себя выдаю». Он ускорил шаг.

Солнце еще только вставало, пробираясь сквозь похожие на раковые опухоли тучи, когда он, оставив позади крыши, полетел к крепости Брэнна. Копошившиеся на стенах стражники выглядели как мухи на фоне горы. На каждом выступе притаились орудия, боевой летательный аппарат кружил над горящим на шпиле шаром. Здесь, на высоте, воздух был чистым и прохладным, городской шум казался тихим шепотом, на западе скалистой горной цепью вставали башни.

Услышав приказ, Локридж опустилсЯ и снова прошел процедуру опознания. Потянулись три часа беспокойного ожидания — отчасти из-за того, что ему пришлось пройти через целую цепочку начальников, отчасти потому, что хозяин замка не был еще готов принять кого бы то ни было. Офицер достаточно высокого ранга, чтобы говорить, не опасаясь последствий, объяснил, криво усмехнувшись:

— Он был занят допоздна с новым своим увлечением. Ты знаешь.

— Нет, я был в отъезде, — сказал Локридж. — Какая-нибудь девочка, а?

— Что? — Патрульный был потрясен. — Женщина... для удовольствия? Где ты был? — Он сощурил глаза.

— В прошлом, и пробыл там несколько лет, — быстро ответил Локридж. — Там как-то отвыкаешь от своего времени.

— Д-да... Это действительно проблема. У агентов, отсутствующих слишком долго — по их индивидуальному времени, — могут проявляться отвратительные, ненормальные представления.

Офицер по-прежнему пристально смотрел на него.

— Можешь не говорить, — сказал Локридж. — Я встречался с такими случаями. К счастью, у врагов дело обстоит не лучше.

— Выходит так на так, — кивнул офицер, расслабляясь. — Ну ладно; что такого срочного в твоём сообщении, что ты не можешь подождать, пока тебе не назначат время?

— Это только для его ушей, — ответил Локридж совершенно автоматически.

Он был слишком поражен, что его ложь была воспринята как само собой разумеющийся факт. Как мог быть Хранитель совращен с пути истинного? Ведь ясно же, что нигде и никогда

в прошлом не было ничего лучше того, что он видел в сегоднейшей Европе.

Снимающий тревогу химический препарат, который он принял, подавил его недоумение. Он устроился в маленькой, строго обставленной комнатке и привел в порядок свои мысли. Сперва — поговорить с Брэнном, затем — смыться. В основании башни были ворота в коридор времени, открывавшиеся на этот год. Он отправился в период, предшествующий возвышению Патруля. Существует вероятность, что его будут преследовать всю дорогу, убьют и почему-либо не смогут вернуться до отъезда своего господина. С другой стороны, не исключена возможность, что ему удастся уйти, перелететь в Европу, найти один из коридоров, о которых его проинформировали, и благополучно вернуться. Кто знает, может быть, в этот самый момент он здоровается с Аури во дворце Сторм. Здесь, в логове врага, эта мысль казалась особенно дорогой.

— Начальник караула Дарваст, — раздался в воздухе голос. — Директор готов принять вас.

Через раздвинувшуюся перед ним стену Локридж прошел в вестибюль, обшитый сталью и окруженный энергополями. Там ему пришлось раздеться, и солдаты обыскали его одежду и его самого, уважительно, но с предельной тщательностью. Когда он оделся, ему разрешили оставить диаглоссы, но гравипояса и оружия не вернули.

Открылась двухстворчатая дверь, и Локридж очутился в изящно обставленной комнате с высоким потолком, серой драпировкой на стенах и серым же ковром. Видеоэкран показывал огромную панораму Нийорика. На одной из стен золотом и драгоценными камнями сверкала византийская икона. После тесноты помещений, в которых он провел несколько часов, у Локриджа возникло странное ощущение — будто он вернулся домой.

Брэнн сидел рядом с обслуживающим автоматом. Черная одежда облегала его длинное, тонкое тело, лицо было бесстрастным, как у статуи; он был абсолютно спокоен.

— Должно быть, ты понимаешь, — тихо сказал он, — что люди вроде тебя не являются настолько мне близкими, чтобы я знал их по имени. Однако тот факт, что ты смог пройти посредством идентификации личности, имеет настолько важное значение, что я решил принять тебя по твоей просьбе. Нас видят только мои Немые. Полагаю, у тебя в мыслях нет смехотворного намерения убить меня. Говори.

Локридж посмотрел на него. Вероятно, действие наркотика начинало проходить, потому что он с содроганием подумал: «Боже мой, я встречался с этим человеком и дрался с ним шесть тысяч лет назад, и тем не менее он видит сейчас меня впервые!»

Трудно было дышать, подгибались колени, вспотели ладони. Брэнн ждал.

— Нет, — выдавил Локридж. — То есть... Я не Патрульный. Но я на вашей стороне. У меня есть кое-какие сведения, которые... которые, мне кажется, вы предпочли бы сохранить в тайне.

Брэнн изучающе смотрел на него. Острые черты его лица оставались неподвижными.

— Сними шлем, — сказал он.

Локридж подчинился.

— Архаический тип, — пробормотал Брэнн. — Так я и думал. Большинство никогда бы не обратило внимания, но я встречался со слишком многими расами, в самые разные эпохи. Кто ты?

— Малькольм... Локридж... США, середина двадцатого века.

— Так. — Брэнн помолчал. Внезапно он преобразился, на его лице появилась улыбка. — Садись, — пригласил он, словно хозяин гостя, и дотронулся до одного из светящихся на автомате пятен. Открылась панель, и появились бутылка и два бокала. — Ты, должно быть, любишь вино.

— Не откажусь, — хрипло ответил Локридж. Он вспомнил, как пил с Брэнном в прошлую встречу, и от волнения осушил бокал двумя глотками.

Брэнн наполнил его снова.

— Не спеши, — проговорил он снисходительно.

— Нет, я должен... Слушайте. Кориока из Вестмарка. Вы знаете ее?

Брэнн остался таким же благожелательно-невозмутимым, но лицо его снова закрыла маска.

— Да, уже много веков.

— Она готовит операцию против вас.

— Я знаю. То есть она исчезла какое-то время назад — несомненно с серьезной миссией. — Брэнн наклонился вперед. Его взгляд стал таким пристальным, что Локридж не выдержал и отвел глаза, ища поддержки в безмятежном лице византийского святого. — У тебя есть информация? — спросил Брэнн резким голосом.

— Да... Есть... господин. Она отправилась в мое столетие, в мою страну, чтобы провести коридор сюда.

— Что? Не может быть! Нам было бы известно!

— Они действуют под прикрытием. С самого начала используют местных работников, местные материалы. А когда они закончат, Хранители просочатся со всем, что у них есть.

Брэнн со звоном опустил кулак на обслуживающий автомат. И вскочил.

— Обе стороны уже пытались проделать это, — возразил он. — Ни у той, ни у другой ничего не вышло. Это невозможно!

Локридж заставил себя посмотреть на возвышающуюся над ним фигуру.

— На этот раз, похоже, операция будет успешной. Говорю вам, она отлично законспирирована.

— Если кто-то смог, то она... — голос Брэнна упал. — О нет. — Рот его скривился. — Решающий бросок. Огненные удары по моим людям.

Он начал ходить взад и вперед по комнате. Откинувшись, Локридж наблюдал за ним. И ему пришло в голову, что Брэнн не был злодеем. В Авильдаро он отзывался — будет отзываться — хорошо о своих ютоазах, потому что они не были жестокими без необходимости. Сейчас его страдание было искренним, зло породило его, и ему он служил, но в глубине этих серых глаз скрывалась ненависть тигра.

Когда Брэнн потребовал фактов, Локридж ответил почти с сочувствием:

— Вы сможете остановить ее. Я могу показать точно, где находится коридор. Когда ведущие из него ворота откроются здесь, вы нанесете через них удар. У нее будет лишь несколько помощников. Вам не удастся захватить ее на сей раз, но возможность для этого представится позднее.

Более или менее правдиво он рассказал о своих приключениях до момента прибытия в Авильдаро вместе со Сторм.

— Она выдала себя за их богиню, — продолжал Локридж, — и устроила гнуснейшее празднество.

Как и предполагалось, Патрульный не знал, что клан Тенил Оругарэй, находившийся далеко за пределами сферы его манипуляций с культурами, не практикует ритуального каннибализма, в отличие от своих соседей. Кроме того, он скорее всего решил, что Локридж отрицательно относится к обрядам; это не соответствовало действительности, но было на руку.

— Именно с этого времени у меня начало меняться мнение о ней. Потом появились вы во главе военного отряда индо-

европейцев и захватили деревню и нас тоже. — Брэнн разжал и снова сжал пальцы. — Я сбежал. Тогда я думал, что мне просто повезло, но теперь мне кажется, что вы нарочно плохо охраняли меня. Я добрался до Фландрии и нашел иберийское судно, на которое меня взяли палубным матросом. В конце концов я оказался на Крите и связался там с Хранителями. Они отправили меня в этот год. Вообще-то я хотел вернуться в свой век. Это не моя война. Но мне не дали.

— Разумеется, не дали, — сказал Брэнн, к которому вернулось его самообладание. — Главная причина — суеверие. Они, видишь ли, считают ее святой, фактически бессмертным воплощением Богини, равно как и ее сподвижников. Ты, видевший ее последним, сам теперь слишком священная личность, чтобы оскверниться, став обычным человеком эпохи, которую они презирают.

Локридж был крайне удивлен тем, как гладко проходит состряпанная Хранителями история. Может ли мысль Брэнна быть верной?

— В остальном со мной обращались прекрасно, — сказал он. — Я завязал... э-э... дружеские отношения с одной высокопоставленной леди.

Брэнн пожал плечами.

— Она много рассказывала мне о разведывательных операциях, — продолжал Локридж, — показывала разные устройства и всякое такое. Показала, в сущности, слишком многое из своей цивилизации — черт возьми, это не для нормального человека. Меня напичкали пропагандой против Патруля, но все равно мне стало казаться, что вы мне как-то ближе. По крайней мере, вы, может быть, отправите меня домой, а я... — Локриджу пришлось перейти на английский, — я тоскую по родине! Есть там и кое-какие обязательства. Так что в конце концов я упрямился и просил ее отправить меня с разведывательной миссией вчера вечером; мне даже дали надеть одну из ваших униформ. Поскольку мне было известно о подставной личности Дарваста... — Он развел руками. — Вот, я здесь.

Брэнн, по-прежнему расхаживающий по комнате, остановился и с минуту стоял совершенно неподвижно.

— Каково точное географическое расположение этого коридора? — спросил он наконец.

Локридж объяснил.

— Меня удивляет, — добавил он, — почему Хранители, после того как все узнали, не отправились на несколько месяцев назад и не предупредили ее?

— Они не могут, — рассеянно ответил Брэнн. — Что было, то должно быть. Иными словами: любая Кориока обладает абсолютной властью — даже больше, чем Директор, как я. Она делится своими планами только с избранными. Опасаясь шпионов, об этом своем плане она, вероятно, не рассказала никому, кроме нескольких техников, которых взяла с собой. Считала, что можно сообщить, когда коридор будет готов. Они так поздно получили предупреждение, у них столько дел в разных эпохах, что теперь просто нет времени собрать достаточные силы Хранителей, способные эффективно действовать в прошлом. Тем силам, что могли быть отправлены, наверняка помешал фактор неопределенности — они появились либо слишком рано, либо слишком поздно. Если они вообще были отправлены. У нее есть враги, которые не будут слишком горевать, потеряв ее. — Брэнн остановил взгляд на Локридже и долго изучающе смотрел на него. — Предполагая, что твой рассказ — правда, я благодарен, — наконец произнес он медленно. — Ты действительно сможешь вернуться к себе и будешь хорошо награжден. Но сперва мы должны убедиться в твоей искренности путем психического зондирования.

Локриджа захлестнула волна страха. Приближался момент, после которого его будущее было неизвестно. Брэнн напрягся: выступивший на лбу пот, бледное лицо, дергающийся кадык — чего этот парень так нервничает?

— Нет, — сказал Локридж слабым голосом. — Не надо. Пожалуйста. Я знаю, к чему это приводит.

Видимая причина его побега должна была быть такой, чтобы не возбудить недоверия Брэнна к его словам, чтобы он не отказался от поисков ворот Сторм и отправил через них свои войска. Но страх Локриджа был самым настоящим. Он и правда видел ту темную половину Длинного Дома.

— Не бойся, — ответил Брэнн с ноткой нетерпения в голосе. — Глубинные уровни затронуты не будут, если только не выявится чего-нибудь подозрительного.

— Откуда я знаю, что вы говорите правду? — Локридж встал и попятился.

— Ты должен принять мои слова на веру. И, возможно, также мои извинения.

Брэнн подал знак, дверь отворилась, вошли двое стражников.

— Отведите этого человека в Восьмой отдел и скажите начальнику отделения, чтобы он связался со мной.

Пошатываясь, Локридж вышел из комнаты. Его провожали глаза святого — далекие, как небеса, с которых они смотрели.

Воины в черном повели его через пустой коридор. Стены гасили звук, глухо отдавались шаги, никто не проронил ни слова. Локридж сделал глубокий вздох. «Ничего, парень, — подумал он, — ты ведь знаешь, что сумеешь добраться до временного коридора». Голова у него перестала кружиться.

Показался нужный ему туннель. Входом служило продолговатое отверстие в стене; в глубине свистел прогоняемый под давлением воздух. Солдаты вели Локриджа мимо.

Энергопистолеты были у них в руках, но не нацелены на него. Пленники никогда не доставляли особых хлопот. Локридж резко остановился и ребром ладони рубанул по кадыку охранника справа. Отлетел назад шлем, солдат упал на четвереньки. Мгновенно развернувшись, американец нанес другому охраннику удар плечом, вложив в него всю свою силу. Охранник повалился назад. Обхватив его, Локридж бросился вместе с ним в шахту туннеля.

Кувыкаясь, они полетели вниз. Завыл сигнал тревоги. Эта многоглазая машина, которую представляло собою здание, заметило нечто необычное. Почти человеческим голосом она кричала о том, что видела.

Проносились размытые очертания туннеля, стены которого сходились внизу, в бесконечности. Локридж вцепился в Патрульного, схватив его за горло, и колотил кулаком по лицу. Охранник перестал сопротивляться, отвисла челюсть на залитом кровью лице, пальцы, державшие пистолет, разжались. Локридж попытался нащупать пульт управления на его поясе. «Где же, к чертовой матери?..»

Мелькали двери. Дважды из них с шипением вырывались энергетические разряды. Дно приближалось. Локридж нашел нужную кнопку и нажал ее. Неуравновешенные силы чуть не вырвали Патрульного из его рук. Но их падение замедлилось; они избежали страшного удара, от которого у них не осталось бы ни одной целой кости; они были внизу.

На дне из шахты вел другой коридор. Напротив был вход, через который видна была комната, стерильная белизна которой делала радужное сияние ворот еще более привлекательным. Двое охранников, выпучив глаза, смотрели поверх навешенного на него оружия. Через туннель уже гнался за ним отряд стражников.

— Держите этого парня! — задыхаясь, приказал Локридж. — И дайте мне пройти!

Он был в униформе с вполне убедительными знаками различия. В замке еще не были известны детали происшедшего. Охранники отдали честь. Он кинулся в аванзал.

Воздух вокруг него прорезал и наполнил голос Брэнна, мощный, словно глас Божий.

— Внимание, внимание! Говорит Директор! Человек, одетый в форму начальника караула гвардейских частей, только что вошел во временной переход на девятом подуровне. Он должен быть взят живым любой ценой.

Через ворота! От удара, вызванного фазовым изменением, Локридж упал. Перекувыркнувшись, он ударился головой об пол; его пронзила боль, и мгновение он лежал оглушенный.

Страх перед аппаратом для зондирования мозга заставил его очнуться. Он с трудом поднялся и дотащился до стоявших наготове гравитационных саней.

Полдюжины людей высыпало из-за занавеса. Локридж лег ничком. Бледные парализующие лучи били по бортам. Он поднял руку и накрыл ладонью световой контроль ускорения. Сани тронулись.

Да, он удалялся от Патрульных. Патруль остался в прошлом. Локридж двигался в будущее.

Воздух со свистом вырвался из его легких. Сердце билось так сильно, что его трясло, как крысу в собачьей пасти. Из последних сил он превозмог панику и взглянул назад. Черные фигуры уменьшались. Они в нерешительности топтались на месте. Локридж вспомнил слова Сторм: «Мы пытались проникнуть вперед из нашего времени, — говорила она, сидя у костра в полном волков лесу, — но там оказались охотники; они заставили нас вернуться с помощью неизвестного нам оружия. Мы больше не пробуем. Это было слишком страшно».

— Я служил тебе, Кориока! — вскрикнул он. — Помоги мне, Богиня!

Издавека, отражаясь эхом от пульсирующей белизны туннеля, донесся до него голос Брэнна, отдающего приказ. Патрульные построились. Гравитационные устройства подняли их, и они пустились в погоню.

Коридор вел вперед, теряясь вдали. Никаких ворот не было, одна пустота.

Сани остановились. Он стукнул кулаком по панели управления; машина оставалась неподвижной. Преследователи приближались.

Локридж выпрыгнул из саней и побежал. Луч ударил в пол позади него, задев и парализовав ступню. Раздался торжествующий крик.

А затем наступила ночь и пришел ужас.

Локридж так и не понял, что произошло. Он лишился зрения, слуха, всех чувств и способности мыслить, кружась, он превратился в бестелесную точку, летящую в вечность сквозь пространство, имеющее бесконечное множество измерений. Каким-то образом он осознал присутствие чего-то живого и одновременно неживого. Оттуда исходил ужас, абсолютное воплощение ужаса — отрицание всего, что есть, было и будет; холод холоднее холода; темнота темнее темноты; пустота в пустоте, ничего, кроме водоворота, который втягивал его, сжимал и превращал в ничто.

Его больше не было.

Глава 16

И снова он был.

Сначала он был музыкой — самой нежной и красивой из когда-либо существовавших мелодий, — в которой он, охваченный сонным восторгом, узнал мелодию «Овцы могут пастись спокойно». Затем он был запахом роз; под его спиной было упругое, повторяющее его движения ложе; его тело было полно блаженного покоя. Он открыл глаза навстречу солнечному свету.

— Доброе утро, Малькольм Локридж, — произнес мужской голос.

— Ты среди друзей, — добавила женщина.

Они говорили по-английски с кентуккийским акцентом.

Он сел. Кушетка, на которой он лежал, стояла в комнате, отделанной панелями из клена. Она почти не была украшена, кроме переливающегося красками экрана, на котором цвета воплощались в необычные, мягкие формы настолько совершенных пропорций, что ничего больше и не требовалось. За открытой дверью Локридж увидел сад. Вдоль посыпанных гравием дорожек росли цветы; ивы склонились над заросшим лилиями прудом, защищая его от лучей знойного летнего солнца. По другую сторону дороги, покрытую зеленым дерном, стоял еще один домик, маленький, увитый жимолостью, простой и очень милый.

Мужчина и женщина подошли ближе. Оба были высокого роста, уже немолодые, но свои мускулистые тела держали прямо.

Волосы их были подстрижены пониже ушей и перевязаны лентами с замысловатым узором. Больше на них ничего не было, кроме ремешка с карманом на левом запястье. Он нащупал на своей руке такой же кошелек на браслете. Женщина улыбнулась.

— Да, твои диаглоссы там, — сказала она. — Не думаю, что тебе понадобится еще что-нибудь.

— Кто вы? — спросил Локридж в недоумении.

Они помрачнели.

— К сожалению, тебе недолго придется пробыть с нами, — ответил мужчина. — Зови нас Джон и Мэри.

— А это... когда?

— На тысячу лет позднее.

— Мы знаем, что тебе пришлось пережить кошмар, — сказала женщина с материнским состраданием. — Но у нас не было другой возможности заставить этих дьяволов повернуть назад — разве что убить их. Мы вылечили тебя соматически и психически, пока ты спал.

— Вы отправите меня домой?

— Да. — Тень сострадания пробежала по ее спокойному лицу.

— Фактически прямо сейчас, — сказал Джон. — Мы должны. Локридж встал с кровати.

— Я имел в виду, не ко мне домой. В Европу, в эпоху Хранителей.

— Я знаю. Идем.

Они вышли. Локридж попытался получить объяснение:

— Я понимаю, почему вы не пускаете сюда никого из прошлого. Так что для вас я?

— Судьба, — сказал Джон. — Самое ужасное слово, которое только может человек произнести.

— Что? Вы... Я... Моя работа еще не закончена?

— Пока нет, — сказала Мэри и взяла его за руку.

— Я не могу рассказать тебе больше, — сказал Джон. — Ради твоего же блага. Война во времени была апогеем человеческой деградации и не в последнюю очередь потому, что отрицала свободную волю.

Локридж старался сохранить спокойствие, которое они каким-то образом вселили в него.

— Но ведь время неизменяемо. Разве не так?

— С божественной точки зрения, возможно, — ответил Джон. — Люди, однако, не боги. Загляни внутрь себя. Ты знаешь, что делаешь свободный выбор, не так ли? В войне во

времени они оправдывали все ужасные вещи, которые делали, тем, что они якобы так или иначе должны произойти. Тем не менее они сами, непосредственно, были виновны в такой тирании, стольких смертях, такой ненависти, таких страданиях, что страшно представить. Теперь мы знаем, что лучше не заглядывать в собственное будущее, и мы путешествуем только в несчастное, проклятое прошлое — тайком и действуем как наблюдатели.

— Кроме случая со мной, — сказал Локридж с ноткой гнева в голосе.

— Мне очень жаль. Мы вынуждены причинить зло, чтобы предотвратить большее зло. — Джон бросил на него твердый взгляд. — Я утешаю себя тем, что у тебя хватит мужества все это перенести.

— Что ж... — Кривая усмешка тронула губы Локриджа. — О'кей. Я, безусловно, рад вашему вмешательству там, в коридоре.

— Больше этого не будет.

Они вышли на дорогу. Город казался достаточно большим; куда ни глянь, среди высоких деревьев стояли дома. На улице было много народу — красивые люди, шагающие спокойно, не спеша. Некоторые были голыми, другие, видимо, в летнюю жару чувствовали себя лучше в легкой тунике. Двое взрослых, проходя мимо, поклонились Джону — с уважением, но без подобострастия.

— Ты, должно быть, важная персона, — заметил Локридж.

— Континентальный советник. — В голосе Мэри звучали любовь и гордость.

С гиканьем пронеслась ватага детишек. Они крикнули что-то такое, что заставило Джона улыбнуться и помахать рукой.

— М-м-м... то, что я здесь... хранится в тайне?

— Почти, — ответила Мэри. — Факт твоего появления известен. Мы подготовились. Но они — назовем их хранителями времени — не раскрывали деталей. Для твоего же блага. Кто-нибудь мог бы рассказать тебе слишком много... Не обязательно плохого, — поспешила добавить она. — Но ощущение неотвратимости судьбы превращает человека в раба.

«Меня ждут критические события, — подумал Локридж. — Они не хотят, чтобы я знал, как мне предстоит умереть».

Он освободился от мрачных мыслей, уцепившись за произнесенные Мэри слова.

— Хранители времени! Значит, моя сторона все-таки победила! — Он посмотрел вокруг, вдохнул запах леса, сосредоточился

на ощущении прохладного дерна под ногами. — Конечно. Я должен был сразу догадаться. Это хорошее место.

— Думаю, — сказал Джон, — тебе стоит запомнить написанное одним из наших философов. Все дурное — это хорошее, ставшее злокачественным.

В недоумении Локридж молча следовал за своими спасителями. Вскоре они подошли к участку, огороженному живой изгородью. Джон дотронулся до листа, и ветви раздвинулись. За ними лежал летательный аппарат, формой напоминавший торпеду. Все трое вошли в него. Расположенная впереди кабина была похожа на прозрачный пузырь; не было видно ни рычагов, ни каких бы то ни было приборов управления. В хвосте, через дверь, Локридж увидел — механизмы? Очертания? Что бы это ни было, оно не имело ясно воспринимаемой формы, а, казалось, состояло из немыслимо изогнутых линий, то расходящихся, то вновь сходящихся.

Джон сел. Аппарат бесшумно поднялся. Земля быстро удалялась, поэтому Локридж не смог охватить взглядом все лежащее под темнеющим небом восточное побережье. В основном земля была зеленой (сколько лет потребовалось людям, чтобы исправить содеянное Патрулем?), но на юге на мили раскинулся комплекс зданий. Они были выстроены со вкусом, воздух вокруг был чистым; Локридж различал парки.

— Я думал, Хранители не строят городов.

— Верно, — коротко ответил Джон. — А мы строим.

— Близость других людей человеку тоже нужна, — пояснила Мэри.

Поток беспокойных мыслей Локриджа был прерван появлением на горизонте взлетающего серебристого корабля яйцевидной формы. «Господи, — подумал он, прикинув расстояние, — да эта штука, должно быть, полмили длиной!»

— Что это? — спросил он.

— Лайнер с Пляд, — ответил Джон.

— Но они не достигли звезд... в эпоху Сторм.

— Да. Они были слишком заняты, убивая друг друга.

Аппарат набирал скорость. Америка растворилась в извечном одиночестве океана. Локридж опять начал задавать вопросы, но Мэри покачала головой. В глазах у нее стояли слезы.

Прошло совсем немного времени, и внизу показалась Европа. Опускаясь, летательный аппарат, благодаря каким-то устройствам, не испытывал сопротивления воздуха. Локридж был бы рад шуму: он отвлек бы его мысли от будущего, которое сейчас было для него в прошлом. Он напряженно гляды-

вался вперед. Они все еще летели на такой высоте, что берег разворачивался перед ними словно карта.

— Эй! Ты направляешься в Данию!

— Так надо, — сказал Джон. — Ты сможешь добраться до места назначения сушей.

Аппарат остановился и завис в виду Лимфьорда. Большую часть местности занимали леса и пастбища. Локридж заметил стадо грациозных пятнистых животных — может, они с другой планеты? У верхней части залива стоял город. Он не был похож на тот, который Локридж только что оставил, и это его немного обрадовало. Ему всегда претила мысль о безликой земле, где повсюду одно и то же. Красные стены и медные шпили напоминали ему Копенгаген, каким он его знал.

«Ладно, — сказал он себе, — что бы мне еще ни предстояло сделать, я полагаю, это будет во имя благой цели».

— Мы бы с удовольствием показали тебе больше, Малькольм, — мягко сказала Мэри. — Но здесь мы должны расстаться.

— Как? А где же коридор?

— Мы нашли другие способы, — ответил Джон. — Эта машина нас доставит.

Языки пламени поползли по призрачным формам в хвосте. Кабину заполнила темнота. Локридж воспрянул духом. Он вовсе не обречен. Может быть, эта пара просто жалеет его, потому что ему еще предстоит сражаться. Во всяком случае скоро он увидит Аури. Не говоря уже о Юрии и ее двоюродных родственниках — ну и прием же будет! А потом Сторм...

Путешествие во времени закончилось. Лицо Джона стало напряженным.

— Вылезай скорее, — сказал он. — Нас могут засечь; рисковать мы не можем.

Аппарат приземлился без малейшего толчка. Джон пожал Локриджу руку.

— Счастливо тебе, — сказал он отрывисто.

— О да, счастливо! — воскликнула Мэри и поцеловала его.

Скользнула вбок дверь. Локридж выскочил наружу. Аппарат взмыл вверх и исчез.

Глава 17

До рождения по-летнему зеленеющей земли, которую он видел через тысячу лет, было далеко. Вокруг была местность, не менее дикая, чем во времена Тенил Оругарэй. Большую

часть деревьев составляли буки, правда, белые и высокие; их голые ветки проступали на фоне темнеющего неба. Опавшие листья сухо шуршали на холодном ветру. В вышине махал крыльями ворон.

Локридж поморщился. Что это за друзья, которые бросили его здесь, одного, без одежды!

«Это было необходимо», — подумал он.

Но, черт побери, в их планы не могло входить, чтобы он подох с голоду. Значит, поблизости должно быть жилье. Вглядевшись в окутывающий его полумрак, он различил тропинку. Узкая и, как видно, редко используемая, она вилась между кустов и стволов деревьев в направлении залива. Экспериментальным путем Локридж выбрал диаглоссу, подходящую для этого времени и этой местности, и быстро — в основном чтобы согреться — зашагал вперед.

Сквозь деревья, в стороне, противоположной догорающему закату, он увидел свет. «Полнолуние после осеннего равноденствия», — решил он. Аури, должно быть, ждет его целых три месяца. Бедная одинокая девочка. Ну что ж, они все равно собираются ее изучать, а он будет с нею, как только найдет возможность добраться...

Он резко остановился. Холод пронизал его: вдали послышался лай собак.

Ну и что, мужчине ли этого бояться? Чего он так нервничает? Локридж продолжил путь.

Стутившиеся сумерки сменила ночная мгла. Трещали и кололись ветки, на которые он натыкался, ничего не видя и сбиваясь то на одну сторону тропинки, то на другую. Усилился ветер. Собаки подавали голос уже ближе. А это что — протрубил рог? Похоже на то — такой пронзительный звук, переходящий в безобразный рев.

«Возможно, они движутся по этой же тропинке, — подумал Локридж. — Подождем...» Нет. Он перешел на рысь. Почему-то у него не было никакого желания встречаться со сворой собак.

Какой-то частью рассудка он пытался понять: почему? Если они смотрели на охоту как на спорт, — что из этого? Но эта местность была чертовски пустынной. Родные леса Аури были полны жизни. А здесь он не видел ничего, кроме деревьев и кустов, да еще питающегося мертвечиной ворона, не слышал ничего, кроме завывания ветра и необыкновенно быстро приближающегося лая собак.

Луна поднялась выше. Снопы света проникали между призрачно-серых стволов, пятна теней лежали на земле. В глубине леса тьма была полной. Все сильнее и сильнее становилось ощущение, будто он бежит по бесконечному туннелю. Локридж начал задыхаться. Эхом отдавался лай собак, вновь протрубил рог; он услышал стук копыт по мерзлой земле.

Лес расступился перед ним. Вереск поблескивал инеем; под мерцающими звездами, бороздившими серебряными полосами черную воду, раскинулся Лимфьорд. Локридж вздохнул с облегчением.

Внезапно собаки завизжали и затаивались, пронзительно затрубил рог, стук копыт превратился в гулкий цокот скачущих галопом коней. Кинжалом кольнула мысль: они взяли его след! Его охватил не поддающийся контролю страх. Локридж побежал, преследуемый по пятам ужасом.

Свора лаяла и выла. Пронзительно, как дикая кошка, закричала женщина. Он выбежал на открытое, залитое лунным светом пространство. В миле от него, у берега, виднелась какая-то темная масса и несколько желтых огоньков. Дома... Локридж зацепился за что-то и упал в кусты дрока, оцарапавшись до крови.

Падение отрезвило его, паника несколько улеглась. До убежища ему никогда не добежать — если вообще это убежище. Собаки догонят его через минуту. «О, Сторм! — Слезы текли по его лицу. — Сторм, дорогая! Я должен вернуться к тебе!» Воспоминание о том, как он обнимал ее, как ее грудь прижималась к нему, придало ему смелости. Он вернулся назад по своим следам.

Добежать до опушки леса... влезть на высокое дерево... встать на ветку, обхватив руками ствол. Превратиться в одну из теней — и ждать!

По тропинке из леса на вересковую пустошь вылетела охота.

Это были не собаки — два десятка похожих на волков чудовищ, озаренные лунным светом и с рычанием рвущиеся вперед. Это были не лошади — полдюжины громадных животных с огромным, как у нарвала, рогом, торчащим из лба. В холодном и ярком сиянии луны на острие одного из них Локридж разглядел темное пятно, напоминающее сгусток крови. Наездниками были люди — две женщины и четверо мужчин в форме Хранителей; их длинные светлые волосы развеивались по ветру. И еще один человек — его обнаженное тело со вспоротым животом было перекинуто через луку седла.

Один человек протрубил в рог почти прямо под деревом, на котором укрылся Локридж. Американца охватил такой ужас, что он чуть не разжал руки, обнимавшие ствол; он знал только одно: надо бежать, бежать, бежать... «Субзвуковой эффект!» — промелькнула догадка в еще не охваченной безумием части его мозга, и он изо всех сил, царапаясь о кору, вцепился в дерево.

— Хой-о, хой-о! — Ехавшая впереди женщина трясла поднятым копьём. Невыносимо было смотреть на ее лицо, выдававшее несомненное сходство со Сторм.

Они галопом поскакали дальше, пока собаки не потеряли след и не остановились в нерешительности, сердито сопя. Всадники осадили лошадей. Сквозь рев ветра и фыркание животных Локридж слышал, как они кричали что-то друг другу. Одна из девушек нетерпеливо показала в сторону леса: она догадалась, как поступил тот, которого они преследовали. Но остальные были слишком опьянены погоней, чтобы оставаться на месте. Вскоре они, вытянувшись в линию, поскакали через пустошь в восточном направлении.

«Это может быть уловкой, — подумал Локридж. — Они рассчитывают, что мне придется когда-нибудь слезть, и тут они вернутся и поймают меня».

Опять послышался звук рога, но уже так далеко, что его разрушительного воздействия на мозг не ощущалось. Локридж соскользнул с дерева. Вряд ли они ожидают, что он направится к деревне сразу же. У него не хватило бы хладнокровия, будь он каким-нибудь невежественным слоггом.

Откуда он взял это слово? Не из диаглоссы, в которую было умышленно заложено так мало правды об этой половине земного шара. Минутку... Ну да. Его употребляла Сторм.

Он сделал глубокий вдох, прижал локти к бокам и пустился бегом.

Лунный свет заливал землю, вереск был морозно-серым, вода блестела, — разумеется, они заметят его; но ничего другого не оставалось — только бежать. Цеплялись и царапались кусты, ветер дул прямо в лицо, но оставалось только бежать. Другого выхода не было — разве что ждать смерти от клыка, рога или пики. Что подталкивало его, позволяя развить такую скорость, — страх или какой-нибудь препарат, введенный ему в вену Джоном и Мэри? Эту часть пути до берега он одолел одним спринтерским броском.

Поселение представляло собой просто беспорядочное скопление домов. Хотя стены их были из бетона, а крыши из какого-то блестящего синтетического материала, они выглядели бо-

лее тесными и убогими, чем хижины эпохи неолита. Сквозь плохо пригнанные ставни и щели в неплотно закрывающихся дверях просачивались струйки света — их он и видел с опушки леса.

Локридж стал стучаться в ближайший дом.

— Откройте! — кричал он. — Помогите!

Ответа не было, не доносилось ни звука — дом замкнулся в себе и, казалось, отрицает реальность своего существования. Локридж доковылял по грязи до следующего дома и забарабанил в дверь кулаками:

— Помогите! Во имя Нее, помогите!

В доме кто-то заплакал.

— Убирайся! — раздался раздраженный мужской голос.

Шум погони почти не доносился через пустошь; теперь он усилился и начал приближаться.

— Катись отсюда, сука! — заорал внутри дома хозяин.

Локридж попытался вышибить дверь, но она была слишком прочной. Больно ударившись, он отлетел назад.

Шатаясь, он поплелся по деревне, выкрикивая мольбы о помощи. В центре селения оказалось что-то вроде площади. Рядом с примитивным колодцем высился двадцатифутовый крест в виде буквы «тау». К нему был привязан человек; он был мертв, и вороны уже начали его клевать.

Локридж прошел мимо. Снова послышался стук копыт.

За деревней были поля, где, возможно, выращивали картофель. В по-прежнему ярком лунном свете он ясно увидел оставленные всадниками следы. Рядом стояла избушка — еще более жалкая, чем другие. Дверь ее со скрипом отворилась, и на пороге показалась старуха.

— Эй, ты, — позвала она, — сюда, быстро!

Локридж кое-как перевалился через порог. Женщина закрыла и заперла дверь. Сквозь хриплые звуки собственного дыхания он слышал ее пьяное бружжание:

— Наверяд ли они припрут в город. Никакого интересу — убивать загнанного человека. А лесовик, что ни говори, тоже человек. Пусть она злится сколько влезет, если узнает. Я знаю свои права, знаю. Они взяли моего Олу, но это делает меня, его мать, священной на целый год. Никто ниже Кориоки не может меня судить, а миледи Истар не посмеет лезть к Ней с такой чепухой.

Силы понемногу возвращались к Локриджу. Он пошевелился.

— Запомни, — быстро проговорила женщина, — если ты начнешь скандалить, так мне достаточно открыть дверь и

крикнуть. У меня соседи — мужики крепкие, и они будут только рады посчитаться с лесовиком. Не знаю, сами они разорвут тебя на клочки или вышвырнут отсюда, чтобы Истар могла поохотиться, но твоя жалкая жизнь в моих руках, и лучше не забывай об этом.

— Я... не причиню... никаких хлопот. — Локридж сел, обхватив руками колени, и посмотрел на нее. — Если я могу чем-то отблагодарить... что-то сделать...

Совершенно неожиданно с удивлением он увидел, что женщина, в сущности, не так уж стара. Ее сутулость, вылинявшее серое платье, скрюченные пальцы, обветренное лицо, наполовину беззубый рот — все это ввело его в заблуждение. Длинные, до пояса, заплетенные в косы волосы были еще темными, морщин было немного, глаза, хоть и затуманенные алкоголем, не потеряли своего блеска.

Обставлен однокомнатный домик был скудно: пара кроватей, стол и несколько стульев, комод и шкаф... Ну-ка, а это что? В углу, служившем кухней, было устройство, похожее на электронное, а на стене — экран видеофона; напротив — маленький алтарь с серебряной Лабрис...

Женщина вздохнула:

— Ты не лесовик!

— Полагаю, что нет, — кто бы они такие ни были. — Локридж приложил ладонь к уху, прислушиваясь. Своры не было слышно. Он облегченно вздохнул, поняв, что этой ночью ему умереть не придется.

— Но... но ты являешься из лесу нагишом, удираешь от них... однако выбрит и подстрижен и говоришь лучше меня...

— Скажем так: я из других краев, но я не враг. — Локридж говорил с осторожностью. — Я направлялся в эту сторону, когда наткнулся на охотников. Мне очень нужно связаться с... э-э-э... с собственным штабом Кориоки. Тебе хорошо заплатят за спасение моей жизни. — Он встал. — М-м-м... ты не можешь одолжить мне какую-нибудь одежду?

Она оглядела его с головы до ног — не как женщина смотрит на мужчину, а с ввевшейся в кровь недоверчивостью, которая понемногу уступала место решимости.

— Хорошо! Может, ты и врешь, может быть, даже ты сам дьявол, посланный ловить в западню бедных слоггов, но мне терять нечего. Туника Олы должна быть тебе впору.

Пошарив в комод, она сунула ему потертую цельнокроеную блузу. Когда он взял ее, женщина погладила рукой ткань.

— Его дух еще должен быть в ней, хоть немного, — сказала она тихо. — Может быть, он помнит обо мне. Если так — я под защитой.

Локридж натянул тунику через голову.

— Ола был твоим сыном? — спросил он как можно мягче.

— Да. Последним. Болезнь унесла остальных еще в колыбели. А в этом году, когда ему едва стукнуло семнадцать, они выбрали его.

У Локриджа возникла жуткая догадка.

— Это он там, на кресте? — вырвалось у него.

— Заткни пасть! — неожиданно вспыхнула хозяйка. — Это изменник. Он обругал Прибо, любовника миледи Истар, который всего-навсего порвал его рыболовную сеть.

— П-прости, — проговорил Локридж, заикаясь. — Я ведь сказал, что не здешний.

Ее настроение изменилось со свойственной пьяным быстротой.

— Так вот, Ола — сказала она. — Он должен был быть Мужчиной Года. — Она начала тереть кулаками глаза. — Да простит меня Богиня. Я знаю, что его душа в счастливой земле. Если б только я могла забыть, как он кричал, когда они сожгли его.

Локридж нащупал стул, тяжело опустился на него и уставился в пустоту.

— Ты такой бледный, — сказала женщина. — Хочешь выпить?

— О Господи, да! — Какого бога он имел в виду — Локридж и сам не знал.

Она налила ему в стакан из кувшина. Вино было попроще, чем он пил во дворце, но Локридж почувствовал, как его нервы и мозг обволакивает тот же покой. Ну разумеется, им нужно что-то, чтобы вынести такую жизнь.

— Скажи мне, — спросил он, — эта Истар — ваша жрица?

— Ну да, конечно. Как раз к ней тебе и нужно идти. Завтра, не раньше полудня, я думаю. Она будет на охоте допоздна и спать будет долго, и какой бы важной шишкой ты ни был, она не из тех, кто любит вставать с постели. — Слогг отпила из своего стакана и захихикала. — Вот ложиться в постель — это да, это, я слышала, другое дело. Парни не должны вроде бы болтать о весенних обрядах, но болтают, болтают...

— А лесовики... Кто они?

— Что? Да ты, верно, и впрямь издалека! Это голые люди, лесные жители, мерзавцы, которые прокрадываются в деревню,

чтобы спереть цыпленка, а то еще нападают на тех, кто по дурости выходят в одиночку. Право, даже не знаю, почему япустила тебя: ведь я думала, ты из лесовиков. Разве что, может быть, я сидела тут одна и вспоминала Олу, и... конечно, на них надо охотиться, не только для того, чтобы сдерживать, но и потому, что их душа переходит в счастливую землю... и все-таки я иногда задумываюсь: откроет ли нам когда-нибудь Богиня лучший путь?

«О да, — вяло подумал Локридж, — лучший путь существует.

Но не в эту эпоху. Я вижу это совершенно ясно. Я вижу того растерянного старого рабочего, которого знал две тысячи лет тому назад, уволенного, потому что он не умел управлять кибернетическим устройством. Что делать с лишними людьми?

Если это Патруль, то их забирают против воли в постоянную армию. Если это Хранители, то они делают из них невежественных крепостных крестьян, оставив какое-то количество совершенных дикарей в качестве сдерживающего фактора, и религия, которая... Нет, хуже всего другое: сами Хранители верят.

А ты, Сторм?

Я должен выяснить».

Он смутно слышал голос хозяйки:

— Что ж, пусть я грешна, но Ола делает меня священной, пока не будет выбран новый Мужчина Года. Должно быть, это по его указанию япустила тебя. По чьему же еще? Я помогла тебе, чужеземец, — продолжала она горячо. — В награду за это можно мне увидеть Кориоку? Моя бабка однажды видела. Она пролетела как раз над этой землей, волосы у нее были черные как гроза, которую она часто вызывает, — о, этого не забыли за шестьдесят лет! Если бы я ее увидела, я бы умерла счастливой.

— Что? — На Локриджа усыпляюще действовали утомление и наркотик, но тут сон как рукой сняло. — Такая же? Сколько лет назад?

— А как же еще? Богиня не умирает.

«Какая-нибудь хитрость, — решил Локридж, — возможно, с воротами времени. Но Брэнн говорил о сражениях с ней на протяжении всей истории; и лишь немногие могут путешествовать по коридорам. Во всяком случае, руководители должны проводить в общей сложности годы, если не десятки лет, в каждом пространственно-временном регионе. Сколько?»

Стакан выпал из руки Локриджа. Он вскочил.

— Я не могу оставаться здесь! — взорвался он. — Я должен связаться с кем-нибудь, чтобы за мной послали.

— Постой! Этот аппарат соединен только с башней Истар; не думаешь же ты, что у таких, как я, есть прямая связь с Богиней? Садись, дурачок.

Локридж оттолкнул женщину. Она опустилась на кровать и налила себе еще полный стакан. Он закрыл ладонью единственную светящуюся кнопку вызова. Экран ожил, и на нем появился молодой парень со скучающим, сонным и недовольным лицом.

— Кто ты такой? — спросил Хранитель. — Моя госпожа на охоте.

— Твоя госпожа может охотиться хоть в преисподней, — отгрызнулся Локридж. — Соедини меня с дворцом Кориоки в Вестмарке.

У парня отвисла его безбородая челюсть.

— Ты что, рехнулся?

— Послушай, красавчик, если не поторопишься, я приколочу твою шкуру к ближайшему сараю, причем половина тебя будет еще внутри ее. Соедини меня с Хранителем Ху, или леди Юрией, или с кем угодно — кого найдешь. Скажи им, что вернулся Малькольм Локридж. Именем Кориоки!

— Вы их знаете? Простите! Одну, всего одну минуту, умоляю вас! — Экран погас.

Локридж протянул было руку к кувшину, но передумал. Сегодня ему нужна трезвая голова. Некоторое время он стоял, кипя от бешенства. Снаружи под стрехой завывал ветер. Женщина смотрела на него и не переставая пила.

На экране возникло лицо Ху.

— Ты! А мы считали тебя пропавшим! — В его голосе было больше удивления, чем радости.

— Это долгая история, — прервал его Локридж. — Ты можешь проследить по этому вызову, где я нахожусь? Тогда прилетай и заberi меня.

Старуха была уже слишком пьяна, чтобы проявлять овладевший ею страх, но все же она отодвинулась подальше от него.

— Господин, — невнятно забормотала она, — прости, я не знала...

— Я по-прежнему обязан тебе жизнью, — сказал Локридж. — Но Кориока временно в отъезде. Очень сожалею.

Он не мог больше оставаться в этой хижине, рядом с аккуратно расстеленной постелью юноши. Поцеловав руку его матери, он вышел на улицу.

Шуршали, кружась на ветру, опавшие листья. Луна стояла высоко и казалась меньше. Где-то очень далеко слышался шум охоты. Все это не имело значения.

«Надо быть осторожным, — подумал он. — Что бы там ни было, я должен доставить Аури домой».

Он не заметил, сколько времени прождал. Возможно, полчаса. Двое одетых в зеленое людей вынырнули из темноты и приветствовали его, отдав честь.

— Полетели, — сказал он.

И они понеслись над землей. Локридж видел одну лишь сплошную ночь. Там и тут расположились деревушки, кольцом окружив сверкающие, тянущиеся вверх башни замка-дворца; однако они были отделены от дворца и друг от друга мильями пустынных земель. Часто мелькали анки, под которыми находились фабрики. «Несомненно, — подумал Локридж, — жизнь Хранителей в такой же мере зависит от машин, как и жизнь Патрульных. Они лишь чуть больше приукрашивают этот факт.

Они не рассчитывали, что я все увижу. Предполагалось, что я, если останусь жив, попаду в коридор и перенесусь прямо в святилище».

Оно выросло перед ним, даже сейчас поразив таким великолепием, что он почувствовал боль, подумав о том, что дворцу суждено исчезнуть. Сопровождающие опустили Локриджа на террасе, где в искусственно теплом воздухе разливался аромат жасмина и пели струи фонтана. Ху стоял, ожидая его; ниспадавшая с его плеч мантия наводила на мысль о шаровой молнии.

— Малькольм? — Он обхватил Локриджа за плечи. Однако его восторг не был особенно искренним. — Что случилось? Как тебе удалось удрать и забраться так далеко на север, и... и... в общем, это повод для самого большого праздника с тех пор, как Она избрала свое последнее воплощение в Вестмарке.

— Послушай, — сказал американец. — Я едва стою на ногах от усталости. Моя миссия увенчалась успехом, а подробности могут немного подождать. А сейчас скажи: как Аури?

— Кто?.. А, девочка из неолита. Спит, надо думать.

— Отведи меня к ней.

— Ну... — Ху нахмурился и почесал подбородок. — Почему ты так волнуешься за нее?

— С ней что-нибудь случилось? — закричал Локридж.

Ху сделал шаг назад:

— Нет. Конечно, нет. Однако ты должен понимать, что она была вне себя от горя из-за тебя. И она, без сомнения, неверно истолковала кое-что из того, что видела. Этого следовало ожидать. Именно по этой причине нам нужно было изучить кого-

нибудь из их культуры так близко. Поверь мне, отношение к ней было самое что ни на есть доброе.

— Я не верю тебе. Отведи меня к ней.

— Неужели она не может подождать? Я думал, мы дадим тебе стимулятор, потом, после того как будет записан твой краткий рассказ, устроим праздник... — Ху сдался. — Ну, как хочешь.

Он поднял руку. Появился мальчик-слуга; Ху дал ему указание.

— Увидимся завтра, Малькольм, — сказал он и ушел. Его мантия пылала огнем.

Локридж едва замечал, каким путем его ведут. Наконец открылась дверь. Он шагнул через порог и оказался в маленькой комнате; напротив была еще одна дверь; на кровати лежала Аури. Она была красиво одета и не похудела (здесьние биомедики знали, как держать человека в хорошей форме). Она стонала во сне.

Дрожащей рукой он вставил в ухо диаглоссу для ее эпохи и погладил нежную щеку. Она заморгала.

— Рысь, — пробормотала она; затем, полностью стряхнув сон, воскликнула: — Рысь!

Он сел рядом и крепко обнял ее, а она смеялась и плакала, и дрожала в его руках. Слова бурным потоком срывались с ее губ:

— О, Рысь, Рысь, я думала, ты умер; увези меня, отвези меня домой, куда угодно; здесь — место, куда должны отправляться дурные мертвые; нет, меня не били, но у них с людьми обращаются как со скотом, они выводят их; и все ненавидят друг друга, и все время шепчутся, потому что хотят владеть другими, все они хотят; она не может быть Богиней, она не должна...

— Она и не богиня, — сказал Локридж. — Я добирался сюда через ее земли, я видел ее людей, и я знаю. Да, Аури, мы отправимся домой.

Отворилась внутренняя дверь. Он обернулся и увидел леди Юрию. Светлые волосы не закрывали устройства в ее ухе, так же как ее вечерняя мантия не могла скрыть напряженности ее позы.

— Мне почти жаль, что ты признал это, Малькольм, — сказала она.

Глава 18

1827 год от Рождества Христова.

Локридж прошел сквозь сверкающий занавес.

— В каком времени мы находимся?

Ху сверился с часами-календарем.

— Позже, чем мне хотелось, — ответил он. — В конце августа.

«Значит, Авильдаро прожила четверть года с того времени, как были разбиты Брэни и ютоазы, — подумал Локридж. — Аури — примерно столько же. Я — несколько дней, хотя каждый из них тянулся как столетие. Чем занималась здесь Сторм — все лето?»

— Фактор неопределенности, именно он делает межвременную связь такой сложной, — пожаловался Ху. Он обернулся к воротам. — Можно попробовать еще раз.

Четверо сопровождавших их солдат начали выказывать тревогу, один из них даже попробовал возражать.

Ху передумал:

— Нет. Такие эксперименты, если не повезет, могут привести к страшнейшим парадоксам. Я посылал людей в разные моменты нескольких последних недель. Согласно последнему сообщению, все по-прежнему идет гладко, и было это меньше месяца тому назад по местному времени.

Он направился вверх по коридору; его люди выстроились вокруг Локриджа и Аури.

— Мы правда дома? — выдохнула девушка, сжав руку американца.

— Да, ты дома, — ответил тот.

Как-то отвлеченно он удивился, что никакого гарнизона Хранителей не было выставлено у ворот, которые приобрели такое значение. «Что ж, — решил он, — у нее на это есть множество причин, в том числе и та, что ей нужно иметь в собственной эпохе как можно больше верных людей. Но прежде всего, я полагаю, она заботится о том, чтобы нельзя было догадаться о происходящих здесь событиях, на тот случай, если разведчики Патруля заберутся так далеко».

Они вышли из туннеля. Полуденное солнце стояло высоко над лесом, полным в разгар сезона красок и жизни. Стадо косуль, щипавших на лугу траву, бросилось бежать, вспугнув множество куропаток. Аури, с лицом, освещенным радостным восторгом, на минуту застыла, вознеся к небу руки и откинув назад копну распущенных волос. Перед отправлением она переоделась в простой наряд своего народа; Локридж обратил внимание, насколько поразительно зрелыми стали ее формы за время его отсутствия. Он пожалел, что у него не хватило духу попросить юбку, плащ и ожерелье вместо выданной ему зеленой униформы.

— И мы снова свободны, Рысь! — Девушка не могла удержаться и внезапно подпрыгнула с радостным криком.

«Ты — да. Может быть. Я надеюсь, — подумал Локридж. — А я? Не знаю».

Те два дня, что он провел во дворце, прежде чем отправиться сюда, с ним обращались достаточно хорошо. Он мог ходить, где хотел, при нем был лишь один охранник. Ему вполне вежливо посоветовали рассказать о происшедшем с ним, предложив наркотик, исключающий возможность лжи; он согласился и рассказал все как на духу, поскольку альтернативным вариантом вполне могло оказаться устройство для зондирования мозга. После этого Юрия вела с ним долгие беседы — без малейших признаков злости или раздражения. Ее позиция основывалась на том, что, во-первых, из-за своего происхождения и воспитания он не был готов к пониманию совершенно иной цивилизации; во-вторых, увиденное им не являлось характерным примером; в-третьих, трагедия есть неотъемлемая часть человеческой жизни, которой суждено реально воплотить свое величие; в-четвертых, нельзя отрицать, что злоупотребления имеют место, но они поправимы и при более мудром управлении будут исправлены.

Он ничего не отвечал на это, равно как и на проявление ее благосклонности. Она была ему слишком чужда. Как и все они.

Ху дал команду. Группа поднялась и полетела в сторону Лимфьорда.

Локридж думал о предстоящей встрече со Сторм. Сердце стучало у него в груди. Он не мог бы сказать, какое место в нем занимал страх, а какое — она сама.

Тем не менее судить его будет она, больше никто не смеет. Кроме сознания того, что он был ее избранником, ему не давали покоя эти загадочные слова из ее будущего.

Лес остался позади. Солнечные блики сверкали на воде залива, где стояла Авильдаро под сенью своей священной рощи. Видны были вышедшие в море рыбацьи лодки и женщины, занимавшиеся домашней работой рядом с хижинами. Но в северной стороне, простираясь на восток, расположились...

Аури пронзительно закричала. У Локриджа вырвалось ругательство.

— Ютоазы. Рысь, что случилось?

— Ради Бога, Хранитель, объясни! — задыхаясь выдавил из себя Локридж.

— Успокойтесь, — бросил Ху через плечо. — Это было запланировано. Все идет, как надо.

Локридж прищурился и стал считать. Сказать, что там собралось целое полчище людей Боевого Топора, было бы явным преувеличением. Он насчитал около дюжины колесниц, стоящих возле вигвамов своих владельцев-вождей. Воинов, в возбуждении следящих за приближением летучего отряда, собралось немногим более сотни человек. Кто-то мог быть на охоте, кто-то еще где-нибудь, но, безусловно, их было не так уж много.

Но зато с ними были их женщины — никто из женщин Оругарэй не носил грубошерстной кофты и юбки. Вокруг них шалили малыши; дети постарше присматривали за стадами коров и овец, табунами лошадей, — огромное количество скота паслось на лугах на пространстве в несколько миль от деревни.

Строились сараи из дерна.

Враг возвратился, чтобы остаться.

Почему, Сорм, почему?

Ху опустил их у Длинного Дома. Стоящие вокруг хижины закрывали собой раскинувшееся в стороне ютоазское стойбище. Площадь перед входом была безлюдна; там, где когда-то толкались, торговались, смеялись члены общины, все замерло. Даже далекие голоса едва нарушали эту залитую солнцем тишину.

Дом тоже претерпел изменения. Прежде под притолокой висел венок: зимой из дубовых листьев, летом — из остролиста. Теперь на его месте золотом и серебром сверкала эмблема — Лабрис на фоне солнечного диска. Два воина с гордым видом стояли на страже — в кожаных доспехах, разукрашенные, с плюмажами на шлемах; каждый был вооружен копьем, кинжалом, луком и томагавком. Они отдали честь — так, как это было принято у Хранителей.

— Она там? — спросил Ху.

— Да, мой господин, — ответил старший по возрасту — коренастый рыжий ютоаз с расчесанной надвое бородой. На его щите был изображен волк.

Потрясенный Локридж узнал Уитукара. Стало быть, его рука срослась.

— Она занимается магией за занавесом из тьмы, — добавил тот.

— Пусть этот человек останется с вами, пока она не позовет. — Ху вошел внутрь. За ним опустилась занавеска из шкур. Аური заплакала, закрыв лицо руками. Локридж погладил ее светлые волосы.

— Тебе не обязательно оставаться, — сказал он тихо. — Пойди поищи своих сородичей.

— Если они живы.

— Должны быть живы. Больше сражений не было. Сторм привезла чужеземцев с какой-то своей целью. Ну давай, беги домой.

Аури пошла было, но ее схватил один из солдат. Локридж ударил его по руке.

— У тебя не было приказа задерживать ее! — рявкнул он.

С испугом на лице солдат отступил; Аури скрылась между хижин.

Уитукар получил от этой маленькой стычки куда больше удовольствия, чем его перепуганный товарищ. Лицо его расплылось в улыбке.

— Ба! Да ты же тот, что удрал от нас! — загремел его голос. — Ну и ну! — Он опустил копье, подошел к Локриджу и похлопал его по плечу. — То было деяние, достойное воина, — сказал он с самой что ни на есть искренней теплотой. — Хо! Как ты расшвырял нас всех — и все ради одной девчушки! Как шли твои дела с тех пор? Знаешь, мы стали вашими друзьями, и я видел столько богов и так близко за последнюю неделю, что уже надоедает. Я думаю, ты тогда не пользовался колдовством, просто хитрые приемы — я им был бы весьма и весьма рад научиться. Я приветствую тебя!

Локридж собрался с мыслями. Это была возможность услышать правдивое описание событий.

— Я был далеко, по ее поручению, — медленно произнес он, — и не знаю, что происходило в этих краях. Я был немало удивлен, увидев, что ваш клан вернулся и что ты, — он решил подпустить шпильку, — стоишь на часах, словно какой-то юнец.

Уитукар осенил себя Ее знаком.

— Кто, кроме самых высокорожденных, — его голос звучал торжественно и высокопарно, — достоин служить Ей?

— М-м-м... Да, конечно. И все же с каких это пор?

— С середины лета, может, чуть позже. Видишь ли, мы были очень испуганы после того, как тот, кого мы считали самим Господином Огня, был побежден, а нас разбили иноземцы с оружием из настоящего металла. Честно говоря, мы считали, что нам еще повезло, что мы добрались до дома, что мы принесли большие жертвы богам этой земли. Но от Нее явился посланник и обратился к нашему совету. Он сказал, что Она на нас не очень сердится, потому что мы — простые люди, которых великан одурачил. Она, мол, даже охотно

использует нас как воинов, так как Ее войско должно вернуться к себе на родину.

«Ну конечно же, — вспомнил Локридж. — Англичан необходимо было отправить домой: они слишком плохо приспособлены, чтобы оказывать эффективную помощь, не говоря о том, что слишком бросается в глаза их иноземное происхождение. Сторм бросила какое-то замечание о проблеме, возникшей у нее по поводу обеспечения войском этого нового театра ее военных действий...»

— Так вот, — продолжал Уитукар, — мы колебались. Жаждающие приключений молодые ребята могли бы послужить несколько лет в Ее гвардии. Но семейные мужчины? Так далеко от своих родичей и богов? Тогда посланный объявил, что Она хочет, чтобы воины пришли и остались. Рыбаки достаточно храбрые, но у них нет опыта в ведении сражений и пользовании современным оружием. Она хотела, чтоб мы пришли — не только здоровые и крепкие мужчины, а все наше племя.

Она говорила, что мы получим землю, нам будут оказывать почет и уважение. И богам нашим тоже. Солнце и Луна, Огонь и Вода, Воздух и Земля — почему бы им не соединиться, чтобы их одинаково почитали? В конце концов, те фратрии, которые ты видел, вспомнили о том, что становятся слишком большими для своих пастбищ, подумали о выгодах союза с Нею, обладающей такой силой, и переселились сюда.

Пока все идет прекрасно. Деремся понемногу с Морским народом дальше вдоль берега — достаточно, чтобы держаться в форме и захватить кое-какую добычу и рабов. В будущем, похоже, планируется настоящий удар, чтобы заставить относиться к Ней с должным почтением те племена, которые до сих пор еще этого не делают. А между тем мы обустроиваемся на хорошей земле, и Она, Сестра Солнца, — с нами.

«О, Сторм, — подумал Локридж, — эти северные народы никогда прежде не испытывали на себе проклятие империи!»

— Как вы ладите с коренными жителями Авильдара? — спросил он резко.

Уитукар сплюнул:

— Не слишком здорово. В драку лезть они не решаются, поскольку Она сказала, что они не должны нас трогать. Но некоторые удрали за море, а оставшиеся такие злые! Э-эх, ты ведь знаешь, какие у них бабы; однако, если парню из наших захочется малость поразвлечься так единственная надежда — застать какую-нибудь в лесу и взять силой. Нам, знаешь ли, тоже велено не причинять им вред. — Он повеселел. — Но дай

нам время! Если они не захотят честных взаимобменов, мы и сами управимся. В конце концов мы сделаем их нашими, как наши предки переделывали завоеванные народы по своему образу и подобию. — Он приблизил к Локриджу лицо, по-дружески ткнул его локтем в ребра и доверительно поделился: — Сказать по правде, Она предвидит такой исход. Она сама обещала мне не так давно, что будут браки между родовитыми домами обоих народов. А таким путем, ты понимаешь, наследство переходит от их матерей к нашим сыновьям.

«А приведет все это, — подумал Локридж, — к юнкеру Эрику... Нет, погоди. Это дело рук Патруля. Но не Хранители ли заложили фундамент?»

Он молчал так долго, что Уитукар обиделся и вернулся на свой пост. Высоко в небе сияло полуденное солнце.

Несмотря на мучившие его мысли, Локридж обрадовался как дурак, когда появился Ху и сообщил, что она сейчас его примет. Чуть ли не одним прыжком он оказался по ту сторону занавески. Никто за ним не последовал.

Огонь в Длинном Доме по-прежнему не горел; помещение было задито холодным светом шаров. Черная завеса все так же отделяла заднюю часть комнаты. Там, где стоял Локридж, пол был покрыт каким-то жестким материалом, а стены обтянуты серым. Между деревянных опор насмешкой выглядели мебель и устройства из будущего.

К нему подошла Сторм.

Следы ее плена исчезли. Иссиня-черные волосы, золотистая кожа, зеленые, как морские волны, глаза сияли, как будто сами излучали свет; при ходьбе платье обрисовывало ее грудь, бедра, ноги, и он снова подумал о крылатой Победе — Нике Самофракийской. Платье сегодня было белым, с глубоким вырезом и отделано критской лазурью. Лунный серп увенчивал ее лоб.

— Малькольм, — сказала Сторм на его родном языке. — Это моя настоящая награда — то, что ты вернулся. — Она сжала его лицо в своих ладонях и смотрела на него сквозь пульсирующую неподвижность. — Спасибо, — добавила она на языке Оругарэй.

Локридж знал, когда женщина ждет, чтоб ее поцеловали. У него кружилась голова, но он стоял на своем и старался удержать в голове все свои обиды и сомнения.

— Ху, надо полагать, представил тебе мой отчет, — сказал он. — Мне нечего к нему добавить.

— Тебе не нужно ничего добавлять, милый. — Она указала на диван. — Сядем: Мы можем поговорить обо всем.

Он сел рядом с ней. Их колени соприкасались. Перед ними стояла бутылка и два наполненных бокала.

Сторм подала ему один и подняла свой:

— Выпьем за нас?

— Брэnn тоже угощал меня вином, — хрипло ответил Локридж.

Ее улыбка погасла. Прежде чем поставить бокал, она долго смотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она.

— Что Хранители ничуть не лучше Патрульных, провались к чертовой матери и те и другие? Да, мне так кажется.

— Но это неправда, — ответила она серьезно и искренне, ни на миг не давая ему отвести глаза. — Как-то ты упомянул нацистов из своего времени как случай абсолютного зла. Я согласна. Они были созданием Патруля. Но подумай — только честно, — представь себе, что ты — человек из теперешнего неолита, перенесенный в 1940 год. Много ли различий смог бы ты заметить между странами?

— Твоя кузина Юрия пользовалась примерно такой же аргументацией.

— Ах да. Она. — На мгновение ее губы сжались. — Когда-нибудь с Юрией придется разобраться.

Сторм расслабилась, положила руку ему на бедро и заговорила мягко и быстро:

— Ты встретил в моем будущем двух, именно двух, людей, которые в своих целях спасли тебя. Около часу ты был в их мире. Они доставили тебя на выбранное ими самими место и бросили там, сделав несколько продуманно двусмысленных замечаний. Ну, сам посуди, Малькольм, у тебя же научное образование. Какое же это основание для того, чтобы делать выводы? Любые выводы!

Ты видел то, что тебе хотели показать. Слышал то, что они хотели, чтобы ты услышал. Им надо, чтобы произошло что-то, к чему ты являешься ключом. Но что такое ключ как не простой инструмент? Ты всего лишь видел изменившийся мир. Откуда ты знаешь, что он появился не в результате победы Хранителей? Я думаю, что это именно так.

Потому что, Малькольм, многое из того дурного, что ты видел в моей стране, — результат войны. Не было бы врага, не нужна была бы такая дисциплина, можно было бы экспериментировать и проводить реформы. Да, я знаю, что собой

представляет Истар. Но ты же не настолько наивен, чтобы полагать, что правитель, даже обладающий самой что ни на есть абсолютной властью, может издать указ и добиться исполнения своей воли. Или ты думаешь, что это так? Мне приходится использовать то, что дано мне судьбой. Так вышло, что Истар меня поддерживает. Ее преемник — а я не могу нарушить право наследования: это вызвало бы опасные потрясения во всем королевстве, — тот, кто пришел бы после нее, состоит в другой фракции.

— А Юрия? — спросил Локридж сквозь застилавший его мысли туман.

— Моя дорогая Юрия. — Сторм усмехнулась. — Как бы ей хотелось стать Кориокой! И какая жалкая Кориока вышла бы из нее! — К ней вернулась рассудительность. — Я не недооценила тебя, Малькольм. Ты видел, что я могу сделать. Захватив Брэнна, с твоей помощью, я сделала то, что может стать началом смертельной схватки с Патрулем. Так мало людей, способных предпринимать эти операции во времени, и так много от них зависит. Пока Брэнн на свободе, большая часть моей энергии уходила просто на отражение его ударов. Я знаю, кто сейчас принял командование, и, откровенно говоря, мне ничего не стоит обвести Гарвена вокруг пальца.

Но и сама наша победа выдвинула целый ряд проблем. Пока тебя не было, верный Ху посылал своих шпионов, и его посланники путешествовали туда-сюда. Мои соперники — о да, у меня дома плетется еще больше темных интриг, чем ты думаешь, — которые организуют заговоры против меня под личиной дружеского расположения, которую нам приходится носить, пока продолжается война, — мои соперники ухватились за этот стратегический ход. Разве Юрия не делала намеков насчет наград в случае, если ты станешь ее агентом в моем лагере? — Локридж был вынужден кивнуть. — Так вот, с целью получения поддержки эта фракция утверждает, что мы должны по-прежнему сосредоточивать наши усилия в Средиземноморье и на Востоке. Они говорят: оставьте в покое Север, он не имеет никакого значения; хотя индоевропейское завоевание, безусловно, произойдет на юге и востоке, давайте сделаем так, чтобы оно оказалось не имеющим для врага настоящей ценности. А я говорю: бросьте эти регионы, оставьте там символические силы — и пусть Патруль держит там своих лучших людей, — а мы незаметно для них создадим на Севере тысячулетнюю несокрушимую твердыню!

Локридж заставил себя отвлечься от ее лица с широкими скулами, от пленительных изгибов ее тела.

— И поэтому ты предала людей, веривших тебе? — спросил он. В голосе его не было той силы, какую он хотел бы вложить в свои слова.

— Да, конечно, я позвала ютоазов, и мегалитическим каменщикам это не нравится. — Сторм вздохнула. — Малькольм, по моему заданию ты читал книги и провел немало времени в Датском национальном музее. Тебе должны быть известны археологические находки. Приходит новая культура, которая сформирует будущее; и что бы мы с тобой ни делали, реликвии, доказывающие это, останутся лежать в своих стеклянных ящиках. Но мы можем контролировать детали, о которых экспонаты ничего не говорят. Ты предпочел бы, чтобы пришельцы завоевали Данию так, как они захватят Индию, — с резней и обращением в рабство?

— Но, Бога ради, скажи, зачем они тебе?

— Я не могла оставить англичан, — сказала она. — Их отправили домой, кроме горстки людей, которые будут охранять ворота, пока они через несколько недель не закроются. Кстати говоря, я даже отправила тех агентов, которых ты видел, назад в их шестнадцатый век. Когда подготовительная работа была закончена, от них стало мало проку. А из-за нажима моих соперников я не могу вызвать настоящих специалистов с Крита — во всяком случае до тех пор, пока не буду в состоянии представить солидных, многообещающих перспектив. — Она широко развела руками. — Что я тогда покажу? — продолжала Сторм. — Новую и долговечную нацию. Сильных людей, которые, пусть с некоторыми компромиссами, следуют указаниям Богини. Источник ресурсов, богатства, людей, если понадобится. Пространственно-временной отрезок, настолько надежно защищенный, что имеет смысл собирать там силы Хранителей для решительной схватки. Узнав о достигнутых первых результатах, другие Кориоки склонятся на мою сторону. Мое положение дома упрочится. Еще важнее то, что мой план примут, и вся мощь будет сосредоточена здесь. И, таким образом, мы будем ближе к тому, чтобы положить конец непристойным выходкам Патруля; а уж после этого можно будет заняться исправлением зла у себя дома. — Ее голова поникла. — Но я так одинока, — прошептала она.

Он не мог удержаться, чтобы не взять ее лежащую на коленях руку. Другой рукой он обнял ее за плечи.

Сторм близко наклонилась к нему.

— Война — гадкая штука, — сказала она. — В ней очень много грустного; приходится делать то, чего не хочется. Я обещала тебе, что после выполнения поручения ты сможешь вернуться домой. Но мне дорог каждый человек, сохраняющий мне верность.

— Я с тобой, — сказал Локридж.

В конце концов... Разве у него не осталось еще одного незавершенного дела?

— Ты далеко не обыкновенный человек, Малькольм, — сказала Сторм. — Королевству, которое мы строим, нужен будет король.

Он поцеловал ее.

Она ответила.

— Пойдем, мой друг, — чуть погода шепнула она. — Туда.

Опустилось солнце. С запада, где желтым светом блестела вода, вернулись рыбацьи лодки; над хижинами вился дым; Мудрая Женщина со своими прислужниками отправилась в рощу, чтобы преподнести богам ежедневные дары. Через луга доносился грохот барабанов: люди Боевого Топора отправляли своего бога почивать.

Сторм пошевелилась.

— Тебе сейчас лучше уйти, — сказала она со вздохом. — Ты прости, но мне необходимо выспаться. А исполнение роли божества отнимает почти все мое время. Но ты придешь опять. Правда? Пожалуйста.

— Когда только захочешь, — ответил он глухо.

Локридж вышел в вечерний полумрак. В его душе царил мир. За стенами Длинного Дома текла повседневная жизнь народа Тенил Оругарэй: детишки все еще возились на улице, мужчины вели беседы; сквозь открытые двери хижин видны были женщины — ткущие, шьющие, готовящие еду, шлифующие металл, формующие горшки. Локридж шел, и за ним катилась волна тишины.

Дойдя до хижины, где когда-то жил Эхегон, он вошел. Здесь он мог остаться.

Вся семья сидела вокруг огня. Они вскочили и осенили себя знаком, еще не так давно им незнакомым. Простым смертным он оставался лишь для Аури. Она подошла к нему и нерешительно сказала:

— Как долго ты пробыл с Богиней.

— Так было нужно, — ответил Локридж.

— Ты ведь заступишься за нас перед ней, правда? — взмолилась женщина. — Может, она не знает, какие они злые.

— Кто?

— Те, кого она привела. О, Рысь, я такое слышала! Они пасут свой скот на наших посевах, и насиляют женщин, и глумятся над ними на нашей собственной земле. Они совершают набеги на наших родичей, ты знаешь об этом? Сейчас у них на стойбище люди из Уралы и Фаоно, мои дорогие родственники, — они рабы. Расскажи ей, Рысь!

— Расскажу, если смогу. — В его голосе звучало нетерпение. Ему хотелось побыть немного наедине с этим днем. — Но чему быть, того не миновать. А теперь могу я что-нибудь поесть и побыть в тишине? Мне нужно о многом подумать.

Глава 19

Как и во всех войнах, о которых Локриджу было известно, в этой борьбе основные усилия должны быть направлены на не бросающуюся в глаза организацию хода событий. Столь же знакомой была и проблема нехватки людей. Агенты были разбросаны вдоль и поперек всей истории, и сражающимся во времени сторонам катастрофически недоставало людей. У Сторм Дарроуэй положение было еще хуже: практически она оставалась одна.

Сторм признавала, что политическая зависть — не единственная причина того, что она не имела поддержки других аватар — воплощений богов на земле. Ее план был радикальным, включал значительное сокращение вложений в древние, обреченные цивилизации в других регионах. Многие из Хранительниц, выступавших в качестве королей, были совершенно искренни, сообщив Сторм, что та выгода, в несомненном получении которой она клялась, должна быть наглядно продемонстрирована, — лишь тогда они будут готовы оказать помощь. Дело в том, что, судя по всему, война во времени не захватила бронзовый век Северной Европы. Насколько было известно, ни Хранители, ни Патруль не проводили сколько-нибудь значительных операций на этом пространственно-временном участке протяженностью в тысячу лет и тысячу миль.

— Но послушай, — раздраженно сказал Локридж, — разве это не доказывает, что ты ошибаешься?

— Нет, — ответила Сторм. — Точно так же это может означать успех. Вспомни: из-за стражей коридоров в нашу эпоху мы не знаем нашего будущего. Мы не можем предсказать, что нам предстоит сделать. Даже такие причинно-следственные

крути, как тот, что мы использовали, чтобы поймать в западню Брэнна, — и то редкость, благодаря действующему в воротах фактору неопределенности.

— Ясно, ясно. Но послушай, любимая, безусловно, можно проверить прошлую эпоху, вроде этой, и выяснить, есть ли там твои люди.

— Если их работа идет гладко, то что мы увидим? Ничего, кроме коренных жителей, живущих своей повседневной жизнью. Когда агенты Хранителей прячутся от Патруля, они в большей степени оказываются скрытыми и от Хранителей.

— М-м-м... Полагаю, что так. Проблема безопасности. Нельзя, чтобы твои сторонники знали больше, чем необходимо, иначе это может стать известным врагу.

— К тому же, — надменно продолжала Сторм, — это мое поле деятельности. Я буду распоряжаться своими людьми так, как сочту нужным. Приобретенная мною власть будет использована не только против Патруля. Дома тоже надо свести кое-какие счета.

— Иногда ты просто приводишь меня в ужас, — сказал Локридж.

Сторм улыбнулась и ласково взъерошила ему волосы.

— Иногда, — промурлыкала она. — А иногда?..

— Ты компенсируешь это — и с лихвой!

Но долго оставаться вместе они не могли. Слишком много всего нужно было сделать.

Сторм должна была находиться в Авильдаро: выступать в роли королевы и судьи, принимать решения и издавать законы — до тех пор пока создаваемая ею нация не примет того облика, который ей нужен. Ху предстояло служить связующим звеном с ее родной эпохой и с Критом. Рядовых воинов можно было использовать лишь в качестве курьеров или стражников; в данном случае солдаты, прибывшие вместе с Ху, не нужны были даже для этого, и она отослала их обратно. Едва ли можно было рассчитывать на опытных агентов из других пространственно-временных регионов. Больше всего Сторм не хватало надежного человека, который мог бы работать с племенами...

Локридж шагал вперед. Его сопровождали Уитукар и еще несколько воинов. Он очень привязался к рыжему ютоазу; они навевались друг к другу в гости, пили мед и болтали далеко за полночь. «О'кей, — думал Локридж, — он не цивилизован. Как и я, наверно. Мне нравится его жизнь».

Конечной целью было слияние двух народов — Лабрис и Топора — в один. Это, без сомнения, должно было произойти:

Ютландии предстояло войти в историю как нации и даже после эпохи Локриджа оставаться распознаваемым единым целым. Подобно многим другим регионам. Вопрос состоял в том, произойдет ли и здесь то, ради чего Патруль организовал индоевропейское нашествие, — разрушение древней культуры, — или же каменщики неолита выживут в количестве, достаточном для того, чтобы Хранители могли тайно, но безопасно занять Север бронзового века? Сообщения из следующего тысячелетия давали основание предполагать, что второй вариант вполне вероятен, что действия, предпринятые Патрулем, ударят в этой части света по нему самому.

Однако создание этих королевств поневоле должно быть медленным процессом, как из-за недостатка агентов, так и для того, чтобы казаться естественным. (По сути дела, быть естественным, ибо сколоченные на скорую руку империи — например, Александра или Тамерлана — просуществовали слишком недолго, чтобы иметь большую ценность.) Первым шагом было объединение жителей деревень, расположенных вокруг Лимфьорда в союз более тесный и жесткий, чем существовавший прежде. Для этого Сторм могла использовать ужас, испытываемый жителями в ее присутствии, а также, если возникнет необходимость, своих помощников ютоазов. В то время очень важно было заключить союз с внутренними племенами — как с издревле живущими там, так и с вновь пришедшими. С первой миссией такого рода Сторм отправила Локриджа.

Он предпочел бы ехать верхом. Однако эти косматые, с длинными мордами пони никогда не ходили под седлом, и выездка заняла бы слишком много времени. Поэтому Локридж шел пешком. Приблизившись к поселению, он и Уитукар забирались на свои колесницы и, сжав от тряски зубы, с достоинством — как оно понималось в эту эпоху — въезжали в деревню.

Но в целом — даже после того, что за этим следовало, — Локридж не мог не признать, что редко получал большое удовольствие. Его любимым отдыхом всегда было забраться с рюкзаком в какую-нибудь глушь: теперь он получил такую возможность, причем поклажу тащили вассалы Уитукара.

Когда они встречались с жителями, их принимали радушно; Локридж с большим интересом подмечал детали, не содержащиеся в диаглоссе. (Кстати, он постепенно нуждался в ней все меньше и меньше: благодаря постоянному употреблению язык и обычаи фиксировались в его памяти.) В становищах Боевого Топора несложная церемония сменялась празднест-

вом. В древних сельскохозяйственных общинах сперва проявляли некоторую настороженность — но не страх, поскольку с пришлыми племенами у них не было серьезных стычек: земли было много, поселений на ней мало. Здесь обычно начинали с тщательно разработанных ритуалов, но имели склонность заканчивать все таким торжеством, при виде которого у людей XX века глаза бы на лоб полезли.

Послание, которое передавал Локридж, было простым. Богиня избрала местом своего пребывания Авильдаро. У нее нет вражды, как утверждают некоторые, к Солнцу и Огню: скорее она является Матерью, Супругой и Дочерью богам-мужчинам. Высшими силами высказано желание, чтобы их дети были так же соединены, как Они. С этой целью в середине зимы с Авильдаро будет созван первый совет для обсуждения путей и средств этого объединения. Приглашаются все вожди. Об альтернативе Локридж ничего не говорил: это могло лишь вызвать враждебное отношение, да и необходимости в этом не было.

Кое-что из того, что он видел и слышал, казалось ему отталкивающим, но он говорил себе, что это будет исправлено. Больше всего ему нравились люди. Он не мог бы даже назвать их менее искушенными, чем его собственный народ. У них были установлены хотя и непрочные, но широкие контакты — к примеру, с племенами Боевого Топора они простирались аж до Южной Руси. Их политика была почти так же сложна, как и в XX веке, только в меньшем масштабе и без примеси идеологии; их нравы были куда более псевдонаукой, называемой экономикой, зато они прекрасно разбирались в жизни земли, неба и человечества.

Путь Локриджа пролегал мимо священного холма, которому предстояло стать Выборгом, по земле более плодородной, чем та, которую он видел в будущем; на север к прибою и широким берегам Скау; снова на юг вдоль Лимфьорда. Скромное начало. И все же ему понадобился почти месяц. К тому времени когда они вернулись в Авильдаро, вересковые пустоши уже цвели пурпуром и золотом; на восходе иней блестел на ветках; начали желтеть листья.

В этот день с западной стороны моря с ревом налетел ветер, пятна света и тени от туч гонялись друг за другом по земле, волны гуляли по заливу и по лужам, оставшимся после прошедшего ночью дождя. Лес качался и стонал, луговая трава была убрана в стога. Освещенная солнцем, пролетела, направляясь

в Египет, стоя аистов. Прохладный воздух пахнул морской солью, дымом и лошадьми.

Отряд Локриджа заметили издалека. Сопровождаемый громкими приветственными возгласами, он проехал через лагерь ютоазов и выехал на ничейную землю между ним и деревней. Никто из людей Тенил Оругарэй не вышел его встречать.

Кроме Аури.

Она бежала к нему, полная ликования, поминутно окликая его. Локридж велел вознице остановиться, подхватил ее с земли и обнял.

— Да, малышка, со мной все в порядке, никаких неприятностей не было; конечно же, я рад тебя видеть, но я должен прежде всего рассказать о поездке Богине.

Он с удовольствием прокатил бы ее, но в колеснице было слишком мало места. Всю дорогу она, приплясывая, бежала рядом.

У Длинного Дома Аури забеспокоилась.

— Я буду в своем доме, Рысь, — сказала она и поспешно убежала.

Глядя ей вслед, Уитукар почесал бороду.

— Недурная курочка, — сказал он. — А как она с мужиком?

— Она девушка, — коротко ответил Локридж.

— Что? — Слезавший с колесницы ютоаз открыл рот. — Не может быть. Вот так Морской народ.

Локридж объяснил, как все произошло.

— Н-да... — пробормотал вождь. — Ну-ну. Но уж ты-то, конечно, не боишься ее?

— Нет, — бросил Локридж. — Я слишком занят.

— О да. — Уитукар осенил себя каким-то знаком, правда, ухмыляясь в то же время. — Тебе благоволит Богиня. — Из-за этого ему уже незачем было выказывать чрезмерное почтение, после того, как они с американцем прошли вместе по стольким холмам, с криками гнались за оленем, проклинали дождь и неразжигающийся костер, глядели в лицо смерти. — Эта Аури... — сказал он. — Мне она и прежде нравилась, но я был совершенно уверен, что она твоя. Она же тычется в тебя носом при любой возможности.

— Мы друзья, — ответил Локридж с растущим раздражением. — Если б она была мужчиной, мы были бы названными братьями. Обидеть ее — то же, что обидеть меня. И я отомщу.

— О да, да, конечно. Но ведь ты же не хочешь, чтобы она навсегда осталась одинокой?

Локридж смог только отрицательно покачать головой.

— И она наследница бывшего здешнего вождя; и, ты говоришь, заклятие с нее снято, гм...

«Что ж, — подумал Локридж со странным чувством, — это может оказаться для нее лучшим выходом из положения».

Но он не мог долго думать о ней. Его ждала Сторм.

В присутствии Ху и Уитукара она произнесла лишь формальное приветствие и, казалось, слушала его отчет вполуха. Вскоре ему было позволено удалиться. Однако она улыбнулась ему и произнесла по-английски одно слово: «Вечером».

После этого и простых товарищеских отношений последних недель ему не хотелось проводить день среди людей Тенил Оругарэй. Из веселого народа, который он знал прежде, они превратились в растерянных и мрачных жителей оккупированной страны. Между ним и ими пролегла трещина: он был Ее агентом, а Она предпочла показать себя не с лучшей стороны. Он мог бы пойти к ютоазам... но нет, там он увидит их рабов. Аури? Становилось все труднее поддерживать с ней прежние отношения... В одиночестве Локридж зашагал прочь от деревни. Возможно, вода в священном пруду на опушке леса не настолько холодна, чтобы он не смог смыть с себя грязь после путешествия.

Вроде бы он должен быть счастлив. Но что-то вышло плохо. Он раздумывал об этом, оставляя позади милю за милей. Безусловно, мирное объединение двух народов было благой целью. И люди Боевого Топора не были дурными по природе, просто несколько властолюбивыми. Как невоспитанные мальчишки. В этом все и дело. В них должен быть заложен страх перед Господом. А в частности, им необходимо уважение к личности коренных жителей. В настоящее время они просто добавили Богиню Луны к сонму своих богов, и ничто, кроме ее приказаний, не удерживает их от того, чтобы сделать Морской народ своей добычей. И никогда целая культура не испытывала уважения к другой, если та не могла достойно проявить себя в сражении.

«Прогресс, — с грустью думал Локридж. — Будет ли человек другим через четыре тысячи лет? Мы, белые американцы, возможно, и ограбили индейцев, но, поскольку они мужественно защищались, мы гордимся любой имеющейся в нас каплей индейской крови. Негров же мы просто презирали, вплоть до последних десятилетий, когда я уже родился, — пока они наконец не поднялись и не начали борьбу за свои права.

Может быть, народу Джона и Мэри не обязательно разбивать носы, чтобы они смогли уважать других. Хотелось бы так думать. Но как добраться отсюда — туда?

Возможно, это моя работа. Заложить кирпичик в стену строящегося дома.

Но как? Ютоазы прекрасно знают, что победили бы Тенил Оругарэй, если бы боги не привели с собой помощников. Они теперь здесь по приглашению Сторм, потому что они лучшие воины. Это здорово, конечно, созвать совет и посадить на трон короля. Но как избежать общества, в основе которого хозяин и крепостной?

Да и хочет ли этого Сторм?

Ладно! Хватит об этом!»

Локридж был так поглощен своими мрачными раздумьями, что оказался почти у пруда прежде, чем увидел происходящее там. А они — семь молодых парней и девушка из деревни — были настолько увлечены, что не заметили его приближения.

Девушка лежала навзничь на большом камне, с которого, в качестве подношения, бросали в воду изделия мастеров. В то время как шестеро его товарищей стояли с веточками омелы в руках, седьмой юноша занес над ее грудью кремневый нож.

— Что за черт! — заорал Локридж и бросился к ним.

Они попятились. Когда же узнали его, в них не осталось от страха ничего человеческого — парни с мольбами поползли по земле; девушка понемногу начала выходить из транса.

Локридж напряг живот и произнес как можно более низким голосом:

— Ее именем требую: покайтесь в своих прегрешениях.

Запинаясь и умоляя о прощении, они все рассказали. Некоторые детали были опущены, но он и сам мог заполнить пробелы.

«Богиня» была далеко не точным переводом слова, которым обозначалось то, чем Она была в этой культуре. Японское «ками» было ближе; оно означало любое сверхъестественное существо — от этой скалы или дерева, у которого просят прощения, прежде чем его срубить, до необозримых, непостижимых сил, господствующих над первоэлементами. Господствующих, не управляющих. Не было никакой формальной теологии, разделения магического и божественного; все вещи обладали определенной мистической силой. У него, Локриджа, ее было ужасно много. Уитукар мог быть его другом, но это потому, что Уитукар был уверен, что магия не будет обращена против него. У Аури, которой не так повезло, не было ни одного

человека, который чувствовал бы себя спокойно в ее присутствии. Эти ребята — из добросердечных людей Тенил Оругарэй — видели, как по Ее воле была занята пришельцами их страна. Они могли бы сбежать во Фландрию или Англию, как некоторые уже сделали, но слишком глубоким было в них чувство родины. Вместо этого они решили попробовать восстать против Нее. Они слышали рассказы о человеческих жертвоприношениях у континентальных народов и знали, что эти народы все еще свободны...

— Идите домой, — сказал Локридж. — Я не стану призывать кару на вашу голову. И Ей не расскажу. Грядут лучшие времена. Клянусь в этом.

Они заковыляли прочь. Отойдя на некоторое расстояние, пустились бегом. Локридж прыгнул в воду и начал яростно смывать с себя грязь.

В деревню он вернулся только после захода солнца. Погода стала пасмурной, ветер нагнал тучи с моря, принес с собой холод и ранние сумерки. На улице никого не было; дверные проемы были затянуты шкурами.

Каковы бы ни были его чувства, человеку надо есть; Локридж столовался в доме покойного Эхегона. Он вошел и оказался в царстве тишины. Дым ел глаза, тени заполнили углы и легли вокруг слабо мерцающего в углублении огня. Родня Аури сидела, как будто в ожидании его: мать-вдова, напоминавшая ему ту женщину, которая укрыла его от псов Истар; немногие оставшиеся в живых маленькие сводные братья; тетка и дядя — простой рыбацкий люд. Они глядели на него с полной отчужденностью; их собственные дети, некоторые из которых спали, другие, постарше, в страхе пытались спрятаться от него.

— Где Аури? — спросил Локридж.

Ее мать показала на топчан. Волосы цвета спелой пшеницы разметались по одеялу из оленьей шкуры.

— Она выплакала все слезы, и у нее не осталось сил. Разбудить ее?

— Нет. — Локридж переводил взгляд с одного замкнутого и осторожного лица на другое. — В чем дело?

— Ты же знаешь, — ответила мать; в ее голосе не прозвучало даже упрека.

— Не знаю. Расскажи мне!

На мгновение взметнулось пламя, озарив фигуру Аури. Она спала, зажав большой палец в кулаке, словно обиженный ребенок.

— Я хочу помочь. — Он не знал, что еще сказать.

— О да, ты всегда был ей другом. Но что лучше для нее? — жалобно проговорила мать Аури. — Мы не можем знать наверное. Мы всего лишь простые смертные.

— Равно как и я, — сказал Локридж, не надеясь, что они поверят.

— Ну что ж. Сегодня днем пришел ютоазский вождь по имени Уитукар и просил ее стать его... как это у них называется?

— Женой, — подсказал Локридж. Он припомнил, что у Уитукара их было уже три.

— Да. Только его. Вроде рабыни, которая должна выполнять любое его приказание. Тем не менее, ну... ты мудрее нас, и ты знаешь этого человека. Он сказал, что мы все будем под его защитой. Это правда? Наш дом очень нуждается в защитнике.

Локридж кивнул. «За защиту надо платить», — подумал он, но промолчал.

— Аури отказала ему, — устало продолжала мать. — Он ответил, что Богиня сказала, что он может ее взять. Тогда она словно рехнулась, стала кричать, звать тебя. Мы ее немного успокоили и отправились к Длинному Дому. Ждали там, потом Богиня приняла нас и велела Аури выйти за Уитукара. Но у ютоазов это делается не так, как у нас. Сперва нужно совершить определенные обряды. Так что мы привели ее домой. Она вроде как бредила, бормотала, что убьет себя или уплывет одна на лодке, — а это будет то же самое, — но наконец уснула. Что ты обо всем этом думаешь?

— Я поговорю с Богиней, — взволнованно ответил Локридж.

— Спасибо. Я сама не знаю, что лучше. Она будет несвободна с ним, но мы ведь и так уже несвободны. И Сторм приказала. Но жизнь Аури никогда не будет счастливой в таких тесных рамках. Может быть, ты сможешь убедить ее, что так лучше.

— Или освободить ее от этого, — ответил Локридж. — Я пойду сейчас же.

— Разве ты не поешь сперва?

— Нет, я не голоден. — Занавес из шкур опустился за ним.

В деревне было совсем темно. До Длинного Дома пришлось добираться чуть ли не ошупью. Охранники-ютоазы пропустили его без единого слова.

Внутри все так же светились шары. Сторм в одиночестве сидела у контрольного щита психокомпьютера. В этом поме-

щении на ней была лишь короткая туника, однако на этот раз Локридж смотрел на нее, не испытывая желаний. Она обернулась, засмеялась и потянулась.

— Так скоро, Малькольм? Ну что ж, я устала уже экстраполировать тенденции. Все равно все в основном строится на догадках.

— Послушай, — начал он, — нам надо поговорить.

Ее веселое настроение сразу прошло, она неподвижно застыла.

— Наш проект идет не так, как надо, — продолжал Локридж. — Я рассчитывал, что здешний народ примирится с новым порядком. Но вместо этого, когда я вернулся, все оказалось хуже, чем было.

— Да, настроение у тебя меняется быстро, — произнесла она ледяным тоном. — Будь более конкретным. Ты хочешь сказать, что трения между племенами усилились. А ты чего ожидал? Что я должна сделать? Отказаться от своих славных союзников ютоазов?

— Нет, просто немного сбить с них спесь.

— Малькольм, дорогой, — сказала Сторм уже более мягко, — мы здесь не для того, чтобы строить утопию. Это в любом случае безнадежное занятие. Для нас важно накопить силы. А это значит, что предпочтение должно отдаваться тем, кто является потенциально сильным. Не будь ханжой, спроси себя: жители Эниветока, они что, с большим удовольствием переселятся, чтобы освободить место для ядерных испытаний твоей страны? Мы можем стараться свести к минимуму боль, которую причиняем, но тому, кто вообще отказывается ее причинять, нечего делать в этом мире.

— О'кей, — сказал Локридж и расправил плечи, — ты всегда можешь меня переспорить, когда...

Сторм встала. Взгляд ее был бесстыдным и манящим.

— В особенности одним способом, — сказала она.

— Нет, подожди, черт возьми, — заупрямился Локридж. — Может, нам, людям, и приходится быть сволочами. Но не без оговорок. Во всяком случае, человек должен быть верным своим друзьям. Аури — мой друг.

Сторм застыла. Некоторое время она стояла не двигаясь, затем ее пальцы пробежали по черным как ночь локонам.

— Ага, она. — Голос ее звучал ласково. — Я так и думала, что ты заговоришь об этом. Продолжай.

— Она... ну, в общем, она не хочет в гарем Уитукара.

— Он что, плохой человек?

— Нет, но...

— Ты хочешь, чтобы она осталась одна, — зная, насколько необычной это ее здесь сделает?

— Нет-нет...

— Она может найти кого-нибудь другого?

— Ну...

— Кроме, пожалуй, тебя, — проворчала Сторм.

— О, мой Бог! — сказал Локридж. — Ты же знаешь — мы с тобой...

— Не ставь себя слишком высоко, мой милый. Но что касается этой девки. Если два народа должны стать одним, то союзы неизбежны. Брак для людей Боевого Топора — слишком прочное учреждение, чтобы они могли от него отказаться; следовательно, Морской народ вынужден будет принять его. Аури — наследница главы этой общины. В племени ютоазов никто не имеет влияния больше Уитукара. И практически, и в качестве примера ничто не может быть лучше их брака. Конечно, она закатила истерику. Ты что, такой дурак, что думаешь, она никогда не утешится? Не будет любить своих детей от него? Не забудет тебя?

— Да, но... Я считаю, она заслуживает возможности свободного выбора.

— Из кого ей выбирать, кроме тебя, который ее не хочет? Но даже если б ты хотел, это ничего бы нам не дало. Ты пришел, жалуясь, что деревенские жители несчастливы. Англичане будут еще более несчастливы после нормандского завоевания. Но пройдет несколько веков — и нет норманнов. Все стали англичанами. Для нас здесь, в этом времени, аналогичный процесс начинается с Аури и Уитукара. Не говори мне о свободном выборе... если, конечно, ты не считаешь, что во всех войнах принимать участие должны только добровольцы.

Локридж стоял, чувствуя себя беспомощным. Сторм подошла к нему и обвила его шею руками.

— Мне кажется, Аури — по-своему, по-детски — зовет тебя Рысью, — прошептала она. — Я хотела бы тебя так называть.

— Э... послушай...

Она потерлась головой о его грудь:

— Позволь мне вести себя с тобой по-детски, хоть иногда.

Из-за занавески раздался голос ютоаза:

— Богиня, господин Ху просит разрешения войти.

— Проклятье, — пробормотала Сторм. — Я отделаюсь от него, как только смогу... Пусть войдет, — добавила она громко.

Худощавый и стройный в своей зеленой форме, вошел с поклоном Ху.

— Я прошу прощения, сияющая, — сказал он. — Но я только что совершил воздушный облет.

Сторм напряглась:

— И что?

— Скорее всего это ничего не означает, но я видел довольно большую флотилию, пересекающую Северное море. Ведущее судно — иберийское, остальные — лодки, обтянутые кожей. Я никогда не слышал о такой комбинации. Они определенно направляются из Англии в Данию.

— В это время года?

Локридж вылетел у Сторм из головы. Она забыла о нем и одиноко стояла в холодном свете.

— Да, сияющая, это еще один парадокс, — сказал Ху. — Мне не удалось обнаружить никакого продвинутого оборудования. Если и есть что-то такое, то в ничтожном количестве. Но они будут здесь через день-два.

— Какая-нибудь операция Патруля? Или местные искатели приключений? Сейчас такие времена, что аборигены сами стремятся к новому. — Сторм нахмурилась. — Все же мне лучше взглянуть самой.

Она достала свой гравипояс и закрепила его на талии; энергопистолет висел у нее на бедре.

— Ты вполне можешь побыть здесь и отдохнуть, Малькольм. Это не займет много времени, — сказала она и вышла вместе с Ху.

Некоторое время Локридж возбужденно ходил по комнате. В ночи завывал ветер, но он слышал лишь пронзительную тишину внутри. А боги, так неуклюже и с такой ненавистью вырубленные в деревянных столбах, — смотрели ли они на него?

«Господи, — думал он, — Господи, что должен человек делать, если он не может помочь тому, кто его любит? Где истина?

Женщина спустя шесть тысяч лет рассказывала, что ее сын был заживо сожжен. Однако она была уверена, что это во благо. Ведь была же!»

Локридж резко остановился. Он чуть было не прошел сквозь сотканный из абсолютной темноты занавес. Брэнн мучился и умер за ним. Он внутренне содрогнулся. Зачем они оставили эту штуку?

Почему он не спросил?

Локридж признался себе, что ему не хотелось спрашивать. И шагнул вперед.

Этот конец дома не был заново обставлен — тот же грунтовой пол, слой пыли на покрытых шкурами лавках. Освещалась эта часть комнаты единственным светящимся шаром; по углам лежали тени. Звуки тоже не проникали через черную завесу. Ветра не было слышно. Локридж стоял в полной тишине.

Тот, кто лежал на столе, присоединенный проводами к устройству, пошевелился и слабо застонал.

— Нет! — пронзительно вскрикнул Локридж и выбежал вон.

Прошло немало времени, прежде чем он сумел остановить рыдания и нашел в себе мужество вернуться. Поступить иначе он не мог. Брэнн, который сражался как мог за свой народ, не умер.

От него почти ничего не осталось: иссохшая кожа обтягивала большие выгнутые кости. Через трубки вводились питательные вещества, не дававшие распасться организму. Электроды пронизывали череп, раздражали мозг и фиксировали полученную из него информацию. С целью, видимо, стимуляции веки были обрезаны, и глаза должны были непрерывно смотреть на падающий сверху свет.

— Я не знал. — По щекам Локриджа текли слезы. Язык и губы на оставшемся от лица остове силились что-то произнести. У Локриджа не было диаглоссы для эпохи Брэнна, но он мог догадаться, что еще не разрушенная, последняя частичка его личности молила: «Убей меня!»

«И в это время совсем рядом, за занавеской, — подумал Локридж, — мы с нею...»

Он протянул руку к аппарату.

— Стой! Что ты делаешь?

Он обернулся очень медленно и увидел Сторм и Ху. Энергетический пистолет был нацелен ему в живот.

— Я не хотела тебя расстраивать, — быстро проговорила Сторм. — Чтобы извлечь самые глубокие следы памяти, нужно действительно немало времени. Головного мозга у него уже почти не осталось; в сущности, он практически то же, что червяк, так что не стоит испытывать к нему жалость. Вспомни, он начал делать со мной то же самое.

— Разве это извиняет тебя?! — крикнул Локридж.

— А разве Пирл Харбор извиняет Хиросиму? — ответила она с издевкой.

Впервые за всю свою жизнь Локридж сказал женщине откровенную грубость:

— Иди ты на хрен со своими сучьими оправданиями! — Он задыхался от злости. — Я знаю, на что ты жила в моей стране, — убивала моих соотечественников, я знаю, что Джон и Мэри

хотели дать мне возможность самому убедиться в том, как ты управляешь своей страной. Сколько тебе лет? Я и об этом слышал достаточно. Чтобы совершить все твои преступления, понадобилась бы не одна сотня лет — твоего личного времени. Потому-то они и точат на тебя зубы — там, во дворце, — потому что все хотят быть Кориокой: она становится бессмертной. В то время как мать Олы в сорок лет — уже старуха.

— Прекрати! — закричала Сторм.

Локридж сплюнул.

— Я не хочу думать о том, сколько любовников у тебя было, и о том, что я был просто вещью, которой ты пользовалась, — продолжал он. — Но тебе не удастся использовать Аури, понятно? Или ее народ. Никого. И пошла ты к черту — в преисподнюю, из которой явилась!

— Достаточно, — сказал Ху и поднял пистолет.

Глава 20

Дождь пошел перед восходом солнца. Локридж проснулся и услышал его шум — приглушенный торфяной крышей хижины, где он лежал, громкий там, где капли капали на грязную землю. Сквозь решетку, закрывавшую дверной проем, он увидел пастбище, где сгрудились коровы ютоазов, насквозь промокшие, как и их пастухи. Увядавшие листья один за другим срывались с дуба под струями воды. Из стоящей на отшибе хижины Локридж не мог видеть ни остальной части деревни, ни залива. Это еще усиливало в нем ощущение обособленности, которая и без того казалась ему полной.

Ему не хотелось снова надевать униформу Хранителя, но, когда он вылез из-под накрывавших его шкур, воздух оказался слишком холодным и сырым. «Надо попросить одежду Оругарэй или хотя бы ютоазов, — подумал он. — Наверно, она мне в этом не откажет, прежде чем...»

Прежде чем она сделает что?

Локридж раздраженно потрянул головой. Ему удалось поспать несколько часов после того, как его поместили сюда, и теперь он должен быть в состоянии сохранять мужество.

Это было, однако, не так-то легко, когда в одну ночь разбились все его представления. Понять истинную сущность Сторм и того дела, за которое она борется... что ж, у него было для этого достаточно информации, просто нужно было разобратся в ней как следует, а он уклонялся от своего долга, пока наконец не увидел Брэнна и не сорвался с поводка, на котором

она его таскала. И узнать, что она собирается сделать с этим народом, который он успел так полюбить, — это была слишком глубокая рана.

«Бедная Аури, — думал он в окутавшей его пустоте. — Бедный Уитукар».

Станным образом воспоминание об Аури оказалось целительным. Возможно, он еще сможет что-то сделать для нее — если уж не для других. Может быть, ей удастся спрятаться на судне направляющейся сюда флотилии. Очевидно, это была совместная иберийско-британская экспедиция, судя по некоторым замечаниям, которыми обменивались Сторм и Ху, наблюдая за подготовкой тюрьмы для Локриджа. Размер флотилии и ее состав были уникальными, но в Англии в это время, оказывается, происходили весьма важные события, одним из последствий которых вполне могло быть основание Стоунхенджа. Сторм была слишком занята, чтобы уделять флотилии особое внимание. Ей хватило того, что все, кто находился на борту, когда их рассматривали через инфракрасные увеличители, оказались людьми архаического расового типа; никаких агентов из будущего не было. Конечно, в такую погоду флотилия, без сомнения, ляжет в дрейф и придет на день-другой позже. Локриджа могло уже не быть здесь. Но он может, если получится, изыскать способ донести идею побега до Аури.

Появившаяся цель несколько подняла его дух. Он подошел к двери и высунул голову между перевязанных ремнями шестов. На страже стояли четверо ютоазов, закутанных в кожаные плащи. Они отодвинулись, подняв оружие и начертав в воздухе знаки, хранящие от злых сил.

— Привет, ребята, — сказал Локридж. Сторм позволила ему оставить диаглоссы. — Я хочу попросить вас об одолжении.

Взводный нашел в себе силы хмуро ответить:

— Что можем мы сделать для того, кто вызвал Ее гнев, кроме как сторожить его, как нам приказано?

— Вы можете передать мое послание. Я всего-навсего хочу увидеть друга.

— Сюда никто не допускается. Так распорядилась Она. Нам уже пришлось прогнать одну девчонку.

Локридж стиснул зубы. Естественно, Аури слышала новость. Множество людей провожало его испуганными глазами, когда накануне вечером, при свете факелов, он шагал под нацеленными на него копьями ютоазов. «Ты, Сторм, — подумал он, — дьявол в женском обличье. В той тюрьме, из которой ты меня вызволила, ко мне пускали посетителей».

— Ладно, — сказал Локридж, — тогда я хочу видеть Богиню.

— Хо-хо-хо! — засмеялся воин. — Ты хочешь, чтоб мы общили ей, что ты желаешь, чтоб она пришла?

— Ведь ты же можешь сказать ей, со всем необходимым почтением, что я очень прошу ее о встрече. Когда вас сменят, если раньше никак.

— Зачем нам это? Она знает, что ей делать.

— Послушай, ты, свинья, — сказал Локридж, изобразив на лице усмешку, — может быть, я и в немилости, но не лишился всех своих сил. Ты сделаешь, как я сказал, или я сделаю так, что у тебя будет гнить и отваливаться от костей мясо. Тогда тебе так или иначе придется молить о помощи Богиню.

Они сразу же залебезили перед ним. Локридж увидел перед собой призрак того общества, которое собиралась создать Сторм.

— Отправляйся! — сказал он. — И по дороге захвати мне чего-нибудь на завтрак.

— Я... я не могу. Никто из нас не может уйти с поста без разрешения. Но погоди. — Взводный вытащил из-под плаща рог и протрубил в него; глухой и печальный звук полетел сквозь дождь.

Вскоре появилась группа молодых ребят с топорами. Рассказав им, в чем дело, начальник послал их с поручением Локриджа.

Это была очень маленькая победа, но и она вселила в него чуть-чуть надежды. С неожиданным аппетитом он набросился на серый хлеб и жареную свинину. «Сторм может меня сломать, — думал он, — но для этого ей понадобится аппарат для зондирования мозга».

Он даже не удивился, когда она пришла часа через два. Его удивило то, что сердце его, как и прежде, забилось быстрее при виде ее. Она гордо ступала по земле, в полном облачении, высокая и гибкая, и все такая же красивая. В руке у нее был посох Мудрой Женщины, за ней следовала дюжина ютоазов, среди которых Локридж узнал Уитукара. Ее энергопояс поддерживал над ней невидимый щит, с которого каскадом низвергались потоки дождя, так, что она была окружена серебряным водопадом, — nereida и морская королева.

Сторм остановилась у его хижины; в ее взгляде больше всего было грусти.

— Что ж, Малькольм, — сказала она по-английски, — мне кажется, я должна была прийти, раз ты просил.

— Боюсь, что я никогда больше не примчусь на твой свист, милая, — ответил он ей. — Так жаль. Я был прямо-таки горд, что принадлежу тебе.

— И больше нет?

— И рад бы, да не могу. — Он покачал головой.

— Я знаю. Такой уж ты человек. Будь ты другим, мне было бы не так больно.

— Что ты собираешься делать? Расстрелять меня?

— Я пытаюсь найти иной вариант. Ты даже не представляешь себе, как я стараюсь.

— Послушай, — сказал он с безумной, сладкой и обреченной надеждой, — ты можешь отказаться от этого проекта. Бросить войну во времени. Почему бы нет?

— Нет, — ответила она с мрачной гордостью. — Я — Кори-ока.

Сказать на это было нечего.

Вокруг них шумел дождь.

— Ху хотел убить тебя сразу, — продолжала Сторм. — Ты — орудие судьбы, и если ты стал нашим врагом, можно ли рисковать, оставляя тебя в живых? Но я возразила: твоя смерть может быть тем самым событием, которое необходимо для... для чего? — от ее решительности почти ничего не осталось; она одиноко стояла, окруженная туманной стеной водопада. — Мы не знаем. Я думала — с какой радостью я думала, когда ты вернулся ко мне, — что ты будешь мечом моей победы. Теперь я не знаю, кто ты. Что бы я ни сделала, все может привести к краху. Или принести успех — кто знает? Я знаю только, что ты — судьба и что я очень хочу спасти тебя. Ты позволишь мне?

Локридж посмотрел в колдовские зеленые глаза.

— Они в далеком будущем были правы, — сказал он, испытывая острую жалость. — Знание судьбы превращает нас в рабов. Ты слишком хороша для этого, Сторм. Или нет, не хороша — и не плоха; может, тут даже не какое-то человеческое качество, нет, — но с тобой не должно было бы так случиться.

Слезы ли он увидел? Из-за дождя он не был уверен. Во всяком случае голос ее был тверд:

— Если я решу, что ты должен умереть, я сделаю это сама, быстро и аккуратно; и ты будешь погребен в дольмене, в том, где ворота, — с воинскими почестями. Но я очень надеюсь, что в этом не возникнет необходимости.

Борясь с колдовством более древним и могучим, чем силы, данные ей ее извращенным миром, он спросил:

— Пока я жду, могу я попрощаться или поговорить с несколькими друзьями?

Тут ее гнев вырвался наружу. Она с силой воткнула посох в грязь и закричала:

— Аури! Нет! Завтра ты увидишь ее свадьбу — вон там, в лагере. Мы поговорим с тобой после, и тогда посмотрим, действительно ли ты тот жалкий идиот, которого из себя строишь!

Резко повернувшись, так, что взметнулись ее мантия и плащ, она пошла прочь от дома.

Эскорт последовал за ней. Уитукар отстал от него. Караульный попытался остановить его, но Уитукар оттолкнул его, подошел к двери и протянул руку.

— Ты по-прежнему мне брат, Малькольм, — сказал он своим грубым голосом. — Я поговорю с Ней о тебе.

Локридж пожал протянутую руку.

— Спасибо, — пробормотал он. В глазах его стояли слезы. — Ты одно можешь для меня сделать: будь добр с Аури, хорошо? Позволь ей остаться свободной женщиной.

— Насколько это будет в моих силах. Мы назовем сына в честь тебя и станем делать жертвоприношения на твоей могиле, если до этого дойдет. Но я надеюсь, что нет. Да будет с тобой удача, друг.

Ютоаз ушел.

Локридж сел на топчан. В задумчивости смотрел он на дождь; мысли его были долгими и горькими и никого больше не касались.

Ближе к полудню ливень прекратился, но солнце не выглянуло. Вместо этого начал подниматься туман, и мир за стенами превратился в серую, мокрую, бесформенную массу. Иногда слышались голоса, конское ржание, мычание коров, но звуки были глухими и отдаленными, как будто жизнь отодвинулась от него. Воздух был таким холодным и сырым, что в конце концов Локридж снова забрался под одеяло. Усталость сморила его; он уснул.

Ему снились странные сны. Когда он проснулся — понемногу, дюйм за дюймом сбрасывая сон, — он не сразу понял, что уже не спит: действительность и то, что ему привиделось, запутанно переплелись в его сознании. Он потерпел кораблекрушение в океане, черном, словно волосы Сторм; мимо пролетела Аури, выкрикивая имя его матери; звук рога призывал гончих псов; он погрузился в зеленую глубину и услышал звон кующегося оружия, с трудом вырвался назад — туда, где сверкали молнии; его поразило раскатом грома, и — он оказался в

хижине, где царил темнота; сумеречный полумрак пробирался сквозь туман, слышались возгласы людей и лязг оружия...

Это был не сон!

Локридж вскочил с постели и подбежал к двери, начал трясти прутья решетки и громко кричать в клубящуюся серую муть:

— Что случилось? Куда все подевались? Да выпустите же меня, мать вашу! Сторм!

Сквозь непроглядный туман доносился бой барабанов. Прогремел рев ютоаза, протопали мимо копыта; стучали колеса, скрипели оси. Повсюду орали воины, призывая друг друга. Где-то вдали раздался пронзительный женский вопль, перекрытый грохотом каменного оружия, звоном железа и меди. Локридж услышал зловещий свист выпущенной стрелы.

Из мутной мглы выдвинулись тени — его стражники.

— Какое-то нападение с берега, — мрачно сказал взводный.

— Чего мы ждем, Храно? — воскликнул другой караульный. — Наши дерутся!

— Стой, где стоишь. Наше место здесь, пока Она не даст другого указания.

Послышался топот чьих-то ног.

— Эй ты, кто напал на нас? Как идет бой?

— Люди с моря, — тяжело дыша ответил невидимый в тумане воин. — Они направляются прямо к нашей стоянке. Надо держаться своих знамен. Я иду к моему вождю.

Один из часовых выругался и покинул пост. Взводный тщетно орал ему вслед. Звон оружия стал еще громче: пришельцы сошлись с наспех сформированными отрядами ютоазов.

«Пираты, — решил Локридж. — Вероятно, та флотилия, которую видели Хранители. Больше некому. Значит, они все-таки не легли в дрейф. Вместо этого гребли весь день и всю ночь и высадились под прикрытием тумана чуть в стороне. Да, конечно, какой-то пиратский корабль со Средиземного моря набрал банду аборигенов из местных племен. Англия, насколько я понимаю, им не по зубам, а на другом берегу Северного моря можно разжиться добычей.

Нет. Что они смогут сделать, когда Сторм и Ху начнут стрелять по ним?

И это, пожалуй, к лучшему. Мало страдала Авильдаро, так чтоб ее еще и разорили до тла? Чтобы Аури сделали рабыней?»

Весь в напряжении, Локридж вцепился в решетку, ожидая начала паники, которая наверняка вспыхнет, как только эта банда поймет, что связалась с самой Богиней.

Из тумана внезапно вынырнула человеческая фигура — высокий блондин с горящими глазами. Начальник караула махнул ему рукой, чтоб тот убирался.

— Во имя Марутов, ты, оругарэйский цыпленок, — приказал он, — катись, откуда пришел!

Высокий парень всадил в него гарпун. Взводный зажал руками рану в животе, согнулся и со сдавленным стоном повалился на колени.

Другой охранник зарывал, взметнулся над головой его томагавк. Еще один из деревенских возник за его спиной, накинул ему на шею рыболовную лесу и затянул ее своими здоровенными рыбацкими руками. Голову третьего часового раскроил топор лесоруба.

— Они готовы, девочка! — крикнул высокий и подошел к двери.

Света хватило, чтобы Локридж увидел капли дождя на его бороде; он узнал одного из сыновей Эхегона. Из десятка деревенских жителей, беспокойно ожидавших чуть поодаль, нескольких он знал по именам, остальных в лицо. Двое принимали участие во вчерашней попытке совершить человеческое жертвоприношение. Сегодня они держались как мужчины.

Сын Эхегона достал кремневый нож и принялся перерезать ремни, скрепляющие решетку.

— Скоро ты будешь на свободе, — сказал он, — если никто нас случайно не заметит.

— Что... — начал было Локридж, но он был слишком ошеломлен происходящим, чтобы говорить; он мог только слушать.

— Думаю, нам надо убираться отсюда. Аури целый день шастала по деревне, упрашивала помочь тебе всех, кому могла доверять. Мы боялись сперва, сидели в ее доме и высказывали свои опасения. Но тут появились эти чужеземцы, словно знамение богов, и Аури напомнила нам, какой властью она обладает в подземном мире. Так что лишь бы сражение продлилось еще немного, и мы будем в пути. Нормально жить здесь больше нельзя. — Сын Эхегона с тревогой посмотрел на Локриджа. — Мы делаем это, потому что Аури поклялась, что ты обладаешь силой, чтобы защитить нас от гнева Богини. А она должна знать. Но так ли это?

Прежде чем Локридж успел ответить, перед ним оказалась Аури. Она поздоровалась с ним дрожащим шепотом: ее трясло от холода под копной насквозь мокрых волос. В руке у нее было легкое копье, и Локридж увидел, что она и впрямь стала вполне взрослой женщиной.

— Рысь, ты можешь увести нас отсюда. Я знаю, ты можешь. Скажи, что ты будешь нашим вождем.

— Я не заслуживаю этого, — ответил он. — Я не заслуживаю тебя.

Не подумав, он произнес это по-английски. Аури выпрямилась и сказала с видом королевы:

— Он произносит заклинание, чтобы защитить нас. Он поведет нас туда, где будет лучше всего. Он знает куда.

Ремни упали. Локридж протиснулся между шестами. Его окружил клубящийся туман. Он попытался определить, где в этом сером мраке идет сражение. Судя по всему, оно широким фронтом продвигалось в глубь суши. Значит, на берегу залива сейчас никого не должно быть.

— Туда, — скомандовал Локридж.

Жители деревни подошли ближе, ища у него защиты. Среди них были и женщины с маленькими детьми на руках; дети постарше жались к своим матерям. «Каждый, кто идет на такой риск ради свободы, — подумал он, — имеет право на все, что только я могу дать».

Стоп! Еще одна вещь.

— У меня важное дело в Длинном Доме, — сказал Локридж.

— Рысь! — Аури вцепилась в его руку; в глазах ее была мука. — Ты не можешь!

— Идите на берег к лодкам, — ответил он. — Не забудьте мехи с пресной водой и снаряжение для охоты и ловли рыбы с лодок. К тому времени как вы все подготовите, я буду с вами. Если нет, отправляйтесь без меня.

— В Ее доме? — Сына Эхегона передернуло. — Что тебе нужно там сделать?

— Нечто такое, что... В общем, нам не будет удачи, если я этого не сделаю.

— А я с тобой, — сказала Аури.

— Нет. — Он наклонился и поцеловал ее; мимолетное прикосновение ее губ оставило соленый привкус. Даже в этот краткий миг он ощутил запах ее волос и ее тепло. — Куда угодно, но только не сейчас. Приготовь для меня место в лодке.

Он убежал, прежде чем она успела ответить.

Вокруг него уныло темнели хижины, в полумраке которых лежали охваченные ужасом жители деревни. Пробежала свинья, черная и быстрая. Локридж припомнил, что Она держала свиней, выступая в ипостаси богини смерти. Звуки битвы раздавались совсем близко — дикие крики, топот, звон оружия, свист стрел и глухие удары топоров, настигающих жертву, — он двигался вперед, поглощенный собственной внутренней тишиной.

Как он и рассчитывал, никто не охранял Длинный Дом. Но если Сторм и Ху по-прежнему там... У него не было выбора — Локридж переступил порог.

В комнате было пусто.

Он пробежал мимо приборов и ликов богов. Перед занавесом из темноты Локридж чуть было не остановился. «Нет, — сказал он себе, — ты должен это сделать». И прошел внутрь.

Ему показалось, что он чувствует жар агонии Брэнна. Он вставил в ухо диаглоссу кошмарного будущего и наклонился над ним.

— Я помогу тебе умереть, если хочешь, — сказал он.

— Умоляю тебя, — прошептали высохшие губы мумии.

Локридж отпрянул: Сторм говорила, что у него не осталось разума. Значит, и тут она соврала. Он принялся за дело.

Оружия у него не было, и он не мог перерезать Патрульному горло. Но он вытащил трубки и провода. Почерневшее тело скорчилось с еле слышными жалобными стонами. Крови практически не было.

— Лежи, — сказал Локридж и погладил лоб Брэнна. — Тебе не придется долго ждать. Прощай.

Он отошел, тяжело дыша.

Как только он миновал занавес, его оглушил шум. На одном из флангов сражение откатывалось обратно к деревне. И слышалось шипение энергопистолетов. Вспышки мертвенно-бледного света были видны даже через закрытый шкурами дверной проем. «Вот и конец пиратам, — подумал Локридж. — Если я сейчас же не уберусь отсюда, то мне это уже никогда не удастся!»

Он выбежал на площадь.

Сбоку на ней появился Хранитель Ху.

— Кориока! — кричал он в растерянности и отчаянии. — Кориока, где ты? Мы должны быть вместе, любимая моя... — В руке у него был пистолет, но к всполохам света, игравшим дальше, между хижин, он не имел отношения.

Ху вертел туда-сюда головой, ища свою богиню. Локридж понимал, что не успеет скрыться, даже снова в Длинном Доме, прежде чем тот заметит его. Он рванулся вперед.

Ху увидел его и пронзительно вскрикнул. Он попытался направить пистолет на Локриджа, но тот налетел на Хранителя, и оба покатались по земле, вырывая друг у друга оружие. Ху вцепился в рукоятку пистолета с такой силой, что разжать его пальцы было невозможно. Локриджу удалось выскользнуть из его рук; изловчившись, он оказался у него за спиной. Сжав туловище Ху ногами, он обхватил рукой его шею и резко дернул.

Раздался хруст — такой громкий, что слышно было даже среди окружающего гвалта. Хранитель не двигался. Локридж поднялся и убедился, что противник мертв.

— Мне очень жаль. — Он наклонился, закрыл Ху глаза, потом взял его пистолет и отправился дальше.

У Локриджа мелькнула было мысль найти Сторм — он теперь вооружен так же, как она, — но он решил, что не стоит: слишком рискованно. Какой-нибудь ютоаз вполне может проломить ему голову, в то время как он будет безуспешно пытаться пробиться через ее энергетический щит. И что будет с Аури? Он всем обязан ей и ее родичам, которые ждут его там, на берегу.

Ко всему прочему он не был уверен, что сможет заставить себя выстрелить в Сторм.

Впереди блеснула кромка воды. Локридж разглядел неясные очертания большой обтянутой кожей лодки, покачивающейся на легкой зыби; ее заполнили призрачные фигуры. Аури ждала на берегу. Смеясь и плача, она бросилась к нему. Он позволил ей — и себе — несколько мгновений объятий, затем освободился из ее рук и забрался в лодку.

— Куда теперь? — спросил сын Эхегона.

Локридж оглянулся. Еще можно было разобрать в тумане смутные силуэты домов, размытые очертания рощи, тени людей и лошадей там, где шел бой. «Прощай, Авильдаро! — воскликнул он мысленно. — Да хранит тебя Господь!»

— В Ирил Вэрэй, — ответил он. Они поплывут в Англию.

Глубоко погружались в воду весла. Рулевой монотонно командовал, словно читал молитву Богине Моря; возрожденная Аури рассказала им, что Сторм вовсе не богиня, а ведьма. Хныкал ребенок, тихо плакала женщина; один из отплывающих поднял копьё в знак прощания.

Они обогнули западный мыс, и Авильдаро скрылась с глаз. Милей или около того дальше они разглядели пиратскую фло-

тилию. Обтянутые кожей рыбацьи лодки были вытащены на берег, галера стояла на якоре. Несколько факелов у часовых горели ярко, как звезды, и Локридж видел гордые формы носового украшения, ахтерштевня и реи, нацеленные в небо.

Можно было только удивляться, что эти викинги бронзового века до сих пор еще не обратились в беспорядочное бегство. Наверняка Сторм и Ху разделились для того, чтобы собрать вокруг своих лучевых пистолетов растерявшихся и разбросанных ютоазов. А потом по какой-то причине Ху пришлось убежать одному. Но все равно Сторм и без него могла... Ладно, все это позади.

Так ли? Ведомая судьбой, она не успокоится, пока не найдет и не уничтожит его. Если он как-нибудь возвратится в свой век... но нет, ее фурии выследят его там быстрее, чем в широком и малонаселенном мире эпохи неолита. Тем более что он взвалил на себя заботу об этих заполнявших лодку людях, чужих ему по крови, но которых он не мог оставить в беде.

У него появились сомнения в правильности выбора им Англии. Локридж знал, что и другие каменщики мегалита бегут туда из Дании. Можно было присоединиться к ним и провести остаток дней в страхе. Он не хотел предлагать Аури такую жизнь.

— Рысь, — прошептала девушка ему на ухо, — я не должна чувствовать себя счастливой — правда ведь? Но я счастлива.

Это была не Сторм Дарроуэй. Ну и что с того? Он привлек ее к себе. «Она — тоже судьба», — подумал Локридж. Может быть, Джон и Мэри всего-навсего того и хотели, чтобы она передала по наследству человечеству это соединение отваги и нежности. В нем самом нет ничего особенного, но в ее сыновьях и дочерях вполне может быть.

Локридж понял, что нужно делать.

Он так долго сидел в неподвижности, что Аури даже испугалась:

— С тобой все в порядке, любимый?

— Да, — ответил он и поцеловал ее.

Всю ночь беглецы двигались вперед — медленно, из-за темноты, — но каждый взмах весла был маленькой победой. На заре они вошли в птичьи болота и спрятались, чтобы отдохнуть. Позже мужчины охотились, ловили рыбу, наполнили водой мехи. Легкий северо-восточный ветерок унес туман, и следующим вечером звезды ярко сияли. Поскольку видимость была хорошей, по указанию Локриджа поставили мачту и развернули парус. К утру они были в открытом море.

Плавание прошло в холоде и тесноте и оказалось весьма опасным. Никто, кроме людей Тенил Оругарэй, не смог бы выдержать такого шторма, в какой они попали, на этой хрупкой посудине, битком набитой людьми. Несмотря на все мучения, Локридж был доволен: когда Кориока не найдет его, она может решить, что он утонул, и прекратит поиски.

Интересно, будет ли она сожалеть? Или ее чувства к нему были очередной ложью?

Наконец, через много дней, они увидели перед собой расцвеченные осенними красками низины Восточной Англии. Просоленные, обветренные, голодные и измученные, они вытащили лодку на берег и с жадностью набросились на чудную воду обнаруженного ими родника.

Бывшие жители Авильдари думали, что найдут на побережье какую-нибудь общину, которая примет их. Но Локридж решил иначе.

— Я знаю лучшее место, — сообщил он. — Чтобы попасть туда, нам придется совершить путешествие через подземный мир, но зато там мы сможем не опасаться злой колдуньи. Что вы предпочитаете: прятаться, подобно зверям, или быть свободными людьми?

— Мы пойдем за тобой, Рысь, — ответил сын Эхегона.

Путь их лежал через всю страну. Двигались довольно медленно: с ними шли маленькие дети, кроме того, нужно было охотиться для пропитания. Локридж начал испытывать нетерпение, волнуясь, что они могут достигнуть цели слишком поздно. Аuri мучилась нетерпением другого рода.

— Мы теперь на берегу, мой любимый, — сказала она. — А вон там — прекрасный мягкий мох.

Локридж устало улыбнулся:

— Только тогда, крошка, когда доберемся. — И очень серьезно добавил: — Ты слишком много для меня значишь.

Она взглянула на него сияющими глазами.

В конце концов по затянутым льдом болотам они выбрались на остров, который окрестные племена избегали. Местные жители рассказали Локриджу — когда путешественники как-то остановились на ночлег в одной из деревень, что он заколдован. От них Локридж узнал точное направление.

Под облетевшими деревьями стояла кое-как сделанная пристройка. Ожидавший их человек держал в руке меч. Он был высокого роста, с огромным, как паровой котел, животом; седые волосы и борода обрамляли рябое помятое лицо.

Радость охватила Локриджа.

— Йеспер, ты, старый черт! — закричал он.

Они обнялись, хлопая друг друга по спине. Вставив в ухо диаглоссу XVI века, Локридж спросил, что все это означает.

Датчанин пожал плечами:

— Меня доставили сюда со всеми сражавшимися ребятами. Магистр колдунов спросил, кто согласится посторожить ворота, — последний, мол, этап, совсем недолго. Я вызвался: почему не послужить своей прекрасной Богине? Вот и сижу здесь, стреляю помаленьку уток, другую живность — для развлечения. Если что-то случится, я должен сделать что-то с машиной, там, внизу, и Она узнает. Но ничего такого не произошло, а вас я принял за обыкновенных дикарей и никаких сообщений не отправлял. Думал, куда забавнее будет напугать вас до смерти, чтоб сами убрались... Как я рад снова видеть тебя, Малькольм.

— Но срок, на который тебя здесь оставили, скоро ведь кончается, так?

— Да, через несколько дней. Священник Маркус сказал мне, что нужно смотреть на часы и непременно убираться отсюда, когда подойдет время, иначе ворота исчезнут и я застряну здесь. Я должен добраться до других ворот, а оттуда меня по воздуху перенесут домой.

Локридж сочувственно посмотрел на Фледелиуса:

— В Данию?

— Куда же еще?

— Я здесь по секретному заданию Богини. Настолько секретному, что ты никому не должен говорить ни полслова.

— Не волнуйся. Ты можешь мне так же доверять, как я тебе верю.

Локридж поморщился.

— Йеспер, — предложил он, — давай с нами! Когда мы доберемся до цели, я смогу рассказать тебе... ну, просто ты заслуживаешь лучшего, чем жить вне закона под властью тирана. Пошли с нами.

В маленьких, заплывших глазках промелькнула тоска.

— Нет. — Фледелиус покачал головой. — Я благодарю тебя, мой друг, но я дал клятву моей Госпоже и моему королю. Пока меня не схватят судебные исполнители, я каждый год в канун Дня всех Святых буду ждать в гостинице «Золотой Лев».

— Но после того что произошло, ты не сможешь там появиться!

Фледелиус усмехнулся:

— Я найду пути. Юнкеру Эрику не удастся прирезать старого кабана так просто, как он думает.

Люди Локриджа стояли в ожидании, коченея от холода.

— Ну что ж... Нам надо воспользоваться коридором. Я не могу рассказать тебе больше, и помни: никому не слова. Прощай, Йеспер.

— Прощай, Малькольм, и ты, моя девочка. Выпейте за меня иногда стаканчик, ладно?

Локридж повел своих подчиненных под землю.

У него была готова легенда для часового, который, как он предполагал, мог здесь оказаться. В крайнем случае пришлось бы воспользоваться энергопистолетом. То, что вход сторожил именно Фледелиус, было большой удачей. Или судьбой? Нет, к черту судьбу. Если вдруг Сторм придет в голову, что беглецы могли избрать этот путь, и она захочет лично допросить датчанина, он, конечно, проговорится; но это было крайне маловероятно, а в любом другом случае он будет держать язык за зубами. Не будь рядом Аури, Локридж и сам бы не подумал о таком варианте.

Он вошел в огненные ворота. Люди Тенил Оругарэй, собрав все свое мужество, последовали за ним.

— Мешкать не стоит, — сказал он. — Давайте получим новое рождение. Держитесь за руки и возвращайтесь вместе со мною в мир.

Локридж вывел их обратно через те же ворота, только с другого края. Это соответствовало тому времени, когда ворота появились, — так же, как им предстояло исчезнуть спустя четверть века.

Ни в аванзале, ни на острове никого не было. С помощью контрольной трубки, которую дал ему Фледелиус, он открыл вход над спуском, потом снова закрыл его. Они очутились среди лета. Болотистая низина зеленела листьями и камышом, блестела вода, слышался птичий гомон; оставалось двадцать пять лет до того, как ему со Сторм предстояло оказаться в неолитической Дании.

— О, какая красота! — выдохнула Аури.

Локридж обратился к своему отряду.

— Вы — Морской народ, — сказал он. — Мы отправимся к морю и будем там жить. Такие люди, как вы, могут в этой стране стать сильными. — Он помолчал. — Что же до меня... Я буду вашим вождем, если вы хотите этого. Но мне придется очень много путешествовать и, возможно, иногда обращаться к вам за помощью. Племена здесь большие и занимают об-

ширную территорию, но они разделены. Нас ожидает новое время, которое идет к нам с юга, поэтому необходимо достигнуть как можно более тесного единства между племенами. В этом моя задача.

Локридж окинул внутренним оком ожидающие его дни, и на минуту ему стало страшно. Он терял так много. Его мать будет плакать, когда он так и не вернется, и это было тяжелее всего; но он сам отказывался от своей страны и своего народа, от всей цивилизации: от Парфенона и Моста Золотых Ворот, от музыки, книг, изысканных блюд, медицины, научного видения мира — от всего хорошего, чему предстояло появиться в следующие четыре тысячелетия, — ради того, чтобы стать, самое большое, вождем племени в каменном веке. Он всегда будет здесь одиноким.

Но все это поможет ему, подумал Локридж, внушить страх и укрепить власть. С его знаниями он сможет многое сделать — не в качестве завоевателя, а для объединения, обучения, развития целительства, создания законов. Может быть, ему удастся заложить фундамент того, что устоит против зла, которое принесет с собою Сторм.

Это была его судьба. И оставалось только принять ее.

Он окинул взглядом горсточку своих людей — семена того, что грядет.

— Вы поможете мне?

— Да, — сказала Аури, вложив в ответ все свое существо.

Глава 21

И летели годы, пока снова не настал день, когда дождь сменился туманом и войны с запада под его прикрытием поднялись вверх по Лимфьорду к Авильдаро.

Тот, кого они называли Рысью, стоял на носу галеры — мужчина старше годами большинства своих спутников, с седыми волосами и бородой, но все еще такой же крепкий, как и четверо его взрослых сыновей, стоящих рядом. Все были вооружены и облачены в сверкающие бронзовые доспехи. Они вглядывались в береговую линию, очертания которой неясно проступали в просачивающемся сквозь клубящийся в воздухе пар тусклом свете, пока отец не сказал:

— Здесь мы высадимся.

Горячность шестнадцатилетнего юноши звучала в голосе Ястреба, сына Аури, когда он передавал команду. Стих плеск весел и скрип уключин. За борт полетел каменный якорь.

Люди двинулись по кораблю к корме, бряцая боевым снаряжением, и попрыгали в холодную, доходящую до плеч воду. Лодки их союзников, вооруженных кремневым оружием, дошли до мелководья, коснулись дна и были вытащены на берег.

— Пусть ведет себя тихо, — сказала Рысь. — Нас не должны услышать.

Капитан кивнул.

— Эй вы, отставить шум! — приказал он своим матросам.

Они, как и он, были иберийцами, с горбатыми носами и крутыми головами, меньше ростом и тоньше, чем светло-волосые представители племен, населяющих Британию; обуздать их, заставить вести себя спокойно было нелегко: даже ему, капитану, цивилизованному человеку, не раз бывавшему в Египте и на Крите, не без труда удалось уяснить, что им предстоит не пиратский рейд.

— У меня собрано достаточно олова и шкур, чтобы десять раз отплатить ваше путешествие, — говорил ему вождь по имени Рысь. — Все будет ваше, если вы поможете. Но мы выступаем против колдуньи, которая умеет метать молнии. Хотя я могу делать то же самое, не будут ли твои люди слишком напуганы? Кроме того, мы идем не грабить, а освобождать моих родичей. Тебе и твоим ребятам достаточно будет моей платы?

Капитан поклялся Тою, которой он, как и все эти могущественные варвары, поклонялся, что платы будет достаточно. И он был искренен. Было что-то в глядевших на Локриджа голубых глазах, что говорило о благородстве, достойном Миноса Кносского.

Тем не менее... «Что ж, — подумал Локридж, — нам просто придется разыграть то, что было. Что означает освобождение. Сегодня я выхожу из-под власти судьбы.

Хотя я отнюдь не могу пожаловаться на время, проведенное в Англии. Моя жизнь была лучше, счастливее и полезнее, чем я мог мечтать».

Он прошел на корму. Аури стояла за ютом, рядом с каютой. Вместе с нею ждали остальные их дети: трое девочек и мальчик, который был еще слишком мал, чтобы принять участие в сражении. В этом отношении им так же сопутствовала удача — лишь одно крошечное тельце обрело покой в дольмене. Боги и в самом деле любили ее.

Высокая, с фигурой зрелой женщины и падающими на ее критское платье волосами, почти такими же ярко-светлыми, как в юности, — она посмотрела на своего мужа глазами, в

которых поблескивали слезинки. За четверть века, которые ей пришлось быть его правой рукой, она обрела истинное величие.

— Счастливо тебе, мой любимый, — сказала она.

— Это ненадолго. Как только мы победим, мы сможем вернуться домой.

— Ты дал мне дом за морем. Если ты погибнешь...

— Тогда возвращайся, ради них. — Он приласкал детей, всех по очереди. — Правь Вестхейвеном, как мы это делали до сих пор. Народ будет ликовать. — Он выдавил улыбку. — Но со мной ничего не случится.

— Это будет странно, — медленно проговорила она, — увидеть, как мимо проплываем мы сами, молодые. Жаль, что тебя в это время не будет со мной.

— Тебе будет больно смотреть на них?

— Нет. Я подарю им нашу любовь и буду радоваться тому, что ожидает их впереди.

Аури была единственной, кто мог понять, что происходит со временем. Для остальных людей Тенил Оругарэй это была магия; она вызывала у них тревогу, и они старались думать о ней как можно меньше. Правда, именно с ее помощью они оказались в прекрасной стране, и они были благодарны; но пусть бремя колдовства несет Рысь: ведь он король.

Локридж и Аури поцеловались, и он оставил ее.

Добравшись вброд до берега, он оказался окруженным своими людьми. Несколько из них родились в Авильдаро, в момент бегства они были маленькими детьми. Остальных собрали с половины Британии.

Это была его работа. Он не пошел назад в Восточную Англию: слухи о нем могли распространиться через море и достигнуть ушей Сторм Дарроуэй, когда она появится. Вместо этого он повел свой отряд в красивую землю, которую позднее должны были назвать Корнуэллом. Там они пахали и сеяли, охотились и рыбачили, любили и приносили жертвы — так же беспечно, как и прежде; однако понемногу, шаг за шагом, Локридж показывал, как много выгоды могут дать оловянные рудники и торговля; он набирал новых людей из окрестных кочевых племен, вводил новые методы работы и образ жизни, — пока Вестхейвен не стал известен от Скара-Брэ до Мемфиса как богатое и могучее королевство. Одновременно он заключил союзы — с изготовителями топоров Лангдэйл-Пайка, с жителями долины Темзы, даже с угрюмыми пахарями с холмов, которых ему удалось убедить, что человекоубийство неуютно

богам. Теперь шли разговоры о том, чтобы воздвигнуть на Солсберийской равнине огромный храм как знак и залог дружбы. Поэтому он мог их оставить; он смог также отобрать сотню охотников для битвы на востоке из очень многих, желавших отправиться с ним.

— Стройтесь в ряды, — приказал Локридж. — Вперед.

Северяне и южане построились, как он их обучил, и двинулись к Авильдаро.

Они шли в промозглом полумраке: тишину нарушали только шаги да вопли кроншнепов. Он чувствовал, как у него сжимается горло и учащенно бьется сердце. «Сторм, — думал он, — Сторм, я возвращаюсь к тебе».

За двадцать лет ее образ не потускнел в его памяти. Он похудел и поседел; горести и радости целого поколения пролегли между ним и ею, но он по-прежнему помнил черные локоны, зеленые глаза, янтарную кожу, губы, когда-то прижимавшиеся к его губам. Неохотно, шаг за шагом, осознавал он свое предопределение. Север должен быть спасен от нее. Человечество должно быть спасено. Без Брэнна она может привести своих Хранителей к победе. Но ни Хранители, ни Патруль не должны одержать верх. Нужно, чтобы они изматывали друг друга до тех пор, пока то хорошее, что есть у тех и других, не возвысится над облаками всего дурного, и тогда мир Джона и Мэри сможет обрести форму.

И все же в действительности он не был Рысью — мудрым и неуязвимым. Он был всего-навсего Малькольмом Локриджем, который когда-то любил Сторм Дарроуэй. Ему пришлось выдержать с собой нелегкую борьбу, чтобы остаться верным Аури и не пытаться отступить от предопределенного решения идти против Кориоки.

Неслышно вернулся из разведки Ястреб.

— В деревне я видел мало народу, отец, — сказал он. — Никто не был похож на ютоазов, насколько я могу судить по тому, что ты о них рассказывал. Сторожевые костры людей с колесницами еле видны в тумане, и большинство лежит, укутавшись от холода.

— Отлично. — Локридж был рад действию. — Отряды теперь разделятся, каждый отправится на свою часть луга.

К нему подошли командиры, и он дал им подробные указания. Одна за другой, группы исчезали в полумраке, пока он не остался с двумя десятками воинов. Локридж пересчитал их щиты из буйволовой кожи и кремневые наконечники копий, поднял руку и сказал:

— Наша задача самая трудная. Нам предстоит встретиться с самой колдуньей. Я еще раз заверяю вас, что моя магия так же сильна, как и ее. Но любой, кто боится стать свидетелем нашего поединка, может уйти.

— Долго вел ты нас и всегда оказывался прав! — прогремел голос одного из жителей холмов. — Я верен своей клятве. — Возбужденный гул одобрения прокатился по рядам.

— Тогда за мной.

Они нашли тропинку, ведущую к священной роще. Когда начался бой, Сторм и ее помощники из Длинного Дома должны пойти этим путем.

Крики прорезали туманную мглу.

Локридж остановился возле деревьев, с листьев которых капала вода. Шум справа все усиливался: трубили рога, ржали лошади, гикали и хрипло орали люди, звенела натянутая тетива луков, скрипели колеса; слышались удары топоров.

— Когда же она наконец появится? — прошептал его сын Стрела.

Локридж был напряжен до предела. Не было никакой гарантии успеха. Одним энергопистолетом можно было уничтожить множество людей, а против той штуки, что была у него в руке, их было целых два.

Со стороны Авильдаро донесся топот ног. Из тумана вынырнула дюжина ютоазов. Они потрясали поднятым оружием, их лица были искажены от ярости. Впереди бежал Ху.

«В этот раз мне не придется тебя убивать», — с дрожью подумал Локридж.

Увидев их, ошеломленный Хранитель резко остановился и поднял пистолет.

Из того же самого оружия в руке Локриджа вырвался поток энергии, встретившийся с таким же потоком. Красный, зеленый, желтый, мертвенно-голубой огонь смешались с туманной сыростью. Ютоазы бросились на бриттов, отступивших назад в страхе перед сверхъестественным.

— Кориока! — завопил Ху, перекрывая шипение сталкивающейся энергии. — Это Патруль.

Он не узнал Локриджа в стоящем перед ним человеке. А меньше чем через час он будет лежать мертвый перед Длинным Домом. Локридж застыл в ужасе от этой мысли. Ху приблизился, зарычал и взмахнул томагавком ютоаз. Тот житель холмов, что говорил о верности своей клятве, упал. Это вывело Локриджа из оцепенения.

— Народ Вестхейвена! — громко крикнул он. — Вперед за своих родных!

Стрела прыгнула вперед. Блеснул огнем его бронзовый меч и, найдя цель, вернулся окровавленный. Ястреб получил удар по шлему, который зазвенел почти так же, как его смех, раздавшийся, когда он нанес ответный удар. Их братья, Пастух и Милое Солнце, присоединились к ним, а за ними и остальные. Численно они превосходили людей Боевого Топора, и сражение было коротким и безжалостным.

Локридж нацелил клинок на Ху. Тот, увидев, что его отряд разбит, поднялся в воздух и затерялся в клубах тумана. Слышно было, как он зовет Сторм, пронзительно крича над охваченными битвой лугами.

«Значит, она прошла другой дорогой, — думал Локридж. — Она уже там».

— Туда, по этому пути! — скомандовал он.

Вышли на луг. Раскачиваясь, прямо в шеренгу его воинов неслась колесница. Обученные им, они не двинулись с места, пока она не подкатила почти вплотную, потом расступились и с боков вонзили копья в вождя. Лишившись хозяина, лошади ускакали и исчезли в белесой мгле. Бритты атаковали ютоазов, бежавших за колесницей. Локриджу все это казалось чем-то вроде театра теней. Он искал Сторм.

Он шел со своим отрядом по полю брани. Время от времени можно было увидеть фрагменты битвы. Ютоаз раскроил череп воину из Вестхейвена и был тут же разрублен на куски иберийцем. Двое людей катались в грязи, как собаки, пытаясь вцепиться друг другу в горло. Юноша, которого звали Туно, лежал, раскинув руки, в луже крови, глядя пустыми глазами в затянутое пеленой тумана небо. Локридж быстро прошел мимо. Ножны хлопали по ноге. Шлем и латы вдруг показались очень тяжелыми.

Спустя какой-то отрезок вечности он услышал крики. Группа людей из его войска неслась прыжками, плотно сжав губы и стараясь не поддаваться панике. Локридж окликнул их командира.

— Мы встретились с ней на окраине селения, — объяснил тот, задыхаясь. — Ее огонь убил троих прежде, чем мы смогли скрыться.

Они не удрали с поля боя. Они выполняли его инструкции, согласно которым должны были отступать и искать другого противника. Локридж бросился в ту сторону, откуда они появились.

Прежде всего он услышал ее голос:

— Ты, ты и ты. Разыщите вождей клана. Пусть явятся ко мне. Я буду ждать здесь, а когда все обсудим и наведем какой-то порядок в наших рядах, мы уничтожим этих морских разбойников. — Ее голос звучал хрипло и прекрасно.

Локридж пошел вперед сквозь клубы тумана. Они, казалось, сами рассыпались, — она очутилась перед ним.

При ней было несколько ютоазов. Били копытами кони, запряженные в колесницу, на которой стоял Уитукар с алебардой на изготовку. Но Сторм стояла одна, впереди. Ее тело Охотницы защищала лишь наброшенная туника; во лбу сиял лунный серп. Мокрые волосы блестели в тусклом свете, лицо было исполнено жизни. Он выстрелил в нее.

Ее реакция была молниеносной. Щит окружил ее. Буря против бури — энергии столкнулись, взаимоуничтожаясь в многоцветном пламени.

— Патрульный, — донесся ее голос через ревушую, внушающую трепет радужную красоту, — иди сюда и погибни.

Локридж понял ее, поскольку впервые за много лет в ушах у него были диаглоссы. Он подошел ближе.

Ее лицо валькирии искажил ужас.

— Малькольм! — раздался пронзительный крик.

Его сыновья звали в бой своих сыновей. Поднялись мечи, копья и томагавки.

Краем глаза Локридж увидел, как длинный топор Уитукара навис над Ястребом. Юноша увернулся, впрыгнул на колесницу и нанес колющий удар. Возница Уитукара — совсем еще мальчик — бросился между клинком и своим господином и упал с мечом в груди; вождь в это время выхватил каменный кинжал. У Ястреба не было времени вытаскивать меч из тела подростка; он обхватил рыжебородого ютоаза руками. Они вместе свалились с колесницы и продолжали борьбу на земле.

И другие вестхейвенцы вступили в схватку. Им противостоял храбрый, умелый враг, который стоял насмерть, щит против щита, отвечая ударом на удар. Темнеющий воздух сотрясся от яростной битвы.

— О, Малькольм, — всхлипнула Сторм, — что сделало с тобой время?

Ему осталось только быть безжалостным; он приблизился к ней с пистолетом в руке, другая рука, в которой нужно было держать меч, оставалась свободной. В любой момент она могла упорхнуть, как Ху. Но превосходящие силы противника теснили ее воинов, и она отступала вместе с ними. Локридж не

мог подобраться к ней через бурлящую вокруг толпу. Когда между ними на краткий миг открывался проход, он стрелял, она выставляла энергетический щит, и ее окружала огненная корона. И снова их разделяли хрипение, тяжелое дыхание, звериная ярость битвы.

Они с боем продвигались между хижин. Над крышами возник черный силуэт Длинного Дома.

Неожиданно Стрела и Милое Солнце прорвали линию обороны ютоазов и ринулись вперед, ногами отпихивая тела убитых. Развернувшись, они ударили с тыла. Их люди заполнили образовавшуюся брешь. Сражение разбилось на небольшие группы, дерущиеся под убогими стенами деревенских лачуг.

Локридж увидел перед собой Сторм и прыгнул. Свет вспыхнул так ярко, что на какое-то время они оба ослепли. Он наугад нанес многоцветной темноте удар ребром ладони; она вскрикнула от боли. Он почувствовал, что пистолет выпал у нее из руки. Чтобы она не успела подняться в воздух со своим поясом, он бросил собственное оружие и крепко обхватил ее.

Они вместе упали. Она защищалась руками, ногтями, коленями, зубами — по ее коже бежали ручейки крови. Все же ему удалось прижать ее к земле своим весом и весом лат. Зрение вернулось к нему. Он посмотрел ей в глаза. Она подняла голову и поцеловала его.

— Нет, — выдохнул он.

— Малькольм, — сказала она; он чувствовал ее горячее дыхание. — Малькольм, я могу сделать тебя снова молодым, ты будешь бессмертным вместе со мной.

Он выругался.

— Я — муж Аури.

— Так ли? — Внезапно она затихла в его руках. — Тогда доставай меч.

— Ты знаешь, что я не могу это сделать.

Он поднялся, снял с нее пояс, помог ей встать и завел ее руки за спину. Она улыбнулась и наклонилась к нему. Сражение вокруг них закончилось. Увидев, что их Богиню взяли в плен, оставшиеся в живых ютоазы побросали оружие и пустились наутек. Раненые стонали и выли, лежа на земле.

— Колдунья в наших руках, — сказал Локридж. Собственный голос казался ему чужим. — Теперь остаются только ее воины.

Подошли с оружием в руках его сыновья. Ему стало стыдно, что он не почувствовал себя счастливым, увидев среди них

Ястреба. Он отпустил Сторм. Исцарапанная, грязная, взятая в плен, она окинула их царственным взором.

— Такой судьбы ты желаешь? — спросила она по-английски.

Локридж не мог выдержать ее взгляда; он опустил глаза и вздохнул:

— Это та судьба, которая у меня есть.

— Неужели ты хоть на секунду решил, что сможешь избежать возмездия?

— Да. Когда от тебя не будет известий, твои шпионы, конечно, появятся и узнают, что произошло. Они не найдут тебя. Они услышат о пиратском рейде, во время которого ты, вероятно, погибла; выяснят, что Патруль тут ни при чем, насколько можно судить по путаным рассказам местных жителей, просто набег вождя из каменного века, который прослышал, что Ютландия переживает трудные времена, увидел в этом свой шанс, и ему так повезло, что шальные стрелы сразили тебя и Ху прежде, чем вы успели прогнать его банду. Более того, твои преемники решат, что с этой эпохой и связываться не стоит. Есть много дел в других местах и других временах; нас оставят в покое.

Некоторое время Сторм стояла молча.

— Ты проникателен, Малькольм, — сказала она наконец. — Каким героем мог бы ты стать для нас.

— Меня это не интересует, — ответил Локридж безжизненным голосом.

Сторм стала разглаживать свою одежду, пока та не стала плотно облегать ее тело.

— А что ты сделаешь со мной? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал он, чувствуя себя несчастным. — Пока ты жива, ты представляешь смертельную опасность. Но я... я не могу причинить тебе вреда. Я так рад, что тебе удалось выжить в этом... — Локридж часто заморгал глазами. — Возможно, мы сможем спрятать тебя где-нибудь, — закончил он хриплым голосом. — С почетом.

Сторм улыбнулась:

— Ты придешь повидаться со мной?

— Лучше не стоит.

— Придешь. Тогда мы сможем поговорить. — Она отодвинула в сторону меч Пастуха, сына Аури, подошла к Локриджу и еще раз поцеловала его. — До свидания, Рысь.

— Уведите ее! — рявкнул он. — Свяжите. Но будьте осторожны: ей нельзя причинить вреда.

— Где держать ее? — спросил Стрела.

Локридж сделал несколько шагов вперед, выйдя на площадь перед Длинным Домом. Лежащее у его ног мертвое тело Ху казалось съезжившимся.

— Там, — решил он. — В ее собственном жилище. Поставьте снаружи охрану. Уберите мертвых и сделайте что можно для раненых.

Он провожал ее взглядом, пока она вместе со стражниками не скрылась в дверном проеме.

Гром битвы отдавался в нем так же, как и биение сердца. Внезапно он почувствовал, что не может больше оставаться на месте, и побежал по деревне, громко крича:

— Люди Авильдаро! Морской народ! Мы пришли, чтобы освободить вас! Колдунья пала. На лугу идет битва за вас. Неужели вы будете валяться и не нанесете ни одного удара? Выходите, если среди вас есть мужчины!

И они вышли — семья за семьей: охотники, рыбаки, рыцари моря; с оружием в руках они столпились вокруг избавителя. Локридж позвал своих сыновей, чтобы они тоже присоединились. Отряд в пятьдесят человек прошел через священную рощу и обрушился на ряды людей Боевого Топора

И разбил их.

Когда осколки последней колесницы упали на землю и последнего ютоаза отогнали в пустошь, Локридж приказал привести к нему всех пленных. В основном эти были женщины и дети, пережившие крушение всех своих надежд. Но Уитукар остался жив. Руки его были связаны за спиной; он узнал Локриджа и проигнорировал его.

В гаснущий костер подбрасывали топливо, пока языки пламени не заплясали в промозглой мгле, так же дико, как отплясывали люди Тенил Оругарэй. Локридж посмотрел на представшую перед ним картину страдания и сказал как можно мягче:

— Вам больше не причинят горя. Завтра вы сможете уйти. Это наша земля, а не ваша. Но один из наших людей отправится с вами, чтобы говорить о мире. Земля широка; нам известны незаселенные местности, которыми вы можете воспользоваться. В середине зимы вожди племени будут держать совет, на котором мы будем искать пути удовлетворения наших общих нужд. Уитукар, я надеюсь, что ты будешь среди них.

Ютоаз упал на колени.

— Господин, — сказал он, — я не знаю, какая странность приключилась с тобой этой ночью. Но мы по-прежнему названные братья, ты и я. Если ты не против.

Локридж поднял его.

— Развяжите. Он наш друг.

Глядя на своих людей, он, Рысь, знал, что труд его не завершен. Вестхейвен построен на надежной основе. В следующие двадцать—тридцать лет — сколько ему будет отпущено — он должен создать аналогичный союз в Дании.

Если бы Сторм...

К нему стремительно подбежал человек и бухнулся ничком на землю.

— Мы не знали! Мы не знали! Мы услышали шум слишком поздно! — причитал он.

Словно пальцы, сжимающиеся в кулак, сомкнулась вокруг Локриджа ночь. Он кликнул факельщиков и бежал всю дорогу до Длинного Дома.

Она лежала в безжалостном свете шаров. Ее красота увяла: нельзя умереть от удушья без того, чтобы не почернела кожа, не высунулся между зубов распухший язык, не вылезли из орбит глаза. Но что-то прежнее осталось — в блестящих волосах и тонких чертах лица, в теле, боровшемся до конца, и связанных руках, когда-то обнимавших его.

Поперек нее лежал труп Брэнна.

«Я забыл о нем, — подумал Локридж. — Я не мог вынести этого воспоминания. Значит, он прошел сквозь занавес, уже почти во власти смерти, — и увидел ее, свою мучительницу, беззащитной...

Сторм, о, моя Сторм!»

Люди Моря стояли в полной тишине, пока их господин плакал.

Локридж велел принести дров. Он сам проводил ее в последний путь: в ногах уложил его верного помощника и одновременно заклятого врага и от факела поджег Длинный Дом. С громким треском высоко в небо взметнулось пламя и стало светло как днем. «Мы построим здесь святилище, — подумал он, — для поклонения той, которую когда-нибудь назовут Марией».

А у него было лишь одно место, куда он мог пойти. В одиночестве он вернулся на судно.

Руки Аури обняли его. Ближе к восходу солнца он обрел успокоение.

И возблагодарил Господа, или судьбу — как бы его ни называли — за помощь.

Наступал бронзовый век — новый век. То, что Локридж видел в своей прошлой, но еще не начавшейся жизни, давало основание верить, что это будет богатая, мирная и счастливая эпоха; возможно, самая счастливая из всех тех, которые человечеству предстоит пережить до наступления того отдаленного будущего, в которое он мельком заглянул. Потому что сохранившиеся и обнаруженные впоследствии реликвии никак не свидетельствовали о сожжениях, убийствах или рабстве. Скорее золотая Колесница Солнца из Трундхольма и рога, чьи изгибы напоминали Ее змей, говорили о том, что северные народы объединились. Широко и далеко будут простираться маршруты их путешествий. Ноги датчан будут ступать по улицам Кносса, моряки будут отправляться из Англии в Аравию. Кто-то может даже достичь Америки, где индейцам предстоит рассказывать о мудром и добром боге и богине по имени Перо Цветка. Но большинство вернется. Ибо где еще жизнь может быть так хороша, как на первой в мире земле, одновременно могучей и свободной?

В конце концов она придет в упадок — перед жестоким веком железа. Однако тысяча счастливых лет — тоже немалое достижение; и дух, порожденный ими, выстоит. На протяжении всех грядущих веков позабытая правда о том, что когда-то многие поколения людей жили в радости, должна ждать и мудро действовать. Те, кто создал окончательное будущее, вполне могут вернуться назад, в королевство, основанное Рысью, и поучиться.

— Аури, — прошептал Локридж, — будь со мной. Помоги мне.

— Всегда, — сказала она.

Содержание

От издательства	7
Долгий путь домой, <i>перевод с английского К. Кузнецова</i>	9
Коридоры времени, <i>перевод с английского А. Соловьева</i>	183

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том двадцать первый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Белевцева*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфелде*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 24.11.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1740.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт, а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.







Долгий путь домой

Из далекого рейса на изменившуюся Землю возвращается древний звездолет. Но на его борту находится существо, чьи загадочные способности могут нарушить равновесие сил в тлеющем конфликте между Землей и Лигой альфы Центавра. И только капитан «Эксплорера», пришелец из далекого прошлого, может найти выход из шпионского треугольника, в котором четыре стороны...

Коридоры времени

Жестокая, пусть и незаметная глазу война кипит на просторах времени. Из далекого будущего противники проникают в прошлое, чтобы упрочить свои позиции в истории. И в эту схватку вмешивается человек двадцатого века...

